

ИВАН ФРАНКО
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

С Е Р И Я
ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕМУАРОВ

Под общей редакцией

В. В. ГРИГОРЕНКО, Н. К. ГУДЗИЯ,
С. А. МАКАШИНА, С. И. МАШИНСКОГО,
Б. С. РЮРИКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1966

ИВАН ФРАНКО

В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА•
1966

8 С
ф 83

Составление, подготовка текста,
вступительная статья и комментарии
М. ПАРХОМЕНКО

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

7—2—2

122—66

И. Франко. Портрет художника З. Павлюка. 1893 г.

И В А Н Ф Р А Н К О

Иван Франко — великий украинский писатель и выдающийся общественный деятель последней четверти XIX — начала XX века. В развитии искусства и духовной культуры украинского народа своей эпохи он оставил поистине неизгладимый след. В этом смысле он мог бы с полным правом сказать своему народу то, что говорит герой его поэмы «Моисей»:

И пойдешь ты дорогой веков,
Моим духом отмечен.

Но так Франко никогда не говорил о себе. Человек исключительной скромности, он был склонен скорее к чрезмерному умалению своих заслуг. И после двадцати пяти лет литературной деятельности, когда уже были созданы те художественные произведения, которые позволяют отнести его к числу великих художников слова, он утверждал, что всех писателей можно разделить на две категории — гениев, творцов новых направлений, и «многочисленную толпу писателей — тружеников, ремесленников, более или менее талантливых, более или менее трудолюбивых, влиятельных, читаемых и заслуженных, однако не достигающих уровня великих мастеров», и относил себя к этой, второй категории.

А главное — Франко никогда не был рабом личной славы. «Я всегда, — говорил он, — держался той мысли: пусть исчезнет мое имя, но пусть растет и развивается украинский народ».

Такие люди не забываются, их имена не исчезают бесследно. Для нас имя Франко созвучно могучим строфам его гимна «Вечному революционеру» — творческому разуму народа; оно пробуждает в каждом следующем поколении новые стремления к преобразованию жизни на самых разумных и гуманных основах. И каждое новое по-

коление будет все полнее осознавать значение его мудрого и вдохновенного, всегда зовущего вперед слова. Потому что идеи революции, беззаветного служения народу питали его поэзию, все художественное творчество, его литературную критику и публицистику. Он один из первых в мировой литературе художественно отобразил роль трудового народа в духовном и материальном прогрессе общества, первый из поэтов и прозаиков в славянских литературах сделал революционного пролетария, борца за освобождение трудящихся, положительным героем своего творчества, художественно отобразил рост революционной сознательности пролетариата и первичные формы его организованной борьбы против капиталистов.

Даже этот крайне неполный перечень его заслуг позволяет говорить о его выдающейся роли в развитии не только украинской, но и мировой литературы. А между тем он был человеком такой многогранности, такого универсального дарования, такого величия души, которые вызвали чувство восторга и у многих его современников, не могших еще осознать все значение его художественного, научного и гражданского подвига. Враги и противники ненавидели его, боялись, но в то же время втайне не могли его не уважать. На торжествах по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности писателя, состоявшихся во Львове в 1898 году, один из галицких общественных деятелей, Владимир Гнатюк, говорил: «Таким человеком мы должны гордиться». На эти торжества не могли не явиться даже некоторые из его врагов и противников. В речи к собравшимся Франко не забыл и о них. «Благодарю, наконец, и моих противников, — сказал он. — За двадцать пять лет моей работы судьба моя никогда не скупилась на них: они толкали меня вперед, не давали мне застояться на одном месте. Я очень хорошо понимаю значение борьбы в процессе развития и благодарен своим противникам и искренне уважаю тех, кто борется со мною честным оружием».

Читатель воспоминаний, собранных в предлагаемом издании, особенно глубоко почувствует истинное величие души писателя-борца, когда узнает, сколько (и каких!) противников было у него и как постоянны, жестоки и беспощадны были они в своей враждебности к нему.

Друзья Ивана Франко не были щедры на похвалы. Зато враги никогда не оставляли его в покое. Особенно злобствовали клерикалы и националисты, лакействующие и перед австрийским правительством в Вене, и перед польскими властями в Галиции. Клеветой на Франко они стремились хотя бы сколько-нибудь принизить его.

Воспоминания о Франко — свидетельство запоздалой признательности украинской (галицкой преимущественно) интеллигенции этому великому человеку, они являются главным образом историей

невзгод, испытаний и страданий, выпавших на долю писателя-революционера и мужественно перенесенных им.

Сын крестьянина, Франко рано лишился отца. Как бы ни был заботлив его отчим, все же девятилетний мальчик не был свободен от горького сознания своего сиротства. Плохо пришлось ему в школе, где тогда учились преимущественно «паньчи». Над его мужицкими манерами и одеждой издевались и учителя и ученики. Его сажали на «ослячу лаву» (так называлась последняя скамья в классе), и только лучшие отметки на переводных экзаменах помогли ему занять место впереди.

Но даже такое детство казалось ему позже, по сравнению с новыми испытаниями, не очень уж тяжелым. По крайней мере, он счел необходимым поправить своих биографов, преувеличивавших, как ему казалось, невзгоды тех лет. Так возникли его «Воспоминания гимназических лет». Читатель найдет их в справочном отделе сборника; они существенно пополняют сравнительно немногочисленные воспоминания современников об этом периоде.

В 1875 году Франко поступил учиться во Львовский университет. Начался период голодной студенческой жизни, разочарований в схоластической университетской науке, а на третьем году он был арестован по обвинению в принадлежности к тайному социалистическому обществу и с 12 июня 1877 по 21 января 1878 года просидел в тюрьме. В воспоминаниях современников и автобиографических заметках самого Франко рассказано о неимоверно тяжелых условиях заключения и о трагических событиях, связанных со вторым арестом — в 1880 году. Между тем это был не последний удар австро-польской Немезиды. В 1889 году Франко был арестован в третий раз. Так реагировали политические власти и полиция на увлечение Франко идеями социализма, на его участие в их пропаганде, на его сближение с социалистическими рабочими кружками и работу в социалистической печати того времени. К стати заметим, что только по недосмотру или недостатку грамотности львовская полиция не обратила внимания на переведенные Иваном Франко главы из «Капитала» и «Анти-Дюринга» (он был первым украинским переводчиком произведений Маркса и Энгельса) и не придала особого значения пропаганде отдельных положений марксистского учения в его статьях и брошюрах — «Катехизис экономического социализма» (1878), «Основы социальной экономии» (1879) и «Мысли об эволюции в истории человечества» (1881). Но зато журналы, которые издавал Франко и в которых он стремился пропагандировать идеи социализма в общественной жизни и реализма в литературе, полиция закрывала один за другим. В конце 70-х годов были закрыты журналы «Громадський друг» («Друг общества»), «Дзвін» («Колокол») и

«Молот», а тиражи их конфискованы. На другие задуманные издания полиция и совсем не дала разрешения.

Не менее драматическими событиями и горькими разочарованиями в буржуазном парламентаризме сопровождалось трехкратное участие Франко в выборах в венский парламент и галицкий сейм в качестве кандидата.

Правда, в публикуемых здесь воспоминаниях современников и автобиографических заметках самого Франко сравнительно подробно рассказано только о выборах 1897 года. Но они были наиболее показательны, а связанные с ними события и переживания писателя наиболее драматичны. Это были так называемые «кровавые выборы», или «бадениевские выборы», названные так по имени палача Галиции — бывшего наместника этого края, а тогда уже премьера австрийского правительства графа Казимира Бадени, с благословения которого во время выборов стреляли в избирателей, стремившихся отдать голоса за своих кандидатов и за самого выдающегося среди них — Ивана Франко.

Значительное место в публикуемых воспоминаниях занимают рассказы о тех горьких разочарованиях и напрасных мытарствах, которыми сопровождалась попытка Ивана Франко получить должность доцента и право преподавания истории украинской литературы во Львовском университете.

Как известно, репрессии и тюремные заключения не позволили Франко закончить Львовский университет. В 1880 году он вынужден был его оставить. Выпускные экзамены он сдал только в 1890 году в Черновицком университете. В защите диссертации (об украинском писателе-полемисте конца XVI — начала XVII века Иване Вишенском) во Львовском университете ему тоже было отказано. Франко вынужден был защищать докторскую диссертацию в Вене (в 1893 г.), да и то на другую тему — «Варлаам и Иоасаф, — старохристианский духовный роман и его литературная история». В 1895 году, к тому времени уже дипломированный ученый, известный своими исследованиями не только в Галиции, но и далеко за ее пределами, он решил заняться преподавательской деятельностью. Но, несмотря на успешно сданные экзамены и отлично прочитанную перед синклитом профессоров так называемую габилитационную лекцию, его не допустили к доцентуре во Львовском университете все по тем же причинам политической неблагонадежности. В воспоминаниях Д. Лукьяновича и других мемуаристов довольно выразительно представлена подлая роль украинских националистов и польских властей в этом эпизоде из жизни Франко.

Для пропаганды идей просвещения и революции Франко задумывает издание новых журналов, но из-за отсутствия средств,

а еще больше по цензурным причинам замыслы рушатся один за другим. Приходится сотрудничать в изданиях иного политического направления (журнал «Зоря») или, как говорил Франко, «батрачить у соседей» — в газете «Kurjer Lwowski» («Курьер львовский») и других польских периодических изданиях. Благодаря Франко даже «Зоря» стала интереснее, но попытки придать ей иное, передовое направление не увенчались успехом. В 1894 году удалось наконец создать свой журнал «Житє і слово». На его страницах собрались самые крупные таланты украинской литературы и публицистики того времени: Павел Грабовский, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский, Михаил Павлык, Владимир Гнатюк, Осип Маковей, Остап Терлецкий и другие известные писатели и публицисты. Но царская полиция запретила доставку этого журнала в пределы Российской империи, а Галиция еще не могла дать необходимого количества подписчиков, и потому журнал приходилось издавать главным образом на средства, заработанные службой в редакции польской газеты. При таких обстоятельствах журнал не мог долго существовать, и в 1897 году его издание прекратилось.

Стремясь найти дорогу к украинскому и русскому читателю, Франко договорился об участии в радикальной петербургской газете «Северный курьер». При этом с целью конспирации авторства решено было подписывать разоблачительные статьи о деятельности органов австрийского правительства в Галиции каждый раз другим псевдонимом или криптонимом. Но редакция реакционного польского журнала «Кгај» («Край»), выходявшего в Петербурге, намеренно раскрыла на своих страницах псевдонимы Франко. И хотя передовая польская общественность в Варшаве осудила поступок редакции журнала, отнеся его к разряду политических доносов, все это, как писал одному из друзей Франко, «дало галицийской пресе повод вылить на мою голову еще несколько ведер помоев».

Мемуаристы не зафиксировали этот эпизод. Но и без того их воспоминания изобилуют рассказами о тяжелых испытаниях и ударах судьбы, хотя и стойко перенесенных писателем-борцом, но, несомненно, омрачавших его жизнь.

По временам, когда трудности становились, казалось, невыносимыми, а преследования со стороны украинской и польской реакции, националистической буржуазии, австрийских и польских властей приобретали характер организованной травли, у Франко вырывались полные горечи признания:

«Если бы Вы знали, какой тяжелой драмой становится в таких обстоятельствах жизнь человека! Ну да бог с ней! Долголетняя практика приучила меня к отречению, хотя и не аскетическому, но такому, в котором утешаешься одним: повеситься всегда есть

время. Подождем, когда положение станет совсем безвыходным, а пока что *ostro, smialo, bez przytomnosti!*¹ — как говорят поляки»².

Но столь невеселые раздумья не определяли (по крайней мере, надолго) ни его литературной, ни общественной деятельности. Он всегда оставался бойцом. «Лишь бороться — значит жить», — эти слова из стихотворения «*Vivere memento*» стали его девизом.

Он часто повторял любимые строки из Гете:

Nur der verdient sich Freiheit wie das Leben,
Wer täglich sie erobern weis³.

Удивительно ли, что в трудной повседневной борьбе, часто вынужденный отбиваться от клеветы и подлых интриг своих противников, Франко наносил иногда и не совсем правильно направленные удары. Таким «неверным звуком» в его публицистике и критике была статья «*Ein Dichter des Verrates*» («Поэт измены»), написанная в том злосчастном году, на который пришлось и начало его тяжелой болезни, и кровавые выборы 1897 года. «Самым тяжелым и страшным ударом, — вспоминает он сам, — взволновавшим меня до глубины души, поразившим меня как гром, как внезапная болезнь, были кровавые выборы 1897 года... В ту пору я изведаль еще более тяжелые удары от людей и групп, близких и дорогих мне среди польской общественности, я увидел, как вокруг меня валится весь тот мир идей и иллюзий, над реализацией которых я трудился»⁴.

В упомянутой статье Франко обрушился на польскую шляхту и националистическую интеллигенцию, пытавшуюся поэмой Мицкевича «Конрад Валленрод» морально оправдать тактику измены и предательства в политической, идейной борьбе. Но это разоблачение, к сожалению, сопровождалось резкими и несправедливыми выпадами против самого автора поэмы — великого польского поэта Адама Мицкевича, который в заголовке статьи был назван «поэтом измены».

В воспоминаниях Генрика Бигеляйзена, Василя Стефаника и других читатель найдет отголоски драмы, пережитой Иваном Франко после опубликования этой статьи. Она состояла не только

¹ Остро, смело, без усталы (*польск.*).

² И. Франко, Сочинения в десяти томах, т. 10, Гослитиздат, М. 1959, стр. 630—631.

³ Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой (*нем.*).

⁴ «Літературно-науковий вістник», т. XXXIII, Львов, 1906, стр. 157, 158.

в бойкоте, которому он подвергся со стороны польской прессы и некоторых польских кругов во Львове, пожалуй, мучительнее были собственные сомнения всегда честного и беспощадного в требованиях к себе Ивана Франко. Все осложнялось еще и тем, что реакционная часть польской печати стремилась восстановить против него всю польскую общественность, весь польский народ. По этому поводу Франко писал позже: «Как перед этим, так и после у меня не было ни зерна ненависти к польскому народу,— к тому, что в нем есть прекрасного, благородного, искреннего и человеческого»¹.

Попытки передовой польской молодежи противостать злобной клевете на Франко встречали решительное противодействие со стороны властей. И все же польским студентам Львовского университета при поддержке передовой части краковского студенчества удалось издать брошюру (на польском языке) «Голос польской студенческой молодежи по делу доктора Ивана Франко», в которой незаслуженные обвинения были отвергнуты.

Подлую, предательскую роль украинских буржуазных националистов в травле Ивана Франко разоблачил он сам в предисловии к сборнику своих рассказов «Галицкие картины» (Львов, 1897, на польском языке). Там же показал он во всей неприглядной наготе псевдопатриотизм своих противников, хваставшихся любовью к Украине. «Niemo o sobie samym»² — так называлось это предисловие — вызвало новый прилив злобной клеветы против автора. Украинские националисты обвинили его в отсутствии патриотизма. Франко ответил их главарю, автору клеветнической статьи Юлиану Романчуку, сатирическим стихотворением «Седоголовому», в котором снова заклеил корыстолюбие и карьеризм своих противников, их нечистую игру на патриотических чувствах народа. Рассказ о развитии этих событий читатель найдет в воспоминаниях Генрика Бигеляйзена. Другие мемуаристы, которых по соображениям места не удалось представить в книге, справедливо утверждают, что вскоре появившиеся сборники стихотворений Ивана Франко «Мой Измарагд» (1898) и «В дни печали» (1900) содержат немало отголосков тех настроений, которые были вызваны перипетиями сложной борьбы с противниками из обеих — польского и украинского — лагерей. Многие стихотворения этих сборников полны горечи. И все же и к ним вполне применима та характеристика, которую дал он сборнику своих стихов «Увядшие листья»:

¹ «Літературно-науковий вістник», т. XXXIII, Львов, 1906, стр. 158.

² «Нечто о себе самом» (польск.).

Да, в этих песнях — боль, печаль, забота,
Так жизнь сошлась, дорога ведь крута,
Но есть в них, братец, и другая нота:
Надежда, воля, светлая мечта.
(Перевод Б. Турганова)

Он был совершенно прав, когда решительно отвел попытку одного своего современника (В. Щурата) объяснить его грусть как проявление упадочничества, дань декадентству:

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвется к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог.
(Перевод Б. Турганова)

Полемический диалог с В. Щуратом возник после выхода сборника стихотворений И. Франко «Увядавшие листья». Поэт заявил, что он совсем не так понимает свои стихи, и с удовольствием отметил, что и многие читатели восприняли их иначе, нежели В. Щурат и критики из лагеря декадентов, пытавшиеся отождествить личность поэта с образом лирического героя, переживающего драму безответной любви и кончающего самоубийством.

В предисловии ко второму изданию «Увядавших листьев» (1911) Франко писал: «Не только я сам, но, — это стало мне известно сразу же, — и значительная часть публики совсем иначе поняла эти стихи, и я надеюсь, что и теперешнее поколение найдет в них немало такого, что отзовется в его душе совсем не пессимистическими тонами».

И в самом деле, всем смыслом «лирической драмы» в стихах (совершенных по форме, богатейших по разнообразию чувств и эмоциональных оттенков) автор утверждает идеи, противоположные пессимизму. Глубоко раскрывая процесс распада личности, Франко показывает трагическое следствие замкнутости героя, его оторванности от людей, резко осуждает индивидуализм. Индивидуалист обобщает личное несчастье до космических пределов и осуждает мир отнюдь не во имя счастья людей. Индивидуалист, даже если он недюжинная личность, всегда оказывается перед лицом катастрофы, потому что в мире сплошного отрицания ему не на что и не на кого опереться.

Особенно губительны такие идеи и настроения для творческой личности (герой «лирической драмы» — поэт). Показывая их в развитии, Франко раскрывает несостоятельность пессимистического мироощущения в творчестве и одновременно создает стихотворения, утверждающие иную философию, иное отношение к миру, какое всегда было присуще ему самому — труженику, деятелю, борцу.

Лирическая драма «Увядшие листья» утверждает способом «доказательства от противного», что богатство духовной жизни возможно для человека только с людьми, только в борьбе за их интересы, за общественные идеалы.

И все же в «Увядших листьях» нельзя не заметить и автобиографический элемент. Этого не отрицал и сам Франко. По крайней мере, почти вся гамма любовных переживаний, окрашенных грустными и горестными интонациями, несомненно, автобиографична. И понять это помогут воспоминания его современников, причем — надо отдать должное мемуаристам — освещение этой стороны жизни писателя свободно от мелкого обывательского любопытства. В связи с этим хочется напомнить признания самого Ивана Франко в письме к А. Крымскому (26.VIII. 1898), собиравшемуся писать его биографию. «А теперь, — писал Франко, — расскажу кое о чем таком, что, вероятно, пригодится для понимания моих произведений и о чем не упомянул я в автобиографическом письме к Драгоманову¹. Значительное влияние на мою жизнь, а значит, и на литературные труды оказывали мои взаимоотношения с женщинами. Еще в гимназии я влюбился в дочь украинского священника Ольгу Рошкевич (она переводила кое-что из Золя и Гонкуров, собирала свадебные песни в Лолине, перевела роман Ланской «Обрусители»). Наша любовь продолжалась десять лет, родители поначалу благоволили ко мне, рассчитывая, что я сделаю блестящую карьеру, но после судебного процесса 1878—1879 годов запретили посещать их дом, а в 1880 году заставили дочь выйти замуж за другого — священника Озаркевича (брата писательницы Кобринской, человека, впрочем, очень хорошего). Это был для меня тяжелый удар, следы его Вы найдете в «На дне» и в стихах «Письмо любви». Позднее я познакомился с двумя украинскими поэтессами, Юлией Шнайдер и Клементиной Попович, но ни одна из них не имела на меня серьезного влияния. Большое впечатление произвело на меня знакомство с одной полькой, Юзефиной Дзвонковской. Я хотел на ней жениться, но она, чувствуя, что заболевает чахоткой, отказала мне и спустя несколько лет умерла, будучи народной учительницей. На теперешней моей жене я женился без любви, исходя из доктрины, что надо жениться на украинке и по возможности более образованной, на курсистке. Конечно, мой выбор не был архиблестящим, с другой женой, возможно, я развился бы лучше и мог бы достичь большего, но, что поделаешь, суженой конем не объедешь. Фатальным

¹ Имеется в виду письмо М. Драгоманову от 26 апреля 1890 года, в котором содержалась автобиография, написанная по просьбе Драгоманова в связи с намерением последнего издать сборник рассказов Ивана Франко.

оказалось для меня то, что, уже переписываясь с моей теперешней женой, я издали познакомился с одной польской панночкой и влюбился в нее. Любовь эта мучила меня целых десять лет, под ее влиянием были написаны «Контрощица», «Увядшие листья», два стихотворения в «Измарагде» и ненапечатанная повесть «Lelum-Polelum», первая глава из нее была напечатана в «Atheneum'e» под заглавием «Jeden dzień z życia uliczników lwowskich»¹, затем еще одна глава «Bohater miowoli»² в календаре «Lwowańka». Теперь Вам будет понятна пьеска «Любовь три раза мне была дана» в «Увядших листьях»³.

Эта сторона жизни Ивана Франко освещена в воспоминаниях Михайлины Рошкевич, Марии Белецкой, Ульяны Кравченко, Клементины Попович и Антонины Трегубовой. Их воспоминания составляют, так сказать, наиболее субъективную часть сборника. В связи с этим необходимо заметить, что для характеристики этических принципов Франко особенно показательны его десятилетние отношения с Ольгой Рошкевич. Находясь под большим влиянием идей Чернышевского, разделяя его этические принципы, выраженные в «Что делать?», Франко и в отношениях с возлюбленной стремился поступать так, как поступали новые люди в романе. Он, подобно Лопухову, помогал возлюбленной стать образованной женщиной, всесторонне развитой, стремился поднять ее до понимания революционно-демократических идей, вызвать в ней желание стать «человеком в полном значении этого слова, развиваться и двигаться все вперед и вперед». Он старался ввести ее в среду своих друзей и соратников, помочь ей найти свое место в общественной жизни. Многое ему удалось. Из наивной, провинциальной поповны она постепенно превратилась в образованную и передовую девушку. Все большее и большее место в ее интересах стали занимать литература, искусство, передовые идеи в публицистике и критике, заинтересовалась она и политической экономией. Чтобы вырваться из мещанско-поповской среды, занялась она литературной деятельностью — переводами, собиранием и публикацией народных песен (составленный ею сборник вышел в 1886 г. с предисловием Ивана Франко).

«Ты мне указал дорогу, куда идти», — писала она ему. Однако, ранее чем влюбленные могли соединить свои судьбы навсегда, Иван Франко был арестован и тем самым окончательно скомпроме-

¹ «День из жизни львовских босяков» (польск.).

² «Герой поневоле» (польск.).

³ И. Франко, Сочинения в десяти томах, т. 10. Статьи, Письма, Гослитиздат, М. 1959, стр. 651—652.

тирован в глазах той среды, к которой принадлежали родители Ольги.

Под давлением родителей Ольга в конце концов вынуждена была выйти замуж за другого. Но и выходя замуж, она таила надежду, что брак этот будет формальным. По крайней мере, писала она Ивану Франко: «Озаркевич читал «Что делать?». И я читала. И ему известно, что в трудных случаях заключается и формальный брак». Однако в дальнейшем все сложилось иначе.

Иван Франко тяжело пережил разрыв. Любовь эта оставила глубокий след и в его душе, и в творчестве.

Духовным обогащением, творческим ростом обязаны были Ивану Франко и другие женщины, любившие его и связанные с ним узами дружбы. Об этом свидетельствуют мемуаристы, в том числе и поэтессы Ульяна Кравченко и Клементина Попович. Не была исключением и жена писателя — Ольга Франко.

Сделав ей предложение в 1885 году, он так изложил свои представления о некоторых сторонах супружеской жизни: «Я, разумеется, желал бы видеть в Вас помощницу и товарища в моих литературных трудах и думаю, что если бы нам удалось заключить такой литературно-научный союз, к которому, я вас считаю способной, то и жизнь наша сложилась бы хорошо и счастливо».

И он не обманулся в надеждах. Ольга Франко оказалась неплохим помощником в жизни писателя: была издателем журнала «Житє і слово», помогала в подготовке номеров, а тем более в административных делах, участвовала в подготовке материалов для некоторых его научных работ и сама, по его советам, пробовала силы на литературном поприще.

И все же, как убедится читатель публикуемых воспоминаний, его семейная жизнь была нелегкой и, уж во всяком случае, мало облегчала невзгоды его общественной и литературной борьбы.

Лишь самые передовые из друзей и современников Ивана Франко понимали его трудности и причины неистовой ненависти врагов и политических противников, сочувствовали ему и пытались поддержать его в трудные минуты. Так, например, в самый тяжелый в жизни писателя-борца момент (в 1897 г.) Осип Маковой писал: «Эта неделя для Франко тяжела, громы падают на него из польских и русинских (то есть западноукраинских. — М. П.) газет. Известное дело, громы бьют не в коряги, а в самые высокие деревья»¹.

Громы гремели часто. Слова поддержки и одобрения (особенно в печати) раздавались значительно реже. Но было бы неверно

¹ «Буковина», Черновцы, 1897, № 97.

думать, что в жизни Франко не было периодов, когда небо над ним было сравнительно ясным.

Тысяча восемьсот девяносто восьмой год, в отличие от предыдущего, принес много нового и хорошего: в начале года во Львове возник журнал «Літературно-науковий вістник», где Франко вскоре получил постоянную работу в качестве одного из трех редакторов и сравнительно хороший, а главное — постоянный заработок.

Журнал выходил на средства «Наукового товариства ім. Шевченка», выпускавшего также «Наукові записки» и ряд других серийных изданий, в которых печатался Иван Франко. В октябре того же года общественность Галиции отметила двадцатипятилетие его литературной деятельности. В честь юбилея состоялось торжественное собрание с большим концертом, вышел юбилейный альманах и сборник нот на произведения Франко-поэта. В конце года появился сборник стихотворений «Мой измарагд», в издательстве «Знание» и русских журналах — переводы некоторых его рассказов. В дальнейшем связи с передовой русской журналистикой и издательствами крепнут. Рассказы Франко печатает журнал «Жизнь», выходит книга с двадцатью его рассказами («В поте лица», Петербург, 1902), «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона печатает его большую статью «Южнорусская литература» (это был краткий очерк истории украинской литературы), в Галиции появляются его новые сборники стихов («Из дней печали» и «Семрèгтіго») и наиболее фундаментальные научные труды («Апокрифы и легенды» в пяти томах, «Галицко-украинские народные пословицы» в трех томах, «Студии над украинскими народными песнями» в двух томах и др.).

Казалось бы, река жизни вошла в новое, более спокойное русло. Но... совсем ненадолго. Вскоре появились первые симптомы тяжелой болезни, а в журнале позиция Франко, горячо симпатизировавшего первой русской революции, ее буреви́стнику в литературе — Горькому, — вызвала жестокое сопротивление со стороны Михаила Грушевского, безраздельно господствовавшего в «Науковому товаристві».

В воспоминаниях сравнительно мало освещена борьба и вражда в редакции журнала и в упомянутом обществе, интриги Грушевского, которые отравили несколько лет жизни писателя. Все это закончилось тем, что по инициативе и настоянию того же Грушевского редакция журнала была переведена в 1907 году в Киев, и Франко, измученный тяжелым физическим недугом, снова остался почти без средств, без постоянного заработка.

Авторы воспоминаний рассказывают об ужасных физических муках писателя. Однако и больной, с уже не повинующимися ему

руками, он продолжает много работать, писать. Достаточно напомнить, что в одном 1914 году Франко перевел на украинский язык все драматические произведения Пушкина и сопроводил их издание большой статьёй о его творчестве и обстоятельными объяснениями к каждому произведению. А ведь, кроме переводов, в том же году было написано несколько оригинальных стихотворений, подготовлен к изданию сборник ранних поэтических произведений («Из літ моєї молодості»).

На этот же год пришелся юбилей сорокалетней литературной и общественной деятельности. Начавшаяся война помешала отметить его, как того заслужил юбиляр, все ограничилось изданием сборника «Привет Ивану Франко в сорокалетие его писательского труда. 1874—1914» (в сборнике приняли участие многие украинские писатели; из русских — Горький и Короленко) и триумфальной поездкой писателя по городам Западной Украины с чтением поэмы «Моисей».

Одинокий (жена — в больнице, сыновья — на войне, дочери — за пределами Австрии), доживает он последние месяцы в приюте для престарелых и только незадолго до смерти переезжает к себе домой, чтобы умереть среди книг, составлявших единственное богатство в опустевшем доме.

В бедности и тяжких физических страданиях закончился его жизненный путь. И только похороны были резким контрастом к последним годам его жизни: они были пышными и многолюдными, с большим количеством речей, изобиловавших всеми высокими эпитетами, которых покойник при жизни, увы, слышал так мало. Вот почему убийственно верно и метко звучит сентенция одного из авторов воспоминаний — западноукраинского поэта Петра Карманского: «Чтобы дослужиться у нас до ранга пророка, надо умереть».

Книга воспоминаний об Иване Франко — это по преимуществу книга «хождений по мукам», выпавших на долю писателя-борца. А чтобы составить полное представление о его личности, надо знать его творчество — особенно поэзию, публицистику, эпистолярное наследие, которые воссоздают образ не страдальца-мученика, а борца-революционера, титана труда, «Великого Каменяря» (каменолома), как обычно называют теперь Франко на Украине, соотнося это выражение с содержанием его стихотворения «Каменяри». У людей, знакомых с его творчеством, самое имя Франко вызывает в воображении картину, полную глубокой и величественной символики: каменоломы дробят тяжелыми молотами гигантскую скалу, легшую на пути миллионов трудящихся к лучшему будущему, они прокладывают путь, по которому «прийде нове життя, добро нове у світ».

Среди этих каменоломов видится и образ самого поэта-революционера. Образ этот во многом не совпадает с фотографиями Франко, особенно последних лет жизни, и все же в нем больше правды, чем в натуралистических портретах человека, измученного тяжелым физическим недугом. Такой образ вырастает из его могучей духом поэзии, да и не только поэзии, но также и его публицистики, критики и всего творчества.

* * *

«Дальнейшее описание моей жизни может заменить библиографический список моих трудов»¹, — так писал Иван Франко в одной из своих автобиографических заметок.

Исчерпывающего списка его трудов и до сих пор нет. А наиболее полные из имеющихся позволяют утверждать, что он написал более пяти тысяч произведений. Его огромное литературное наследие многосторонне, как и его дарование, — он был не только великим поэтом, но и прозаиком, драматургом, публицистом, критиком, историком литературы, ученым-фольклористом, этнографом, лингвистом, искусствоведом, историком театра, театральным критиком, экономистом и историком. Все вышедшее из-под его пера было всегда талантливо и всегда современно, даже если посвящено временам, далеким от современности. Многосторонность его литературной и научной деятельности явилась ответом на требования самой жизни, она была продиктована состоянием украинской литературы, духовными потребностями украинского народа и вместе с тем неутомимой, кипучей натурой самого Франко, его неутолимимым стремлением объять душой «весь круг человеческих интересов». Однажды он сам объяснил это так: «И сам я во всей своей деятельности желал быть не поэтом, не ученым, не публицистом, а прежде всего *человеком*. Меня упрекали в том, что я распыляю свою деятельность, перебрасываюсь от одного занятия к другому. Это было именно следствием моего желания — быть человеком, образованным человеком, не остаться чуждым ничему тому, из чего состоит человеческая жизнь. А познав что-нибудь, я желал и прилагал все силы к тому, чтобы и другие заинтересовались этим и понимали это»².

Франко начинал как поэт и прозаик. Но в украинской литературе не доставало к тому времени талантливого критика, защитника принципов реализма, — и Франко стал критиком. Украинский народ нуждался в пламенном публицисте, который выполнил бы страстный завет Тараса Шевченко: «подать голос», вступить «за этого пору-

¹ Иван Франко, Твори в двадцяти томах, т. I, Державне видавництво художньої літератури, Київ, 1955, стр. 26.

² Там же, стр. 31.

ганного бессловесного смерда», — и Франко взялся за перо публициста. Чтобы стать подлинно народным, западноукраинский театр нуждался в соответствующем репертуаре — и Франко создал для него ряд талантливых пьес. Узок, беден был круг чтения украинских читателей — и Франко принялся переводить чуть ли не с десяти языков. Кажется, нет ни одной области общественной жизни, науки, литературы и искусства, которой не коснулся бы его животворный гений. А самое достопримечательное, пожалуй, то, что во всех областях работа писателя приносила поистине великие плоды: во всех сферах духовной культуры украинского народа на многие времена неизгладимо запечатлен труд Ивана Франко, безмерно обогативший родную культуру, двинувший далеко вперед ее развитие.

Вся многогранная деятельность Ивана Франко, писателя и гражданина, — выдающийся подвиг патриотического служения украинскому народу. В 1898 году на вечере, посвященном двадцатипятилетию его литературной деятельности, писатель сказал о себе: «Как сын селянина, вскормленный черствым мужицким хлебом, я считал своим долгом отдать труд своей жизни простому народу».

Все области многосторонней, поистине титанической работы Ивана Франко теснейшим образом связаны между собой, дополняют друг друга и в своей совокупности представляют известное единство. Душой этого единства была революционная деятельность писателя. Он был революционером не только на поприще общественной жизни. Революционный характер носило его новаторство во всех областях культуры, которых он касался.

Кривая связь с народом определила идейную направленность творчества Франко. В своих произведениях он показал не только тяжелую долю трудящихся украинцев, но и нараставший протест народа, пробуждение его к борьбе против угнетателей. Еще М. Коцюбинский отметил, что центральной темой творчества Франко была «борьба труда с капиталом», что в его произведениях «люди делятся на два лагеря — на угнетателей, против которых он острит, как меч, свое слово, и угнетенных, которым он отдает свое сердце». Своими произведениями Франко звал к борьбе, его творчество способствовало росту революционного сознания трудящихся.

Только лучшее, наиболее ценное из его литературного наследия составило двадцать томов собрания сочинений, изданного в Киеве к столетию со дня его рождения. Доступ читателям, не владеющим украинским языком, к сокровищнице его трудов облегчен десятичным собранием сочинений, вышедшим в связи с той же датой в Москве¹.

¹ И. Франко, Сочинения в десяти томах, Гослитиздат, М. 1955—1959.

Предлагаемые читателю воспоминания об Иване Франко представляются своеобразным дополнением к названному десятитомнику: они дорисуют портрет писателя, помогут создать живой образ его и глубже понять хотя бы некоторые стороны жизни, борьбы, творчества и личности великого писателя.

Мемуарная литература о Франко обширна, но не все в ней равноценно.

Среди мемуаристов — ряд выдающихся деятелей украинской культуры, писателей, считавших Ивана Франко своим вождем, учителем и видевших в нем высокий образец для подражания. Назовем из них Василя Стефаника, Ольгу Кобылянскую, Марка Черемшину, Осипа Маковея, известных нашему читателю. Этот ряд имен можно продолжить, назвав и других деятелей украинской культуры: поэтессу У. Кравченко, писателей Г. Хоткевича, Д. Лукьяновича, крупного художника И. Труша, композитора С. Людкевича, известного своими музыкальными произведениями на тексты Франко, оперного певца М. Микишу и др. В том же ряду выдающихся имен можно назвать польского поэта Яна Каспровича, русских, украинских, польских и чешских ученых и общественных деятелей — Ф. Щербатского, В. Бонч-Бруевича, А. Крымского, В. Гнатюка, К. Студинского, М. Рудницкого, Г. Бигеляйзена, Ф. Главачека. Их воспоминания, а также воспоминания детей Ивана Франко, содержат наиболее богатые и объективные свидетельства о его жизни, деятельности и чертах личности, характера. Все они включены в настоящее издание. Но некоторые из многочисленных воспоминаний о Франко испорчены тенденциозным стремлением приписать ему черты, искажающие его образ.

К таким можно отнести воспоминания, рисующие И. Франко только верным учеником и ревностным продолжателем М. Драгоманова. За всем этим кроется стремление стусевать революционность Франко, снизить ее до драгомановского реформизма. Между тем Франко сам, не отрицая влияния Драгоманова в годы своей молодости довольно скептически оценивал его глубину и результаты. «Специально как беллетрист я, — утверждал он, — почти ничем не воспользовался от него; он, по всей видимости, не обращал внимания на мою беллетристику, а если обращал, то только ругаясь. Прямо и косвенно он толкал меня к публицистике, но и тут не любил мыслей иных, кроме своих собственных»¹. Внимательное изучение и сравнительное сопоставление трудов и произведений Драгоманова и Франко позволяют установить не столько сходство, сколько различие в их идеях и взглядах.

¹ И. Франко, Сочинения в десяти томах, т. 10, Гослитиздат, М. 1959, стр. 652.

Еще более тенденциозны попытки (особенно частые со стороны украинских буржуазных националистов) замолчать резкие идейные расхождения между Иваном Франко и М. Грушевским или объяснить их (как это пытался сделать в своих воспоминаниях В. Дорошенко) болезненным состоянием Ивана Франко.

Стремление исказить образ великого писателя и революционера у некоторых мемуаристов граничит с ординарной клеветой. Так, например, в некоторых воспоминаниях встречались нелепейшие утверждения, будто Франко был борцом против католицизма, а на православную церковь смотрел иначе и в конце жизни искал с нею полного примирения. В связи с этим из мемуарных выступлений М. Колодия для настоящего издания отобрано лишь одно, которое было написано им через несколько дней после похорон писателя, то есть до того, как была создана нелепая выдумка, самую возможность которой И. Франко осудил тем, что решительно отверг многократные попытки склонить его перед смертью к исповеди.

Правда, в его похоронах участвовал один священник, но и это следует отнести только за счет произвола тех, кто счел себя тогда душеприказчиком покойного. Священник Т. Галушинский, которому высшие церковные власти поручили склонить смертельно больного писателя к исповеди, свидетельствует, что Франко и во время последнего из двух визитов священника «снова начал говорить против веры и окончательно отказался от исповеди». Поэтому церковники и после его смерти не примирились с ним. При жизни писателя, накануне сорокалетия литературной деятельности Франко, они объявили его «врагом Христа»¹. После смерти нераскаившегося атеиста, выступавшего с разоблачительными статьями против церкви и церковников, они наотрез отказались участвовать в его похоронах и только после долгих уговоров со стороны «душеприказчиков» согласились послать *одного* священника, стремясь бедностью и сокращенным вариантом церковной части похоронного обряда выразить свое осуждение покойного.

Имея в виду эти тенденции в мемуаристике о Франко (тем более что среди авторов воспоминаний были и его враги, и политические противники), известный западноукраинский литературовед, современник великого писателя, академик Василий Щурат писал: «издавать надо... только правдивые воспоминания, написанные подлинными друзьями писателя. Потому что у нас были и такие, которые при жизни совсем не ценили Франко, а потом, чтобы при-

¹ См. брошюру священника Николая Садовского «Отношение христианской церкви к сорокалетнему юбилею Ив. Франко» (на украинск. языке), Львов, 1913.

мазаться к великому человеку, печатали и печатают какие-то воспоминания...»¹

В настоящем издании учтены столь верные предостережения, и из обширной мемуаристики о Франко отобраны воспоминания наиболее достоверные. И все же в некоторых из них, написанных людьми, в молодости более или менее близкими писателю, а затем отошедшими от него по политическим мотивам, попадаются и не совсем верные утверждения и характеристики. Такие случаи отмечены в комментариях соответствующими критическими замечаниями и ссылками на факты и материалы, опровергающие эти искажения.

В некоторых из отобранных для публикации очерках мемуаристов опущены места не мемуарные или не относящиеся непосредственно к Ивану Франко. В отдельных случаях они оговорены в примечаниях.

На украинском языке воспоминания о Франко были изданы к столетию со дня его рождения (Иван Франко у спогадах сучасників», Львов, 1956. Составители А. И. Дей и Н. П. Корниенко). Но после издания этой книги, особенно в связи с той же памятной датой, появилось большое количество новых воспоминаний. Наконец, в периодике и других изданиях 1956—1957 годов появились воспоминания зарубежных современников Ивана Франко, которые тоже существенно обогащают мемуаристику о нем (воспоминания чехов Людвика Кубы и Франтишека Главачека).

Все это позволило составителю русского издания воспоминаний о Франко, заново пересмотрев и изучив все написанное мемуаристами, значительно (и притом с учетом интересов многонациональной читательской аудитории) изменить подбор материалов для сводного издания. Впервые помещены воспоминания, кроме уже названных, О. Лысенко, М. Микиши, П. Сукенникова, В. Гадзинского, Я. Яремы, О. Заклинской, М. Лозинского.

С живыми авторами был установлен прямой контакт и проведена работа по подготовке воспоминаний в переводе на русский язык и в новой редакции. Так, лучшие из разрозненных воспоминаний старейшего украинского писателя Д. Лукьяновича собраны в один очерк и заново отредактированы самим мемуаристом за несколько дней до своей смерти. Из воспоминаний Тараса Ивановича Франко (сына писателя), печатавшихся в периодике, а затем собранных в виде отдельных очерков в книге «Про батька» (Киев, 1956), также скомпонован один очерк, перевод которого авторизован. В новой редакции даны и воспоминания известного украинского ученого-литературоведа и писателя Михаила Рудницкого. В та-

¹ Газета «Вільна Україна», 18 мая 1941 года, Львов.

ком объеме они печатались только в первом томе его статей и мемуаров «Письменники зблизька» (Львов, 1958). Особенно ценны они тем, что, пожалуй, более, чем все другие, характеризуют писательскую деятельность Ивана Франко. Репродуцируя устные рассказы и воспоминания других писателей (Василя Стефаника, Марка Черемшины и Яна Каспровича) о Франко, очерк М. Рудницкого помогает читателю войти в рабочий кабинет писателя, раскрывает некоторые «секреты» его творческой лаборатории.

Заново и с учетом интересов читателя отобраны лучшие фрагменты из обширных воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича и Михаила Мочульского.

Читатель предлагаемого свода мемуаров, конечно, заметит, что жизнь и деятельность Ивана Франко освещена в них неравномерно, а некоторые ее периоды и совсем не затронуты. И это понятно. Почти все мемуаристы писали свои воспоминания после смерти великого писателя. Многие из ранних лет его жизни было уже забыто ими. Поэтому так бедны воспоминания о школьных и гимназических годах Франко, а формирование его взглядов, его эстетических вкусов в эти годы, по существу, и совсем не освещено. За пределами внимания мемуаристов осталась деятельность Франко в журнале «Житє і слово», который он справедливо считал «первым европейским журналом на Украине». Нет мемуаров о защите докторской диссертации в Вене. Можно назвать и ряд других важных событий в жизни писателя, которых не коснулись мемуаристы.

Эти обстоятельства учтены при написании вступительной статьи и составлении комментариев, в которых использованы воспоминания и автобиографические заметки самого Франко, а также некоторые фрагменты из воспоминаний других мемуаристов, не включенных в предлагаемое издание.

М. Пархоменко

**ИВАН ФРАНКО
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ**

Карло Бандрицкий

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРАНКО-ШКОЛЬНИКЕ

С Иваном Франко я был знаком с сентября 1864 года и общался с ним, как товарищ, в 1864—1887 и с 1903 по 28 мая 1916 года. Некоторые из настоящих воспоминаний основаны на его рассказах, а другие написаны по моим личным наблюдениям.

Иван Франко учился сначала в школе Ясеницы Сельной, откуда родом была его мать — Мария Кульчицкая. В 1878 году, когда я вместе с ним и Остапом Терлецким проживал в городе Львове на втором этаже дома № 4 по улице Кляйновской, Иван Франко рассказывал мне, что он не захотел продолжать учиться в этой школе по следующей причине. Однажды учитель приказал ему наблюдать за порядком в классе, а сам на время ушел домой. «А ты, Иван, следи за порядком». Один из учеников вел себя очень плохо, Франко одделал ему замечание, но тот не послушался. Когда учитель вернулся в класс, Франко рассказал ему о поведении этого ученика, и учитель наказал нарушителя. А потом, когда Франко возвращался из школы, наказанный учителем мальчик бросал в него камни и едва не ранил его. С этого времени он отказался посещать школу. В начале сентября мать привезла Ивана Франко в Дрогобыч, где он сдал экзамены за первый класс и сразу поступил во второй. В школе преподавали отцы василиане, но школа обязана была иметь и светских учителей — в ней преподавали два поляка, из которых один вел первый класс, а второй — Мелько — обучал чистописанию и первый и второй классы.

До 1867 года учителям разрешалось применять телесные наказания. Это свое право сверх всякой меры использовали и отцы василиане, и светские учителя: били учеников палками, тростями, арапниками, ключами от замков, бросали учеников на землю и пинали их ногами. Особенно отличались садизмом отец Штерганин, отец Телесницкий и Мелько. О двух последних Франко вспоминает в своих рассказах.

Уже во втором классе товарищи Франко знали, что он любит много читать и что обучение в школе давало ему немного знаний. Читая на уроках разные книги, он не следил за ходом занятий. Однажды отец Крушельницкий, имевший мягкий характер, попросил И. Франко повторить то, о чем он говорил. Франко, разумеется, не смог повторить; тогда, в наказание, учитель велел ему пересесть на так называемую «ослиную скамейку».

В то время школа состояла под надзором духовенства. Каждые полгода проводились «экзамены», на которых присутствовала комиссия в составе деканов, бургомистра и выборных города. Приходили и родители учащихся, и все интересующиеся. Экзаменовали по религии, арифметике, украинскому, польскому и немецкому языкам; ученики декламировали и пели, а их работы, переписанные набело, лежали перед членами комиссии для просмотра.

Перед окончанием второго полугодия 1865 года учитель Крушельницкий поинтересовался, кто из нас желает добровольно декламировать на экзамене. С «ослиной скамейки» встал Иван Франко и сказал, что он будет декламировать «Кот съел сало». «А откуда ты знаешь это стихотворение?» — спросил учитель. А он, то есть Франко, говорит: «Я недавно прочитал русский учебник для четвертого класса народной школы. Там помещено это стихотворение». Учитель велел ему здесь же прочитать названное стихотворение. И так как чтение ему понравилось, он взял Франко за руку и пересадил с «ослиной скамейки» на первую.

На экзамен собралась комиссия, пришли и гости; среди них на почетном месте находилась мать Франко — она сидела рядом с комиссией на эстраде, прозванной «градусом». Это была еще молодая женщина, по-крестьянски празднично одетая. Франко прочитал «Кот съел

сало» и получил в награду книгу. Члены комиссии поздравляли мать Франко.

В 1865/66 году Франко учился в третьем классе, в котором преподавал отец Телесницкий, человек высокого роста, худощавый, по натуре садист. На уроке, спрашивая учеников, он ходил по классу и тех, кто не знал урока, бил палками, служившими летом для поддержания открытых окон. Однажды Франко, читая тайком какую-то книгу, не знал, о чем Телесницкий говорил на уроке, и за это был переведен с первой скамьи к «ослам».

Как-то, во втором полугодии, из местного магистрата пришла комиссия для проверки знаний учащихся. Она состояла из бургомистра — поляка Зиха — и одного выборного — еврея. Отец Телесницкий проверял знания учеников польской грамматики. Каждый ученик должен был назвать многосложное прилагательное. Когда учитель опросил уже всех учеников, он обратился к сидящим на «ослиной скамейке». Последним отвечал Франко, — в качестве примера многосложного прилагательного он привел слово «константинопольский». Все удивились его ответу, особенно член комиссии Зих. Он спросил Франко, откуда ему известно это слово. Но Франко застеснялся и не хотел отвечать на вопрос. Тогда бургомистр встал с почетного места, подошел вместе с учителем к Франко и спросил его еще раз: «Откуда ты узнал об этом прилагательном?» Франко неохотно ответил: «Из польской книжки, которую одолжил у ученика Яцковского». На вопрос о том, где он взял эту книгу, поляк Яцковский ответил, что книга принадлежит его отцу, который был контролером на соляных коях в Дрогобыче. Однажды Франко был у него, просматривал книги отца в шкафу и, очевидно, одну из них взял.

Бургомистр просмотрел книгу, которая стоила шестьдесят крейцеров, и дал Франко эту сумму с тем, чтобы он купил себе такую книжку, а взятую у товарища вернул обратно. Бургомистр тут же попросил Телесницкого, чтобы он пересадил Франко с «ослиной скамейки» на первую.

В 1866/67 году мы были в четвертом классе нормальной школы, который вел отец Нимилович, сын мещанина из Дрогобыча. Он окончил духовную академию и должен был стать священником, но когда одна девушка (которую я лично знал позже уже как замужнюю жен-

щину) не захотела выйти за него замуж, он поступил в монастырь и сделался василианином. Он также бил учеников палкой, правда, преимущественно детей крестьян, и то только по плечам, ибо в то время в дрогбычском суде уже были судебные процессы в связи с избиением мещанских, а главным образом господских детей, один из которых, Новосельский, сын старшего комиссара охраны казначейства, через неделю после избиения его Тарчанином умер. Тарчанин был поляком, принявшим нашу веру и вступившим в василианский монастырь. Словом, в четвертом классе мы уже испытывали меньший страх перед телесными наказаниями, особенно за чистописание.

Франко в четвертом классе знал немецкий язык настолько хорошо, что без помощи словаря переводил на украинский язык отрывки из немецкой хрестоматии. В народной школе Франко отличался крепким здоровьем; был веселого нрава, подвижным, увлекался чтением книг. Отношение Франко к школьным товарищам было всегда теплым. Ежедневно после школы он полчаса гулял, после чего возвращался к книгам или — как лиса за курами — ходил к товарищам в поисках книг. Наказанным ученикам сочувствовал и переживал вместе с ними. Своим товарищам помогал овладевать науками, но не очень охотно, так как это мешало ему заниматься чтением.

Нормальная школа в Дрогобыче, еще до вступления в нее, вызывала у ребят страх. Учителя-монахи, как и все учителя, не являлись для детей примером любви и носителями радости, людьми, которым дети с доверием открывали бы двери своих маленьких сердец и позволяли бы глядеть в их самые сокровенные уголки, где прячется не только хорошее.

Нет, было не так, было наоборот. Школа для нас была наказанием, горем. Как только дети приходили в школу и становились перед учителями, с их лиц ментально исчезали улыбки, а губы их плотно сжимались. Вместо дружеского расположения возникали чувства сдержанности, сопротивления, недоверия и боязни несправедливого наказания.

После окончания четвертого класса, в 1867 году, мы перешли в первый класс городской реальной гимназии. В этом году в школе отменили телесные наказания, вве-

ли преподавание польского языка и новую систему воспитания, а в декабре 1867 года — основные конституционные законы. Польских учебников в гимназии не было; от учителей-немцев освободились, пригласили поляков и украинцев. В гимназии каждый ученик, за исключением одного хромого, обязан был ходить на гимнастику.

В первом классе Франко отличался тем, что на уроках естествознания, ввиду отсутствия польского учебника, по указанию учителя рассказывал нам о грибах... Украинский язык не входил в обязательную для всех школьную программу, как и пение, но кто добровольно изъявлял желание изучать его, для тех он становился обязательным.

Преподаватель катехизиса А. Торонский с первого и по восьмой класс обучал нас религии. Украинским языком занимались с нами Курилович и бывший украинский актер Юрчикевич, позже — священник на Холмщине.

В первом и во втором классах (1868—1869 гг.) в жизни Франко больше не было ничего выдающегося. В те годы он читал книги, которые получал в библиотеке гимназии.

В 1869/70 году, в 3-м классе, в нашу программу ввели новый предмет — греческий язык. Математику и украинский язык стал преподавать молодой учитель И. Верхратский. Он имел огромное влияние на украинцев, и прежде всего на Франко. Когда И. Франко библиотечных книг было уже недостаточно, Верхратский каждое воскресенье стал приглашать учеников к себе домой, и там они читали разные книги. Первой прочитали книгу произведений Марко Вовчок. Учителем рисования и гимнастики был чех Сикора, который впоследствии стал во Львове профессором Политехнического института. В первом и втором классах Франко рисовал орнаменты, а в третьем уже перешел к сюжетным рисункам. По пению в третьем классе весь год изучал теорию музыки и сольфеджио. С этого времени и до самого окончания гимназии сидел он на первом месте, за исключением 1867 года, когда руководитель класса Курилович, позже — профессор Львовской мужской семинарии, сажал на это место слабых учеников.

В 1870/71 году мы были в четвертом классе. С этого класса украинский язык преподавал нам Верхратский —

он давал нам читать стихотворения Шевченко; польский язык преподавал Юлий Турчинский, поляк, поэт, участник восстания 1863 года, позднее — директор семинарии в Станиславе; от него Франко получил много знаний. Часто целыми часами читал он стихи Юзефа Богдана Залесского. Когда товарищи-поляки узнали о том, что украинцы ходят к Верхратскому читать книги, он (Юлиан Турчинский) организовал у себя чтение для поляков. Как-то он сказал, что украинцы вообще знают польскую грамматику лучше, чем поляки, а лучше всех знает ее Франко. Украинцам она дается легче, ибо они имеют для сравнения две грамматики: свою и польскую.

Но чтение продолжалось недолго — директор Куровский (позже — профессор в Бережанах, умер во Львове в 1917 г.) запретил учителям приглашать к себе домой учеников и устраивать коллективные чтения. Этот директор завел во всей гимназии такой порядок: каждый ученик должен принести в класс хотя бы один цветок в горшке и все время ухаживать за ним. Этот приказ был исполнен, и выполнялся он в течение трех лет. На всех окнах было полно разнообразных цветов, и они радовали ребят.

В четвертом классе учителем математики был Михонский, необыкновенно добрый человек. Его влияние на воспитание учеников было огромным. Часто он напоминал нам: «Вы вступили в период формирования физической зрелости. Было бы желательно, чтобы одновременно формировалась и ваша умственная зрелость. Кто ее не имеет, остается ребенком и не должен переходить в высшую гимназию. Там нужно уметь серьезно мыслить, практически смотреть на жизнь. Там надо понимать экономику жизни. Вашу зрелость буду оценивать в конце курса, когда каждый из вас получит для решения одну арифметическую задачу из бухгалтерии объединенных компаний (к тому времени в Бориславле, под Дрогобычем, были учреждены различные компании для поисков нефти; поэтому учитель считал необходимым, чтобы ученики четвертого класса умели на практике вычислить прибыли и убытки этих компаний).

Михонский часто напоминал нам, что теория без практики стоит немного: «Что из того, что ты умеешь вычислить площадь геометрических фигур, но не умеешь сделать простой коробки? Сделай сам коробочку и при-

неси ее мне, и, если ты даже не будешь знать геометрии, получишь хорошую отметку. Ученик должен постоянно знакомиться с понятием экономии: когда стоишь возле доски, нужно держать губку достаточно влажной и всегда в левой руке, а в правой — сухой мел. Писать всегда надо с самого верха доски и никогда — с середины. Нарушение этого противоречит экономии. Некоторые из вас живут у ремесленников и должны обучаться ремеслам. При этом вы должны научиться экономно обходиться с инструментами, ценить физический труд».

Городская община прокладывала тогда каменную дорожку с улицы до входных ворот на территорию гимназии. По окончании работ решили, что она сделана неудачно. Дорожку разобрали, место это засыпали, загладили и засеяли травой. Около недели прокладывали дорожку в другом направлении, и снова она не понравилась, и снова стали ее разбирать и прокладывать в новом месте. На таких и подобных этому примерах учил нас Михонский понятие экономии. С большим уважением вспоминает Франко в своих работах об этом учителе.

В 1871/72 году мы учились уже в пятом классе — здесь были у нас и новые учителя: немецкого языка — немец Гемерлинг, старославянского языка — Грушкевич, польского языка — Париляк Р., позже — учитель во Львове, а под конец жизни — директор гимназии в Тешине.

Учитель немецкой литературы целыми часами говорил о значении поэзии Клопштока. Как-то Франко выполнил два домашних задания по польскому языку в стихотворной форме и получил отметку «хорошо». Учитель подчеркнул у него только одну ошибку: «*biigo*»¹. Франко доказывал, что надо писать «*biogo*», а учитель — «*biogo*». Спор этот так и остался нерешенным. При этом Париляк просил Франко впредь не выполнять задания стихами, ибо он «не обязан, как учитель польского языка, исправлять задания учеников, выполненные в стихах».

В пятом классе я организовал из учеников нашего класса певческий квартет, в который входил и Иван Франко (первый бас).

¹ Стол (польск.).

В 1872/73 году мы были в шестом классе. Учили нас украинцы — отец Горниский и доктор Антонович (преподававший историю и украинский язык). С доктором Антоновичем на уроках украинского языка Франко вел такие острые споры по вопросам этимологии и фонетики, о «язычии» газеты «Слово» и народном языке, что эти споры обычно занимали все время. Но остальные украинцы относились равнодушно к этим дискуссиям.

В 1873 году, на фомину неделю, Франко пригласил к себе в Нагуевичи наш хор в составе восьми человек. Туда мы шли пешком, ночевали в доме Франко, пели в церкви. Затем нас угощал местный приходский священник, а в доме Франко — его мать.

Франко показал нам кузницу (тогда запертую), в которой работал его отчим, речку, в которой он ребенком ловил руками раков, и пастбище, на которое часто бегал в детстве. В Дрогобыч мы вернулись также пешком, распевая песни и разговаривая по дороге. Франко доказывал необходимость создания ученической библиотеки, проверки усвоения содержания прочитанных книг и сбора денег на покупку книг.

В шестом классе Франко уже писал стихи. Обычно он приглашал меня или кого-либо другого, чтобы прочитать их нам и услышать наше мнение. Большею частью эти стихотворения он признавал неудачными и сжигал их. Но некоторые из них он отсылал в «Академический кружок», при котором издавался «Друг», где и были напечатаны эти стихотворения. Когда же он увидел «Друг» со своими стихотворениями, то едва узнал их — так страшно искалечили его язык, то есть исправили на «язычие». После этого он перестал посылать туда свои стихи.

В 1873 году строилась железная дорога Львов — Стрый, проходящая через Дрогобыч. Движение в Дрогобыче стало большим. В город была занесена холера, и учеников, за три недели до окончания учебного года, распустили по домам. Эти чрезвычайные события влияли на настроение учеников. Франко, пользуясь свободным временем, поехал в Борислав, поскольку там от холеры умирал сравнительно небольшой процент населения: говорили, что нефть является хорошим дезинфекционным средством. Там он присматривался к жизни рабочих нефтепромыслов и богатеев евреев, а также к ра-

боте комиссии, которая должна была препятствовать распространению холеры по селам. Потом он рассказывал нам, что врачи в Дрогобыче оказывали больным помощь через окна. Об этом было донесено старосте, и тогда староста Черняк, чех по национальности, необыкновенно честный человек, сам стал объезжать села с докторами и настаивал, чтобы врачи оказывали больным помощь непосредственно.

В 1873/74 году мы учились в седьмом классе. Появились новые учителя: по латыни — Виновский, по греческому языку — Баревич, Бачинский, его сын, доктор Владимир Бачинский, — по украинскому языку, а доктор Гебенде из Кракова — по польскому.

Михаил Кориневич

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО — УЧЕНИКЕ ГИМНАЗИИ

Я был школьным товарищем Ивана Франко по Дрогобычской гимназии с осени 1868 года на протяжении четырех с половиной лет, а потом обстоятельства для меня сложились так, что в первом полугодии пятого класса я переехал в Коломыю, где тогда открыли старшие классы, и мы с Франко расстались не только как товарищи по классу, но и как товарищи по «станции» (квартире), а в течение одного года — и товарищи по общей кровати. И человеческая судьба так распорядилась двумя «шляфкамерадами»¹, что один из них, гений и гордость нашего народа, десять лет тому назад сошел в могилу на вечный покой, а я, старший на два года, закончив гимназию (к сожалению, без аттестата зрелости), после сорока пяти лет учительствования вот уже год пользуюсь не очень сладким покоем и живу главным образом воспоминаниями о прошлом.

При воспоминании о Франко-школьнике хочется сказать кое-что о развитии школьного дела в Галиции шестьдесят лет тому назад...

В те времена обязательного школьного образования не было, следовательно, не было и необходимости открывать школы. В селах обучали главным образом дяки-учителя (таким был и мой отец); соседние города Перемышль, Самбор и Дрогобыч имели уже свои гимназии, а вот Стрый и Скольщина не имели ни одной гимназии; там была только одна народная школа, соединенная

¹ Товарищи по ночлегу (нем.).

с тремя классами реального училища. Тогда даже в городах мещане не очень-то тянулись к школе, а в селах среди нашего народа считалось чем-то чрезвычайным и очень тяжелым отдать ребенка в городскую школу; и поэтому из сел шли в городские школы главным образом дети священников, лесничих и других служащих; к тому же не было, собственно, никаких причин, которые могли бы склонить крестьянина отдать своего ребенка в городскую школу. Не ясно ли, как много вреда приносило это нашему народу, — ведь в каждом селе могла быть какая-то часть таких одаренных детей, а мог быть даже и такой гений, как Франко, а без образования он был потерян, прожил без пользы для людей. Поэтому-то нужно считать счастливым обстоятельством, что родители Франко отдали сына в школу, без которой он, конечно, не мог бы стать тем, кем стал, и оставить после себя такую славу. А как, с одной стороны, родители деревенских детей не были заинтересованы посылать детей в городские школы, так, с другой стороны, дети низших слоев общества, которые все же попали в городские школы, не пользовались никакой поддержкой — ни материальной, ни моральной. Но для Франко нашелся человек, который повел его в том направлении, где его врожденный талант мог принести ему славу. Однако об этом я скажу позже.

На протяжении первого года обучения в начальной гимназии мы с Франко еще были далеки друг от друга. Для меня, единственного ученика из подбескидской Верховины в Скольщине (левее Лавочного, в одиннадцати милях от Дрогобыча), мой родич нанял «станцию» у сапожника около церкви отцов василиан. Но когда через год меня поместили на квартиру к одному мещанину далеко в предместье за соляными складами, я значительную часть дороги из школы шел не раз вместе с Франко и узнал, где он проживает. Это была очень бедная хатка на перекрестке; туда я довольно часто заходил к нему; в эту хату я и перебрался на четвертом году обучения и жил вместе с Франко.

Более нищенского жилья нельзя себе и представить. Одна маленькая комната (она служила и кухней), одна кровать для хозяина и хозяйки, банкбетель¹, сундук,

¹ Скамейка для спанья (нем.).

служивший столом, кухонный стол, скамейка, два стула; посредине комнаты стоя могли поместиться не больше десяти человек; хозяин целый день был на работе (он был столяр), а хозяйка, которую мы называли «цюця», варила еду для меня и Франко, каждому отдельно, чаще всего одно-единственное блюдо на обед.

На этой квартире жил я с Франко полтора года; в продолжение нескольких месяцев Франко, как старый квартирант, спал на банкбетеле, а я приставлял скамейку и спал рядом на ней, а позже и до моего ухода из Дрогобычской гимназии мы теснились вместе с ним на одном банкбетеле. Ночью для занятий пользовались главным образом свечкой, иногда лампочкой не больше каганца.

В то время когда мы начинали учиться в гимназии, обучение по немецким учебникам сменилось обучением на польском языке, но так как польских учебников еще не хватало, то некоторое время обучение по немецким учебникам продолжалось. В первом полугодии первого класса мы получили еще немецкие свидетельства, а во втором полугодии — уже польские. В соответствии с успеваемостью каждому ученику отводили в классе то место, которое он заслуживает. Франко сидел тогда на первом месте, иногда на втором, а я не ближе одиннадцатого среди сорока — пятидесяти учеников.

Кроме изучения школьных предметов, ученики читали книжки, взятые в школьной библиотеке или у частных лиц. В библиотеке книг было немного, и те главным образом на немецком языке, например, «*Meurs universum*», и произведения крупнейших немецких писателей, на польском языке разные «*Podróże do ziemi świętej*»¹, на украинском почти ничего не было, а если и доставали что-нибудь, то у частных лиц. В селах молодежь могла во время каникул читать газету «Слово» и письма о. Наумовича о сельском хозяйстве, написанные народным языком.

Франко сразу показал себя как человек от природы очень способный, талантливый; память у него была необыкновенная. Книг и школьных учебников у него было мало, пользовался главным образом записями в тетрадях, скомканных и рваных, куда записывал кое-что во

¹ «Путешествия в святую землю» (польск).

время уроков, но чаще все держал в голове, причем услышанное помнил точно, как никто не мог бы записать в тетради, даже в сокращенном виде. Главным его увлечением в свободное от школьных занятий время было чтение. Читал он все, что попадало ему в руки,— в этом отношении никто не мог с ним соперничать.

Примерно в третьем классе наиболее активные ученики образовали «кóйко»¹, о котором знали учителя; мы иногда собирались в свободное время, чаще в зимнюю пору, каждый из нас вносил небольшой пай на покупку новых книг. Покупали главным образом издания И. Крашевского; некоторые из них уже имелись в школьной библиотеке,— каждый раз кто-нибудь, назначенный нами или по собственному желанию, выступал с каким-нибудь рефератом, после чего мы проводили даже дискуссии.

Среди учителей, которые вообще молодежью не интересовались, из русинов был катехит² о. Алексей Торонский, известный своими учебниками по религии, которыми долгие годы пользовались в школах, и его приятель, доктор Ник. Антонович, тогда уже кандидат в депутаты парламента, позднее переведенный в Перемышль, где долгое время и был депутатом, Юркевич, Стеф. Курилович, Грушкевич, Охримович, который вскоре покинул учительскую службу и был секретарем уездной управы, бургомистром и депутатом, и Иван Верхратский. Этот последний, пришедший к нам во втором классе в качестве одного из молодых суплентов³, без сомнения, может быть назван одним из основных пропагандистов украинства вообще, а для Ивана Франко он стал первым руководителем в достижении того, чего добился Франко своим дальнейшим трудом. Иван Верхратский обучал нас украинскому и немецкому языку, а как естественник, все свободное время отдавал главным образом собиранию и классификации разнообразных насекомых. С этой целью использовал и помощь школьников; за этим делом он узнал Франко как талантливого ученика и привлек его к себе, так что Франко почти каждый день бывал у Верхратского, то приносил

¹ Кружок (польск.).

² Преподаватель катехизиса (закона божьего).

³ Учитель-суплент — выполняющий обязанности учителя.

ему какие-то собранные им насекомые, то приводил ему что-нибудь в порядок. Иногда его подкармливали в доме учителя, а главное — он получал от Верхратского разные книги: Драгоманова, Кулиша, Шевченко и другие, учившие, какой дорогой нужно идти настоящим украинцам. Верхратский и в классе на уроках украинского языка говорил об этом, учил писать «кулишовкою», то есть по фонетическому правописанию (только не в чистых тетрадах). В неклассное время Верхратский устраивал маленькие и большие, ближние и дальние прогулки, главным образом для сбора насекомых, а также некоторых редких растений, а при встречах с людьми интересовался местными говорами. В одну из дальних экскурсий со сравнительно большим количеством учеников Верхратский повел нас в село Урич, где мы переночевали у его знакомого, священника Охримовича; в Уриче мы осмотрели развалины стен, плиты каких-то дворов и комнаты, выдолбленные в скалах.

Верхратский в то время был для нас всех первым наставником; он разъяснял нам, к чему надо стремиться и каким быть, кто мы есть и как должны называться. Все это принесло пользу и Ивану Франко, который был завсегдаем в его доме.

Верхратский всю жизнь трудился для славы и развития своего народа; известны его научные труды, художественные произведения и учебники. К концу жизни он собрал коллекцию насекомых, занявшую восемь шкафов.

В четвертом классе, перед праздником богоявления, Франко на какой-то попутной телеге привез меня с собой в Нагуевичи. Там познакомился я с его матерью, старой женщиной, страдавшей удушьем и поэтому большую часть времени сидевшей на печке, а его отчим — младший ее годами — подавал нам по ее указанию еду; помню, что мне очень понравились пироги, которых я давно не ел. У Франко я провел два дня, а одну ночь мы оба должны были, по желанию старших из церковного братства, ходить с ними колядовать; дело в том, что оба мы пели, а старшие братчики только гудели. Во всех хатах нас угощали, и поэтому мы от всего этого — как от еды, так и от пения — здорово охрипли.

Иван Франко непрерывно читал, даже на некоторых уроках, а будучи в третьем классе, он начал уже и

сам писать, сочинять стихи. Помню, как в четвертом классе, добыв книжечку «Reineke Fuchs»¹, он пришел в восторг. Некоторые ее сцены сместили его так, что однажды во время какого-то урока, просматривая под партой какую-то из таких сценок, он рассмеялся громко, во весь голос. Учитель отобрал у него книжку и вернул только после урока. Тогда же Франко начал писать своего «Лиса Микиту», советуясь и со мною, как назвать его по-нашему; я ничего не мог ему посоветовать, так как считал его намерения несерьезными. Он, однако, добился своего и позже издал это произведение.

Внимательно читал Франко стихотворения Гете и Шиллера, а многие из них и переводил, — я помогал ему в этом, переписывая переведенное начисто с листков бумаги, а он, собравши все это в довольно толстую тетрадь, отослал Белоусу в Коломыю, надеясь, что тот захочет напечатать что-либо. Но на все это никакого ответа не последовало, может быть, и потому, что большая часть переводов была написана «кулишовкою». Припоминаю также, что Франко несколько раз, иногда даже в постели, говорил, как хорошо было бы, если бы человеческое богатство разделить между всеми поровну, и чтобы народ сам себе выбирал правителя и т. д.

В пятом классе после первого полугодия я перешел в Коломыйскую гимназию. Расставшись с Франко, я больше никогда с ним не встречался...

¹ «Рейнеке-лис» (нем.).

Василий Лукич

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Я познакомился с Иваном Франко в октябре 1875 года во Львовском университете, в который мы тогда как раз записались. Франко — после получения аттестата зрелости в Дрогобыче — на философское отделение, а я — после получения аттестата зрелости в Бережанах — на юридическое. Франко появился среди студенческой молодежи уже с репутацией молодого писателя, так как, будучи учеником восьмого класса, печатал уже свои произведения под псевдонимом «Джеджалик» в москвофильском двухнедельнике «Друг», издаваемом во Львове обществом «Академический кружок». Это мне очень импонировало, и я старался быть как можно чаще с ним.

Мы оба записались в члены «Академического кружка», в котором уже были Михаил Павлык, Антон Дольницкий, Клим Охримович, Емельян Калитовский, Михаил Вагилевич и др. К этому обществу нас привлекала не москвофильская идея, а только практические интересы. Украинская академическая молодежь имела тогда два общества: народовцы — «Дружній лихвар» (это общество не имело никакого собственного помещения и занималось только распределением ссуд и вспомоществований своим членам), а «твердые» — «Академический кружок» с собственным помещением из трех комнат (бесплатно в «Народном доме») и с читальней со значительным количеством газет и журналов, библиотекой и т. п. Кроме того, «Академический кружок» тоже выделял своим членам ссуды, имел билеты по сниженным ценам в польский театр, в баню, его члены получали стипендии,

или вспомоществования от «Народного дома», «Ставропигийского института» и т. д. Кроме того, общество издавало двухнедельник «Друг», в котором члены «Академического кружка» пробовали свои силы.

Среди членов «Академического кружка» было значительное количество так называемых «угодовцев»¹, то есть сторонников соглашения с народовцами, а также людей колеблющихся, что проявлялось в разговорах во время собраний. К первым принадлежали Антон Дольницкий, Павлык (сторонник народного языка, но тогда упорнейший этимолог) и я, к другим — Франко. Несмотря на это, мы вместе начали создавать отдельный кружок, часто собирались и в феврале 1876 года начали думать над тем, как бы взять общество в свои руки. По нашей рекомендации в «Академический кружок» к весне 1876 года вступило около тридцати народовцев, среди них Иван Белей (который прибыл из Станислава), Леонид Заклинский, Андрей Павлип, Василий Дидошак, Антон Горбачевский и другие, и на чрезвычайном общем собрании забаллотировали «твердых» и избрали свое правление с Антоном Дольницким во главе. После этого правление «Академического кружка» вступило в переговоры с «Дружним лихварем», в результате чего состоялось формальное объединение двух обществ, которое проявлялось в совместной организации концертов, вечеров, маевок и т. п. В редакцию «Друга» избрали Франко, Павлыка, Дольницкого и меня, изменили его направление, язык и т. п. В редакции, которая помещалась в квартире Антона Дольницкого, мы сходились ежедневно и обсуждали, как же надлежит вести реформированного «Друга» и вообще литературную работу. Нечего и говорить, что душой всего был Франко, как настоящий литературный талант. Тогда-то и зародилась у нас мысль издать литературный сборник, и мы без промедления приступили к сбору материалов, в результате чего осенью 1876 года вышел литературный альманах под названием «Днестрянка» с календарем на 1877 год, где как издатели на заглавной странице были указаны Белей Иван, Дольницкий Антон, Левицкий Владимир и Франко Иван. Франко поместил в «Днестрянке» два рассказа («Два приятеля» и «Лесихина семья») и поэму «Крест Чигиринский».

¹ Соглашателей.

Франко в это время жил вместе с Павлыком и Ярославом Рошкевичем на первом этаже так называемого «бойковского» дома возле костела бернардинов, дом этот потом был снесен и на его месте построено большое здание, в котором теперь находится Центральная кофейня. «Бойковским» это здание называлось потому, что там размещались склады синевидских бойков. В этот дом я заходил очень часто, чтобы встретиться и поговорить с Франко.

Во время школьных каникул 1876 года наш редакционный кружок организовал прогулку в горы. Мы побывали в Велдиже, Мизуни и Сенечове, гостили у местных священников, где вели разговоры о перевороте, совершенном нами в «Академическом кружке», и т. п.; кроме того, мы совершали прогулки с другими студентами, прибывшими в эти места, и с Юлианом Охримовичем (отцом адвоката, доктора Владимира Охримовича), необыкновенно радушным и дружелюбным человеком. Во всех этих прогулках принимал участие и Иван Франко, любовь влекла его к одной из вышеназванных местностей; иногда он отрывался от нас и шел на реку ловить рыбу и раков. Он был очень милым товарищем и своим остроумием поддерживал в нашем обществе необыкновенно хорошее настроение.

Осенью 1876 года мы отдавали много времени нашей университетской учебе и одновременно с этим также редакционной работе под руководством Антона Дольницкого и Франко, который распределял среди нас работу и, как наиболее талантливый из нас и наиболее осведомленный в литературе, давал нам необходимые указания.

Имея в распоряжении довольно сильную студенческую организацию, двухнедельник и другие издания и будучи связанными с Михаилом Драгомановым, мы занимались пропагандой «новой идеи», распространением женевских изданий, не раз вступали в полемику с людьми, значительно более старшими и с более значительным общественным положением, проводили конференции с редакторами народных изданий и т. п. Так, хорошо помню, зашли мы однажды с Франко к тогдашнему профессору догматики Львовского университета (позднее кардиналу) доктору Сильвестру Сембратовичу, который редактировал церковно-народный журнал «Русский Сион», где поддерживал и защищал позиции

народовцев, в его частную квартиру (в нижнем этаже палаты митрополита) на конференцию на тему: что для нашего народа должно быть на первом месте — вера или народность? Разумеется, Сембратович утверждал, что на первом месте должна стоять вера, а лишь на втором — народность, мы же отстаивали обратный порядок. Не помогли никакие доказательства ни со стороны нашего собеседника, ни с нашей стороны, хотя Франко старался, как только мог. После двух часов полемической беседы разошлись с тем же, с чем пришли. Все это я привел для того, чтобы показать, какие мысли волновали нас.

С половины 1877 года начались гонения на виднейших из наших товарищей, допросы в полиции, аресты. Среди прочих арестовали Франко, Павлыка, Белея и других, а по окончании следствия дело было разделено на две части: в одну зачислили членов тайного общества, среди них и Франко, в другую — членов «Громады». Преследования и суд, который приговорил Франко к девяти месяцам тюрьмы, вызвали среди украинской молодежи большой переполох. Она отстранилась от активных выступлений, разбрелась, кто по родне, кто по лекциям (репетиторами) в провинции, и «Академический кружок» снова попал в руки «объединителей».

С той поры пути моей общей с Франко работы разошлись. Франко, которого на суде совершенно безосновательно заклеили социалистом, хоть он им в то время не был, посвятил себя публицистике, сначала — своего народа, а затем и соседской, — к сожалению, не без вины наших руководителей, которые не только боялись дать ему место в наших обществах и издательствах, но и исключили из «Просвіти» и запретили приходить в «Бесіду», — а я — университетской учебе. Но добрые товарищеские взаимоотношения между нами не прервались.

После сдачи теоретических экзаменов во Львовском университете я поступил на практику в суд, а дослужившись там до должности бесплатного авскультанта¹, уволился после более чем трехлетней службы и перевелся в нотариат в мае 1883 года. Первое мое место было в Болехове, куда я переехал с молодой женой. В таком маленьком городке, как Болехов, было довольно много

¹ Помощника.

нашей интеллигенции, а именно: там были священник Озаркевич с семьей (сыновьями Лонгином и Евгением, дочками Натальей Кобринской, Еронимой, после замужества — Величко), начальник суда Кость Старосольский, судебный адъюнкт Юлиан Сельский (Семигинивский), доктор медицины Пидлусский, врач Купловский, нотариальный кандидат Лев Гузар и др. Пребывание значительной части наших людей — и среди них таких заметных, как посол Озаркевич, писательница и организатор женского движения Наталия Кобринская, венские «сичевики» Лонгин и Евгений Озаркевичи, — а кроме того, мое пребывание, как старого товарища, было, кажется, причиной того, что Франко обратил свое внимание на Болехов и стал туда время от времени наведываться. Каждый раз он заезжал в наш дом, где была всегда для него приготовлена отдельная комната, в которой он работал; за обедами и ужинами мы (то есть он, моя жена, мой шурин Лев Гузар и я) сидели подолгу и развлекались разговорами. Кроме того, в свободные минуты совершались прогулки по чудесным окрестностям Болехова. Франко был у нас всегда желанным гостем, и он с радостью бывал в нашем обществе. Однажды он жил у нас около трех недель и, уезжая, записал в моем альбоме очень хорошее стихотворение в двадцать строк. К сожалению, этот альбом, в котором писали наши гости, пропал во время мировой войны вместе с моей отличной библиотекой.

Когда после трехлетнего пребывания в Болехове я перевелся в 1886 году в Стрый, который за месяц перед этим был полностью уничтожен пожаром, тамошние наши земляки — Иван Вахнянин и Кость Горбаль — попросили меня составить литературный сборник, который они решили издать на общественные средства, чтоб от его распродажи собрать фонды на покупку библиотеки, инвентаря и т. п. для наших обществ, также пострадавших во время последнего пожара. Я удовлетворил это желание и составил литературный сборник под названием «Ватра» («Костер»), причем Франко очень помог мне предоставлением своих и чужих материалов. Сборник «Ватра» появился в 1886 году, и критика приняла его весьма положительно.

После краткого пребывания в Стрые, а затем в Залесцах, мы с женой переехали в мае 1886 года в Стани-

слав. Во второй половине 1890 года я возглавил редакцию научно-литературного журнала для семейного чтения («Зоря») и руководил ею до конца 1896 года. Во время моего редакторства Франко помогал мне, обогащая отделы беллетристики, науки, критики и т. п. В этом журнале печатал я произведения Степана Руданского по оригинальным рукописям покойного поэта, которые мне предоставил Франко. В первой половине 1890 года Франко, по моей просьбе, прибыл с докладом в Станислав в качестве члена комитета по организациям торжеств в честь Шевченко, по этому случаю посетил нас вместе со своей женой и был встречен нами сердечно и искренне.

Уйдя от редактирования «Зорі», я отдался профессиональной моей деятельностью, которая поглощала все мое время так, что я не мог принимать участия ни в каких издательствах. Тем не менее мои товарищеские и приятельские отношения с Франко не прерывались. Я сталкивался с ним в наших обществах и учреждениях и навещал его дома. А когда мировая война прогнала меня из родного дома, я очутился во Львове и в 1915 году начал работать в редакционном отделе «Днестра» и в отделе «Просвіти», который поручил мне составить за два месяца календарь «Просвіти» на 1916 год. Франко, хотя и немощный телом, частенько навещался ко мне и обогатил мой редакционный портфель несколькими своими поэтическими произведениями, созданными в 1914 и 1915 годах, из которых четыре я поместил в литературно-научной части календаря, имевшей заглавие «Из великих времен».

Довольно длительное время нас разделяли политические убеждения, однако, несмотря на это, отношения между нами были всегда наилучшими и наисердечнейшими. Хотя Франко был острым критиком, к моей редакционной работе и литературным выступлениям он относился благожелательно и с симпатией. Более того, свою сердечность, благожелательность и приязнь ко мне он проявлял даже в своих произведениях.

Из нашего литературного кружка 1876 года (Белей, Дольницький, Франко, Павлык и я) мне одному довелось проводить 31 мая 1916 года бранные останки нашего гениального товарища к месту вечного отдыха и оплакать горячими слезами ту огромную утрату, которую понесла с его смертью наша обездоленная родина.

Северин Данилович

ФРАНКО — ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИИ В ГАЛИЦИИ

Я познакомился с Иваном Франко в 1879 году, когда после окончания гимназии в Станиславе поступил во Львовский университет. Еще до этого я много знал о нем и был его почитателем, так как еще в гимназии читал журналы «Друг», «Дзвін» и «Молот».

Первый раз я встретился с Франко на лекциях доцента философии Юлиана Охоровича. Охорович тогда еще не увлекался спиритическим мистицизмом, как это случилось с ним позже, и излагал новые направления философии, главным образом говорил о позитивизме Конта и Спенсера в связи с материалистической философией Бюхнера и Геккеля.

Во Львовском университете кафедру философии возглавлял тогда старый профессор Черкавский, который в своих лекциях не шел дальше Конта, поэтому лекции Охоровича, овеянные духом новых течений, собирали большое количество молодежи со всех факультетов.

Знакомство состоялось на философском семинаре, где велась свободная дискуссия по философии Конта. Когда кто-то из товарищей показал мне среди студентов Франко (в то время он еще был студентом), я подошел к нему и высказал несколько замечаний относительно философии Конта, поскольку я еще в гимназии занимался философией и Кантову «Критику чистого разума» уже хорошо проштудировал. На эту тему завязался между нами разговор, и я остался с Франко до конца семинара, а вечером мы вдвоем возвращались из университета.

По дороге мы вели беседу о том же. Я хорошо помню, как тогда мне сказал Франко: «Это в конце концов не столь важно, существуют ли пространство и время только в нас или вне нас, для нашей жизни важны лишь сами факты из жизни природы и человека. Для лучшего устройства нашей жизни важнее логика фактов, нежели логика чистой мысли, и потому нужно прежде всего изучать природу и общественные науки, ибо только через познание законов природы и законов общественной жизни можно лучше устроить жизнь нашего народа».

Разговаривая таким образом, проводил я Франко до самого дома, и он пригласил меня заходить к нему.

С этого времени я был постоянным и частым гостем у Франко, где собирался довольно большой кружок прогрессивной молодежи, среди которой наиболее выдающимися были Андрей Кос, Евгений Олесницкий, Олесков, Иван Белей, Навроцкий и другие, имена которых я уже не припомню. На этих сборах нашим учителем был Франко, он говорил нам, что нужно много читать и учиться, и давал нам нужные книги — в его бедной комнатке была порядочная библиотека.

Главным образом Франко прививал нам любовь к естественным и общественным наукам (к экономическим прежде всего); нередко у нас тут же устраивались дискуссии по прочитанному материалу. Франко был уже в те времена убежденным социалистом, поэтому дискуссии касались главным образом будущего общественного устройства человечества. Долгие дискуссии, помню, велись по поводу романа Чернышевского «Что делать?», и не раз начиналась острая полемика о «государстве будущего», «Zukunftsstaat'e». Франко, как и большинство участников нашего кружка, отрицательно относился к идее централизованного, на казарменный лад устроенного, дисциплинированного «Zukunftsstaat'a», — он был за свободные коммунистические союзы Бакунина.

Сам Франко тогда занимался изучением политэкономии и социологии, немецкой социалистической и русской революционной литературой. По его примеру мы занимались тем же и читали экономические работы Стюарта Милля, Рикардо, Лассалья, много времени уделяли также Прудону. Тогда же я впервые взялся за изучение Маркса.

Само собой разумеется, что при участии Франко в нашем кружке велись постоянные дискуссии о том, наступит ли изменение общественного устройства в результате революции или путем общественной эволюции, много дискутировали по вопросу «утра революции», который тогда часто обсуждался в различных социалистических революционных русских изданиях. Франко, «вечный революционер», никогда не был сторонником внезапного переворота, он отстаивал эволюционный путь развития, путь свободного развития в направлении социализации экономической жизни человечества. Поэтому Франко был ближе научный социализм «Капитала», в котором Маркс развивал картину эволюционного перехода от капиталистического общества к социализации производства, а не «Коммунистический манифест».

Но Франко с молодых лет был поэтом, писателем и художником и, помимо наук общественных и естественных, занимался литературой. Тогда на Западе доминирующее место в литературе приобрел реализм Золя, который как бы соединил изящную литературу с общественными вопросами. Вот почему Франко был большим поклонником реализма в искусстве и боролся против сентиментального романтизма, который еще господствовал тогда среди галицких украинских писателей. Франко тогда увлекался новой русской литературой, внимательно изучал русского критика Белинского, очень любил Щедрина, а также Гейне.

Очень часто в нашем молодежном кругу устраивались страстные дискуссии на тему: что из себя представляет идеал красоты. Франко всегда отстаивал тезис реализма: «Прекрасное есть жизнь», и задача литературы — правдиво изображать жизнь человека и общества, изображать так, как она есть.

В то время реализм в литературе был в глазах галицкой публики великим грехом, каким-то страшилищем, которое стремится уничтожить все идеалы жизни тогдашних галицких интеллигентов; этого реализма боялись не меньше, чем самого социализма. Хорошо припоминаю, что когда один из членов нашего франковского кружка, Е. Олесницкий, объявил в тогдашнем украинском академическом обществе «Дружній лихвар» доклад на тему: «Прекрасное — это жизнь», то один из членов правления товарищества, теперешний директор гимназии К., устро-

ил большую бучу и под угрозой доноса полиции об этом не допустил чтение этого доклада.

В те времена Франко был в близких отношениях с польскими кругами. Он, изгнанный тогда из «порядочного» украинского интеллигентного общества, зарабатывал на жизнь работой в польских прогрессивных издательствах и был в приятельских отношениях с пионерами польского социализма — Лимановским и Дашинским. Во франковском кружке не могло быть тогда и речи о каком бы то ни было национальном шовинизме и ненависти к полякам, — наоборот, в наш кружок нередко приходили прогрессивные студенты и революционеры — поляки и евреи, особенно из России. Мы тогда мечтали о всеобщем братстве народов, о международном объединении всех угнетенных и эксплуатируемых, и не раз у нас были совместные с поляками беседы о том, как сложатся отношения между украинским и польским народами. Однажды даже, кажется в 1883 году, состоялась тайная общая конференция с целью составления проекта польско-украинского соглашения. Из украинцев — я, Франко и Иван Белей, а от поляков — Дашинский, теперешний сенатор, Вислоух и какой-то Залесский, студент из Варшавы, сошлись в одной польской рабочей читальне на Замарстинове и там составили программу соглашения. Припоминаю хорошо, что мы единогласно согласились с тем, чтобы поляки соединились с украинцами для борьбы против российского царизма и чтобы стремились к созданию федерального союза государств, устроенных на социалистический лад. Сговорились также и о том, что одним из этапов осуществления этой программы должна быть организация украинского среднего образования в Галиции и украинского университета во Львове. Идеалом кружка было тогда международное объединение пролетариата для создания нового типа культурного и счастливого человека, «цельного человека», как говорил Франко.

Когда я познакомился с Франко, Михаил Павлык уже давно был в Швейцарии и только позднее, когда вернулся в Галицию, вступил в наш кружок. Он внес в этот кружок новое направление мыслей, драгомановщину, он требовал большего внимания, чем было до того, ко всему, что писал и пропагандировал Драгоманов.

Михаил Драгоманов не был социалистом в полном значении этого слова, как понимали его Маркс и Энгельс, не признавал безусловно верным их материалистическое мировоззрение. Он не считал, что единственной движущей силой общественного развития народов, единственным творцом их духовной и культурной жизни всегда являются повседневные материальные условия общественного производства. Он настойчиво указывал на большое значение в истории человечества врожденных физических и духовных свойств народов и отдельных людей, значение идеалов и морального уровня человечества. Драгоманов указывал, что международное объединение во имя материального благополучия еще не исключает несправедливости в отношении одних народов к другим, что русская и польская «революции» не обнаруживали большей справедливости к украинскому народу, нежели царское правительство, и что русские и польские самые передовые революционеры стремились к тому, чтобы использовать слабость украинского народа в интересах своего народа. Кроме того, Драгоманов в своих работах придавал большое значение тому, чтобы в международные отношения внести чувство справедливости и морали, а с другой стороны, чтобы все интеллигентные люди на Украине взялись за работу во имя подъема и укрепления украинского народа, чтобы украинская интеллигенция усвоила все достижения европейской культуры и свет и силу этой культуры несла в массы украинского народа, чтобы, прорубив окно в Европу, ввести туда весь украинский народ как духовно и материально сильную культурную единицу. Это была руководящая идея всей писательской и агитационной работы Драгоманова. Кроме того, Драгоманов придавал большое значение, так сказать, формальной стороне культурной работы для народа. Он проповедовал, чтобы везде безоговорочно и бесстрашно боролись за справедливость, а справедливость должна быть одна и та же для всех — как для интеллигенции, так и для простого народа. «Несправедливость — непросвещенность», — все повторял Драгоманов. Он постоянно подчеркивал большое значение этической стороны в любом деле. Для него повышение морального уровня человечества было главной целью культуры, и потому Драгоманов добивался, чтобы каждый, кто борется за народное дело на любом поле деятельности, был

прежде всего сам морально стойким. Он всегда говорил, что «для чистого дела нужны чистые руки».

Михаил Павлык был преданным учеником Драгоманова и фанатичным поклонником его идей; для него слово его учителя было до конца жизни нерушимой святыней, которую нельзя ни критиковать, ни подвергать сомнению, а осуществление идей Драгоманова должно быть единственной целью жизни каждого украинца, и этой цели сам Павлык до конца своей жизни следовал строго и с самопожертвованием.

Итак, возвращение Павлыка имело большое влияние на франковский кружок прогрессивной молодежи, которую уже тогда называли радикальной. Он был среди нас, как его в шутку называли, «трубою Драгоманова», которая строгим гласом поворачивала наши мысли от мечты об интернациональном социализме к идейной работе непосредственно в народе и для народа. В этом отношении Павлык был невозможно упрямым и бескомпромиссным, иногда до смешного, так как, кроме «евангелия» Драгоманова, не хотел почти ничего больше знать, а культ самопожертвования и морали в труде для народа проводил строго, до аскетизма, и всех нас, молодых, беспощадно укорял за малейшие наши стремления, хотя бы и совсем невинные, воспользоваться благами жизни. Это, само собою разумеется, имело и хорошее влияние на развитие характеров молодых пионеров народного прогресса. Франко тоже был учеником и большим поклонником Драгоманова, но он, будучи выдающимся интеллектом общечеловеческого размаха, с душою великого художника, не раз чувствовал большую тяжесть той «собачьей обязанности» заниматься мелкими, мизерными делами тогдашней украинской жизни, к чему всегда тянул его Павлык, и даже, как сказал сам Франко, «терроризировал» его; поэтому-то много-много великого таланта Франко ушло на не оставлявшую следа агитационную работу и политическую полемику. И все же Франко и Павлык были искренними и неразлучными друзьями и так всегда и везде поддерживали друг друга, что все представляли их как бы неразделимыми, как сиамских близнецов. И хотя в последующие годы бывали между ними размолвки, все же до самой смерти они были всегда заодно.

Тем временем пришла пора взяться за организацию

широкой работы среди народа для реализации идей Франко и Драгоманова. Еще перед тем вокруг особы Павлыка начал образовываться все увеличивающийся круг крестьян-гуцулов, находившихся под его влиянием, в особенности благодаря помощи его сестры Анны Павлык.

Эта деятельница-радикалка, хотя и не очень образованная, но зато наделенная стойким упорством, неустрашимой смелостью и отвагой, в селах Косовского уезда, где она жила, боролась смело и бесстрашно против неправды и несправедливости, от которых страдала крестьянская и рабочая беднота. За это сестра Павлыка часто сидела в тюрьмах, а простой народ на Косовщине почитал ее как апостола и мученицу за правду. Анна Павлык, можно сказать, была первой проповедницей радикализма среди крестьян.

Время для широкой работы среди народа приближалось. Франковский кружок молодежи после окончания учебы во Львове разошелся по всему краю для разных занятий¹. В некоторых округах началась агитационная работа среди народа в духе новых, радикальных идей. В то время вообще оживилась работа украинской интеллигенции на политическом поприще. Активное участие в этой работе принимали молодые воспитанники Франко. В 1886 году состоялось большое вече в Станиславе, на котором я выдвинул первую экономическую программу улучшения положения крестьян, обосновав программу статистическими фактами. Этот мой реферат об экономическом положении крестьян и их нуждах был принят сотнями присутствующих крестьян с большим воодушевлением. На этом вече уже обозначились сильные противоречия между крестьянством и нашим духовенством, возникшие из-за церковных податей и треб. Вскоре после этого я переехал в Коломыю и там начал совместно с Гиляром Герасимовичем систематическую просветительно-организационную работу в покутских селах и горных округах. Кроме того, в Коломыйской гимназии возник тайный кружок радикальной молодежи под руководством Левка Бачинского, Василя Стефаника и Леся Мартовича. Члены этого кружка,

¹ Соответственно полученному образованию. (Прим. переводчика.)

особенно названные выше его руководители, принимали активное участие и в просветительно-организационной работе в селах.

Тогда же я с Гиляром Герасимовичем при помощи Станислава Щепановского, известного автора «Nedzy Galicyi»¹, который владел тогда нефтяным предприятием в окрестностях Коломыи, основали «Гуцульско-промысловый союз» в Коломые для развития гуцульского домашнего промысла, а при нем первую частную украинскую школу изделий из дерева с народным гуцульским орнаментом.

Этой экономико-просветительной работой мы так организовали Покутье, что на сеймовых выборах 1889 года был избран доктор Теофил Окуневский, который тогда причислял себя по убеждениям к радикалам. Таким образом, у нас уже был радикальный депутат, была уже достигнута довольно значительная организация крестьян. Теперь необходимо было создать отдельную партийную организацию, так как обе существовавшие тогда политические партии москвофилов-старорусинов и украинцев-народовцев ни своей программой (которой, собственно говоря, обе они и не имели), ни тактикой своей деятельности не были согласны с идеалами радикалов и не могли удовлетворить запросы украинского крестьянства.

Созданием особой радикальной партии занимались Франко и Павлык довольно долго, и в конце концов, после разных переговоров и переписки, созвали они с согласия Драгоманова в октябре 1890 года во Львове первый съезд радикалов, который после трехдневных совещаний решил основать особую радикальную партию и 6 октября 1890 года одобрил программу русско-украинской радикальной партии.

На первое учредительное собрание украинской радикальной партии, созданное по частным приглашениям, подписанным Иваном Франко, Михаилом Павлыком и Евгением Левицким, прибыло несколько десятков самых молодых людей, преимущественно студентов университета или недавно окончивших университет. Немалое время заняла дискуссия о том, на какой идейной основе должна быть построена программа новой партии.

¹ «Нищета в Галиции» (польск.).

Все были за то, чтобы поле деятельности новой партии было ограничено украинским народом, живущим в австрийском государстве, так как, несмотря на то что радикалы уже с самого начала поддерживали постоянную связь с передовыми революционными кругами большой Украины, о политической работе среди украинского народа в России, к тому же о работе из Галиции, не могло быть и речи. Впрочем, это должна была быть партия, которая вела бы открытую, легальную работу на основе австрийской конституции. Споры велись лишь из-за того, какую позицию должна занять партия в социальном вопросе. Многие были за то, чтобы создать чисто социалистическую партию с программой, основанной на классовой борьбе трудящегося пролетариата против капитала, то есть за то, чтобы принять социалистическую программу рабочих партий Европы. Я доказывал, что наша программа должна быть иной, чем программа рабочих партий, так как наш народ — это масса мелких малоземельных землевладельцев, и нужно иметь прежде всего в виду то, что необходимо для их общественного и культурного подъема, что у нас нет никакой капиталистической промышленности, которая бы создавала пролетариат. Мы должны заботиться о том, чтобы наш мелкий землевладелец, мужик, мог бороться с обнищанием, просвещаться и путем добровольных производственных союзов постепенно двигаться к социалистическому сельскому производству. Надо, чтобы наш украинский мужик имел землю, просвещение, свободу организовываться и распоряжаться собою, чтобы его не эксплуатировали ни различные представители капитала, ни государство.

Франко и Павлык поддерживали мои взгляды. Окончательно собрание согласилось на создание такой партийной программы, в которой было бы указано наше стремление к осуществлению идей социализма и чтобы вместе с тем в ней были указаны этапы, которыми наш украинский мужик, мелкий землевладелец, придет к этой желаемой цели всечеловеческого развития.

Было решено, что программа радикальной партии должна состоять из двух главных частей — из программы-максимум, которая охватывает основы конечных целей партии, и программы-минимум, охватывающей ближайшие задачи партии. Редактирование программы было распределено следующим образом: Франко

и Евгений Левицкий редактировали «максимальную» часть программы, я редактировал «минимальную», касающуюся хозяйственных и политических вопросов. Павлык занимался вопросами просвещения и культуры. Первая программа украинской радикальной партии была опубликована в издаваемом Франко и Павлыком журнале «Народ» (№ 20 за 1890 год), подписана — мной, Иваном Франко, Михаилом Павлыком, Евгением Левицким и Романом Ярославичем, как членами первого главного руководства русинско-украинской радикальной партии в Галиции. Появление ее произвело огромное впечатление не только на украинцев. Это была первая попытка решения проблем мелкого крестьянского землевладения в духе социализма. А вся программа в целом была окончательным итогом всей идейной деятельности, которая велась в франковском кружке молодежи на протяжении нескольких лет.

Михайлина Рошкевич (Иванец)

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Мой отец был священником в Лолине, Лолинского уезда. Нас, детей, было четверо: моя сестра Ольга, я и наши братья — Ярослав и Богдан. Ярослава отец отдал в гимназию в Дрогобыче. В первом и втором классе он учился отлично, а в третьем за первый квартал получил двойку. Это было большое огорчение для родителей, отец сразу поехал в Дрогобыч, и местные учителя посоветовали отцу, чтобы он пригласил в качестве репетитора Франко, необычайно способного ученика. А директор гимназии посоветовал Франко принять это предложение.

С того времени мне часто приходилось слышать о Франко. Каждый раз по возвращении из Дрогобыча отец рассказывал о его способностях и таланте, о которых отцу говорили учителя. Я, тогда еще молоденькая девушка, с интересом прислушивалась к этим рассказам. Особенно поражало меня, что этот бедный гимназист уже обходится без материальной помощи родителей. Брат мой, приехав на пасхальные каникулы, рассказал, что Франко пишет стихи, мало тратит времени на учебу, но много читает и зарабатывает на жизнь уроками. Третий класс Ярослав закончил успешно и, приехав на каникулы, заявил, что Франко собирается в «вояж» и придет к нам.

У нас дома ждали Франко, который уже окончил тогда седьмой класс. Этот день наступил. Около полудня я спустилась в подвал и слышу оттуда, как говорят, что идет Франко. Выглянула в окошко, которое выходит к парадному крыльцу, и вижу, он поднимается вверх по

ступенькам. Сердце у меня забилося: брат все дразнил меня, что Франко, по просьбе родителей, будет и со мной заниматься. Смерила я его взглядом с ног до головы и вынесла неприятное впечатление.

Поразила меня его одежда: как сейчас вижу его в черном длинном сюртуке, в клетчатых брюках, в сапогах с высокими голенищами, черная мягкая шляпа с широкими полями совсем не шла к этой одежде. Меня очень поразила и перекинутая через плечо палка с висевшим на ней свертком в клетчатом платке. Я решила, что он очень беден...

Гостил он у нас около месяца и в конце каникул ушел пешком.

Вспоминаю, он часто читал сестре, между, прочим, «Фауста», иллюстрированную книжечку малого формата, которую принес с собой. Эту книжечку я до сих пор храню у себя. Через некоторое время сестра наводила порядок в своих книгах и обнаружила, что Франко забыл этот томик. На последней, чистой странице он что-то написал по-немецки, но не припомню что, а когда эта книга попала в мои руки, страница с написанным была вырвана.

Когда Франко был уже в восьмом классе, он снова приехал с братом на пасху. Я с первого взгляда осталась довольна им. Из Долины до Велдижа ехали они почтовым дилижансом, а оттуда часть дороги шли пешком, и я их увидела на пригорке. С удовольствием отметила, что Франко прилично одет: на нем был пепельно-серый, новый, по моде скроенный костюм. Теперь я была смелее с ним.

Когда у нас бывали гости или мы ездили с ним к соседям, Франко принимал живое участие в развлечениях. Особенно восхищал он старших своими декламациями из Шевченко («Гамалия» и др.), любил он декламировать и по-немецки...

После выпускных экзаменов Франко приехал к нам и провел у нас все каникулы, а мой отец в том же году отвез брата во Львов и там записал его в пятый класс украинской гимназии. Он перевел брата в другую гимназию для того, чтобы тот оставался под надзором Франко. Когда Франко был на первом курсе университета, то, как мне кажется, уже тогда просил руки сестры. Сестра долго колебалась, и это должно было выводить его из

равновесия; я не раз замечала, как он вдруг беспокойно выбегал из дому, а когда долго не возвращался, я говорила брату: «Этот Франко какой-то бешеный».

Его диспуты вселяли в меня тревогу, и я стала его бояться.

На прогулках и вечерних беседах мы всегда были вчетвером: Франко, сестра, брат и я, а иногда, если приезжали на время каникул школьные товарищи брата — Василий Полянский, сын учителя гимназии из Львова, и Иосиф Олеськов, сын священника из Скварявы, — то общество наше увеличивалось. Они принадлежали к тем студентам, которые группировались вокруг Франко. В одной из наших бесед Франко затронул вопросы религии, которых, разумеется, мне никогда не приходилось слышать, и я даже предположить не могла, что такие проблемы существуют. Мой брат попросил, чтобы в моем присутствии об этом не говорили. И верно, воспитанная в строго религиозном духе, я тогда очень разволновалась, мне было не по себе, я пережила многое, о чем даже не намекнула близким...

В первый год своего поступления в университет Франко привозил нам для чтения книги Нечуя, Марко Вовчок, Тургенева, Лермонтова и других. В следующем году привозил главным образом русские, немецкие и французские книги. Гейне он любил читать вслух. В те годы его увлекал Золя, он просил сестру, чтобы она его переводила, и мы занялись литературной работой. Франко, как обычно, читал и писал, а сестра переводила Золя. Чернышевского читали с большим увлечением.

Однажды приехал к нам на каникулы студент кадетской школы, сын бывшего лолинского священника, предшественника отца. Это был упитанный паныч с элегантными манерами. Франко он не понравился, и в написанной по-польски новелле он вывел его под именем «пана Мариана». Новеллу он читал сестре вслух и послал в какой-то польский журнал во Львове.

После отъезда во Львов Франко писал сестре, чаще всего по-немецки. Сестра ему отвечала...

Отец, имея в виду способности Франко, возлагал на него большие надежды. У нас все говорили, что он станет со временем профессором университета.

Из впечатлений тех лет упомяну врезавшиеся в мою память диспуты о социализме. Отец хотел убедить Фран-

ко, что эту теорию нельзя согласовать с практикой. Отец и не предполагал тогда, как много будет у нас неприятностей из-за идеи, которой увлекся Франко.

Все шло по порядку, Франко уезжал, приезжал, писал письма. Старался убедить, что у меня есть литературное дарование, что я хорошо знаю народ, его язык, могла бы писать о народной жизни, с этого советовал и начинать. Меня это удивляло и смешило, однако, по его настоянию, я начала в шутку писать и вскоре вручила ему коротенькую новеллку, точнее очерк. Он прочитал, обрадовался, похвалил, к моему удивлению, и взял с собою. Потом я увидела эту новеллку опубликованной в «Молоте», но уже тогда, когда нам не приходилось с ним встречаться.

В том году, когда его арестовали, он приехал к нам на весь май с Павлыком...

После отъезда Павлык прислал мне предлинное письмо на двух листах. Это письмо читали дома все, даже соседская барышня, приятельница сестры. Павлык просил меня, чтобы я переписала это письмо, оставила себе оригинал, а ему вернула копию. Над этим смеялись, но и Франко напомнил мне в письме, что нужно непременно переписать и отослать Павлыку копию, я так и сделала.

Так выглядел первый период моего знакомства с Франко. Второй начался после его ареста.

Когда к нам пришла весть об аресте Франко, в нашем доме все были очень подавлены и опечалены, отец был страшно возмущен Франко, а более всего Драгомановым, который сбил, по его мнению, молодых людей с толку.

Вскоре в доме моих родителей был произведен обыск. Нужно сказать, что обыск в то время считался чем-то страшным, компрометирующим. Но по указанию свыше следователь из Долины произвел его очень осторожно. Предварительно сообщил польскому ксендзу в Велдиже, чтобы тот предупредил отца. Ксендз сразу же приехал и сказал, что сам будет в качестве свидетеля, а вторым свидетелем возьмет своего органиста, а наш староста, простой необразованный мужик-горец, будет присутствовать лишь для порядка. И в самом деле, староста смотрел на эту комедию и ничего не понимал.

Письма Франко и какие-то брошюрки сестра дала спрятать на пасеке. Повытаскивали все выдвижные ящики, полезли на чердак и к вечеру уехали. Позже судья в Долине с похвалой и удивлением отзывался

о ценных научных книгах в библиотеке моей сестры. Это были книги Франко, которые он постоянно привозил. Неприятное впечатление от обыска вскоре забылось.

Не припомню, как долго Франко находился под следствием и на сколько он был осужден (впрочем, это уже известно), помню, однако, что мой брат все время навещал его, снабжал его чистым бельем и прочим. Передавал сестре вести от него, а от сестры — ему. Когда Франко вышел на свободу, они часто переписывались с сестрой. Переписка шла разными путями. Не все письма, посланные почтой, попадали в руки сестры, ибо, кажется, их конфисковывал отец и отдавал лишь те из них, которые находил позволительными. Точно не могу утверждать, но, как стало известно мне значительно позже, от кого — не помню, из-за пропажи писем возникли недоразумения.

Письма доходили еще и так: Олеськов или Полянский присылали книги (разумеется, от Франко), а в книгах содержались длиннейшие письма, написанные таким образом, что требовалось немало времени, чтобы собрать их воедино. Нужно было отыскать по порядку от начала до конца книги отмеченные точками буквы, перенести их на бумагу, и выходило удобочитаемое письмо. Иногда по почте приходило письмо большого формата, а в нем едва лишь пара слов. Меня это удивляло, а сестра просила, чтобы я ей приготовила жженую бумагу со смальцем. Я так и делала, она терла этим чистую бумагу, и, к великому моему удивлению, оказывалось, что весь лист был густо исписан рукой Франко. Иногда письмо смачивалось лимонным или луковым соком, а потом его нужно было погреть над огнем. Разумеется, что о таком способе переписки они должны были договориться. Сестра отправляла свои письма почтой, я передавала их туда через доверенную девушку из села. Я говорила: «Нужно отнести письмо», — а она: «К Франко?» — и раненько бежала с письмом на почту.

Бывало и так, что Полянский приезжал с книгами, привозил письмо и какие-то новости для сестры, но я в их беседах не участвовала. Я не всегда была посвящена во все тайны.

Как-то весной того года, когда Франко вышел на свободу после первого ареста, сестра говорит мне, что он писал, будто приедет в Долину, оттуда через горы

пройдет напрямик к лесу, неподалеку от села, и чтобы мы вышли туда увидеться с ним, после чего он тем же путем и возвратится. Мне было неприятно так обманывать родителей, но я пошла. Сестра сказала, что нужно оставить какие-нибудь условные знаки, чтобы он знал, по каким дорожкам мы идем, и велела мне вязать на деревьях красную нитку: это и будет условным знаком. Меня это забавляло, и я обвязывала веточки нитками и тешилась, что крестьяне будут принимать это за какое-то колдовство.

Мы пришли, но с Франко не встретились. Возвращаемся домой, а мать выходит нам навстречу перепуганная и говорит: «Франко здесь, пришел, может, час назад». Отца не было тогда дома. Сестра разговаривала с Франко очень долго, но я не была с ними в комнате. Было страшно, по крайней мере, мама и я боялись, что будет, когда вернется отец. И эта минута настала. Мама предупредила отца; он был страшно возмущен, долго говорил с Франко и решительно настаивал, чтобы тот оставил все намерения, прекратил все отношения с сестрой и больше не бывал в нашем доме. Такое было время. Франко считали «проскриброванным»¹, отец мой был человеком деспотичным, черствым. На другой день Франко уехал, а может быть, пешком ушел в Долину.

Для сестры это было трудное, грустное время, и я это болезненно переживала. Франко мне было очень жаль.

И снова письма, и снова Полянский и Олеськов, а также и брат играли ту же роль. В то же самое лето, то есть после этой памятной весны, приехал Олеськов на каникулы, и (через него) было договорено, что Франко придет в условленный день в Долину, а оттуда придет в лес. Договорились, Франко назначил день. Накануне и мне сообщили о дне его приезда. Рано утром он уже был в условленном месте. Олеськов и сестра пошли, а брат заранее отнес ему кофе и булки и, вернувшись, сообщил, что Франко на месте. Моим делом было снабжение их провизией. Я пораньше приготовила обед так, что мама об этом и не узнала, нажарила цыплят и приготовила то, что он любит. Позже не раз, вспоминая, удивлялась, как это так получилось, что я не привлекла ничего внимания. После обеда пошли мы вчетвером.

¹ «Проскрибованный» — лишенный гражданских прав.

Много хлопот было с меньшим братом, который увязался за нами. Как-то удалось его уговорить, чтобы он отправился с отцом к работникам, косившим сено. Когда мы уже поднялись на гору, отец увидел нас, но и не предположил, что за горою — Франко.

Франко казался веселым, шутил, ел с аппетитом, а что творилось у него на душе, я тогда уже понимала. Спросил, почему мы не взяли меньшого брата, которого он любил и хотел увидеть.

Мы объяснили причину, — чтобы ребенок не проговорился, что видел Франко. Мы с ним были там почти до захода солнца. И как сейчас вижу его, когда мы, простившись, пошли направо, а он, бедняга, — налево. Жалко мне тогда его было очень. Возвращались мы молча, удрученные. Он показался мне таким бездомным, и это действительно было так.

Два дня спустя кто-то сказал отцу, что жандарм видел Франко в Долине на станции и что оттуда он пошел не в город, а на восток, за город. Отец забеспокоился, а мама возмутилась такими сплетнями.

Все это, от знакомства сестры с Франко до замужества ее, тянулось шесть лет. А сколько было после его ареста тяжелых, очень тяжелых минут! Снова письма, снова посылка книг.

Уже на пятом году их знакомства приехал к нам неожиданно В. Озаркевич из Белелуи. В те времена, если молодой человек приезжал в дом, где есть девушки, уже считалось, что приехал он с определенным намерением. Но родители не думали, что Озаркевич мог иметь какие-либо планы, ибо мой отец был с этой семьей в дальнем родстве и в молодости еще поддерживал с ней близкие отношения.

Сестра (Ольга) на протяжении шести лет жила неподалеку от Белелуи — в Усте-над-Прутом — у маминного дяди, который нанимал гувернантку для своей дочери и моей сестры. Поэтому родственные отношения постоянно поддерживались. Если мои родители ехали в Снятин к родне, то всегда считали своим долгом побывать и в Белелуе. Таким образом, никто не думал, что (Озаркевич) мог иметь какие-либо намерения относительно сестры.

Он был у нас несколько дней, а через некоторое время снова уехал. Когда же он попросил руки сестры,

родители очень хотели, чтобы она согласилась, и им было неприятно, когда она ответила решительным отказом.

Сватовство Владимира Озаркевича длилось около двух лет. Сначала все уговаривали сестру, а потом перестали, и никто ее больше не понуждал к этому.

Этой зимой Франко договорился с сестрой, и она поехала во Львов с двоюродным братом, юристом, сыном дяди. Дядя, а также тетя не препятствовали свиданию. Во Львове служил мамин брат, к нему мы и заехали и в его доме встретились с Франко, который пришел с моим братом. О чем они договорились друг с другом, этого я не знаю...

Письма сестра получала от Франко постоянно, как и он от нее.

Весной снова приехал Озаркевич, и потом его приезды стали повторяться все чаще. В то же время Франко писал Озаркевичу, а о чем, мне рассказывали много лет спустя доктор Озаркевич (Евгений), а также Величко, но все эти рассказы были очень не точны. Как я уже сказала, никто не уговаривал сестру.

Однажды сестра говорит мне, что решилась и уже сказала Озаркевичу, что выйдет за него замуж. В первый момент я не поверила, а когда она начала меня убеждать, я удивилась.

В сентябре сыграли свадьбу, а мне потом кто-то рассказывал (кажется, Олеськов, когда приехал к нам в следующем году на каникулы), что Франко заболел в день свадьбы. Сестра же утверждала, что это неправда.

Из-за чего они разошлись, я не знаю. Сестра говорила, будто она пришла к такому убеждению потому, что, не будучи подготовленной к самостоятельной жизни, стала бы для Франко обузой в его общественной деятельности. Решение созрело после получения письма, где Франко написал: «Моя доля — ветер в поле, не могу я тебя собой связывать». Это письмо и побудило сестру уйти с его дороги. Написал он это под влиянием какого-то сильного волнения, а кто виноват в этом, отец или сестра, этого я не знаю...

Шурин наш стал сотрудником у своего отца, депутата парламента в Вене. Я бывала то у сестры в Белелуе, то у дяди-священника в Снятине. Замечала, что время от времени Франко пишет сестре, а шурин отдает ей письма нераспечатанными. Сестра отвечает. Я удивлялась, но

объясняла это высокими соображениями. Наконец сестра с шурином поехала в Коломыю, и там они виделись с Франко. Меня раздражала эта комедия. Неделей позже в Березове, а может, в Яблунове Франко арестовали. Впрочем, Франко сам об этом рассказывает. Именно тогда он написал «На дне».

На этом их переписка оборвалась.

Однажды Франко был в Белелуе, заехал с зарубежными украинцами, которые, попав в Галичину, обычно посещали в Белелуе дом депутата Озаркевича, а в Яворове дом Окуневских, близких родственников Озаркевичей. В том же году, во время каникул, заехал Франко с Конисским и еще одним украинцем с Херсонщины в Белелую. Об их приезде шурина предупредил телеграммой доктор Теофил Окуневский, который попросил выслать лошадей на станцию к Снятину. Гостили два дня. Я там не была, но был мой брат и сестра шурина — Величко. Ольга избегала встреч с Франко с глазу на глаз, но иногда было заметно, что он хочет поговорить с ней. Велась общая беседа, но временами Франко старался взглядом как бы проникнуть в самую глубину ее души. Об этом говорили мне Величко и брат...

Через некоторое время родня шурина перебралась из Белелуи в Болахов, недалеко от Лолина. Кобринская мне сразу же написала, чтобы я приехала. Грустили они по Белелуе и были рады мне. И я часто их навещала. Кобринская, тогда уже вдова, начала заниматься общественными делами, главным образом женским вопросом.

Я переписывалась с Франко, а когда ездила во Львов, всегда, при всяком удобном случае, виделась с ним. Я была вынуждена ездить во Львов так, чтобы отец об этом не знал, а знала лишь мама... Обычно мы ездили во Львов на два-три дня, и тогда Франко навещал нас. Приходил один, а иногда с Терлецким, Андреем Косом и другими. Кобринская тоже занималась литературой. Время проходило в литературных спорах. Но мы с Франко вспоминали о Лолине, о смерти моего самого младшего брата. Франко жалел его и вспоминал эпизоды из его детской жизни. Меня удивляло, как он помнит о таких мелочах. Как-то попросил он меня о каком-то одолжении, а в конце подчеркнуто добавил: «Скажите только своему отцу, а он так меня любит, что, конечно, сделает это для меня». И злобно засмеялся.

Подобные встречи повторялись, а если его приглашали в Болехов, то обычно я в это время отсутствовала. Иногда после посещения Франко Кобринская была раздражена, жаловалась мне, если Франко не соглашался с ней по какому-либо вопросу и решительно настаивал на своем. Была она женщина чувствительная, легко могла прослезиться, а я брала Франко под защиту.

Когда я видела его на концертах и благотворительных вечерах, то замечала, что хорошенькие барышни-прогрессистки (таких было немного) искали общества Франко, а он с удовольствием с ними разговаривал; барышни рассчитывали на него, а Франко этого словно и не замечал. Наконец дошли до нас слухи, что Франко женился на Украине. Все, кто был с ним в близких отношениях, удивились, особенно те, с кем он был дружен.

Вскоре после этого умер мой отец, а я хоть и поддерживала отношения с Болеховом, но о Франко словно забыла. Когда мы покинули Лолин, мама уехала в село около Станислава, где шурин был священником, а меня не отпустили родители шурина, а также Кобринская, и я осталась в Болехове...

Мы с Кобринской хотя и редко, но ездили во Львов и всегда при случае бывали у супругов Франко. Он уговаривал меня продолжать писать, и под его давлением я написала новеллку и повезла к нему. Франко просил прочитать ее вслух, но при этом присутствовала Кобринская и его жена. Мне было смешно, но он был так доволен и так меня упрашивал, что я решилась прочесть. По его глазам поняла, как это его обрадовало; новеллу он взял и вскоре где-то напечатал. Был он ко мне дружески расположен, как и я к нему: ведь столько лет мы были знакомы и при таких обстоятельствах! Когда бы мы ни приходили к Франко, почти всегда заставляли его за письменным столом. Дети его — Андрей и Тарас — были еще маленькими, и мы однажды видели, как он держал одного из них на одном колене, другого — на другом и так писал.

В 1889 году к нам в Болехов приезжали какие-то студенты, а с ними приехал Деген и гостил два дня. Деген уехал в Турчинские горы, где находились две его сестры, которые вместе с ним приехали в Галичину. Деген сказал Кобринской, что, возвращаясь на Украину, заглянет

к нам. В то время все каникулы провела у Кобринской Ольга Кобылянская.

Кобринская сказала, чтобы мы все трое, то есть Кобылянская, сестра Кобринской (позднее — Величко) и я, послали к сестрам Дегена приглашение приехать к нам вместе с братом. Мы написали, но, пока наше письмо могло попасть в их руки, разнеслась весть, что Дегена с сестрами и Франко арестовали. В Болехове мы пережили страшный переполох, ждали каждую минуту обыска, несмотря на то что отец Кобринской уверял, что в его доме не может быть обыска, ибо его дом — дом депутата парламента — неприкосновенен. Мы думали иначе. Кобринская помещалась со мною во флигеле, следовательно обыск могли произвести у Кобринской, хотя флигель и принадлежал отцу.

У Кобринской было много писем от Франко, Павлыка, Драгоманова, Терлецкого и других. За письма Франко боялись все, боялась и Кобринская. Она перед этим только что возвратилась из Львова, куда ездила с Величко только затем, чтобы лично познакомиться с Франко. Кобринская отнесла все эти письма на хранение к одной даме-польке, с которой была в приятельских отношениях. Та взяла, но в десять часов вечера принесла их обратно. Она была взволнована и сказала, что возвращает эти письма, так как ее старуха мать перепугалась, что она из-за этого может потерять свою должность. Мать Кобринской беспокоилась, что ее дочь доверилась польке. Мы ее успокоили насчет порядочности этой женщины. Однако что теперь делать с письмами? Кобринская с Кобылянской решили их закопать, вырыли ямку около амбара и закопали. Я и Величко стояли на страже, чтобы кто-нибудь не подсмотрел. И так как с минуты на минуту ждали обыска, то как только закопали, тут же поняли, что влажная разрытая земля может навести на след. Выкопали письма и загрузили. Тут мне пришла в голову остроумная мысль, над которой мы долго смеялись, но письма она нам помогла сохранить.

В то время в Долине был староста, который преследовал украинцев. Если в доме священника появлялись в гостях студенты с зарубежными украинцами, то можно было уже ждать обыска. Поэтому в некоторых домах таким гостям не были рады и даже старались отделаться

от них. Я боялась, что из-за письма, которое мы написали сестрам Дегена, нас могут арестовать. Величко смеялась, Кобылянская называла меня «Hasenfuss»¹. Но больше всего нас беспокоила участь Франко, нам было жаль его жены и их малых детей.

Обыска у нас не было лишь потому, что дом депутата пользовался правом неприкосновенности. Но Кобринскую вызвал на допрос следователь, приехавший из Львова. Об этом сюрпризе нас предупредил заранее один доброжелательный судейский чиновник, который под видом поездки на охоту передал эту неприятную новость, да и то лишь через забор, даже не входя во двор.

На другой день после этого вызвали Кобринскую в суд. Она долго не возвращалась, что взволновало родню и меня; я заявила, что пойду ей навстречу. Встретилась я с Кобринской, когда она уже, усмехаясь, возвращалась из суда. Спрашивали о знакомстве с Франко и «чи пані ве, цо то ест соціализм?». Кобринская начала обширную лекцию, которую следователь старался прервать — подробное изложение было ему ни к чему.

Не вспомню, как долго сидел Франко в тюрьме, — Впрочем, теперь это уже известно...

Однажды я получила телеграмму: просили немедленно приехать во Львов на похороны тети, старенькой сестры моего отца, которая умерла в монастыре у василианок. Со мной поехала и Кобринская. Тогда во Львове жил доктор Лонгин Озаркевич, он был семейным человеком, и мы все заехали к нему. Приехала и моя сестра с шурином. На похоронах мы заметили, что доктор Озаркевич был чем-то очень взволнован, молча куда-то все время выходил. Причиной его волнения было то, что в этот день должна была состояться дуэль между доктором Теофилом Окуневским и польским дворянином Розвадовским. Только после того как поединок закончился счастливо для доктора Окуневского, Озаркевич открыл нам причину своего волнения. Местные украинцы были очень взволнованы этим поединком и в тот же вечер решили собраться в честь доктора Окуневского. Приглашены были немногие. Пришел и Франко с женой. Она в этот вечер выглядела хорошо. Оба были соответствующим образом одеты. Франко был оживлен, пред-

¹ Трусикой (нем.).

ставил свою жену сестре, и они поговорили. За ужином Франко попросил меня, чтобы я села рядом с ним, сердечно говорил со мной и, между прочим, сказал, что одна моя новелла годится и для драматической сцены. Он радушно к нам относился и все стремился сделать для меня приятное.

Провозглашались тосты, речи, а сам Франко говорил так красиво, что мне казалось, будто сыплется жемчуг.

Вскоре после того, как я виделась с Франко на вечере в честь доктора Окуневского, я вышла замуж и выехала из Болехова. Жили мы далеко от Львова, и вести о Франко доходили до меня редко. Через несколько лет мой муж стал священником в Ременове, около Львова, и я время от времени снова стала встречаться с Франко. Кобринская в это время тоже жила во Львове и помогала нашим встречам.

Во время одной из встреч он сказал мне: «Погубили вы свой талант». Я ему в ответ: «Не умею ни читать, ни писать, а меня хотят попом избрать». А он мне: «Говорю вам — пишите, мне нужна еще одна ваша небольшая новелла, чтобы я мог издать их все вместе».

Как-то я посетила Франко и просидела у него от полудня до вечера. Спрашиваю у его жены, где их дети, а она: «Зачем они вам?» Было их тогда уже четверо, и старшие уже учились. Говорю, что мне интересно увидеть их, а она: «Где-то по улицам гоняют, их целыми днями нет дома». Так я их в тот день и не увидела.

Пришла я к ним и после того, как их обокрали — забрали все серебро. У них тогда еще не было собственного дома, нанимали квартиру они на первом этаже. Стол стоял в кухне у окна, а в ящике было все серебро. Я сказала, что такие вещи так не держат. Франко совершенно равнодушно отнесся к этой пропаже, а жена его сказала, что бедные воры тоже должны чем-то жить...

Мои ничем не примечательные визиты к ним время от времени повторялись. Бывало и так, что я долгое время не заходила к ним.

Они уже жили в своем доме, когда Кобринская написала мне из Болехова, что у Франко большие материальные затруднения и неприятности, чтобы я сразу же зашла к ним; при этом (она) указала, как мне следует поступать.

С того времени я снова начала посещать Франко.

Из моих посещений вспоминаю тот день, когда я пошла к ним со своим старшим сыном, — это было в конце 1913 года. Жена Франко была тогда серьезно больна и в нервном возбуждении говорила много неприятного о своем муже. Сын при этом сидел за столом, делая вид, что рисует, а я старалась перевести беседу на другую тему. Франко выглядел спокойным. Спросил меня о сестре (сестра жила тогда у нас в Ременове, так как шурин уже умер). Я рассказала ему о ней. Он попросил, чтобы я с сестрой зашла к ним; я ответила, что она ни за что на свете не придет. А он сказал: «Ну, тогда я сам приду к вам».

Когда я с сыном уходила, Франко проводил нас. Сын шел в сторонке, а мы рядом. Франко стал жаловаться на свою долю и, между прочим, сказал: «Она (то есть жена) все говорит, что у нее было много женихов, но почему эта судьба ждала меня, почему не другого?»

Вскоре приехала моя сестра во Львов. Доктор Озаркевич просил ее об этом, так как его жена была тяжело больна. К весне Ольга уехала к дочери в Рудно, но хотя она жила во Львове или недалеко от Львова, с Франко не встречалась.

Началась война, первые месяцы я не виделась с Франко. Лишь когда наших сыновей вывезли в Сибирь, а муж мой был лишен права выезда из Львова, я, убитая всем этим, не раз забежала на улицу Понинского за советом. Франко утешал меня, говорил, что дети не погибнут в Сибири, что возвратятся, что русские обеспечат их всем необходимым — теплыми тулупами на зиму и т. п.

Мы жили на улице Софии в одном доме с Величко, и Кобринская была тогда с нами, но Франко в то время не посещала.

Он уже был болен, ослабел, что было заметно по его походке. Нас утешал, а сам был таким одиноким: сыновья на войне, жена в лечебнице, только и утехи, что письма от детей. За домом присматривала пожилая женщина.

Накануне его смерти я с ним не виделась. И вот пришло известие, что Франко умер. Сестра со старенькой мамой жила тогда на улице Софии. Величко рассказывала мне о величавости похорон. Похоронная процессия двигалась по улице Софии, а сестра наблюдала со второго этажа.

Позже, когда сестра жила у своих детей на Подвальной улице, вдова Франко заходила к ним несколько раз. Она болела, но все же что-то тянуло ее туда. Говорила в основном о своих детях. Я с нею виделась на похоронах моей мамы. А через несколько месяцев я потеряла мужа и уже перестала интересоваться ею. Если бы не собственное горе, навещала бы несчастную больную.

Не мешает вспомнить, как создавались некоторые стихотворения Франко,— например, «Галаган». В начале нашего знакомства я рассказала Франко об одном событии еще из моих детских лет. Как однажды днем в воскресенье я со старшим братом зашла в кухню. Пришел мальчик из села, лишь в одной «довганке»¹, в каких обычно ходили дети горцев. Была зима, на дворе выпал глубокий снег. У брата в руке была монета достоинством в четыре крейцера, ее крестьяне называли «галаган». Брат зарылся в снег и сказал этому мальчику, что если и он зароется в снег, то получит «галаган». У мальчика заблестели глаза, и он тоже зарылся в снег, за что и получил галаган. Я сказала об этом матери, она рассердилась на брата, а это приключение осталось в моей памяти. Рассказала я об этом Франко, а почему — не знаю. С мальчиком ничего не случилось, он даже не заболел. Вскоре появилось стихотворение «Галаган», а я тогда показала (Франко) этого парня, дескать, живой, не умер (как в его стихотворении)...

Хочу добавить, что много писем от Франко сестра сожгла, и кажется мне, что среди других все те, которые были написаны после ее замужества. После смерти Франко жалела я, почему не спросила у него, что было главной причиной их разрыва. Пока он еще не женился, я не имела бы мужества спросить, чтобы не трогать затянувшуюся рану. К тому же я была не из храбрых. Позже, когда он женился, я не спросила из-за его жены. А после его смерти подумала, что можно было бы спросить. Франко мог полагать, что я знаю обо всем подробно. Сестра же моя всегда была замкнутой, скрытной и не считала нужным рассказывать мне о себе...

¹ Довганка — длинная сорочка.

Мария Белецкая

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ФРАНКО

...В 1883 и 1884 годах я снимала вместе с приятельницей Ю. Карачевской комнату на Академической улице. Туда часто заглядывал Франко с моим родственником В. Коцовским (Корженко, Голка). Привлекала их, очевидно, атмосфера светлой, чистой комнаты и те вольные беседы, которые вели они в нашем доме. Приходили они всегда около семи часов вечера. Коцовский обычно начинал беседу каким-нибудь провокационным замечанием, наверное, специально для того, чтобы вынудить нас отреагировать на него. Оба от души радовались, когда Коцовский получал от нас достойную отповедь на свои саркастические остроты. Во время этого словесного поединка Франко часто записывал что-то в свою записную книжку.

После короткой веселой болтовни разговор переходил на серьезные темы. Все актуальные вопросы дня занимали свое место в дискуссии. На первый план постоянно выдвигалась политика. Далее шли беседы о задачах печати, друзья по работе обменивались замечаниями о рукописях. Последние номера «Діла», «Зорі», «Зеркала» или «Kujęga Lwowskiego» тоже давали темы для бесед. В те времена Франко-революционер не мог найти работы среди своих. Он был сотрудником «Kujęga». Лозунги космополитизма и их влияние на угнетенные народы, а также социальные вопросы очень волновали умы молодых работников пера. Все слои общества выдвигали множество проблем. В дискуссиях часто сталкивались противоположные точки зрения, однако

без предубеждения и пренебрежения к мыслям противника. Иногда проходило несколько часов, а нам (то есть приятельнице и мне) казалось, что промчалось одно мгновение... Обычно Франко говорил: «Время позднее, пора кончать беседу, дамы скучают». Но «дамы» не скучали, хотя чувствовали себя такими маленькими рядом с гигантом духа, что считали молчание наиболее уместным во время ученых бесед гостей... Приятно вспомнить эти вечера, которые раскрывали богатейшие сокровища знаний, ни единым словечком не коснувшись частной жизни ближних.

В моей памяти стерлось, когда именно пришел конец дискуссиям. Но еще всплывают в памяти вечера иного характера. Приехала на квалификационные экзамены моя сестра Ольга Билинская. А с нею словно праздничное настроение вошло в дом. Велась общая веселая беседа. Для разговоров на политические темы не оставалось времени. Франко расспрашивал об условиях жизни сельской учительницы, интересовался экзаменом, изъявил готовность помочь в подготовке к нему. Однажды он пришел и застал у нас моего брата с товарищем, который пел приятным лирическим тенором. Плыла одна песня за другой, будила грустные аккорды в душах молодых слушателей. Все мы тогда были молоды. Песенки «Понад тими гороньками» и «Одна гора високая, а другая низька» пленили нас. Мы задумались. Никто не шевельнулся. Франко в грустном настроении опустил голову. Вдруг поднялся и, не глядя ни на кого, вышел из дому. Под опущенными ресницами блеснули слезы. Они покатались по лицу. Напрасно поэт хотел их скрыть от нашего взора, мы заметили его волнение. Певец умолк. Гости разошлись.

После экзамена Ольга должна была вернуться к своим обязанностям. В день ее отъезда Франко расспрашивал, какие книги ей присылать, просил высказывать в письмах свои мысли о прочитанном.

Прошло несколько дней. Как-то ранним утром постучали в окно.

— Кто там?

— Революция! — был ответ. — Я привез вам книги. Лучше привезти самому, чем высылать почтой, — сказал гость.

«Не знаю, какая сила влечет меня в Цишки», — пи-

сал Франко в одном из писем Ольге. Часто ходили на почту посланцы из школы. Для Ольги судьба открыла миры, о которых душа мечтала с юных лет. Она нашла источник, утоляющий жажду знаний.

Но недолго грело солнце. На небосводе собирались тучи, которые омрачили светлые дни. В июне 1884 года в «Зорі» появилось стихотворение Ивана Франко «Думка»:

Когда я вижу, как в толпе нарядной
Бредет вдова, а с ней ребенок нищий,
И взгляд его, измученный и жадный,
С тоской взывает о тепле и пище,
Как он дрожит в лохмотьях, на морозе,
Исхлестан ветром и бездушьем сытых,—
Огнем пекут мне сердце эти слезы,
Вся скорбь голодных, нищих, неукрытых.
Я думаю в тревоге: «Да, быть может,
Когда меня навек возьмет могила,
Ты хлеба у людей попросишь тоже,
Как нынче эта нищенка просила!
Лицо, что, как надежда, мне сияло.
Глаза, что свет и радость излучали,
Все, чем я жил и чем дышал, бывало,
Померкнет и угаснет от печали!
И дети наши — ох, как сердце сжалось!—
Под мокрым снегом, босы, неодеты,
В слезах, с мольбой, тоскуя и печалась.
Как нищие, пойдут бродить по свету».
И я даю дрожащею рукою
Последний грош и думаю: «Быть может,
Прохожий сжалится и над тобою
И нашим бедным сиротам поможет».

(Перевод Л. Длигача)

Пессимистическое настроение, окрасившее это стихотворение, взволновало Ольгу. Оно говорило о том, что перспектива совместной жизни вызывает в душе автора призрак материальных невзгод. Эта тяжелая проблема становится главной темой переписки. Я не читала ни писем Франко, ни писем Ольги, но кое-что сохранилось в моей памяти из бесед с Ольгой, которые я вела с ней уже тогда, когда время стерло яркие краски былых переживаний.

Ольга из чувства ответственности решила уйти с дороги писателя, чтобы не мешать свободному полету поэта к вершинам творчества. Франко, в свою очередь, уверял, что настроение, изливающееся в стихотворении, не всегда является точным отражением душевного состоя-

ния поэта. Часто в творчестве сказываются мимолетные, посторонние влияния, так случилось и со стихотворением «Думка». Написано оно было давно, как вспоминал позже Франко, под впечатлением бесед с «вашим свояком» (Коцовским). Он постоянно рисовал ужасные картины семейной жизни, построенной на шаткой материальной основе. Настроение прошло — стихотворение не должно было попасть в печать. Появление «Думки» в «Зорі» в июне 1884 года Франко приписывал случаю. Рукопись случайно попала под руки, легла на редакторский стол и пошла в печать без всяких предвзятых намерений. Как бы там ни было, но стихотворение, словно в зеркале отразившее состояние души поэта, было опубликовано. И уже не было возможности сделать его незаметным или забытым как в печати, так и в человеческой душе. В письмах Ольги, где затрагивается тема будущей жизни, заметны тяжелые размышления. В ее душе боролось личное чувство с голосом, который выдвигал на первый план благо сеятеля золотого зерна на родной земле.

Когда окончательно решился вопрос — мне неизвестно. Также остались покрытыми тайной пути, которыми сердечные друзья пришли к непреодолимой каменной стене, разделившей их. Взаимный возврат писем, а потом сожжение их лишает нас возможности проанализировать ход мыслей той и другой стороны.

Мы встретились через два года. Мы обходили молчанием переживания Оли. Лишь иногда ронялось какое-то слово, приоткрывавшее край завесы минувшего.

Впечатление от последней встречи Ольги с поэтом глубоко запало в мою душу. За несколько недель до своей смерти Ольга последний раз возвратилась к этому мучительному эпизоду — кровью сердца нарисовала его. Я отважилась задать вопрос:

— Кто виновник разрыва? Франко или ты?

После минутного молчания раздался ответ:

— Мы не порвали отношения, а разошлись добровольно. Такие связи не рвутся.

«Добровольно разошлись, а немая боль осталась», — мелькнула мысль.

Впоследствии я при случае узнала, что Франко единственный раз был в Добровлянах. Там учительствовала Ольга. Вероятно, летом 1885 года. Однажды, через

несколько месяцев после того, как в Цішках состоялся взаимный возврат писем, Ольга проводила занятия в классе. В коридоре послышался громкий разговор — там словно спорили. Как гром с ясного неба поразил Ольгу,— это служанка удерживала Франко перед дверями класса... Неожиданное событие обессилило мысль, лишило дара речи. После минутного оцепенения Ольга автоматическим движением руки направила гостя к другим дверям. В комнате, молча, таким же движением указала на стул. Скванность мысли не проходила. И в то же время каждое слово казалось лишним. Оно могло выдать то, что творилось в душе.

Франко первый задал вопрос:

— Как вам живется, как чувствуете себя?

— Очень хорошо,— раздался холодный ответ.

Зашел разговор о количестве детей в классе, о количестве часов, о тяжелом учительском труде. Каждая тема исчерпывалась вопросом и коротким ответом. После долгого молчания Франко вышел из дому. Духовное равновесие не возвращалось...

Ироническая судьба насмеялась. Она злорадно смотрела на холодную маску, прикрывавшую светлое пламя души. Гордость, замечательная черта человеческой психики, сыграла в этом случае злодейскую роль. Ясное понимание ситуации разбудил в Ольге ее собственный голос. Она увидела себя как бы со стороны, словно кого-то чужого, кто, беспомощно оглядываясь, спрашивал: «Сон или явь?»

Ответа не было. Голос наболевшей души блуждал где-то в безграничных просторах. После долгих скитаний коснулся крылом струн души поэта. Они зазвучали:

Повстречались мы с тобою,
Только несколько минут
Говорили, рядом стоя,
Словно вдруг случайно двое
Земляков сошлись тут.
Что-то я спросил такое,
Мне не нужное вполне,
Про идеи, но пустое,—
И не то, совсем другое,
Что сказать хотелось мне.
Рассудительно ты, панна,
И свободно речь вела.
Мы расстались, как в тумане,
Только ты мне на прощанье
И руки не подала.

Ты кивнула, кончив дело,
И пошла к себе домой;
Я стоял остолбенелый,
И бессильный и несмелый
Взгляд мой крался за тобой.
Я ведь знал — в минуте этой
Рай скрывался мой тогда!
Два-три слова, но согреты
Обаянием привета,
Всё решили б навсегда.
Проиграл! Своей рукою!..
Не поставить ставку вновь...
Что в душе щемит такое?
Это, пьяная тоскою,
Безнадежная любовь.

(Перевод А. Ахматовой)

В непоколебимой вере, что стихотворение Франко «Повстречались мы с тобою...» рисует последнюю встречу его с Ольгой, передаю полный текст стихотворения.

Автограф Франко на книге, предназначенной для Ольги, пусть послужит в этом случае основанием так говорить о событии, не подтвержденном никакими документами.

Искреннее преклонение перед творцом великих духовных ценностей и дорогая для меня память Ольги диктовали полную объективность в освещении всего этого эпизода.

Ульяна Кравченко

ИСКРЕННИЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ

С раннего детства я росла в литературном окружении. Мои родители жили в 1860—1869 годах в доме Леонтия Устияновича, бывшего бургомистра городка Николаева над Днестром, — отца Николая Устияновича, известного прозаика и поэта. О нем я слышала многое от членов его семьи. Брат Николая Устияновича, тогда молодой студент, декламировал его стихи. Нежные слова «Рекрутки» и «Балованного ребенка» чаровали меня. Мне, маленькой девочке, казалось тогда, что поэты — особая каста, а поэзия — таинственный обряд. Я хотела познакомиться с Николаем Устияновичем. Мне казалось, что он чародей, открывший источник красоты. Но Николай Устиянович жил тогда в горах, в селе Славске, а в 1870 году переселился на Буковину, и мне так и не довелось увидеть живого поэта.

А когда позже читала стихотворения Юрия Федьковича и пожелала узнать этого поэта, то опять же не видела даже портрета певца Зеленой Буковины.

В 1877—1881 годах, когда училась во Львовской учительской семинарии, я заинтересовалась творчеством поэта И. Я. Франко, который писал стихи под псевдонимом «Мирон». Слова его песен окрыляли, вызвали уважение к нему и какой-то страх: он казался одним из недосягаемых и недоступных гигантов духа, идеи которого опередили поколение его современников. А его идеи не были мне чужды. О социализме я слышала от инженеров, которые в 1872 году прокладывали желсзнодорож-

ную линию в моем родном городе. И слова «on communi...», «tout, est, a tous»¹ оставили отзвук в душе...

В журнале «Друг» читала я стихи, из которых в 1914 году Франко составил сборник «Из дней моей молодости». Читала также сборник «Баллады и рассказы», изданный в 1876 году. Уже первые произведения Франко шли вразрез с тогдашними читательскими вкусами, но он решил служить общечеловеческим, прогрессивным, гуманным идеям. Вот почему он встретил ненависть ретроградов, клевету и нападки и наконец угодил в тюрьму.

В 1878 году, когда я интересовалась его творчеством, он писал:

За что меня цепью сковали?
За что мою волю отняли?
И кто и за что осудил?
За то, что народ свой любил?

И, заживо здесь погребенный,
Гляжу я, лучом озаренный,
На яркое солнце в окне,—
И кровь закипает во мне.

(Перевод С. Обрадовича)

Я думала о таких борцах и сочувствовала им вместе с автором:

К битвам новым лежит нам дорога —
Не за царство тиранов, царей,
Не за церковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.
Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое,
И свободные труд и любовь!

(Перевод С. Городецкого)

В стихотворении к товарищам из тюрьмы Иван Франко говорит:

Рвутся старые наши оковы,
Что привыкли мы в жизни носить:
Расковаться и мысли готовы —
Будем жить, братья, будем мы жить!

(Перевод С. Городецкого)

В семинарии среди приятельниц я чувствовала себя одинокой — поддерживали меня слова поэта и предчувствие, что в жизни мы встретимся. Наиболее сильное впе-

¹ Общее, все для всех (франц.).

чатление на меня, юную девушку, произвели стихотворения «Беркут», «Наймит», «Каменоломы». Я горячо желала познакомиться с поэтом, автором пламенных строк. Желание не исполнилось — Франко подвергнулся аресту, его преследовала полиция, а я жила у представителя власти, судебного советника. Меня привлекал ореол революционера, борца за идею. Молодая, вольномыслящая девушка, увлеченная литературой и революционными идеями, видела в нем идеал. Еще не признанный официально как литературный вождь, он был для меня новатором формы и содержания в поэзии. Мое воображение рисовало портрет Франко по его произведениям. Гимн «Вечный революционер» ярче всего характеризовал для меня его внешность и духовный облик сильного своей индивидуальностью Каменяра, который, разгоняя тьму, указывает людям новый путь.

Еще с детства я преклонялась перед великими людьми. Вглядывалась в портреты писателей, если находила их в каком-нибудь издании. Я знала портреты всех писателей с мировыми именами. Знала суровый лик Данте, флорентийского изгнанника, красивую кудрявую голову Байрона, сражавшегося за свободу Греции. Знала и автора «Онегина», который еще молодым погиб трагической смертью от руки царя. Среди этих портретов в моем воображении рисовалась фигура поэта, который несет в руках огонь и указывает людям путь.

А судьба его — как судьба всех поэтов — с точки зрения материального благополучия — незавидна... Они, эти поэты, постоянно борются и страдают. Но они оптимисты и верят в свою долю и в лучшее будущее всех людей. Только нужно выдержать невзгоды, повторяя вслед за Франко: «Я буду жити—бо я хочу жити». Хотя пионерам прогресса мешают злые люди — мир прекрасен в своем вечном движении, и кто чувствует себя частицей мира, тот не струсит и не оставит своего творческого труда.

Двадцать пятого августа 1883 года сдала я квалификационный экзамен во Львове и вернулась в Бибрку, где учительствовала уже два года. Долгие осенние вечера были в этом году отданы арифметике и геометрии. Я хотела подготовиться к экзамену на должность учительницы средней школы, чтобы устроиться в большом городе. В Бибрке мир искусства для меня был закрыт, условий для творчества не было.

Книги дорогих мне поэтов я отложила, а мечты о творчестве похоронила... Осенняя декорация — мелодраматическое настроение... Не хотелось видеться со старыми знакомыми. Не хотелось возвращаться к прежнему «milieu»¹. Кажется, что я снова поднялась ступенью выше и смотрю на мир не так, как люди. Ничто меня не трогало. Не знаю, кто виноват, что я одинока. Может быть, никто не виноват и ничего необыкновенного в моей жизни нет. У меня только поэтическая натура и мучительные поиски своего «я».

Занятая правилами Пифагора, с большим изумлением получила я в первых числах ноября письмо, написанное незнакомым, характерным почерком. Это было первое письмо от Ивана Франко. Незнакомый, но близкий по духу, он решил мою судьбу... С того времени началась наша переписка, которая прекратилась лишь с его смертью в 1916 году. Из большого эпистолярного наследия сохранилась едва половина.

Первые письма пространны, написаны еще для незнакомой коллеги-поэтессы. Содержание их — указания, советы, поучения великого мастера слова. Однако с того момента, когда Иван Франко четырнадцатого декабря 1883 года приехал ко мне в Бибрку, чтобы наконец лично познакомиться, — содержание писем изменяется, и, как сам признавался, он «касается других нежных струн». Письма эти, как человеческие документы, многое говорят об их авторе, но они предназначены лишь для одного лица.

Иван Франко в своем первом письме просит извинить, что лично не знаком со мной. Знает меня лишь по рассказам учителя Е. Гордиевича (о нем я писала в «Вспоминаниях учительницы») и профессора² Партицкого, редактора «Зорі», которому я, еще будучи школьницей, посылала свои повести и рассказы. Профессор Партицкий дал мои повести на рецензию Франко, который был тогда сотрудником журнала. По рассеянности, я оставила между страницами рукописи стихотворение, не предназначенное для печати, написанное карандашом, — «Вспомни меня, милый». Но именно это стихотворение и понрави-

¹ Окружение (франц.).

² Профессорами в то время называли и учителей гимназии (Прим. составителя.)

лось Франко. Он заинтересовался автором и поэтому написал мне. В письме он просил извинить, что подправил мое стихотворение. Дружескими, сердечными словами он подбадривал меня и обещал помощь в работе. В том же письме он говорил, что я с пользой смогу трудиться на ниве родной литературы, но советовал писать только стихи.

Когда в ответ на первое письмо я написала Ивану Яковлевичу: «Думаю, что мне необходимо продолжать писать прозой», — он сразу же ответил во втором письме: «Прочел Вашу повесть «Настроение душ» и убедился, что у Вас больше способностей к поэзии». Но «сенс» (смысл), — как пишет Франко, — моего обращения к Вам такой: «Я советовал бы Вам прочесть где-нибудь в грамматике «просодию» и «построение стиха», познакомиться с ямбами, хорейми, дактилями, амфибрахиями и прочими диковинами в том же роде. А потом — читать стихи выдающихся мастеров. Если у Вас нет такой книги, где было бы что-нибудь о «просодии» (о ней есть в грамматике Осадцы), то будьте добры сообщить мне, я сразу вам вышлю». Далее он советует познакомиться с шедеврами мировой поэзии и подчеркивает, что «без большого труда и широких познаний нельзя создать ничего великого и вечного». Письмо заканчивал словами: «...буду рад видеть Ваш талант в полном расцвете, буду рад видеть Вас украшением родной литературы. Надеюсь, что Вы не сочтете дерзостью и нескромностью с моей стороны желание познакомиться с Вами, которое исходит только из искреннего уважения к Вашему таланту и заботы о его полнейшем развитии».

В первом же письме я отослала свое стихотворение «Чья вина?», напечатанное в «Зорі» и в первом издании «Prima vera»¹. Во втором письме Иван Яковлевич в постскриптуме приписал: «Посылаю Вам на листке Ваше стихотворенье, переделанное немножко со стороны формы. Убедитесь сами, что я, как могу, стараюсь не изменить Ваши мысли и не сдуть ту нежную пыльцу, которой, как легкой изморозью, завуалировано Ваше чувство, излитое на бумаге. Разумеется, я надеюсь, что Вы скоро и сами так овладеете формой, что не будете нуждаться в помощи такой неловкой руки, как моя».

¹ «Начало весны» (лат.).

Так поступил мой учитель с первым стихотворением, которое я ему послала. Характерно, что он старался сохранить мою мысль, поправляя только форму.

В моем родном городе Николаеве жители говорили на диалекте, на котором невозможно было писать художественные произведения. Украинский язык тогда не был литературно совершенен. Наша интеллигенция объяснялась на польском или немецком языках. В учительской семинарии преподавание велось на польском языке. Недостаточное знание родной речи было причиной несовершенства формы моих стихов.

В последующем, третьем письме Иван Яковлевич открывает мне назначение подлинной поэзии. Он приводит строфы своих стихов, объясняя их ритм: «Не забудь, не забудь юных дней, дней весны». Все эти письма отмечены вниманием к незнакомому человеку, содержат много советов и указаний...

Иван Франко в качестве сотрудника «Діла» вынужден был писать длинные статьи «о налогах, банках, кассах, статистике, экономике и черт знает о чем», однако при этой ежедневной тяжелой работе он находил время, чтобы заниматься со мной, развить мою способность и талант стихотворца.

На вопрос Ивана Яковлевича, почему я пишу только любовные произведения, я послала ему стихи «Все вянет, гаснет на дороге жизни». Стихотворение он поместил в ближайшем номере «Зорі», а в письме писал мне: «Стихотворение это свидетельствует, что Ваша мысль вырывается из оков любви и вылетает на широкий простор». Когда к двум последующим письмам я не присоединила стихов, Иван Яковлевич запросил: «Что сие значит? Уже два письма от Вас получаю, а стихотворения — ни одного. Разве так годится? Если так, то я прерву переписку с Вами, ибо какое мне дело до учительницы Юлии Шнайдер? Для меня существует только поэтесса Юлия Ш., а если она избегает меня, я убираюсь на все четыре стороны. Или, может быть, своими поучениями я отбил у Вас охоту к стихотворству? Это заметно по Вашему последнему письму. Если так, я сожалею о своих поучениях. Но нет. Я знаю, если у кого-нибудь есть подлинное поэтическое дарование, у того никакая наука не отобьет охоты, тот даже из ядовитого цветка, как пчела, сумеет извлечь мед. Поэтому я не боюсь за Вас. Только не теряйте веру

в себя, вкус к жизни и работайте, сколько сможете. Я и сам знаю, что Вам работа над собой не легко дается, при перегрузке, и поэтому, как и Вы, я был бы рад, чтобы Вы выбрались из этой паршивой Бибрки, переехали, например, во Львов, где могли бы, кроме работы ради хлеба насущного, работать над своим образованием, попробовать свои силы. Я очень хорошо понимаю, что Вам жаль тратить силы и молодость на учительство».

И в самом деле, тяжелая учительская работа не оставляла времени и настроения для творчества. Усталая от занятий, под впечатлением осенней непогоды, я написала письмо Ивану Яковлевичу. Забыв, что это письмо, я излила свое настроение в неумелых стихах. Иван Яковлевич в ответном письме выразил удивление тем, что я сажусь за письмо и в то же время пишу стихотворение. Поэтому он разъясняет мне — как следует писать стихи: «Над содержанием следует подумать, а над формой стиха надо поработать. Написанное на некоторое время отложить. Потом перечитать стихотворение вслух, чтобы услышать, где в нем огрехи. И только после этого отдавать в печать».

Когда весной 1885 года поэт был у меня в Бибрке и мы «по белым ландышам» подымались на гору, с которой открывался красивый вид на город, Иван Яковлевич так писал потом в своем письме: «Вид Бибрки от часовенки — чрезвычайно красив, настойчиво советую Вам описать его, разумеется, в стихах. Это была бы первая (а собственно, вторая после «Бескид») Ваша проба пейзажной лирики. Ну-ка, попытайтесь, что у Вас получится. Понятно, чем больше Вы внесете в описание своего «я», своего собственного сердца и чувства, тем оно будет интереснее и занятнее. В то же время это приучит Вас ограничивать полет своей фантазии, находить поэзию в вещах обыденных, добывать поэзию из жизни, то есть делает Вас поэтом более реалистическим, чем Вы могли казаться до этого времени. Я бы очень хотел, чтобы Вы прониклись этой мыслью и не пожалели сил для этого. Если не выйдет с первого раза, делайте со второго и третьего; другим способом, другим путем, но делайте: «Übung macht den Meister»¹.

Когда я отправила своему учителю одно из стихотворений, он писал мне: «Стихотворение, бесспорно, лучшее

¹ Упражнение создает поэта (нем.).

из всего, что Вы пока создали, оно будет украшением Вашей поэзии. Слишком этим не гордитесь, ибо должен Вам заметить, что Вы на скользкой дороге. Оставьте эфиры и волны, соловьев и мотыльков — все дрянь, не достойная Вашего пера, смотрите на вещи несколько реальнее, не то песни Ваши скоро совсем расплывутся мелодиями и перестанут быть понятными для людей. Посылаю Вам «Марию» Шевченко. Это, на мой взгляд, лучшая жемчужина нашей поэзии, — читайте же ее, хорошо вчитывайтесь и внимательно присматривайтесь, как можно вещи, на первый взгляд прозаические, поднять до высокой поэзии. Для Вас основным должно быть штудирование поэзии — украинской, реальной».

Мои стихотворения — «Повей, ветер, повей, буйный» и «Встала рано, затужила» — Иван Яковлевич встретил с радостью, о чем сам писал: «На меня обе Ваши коломыйки произвели очень приятное впечатление, вижу в них поворот к реализму и к мелодии народных песен».

Когда я послала стихотворение, написанное на народную мелодию, «Любишь иль не любишь — мне то безразлично», Иван Яковлевич в своем письме ответил мне: «Любишь иль не любишь» напечатано и нравится людям: видят новый поворот в Вашей лирике, от Конопницкой — к народным песням. «Украинская дивчина только раз полюбит» — всюду встречает оппозицию, вот и Белей (редактор «Діла») вчера носом крутил. Это для Вас наука — писать в стихах и везде только правду, то есть то, в чем Вы убеждены, что это именно так. Что напишите о себе — будет самое верное, что о других — то уже нужно через густое сито просеивать».

Пока я учительствовала в Бибрке, Ив. Франко считал, что совместная работа, по его представлениям (которые широко развивал), невозможна. Но все же уверял: «У меня нет намерений отказать Вам в своей помощи и в советах в литературной работе ни теперь, ни в будущем».

И потому, когда не сложилась наша совместная жизнь так, как нам того хотелось, у нас не было разрыва. Наша дружба крепла в тоске по общей, дорогой нам работе; и в делах нашей общей приятельницы — украинской поэзии — Иван Яковлевич всегда обращался ко мне. Неизменно в письмах и при каждой нашей встрече он спрашивал о новых стихах. Просил в письмах выслать их, ибо хотел «издать маленькую книжечку Вашего первоцвета».

Как только будет материал, я сам займусь его упорядочением и передам в печать. Только продолжайте работать, а особенно вчитывайтесь в Ленау, изучайте его форму и манеру».

И снова в письме от двадцать первого декабря 1884 года он пишет: «За присланные стихи большое спасибо, они все очень хороши и, что особенно интересно, не останутся в архиве. Я задумал в маленькой «Русско-украинской библиотеке» издать все стихотворения какой-то Юлии Шнайдер — Вы ее, вероятно, не знаете, — а поскольку прежних ее стихов едва наберется на печатный лист, то просил бы Вас еще о некотором количестве новых, — может, кое-что готово, вот и соберите сборничек, который утвердит былую славу моей дорогой сестрички, а ей самой принесет хоть сколько-нибудь гульденов на новое хозяйство».

Так заботился обо мне мой учитель и друг. С его помощью и под его редакцией вышел в начале января 1885 года первый сборник моих стихов «Prima vera». И второй сборник, «На новый путь», издал Ив. Франко в августе 1891 года. «Prima vera» была издана на средства приятеля Ивана Франко Евгения Олесницкого. Второй сборник был издан уже на средства Ивана Франко в «Літературно-науковій бібліотеці».

Франко, занятый журналистикой, не всегда находил достаточно свободного времени, чтобы приехать ко мне в Бибрку.

Поэтому в своих письмах он часто спрашивал меня, когда я буду во Львове. Он хотел бы «поговорить о некоторых очень серьезных вещах, писать о которых не подобает...». А также: «Здесь некоторые люди хотели Вас видеть, ну, а назвался груздем, полезай в кузов, то есть: назвался поэтом, to pokazcie sie narodowie»¹. Я ответила Ивану Яковлевичу: «Если я буду во Львове, то инкогнито, там меня никто не знает, а Вы, надеюсь, не выдадите публике, что я та самая, ожидаемая, — а впрочем, конец — делу венец. Когда напишу тома стихов, непременно приеду в столицу, чтобы торжественно воздать должное моему учителю, а пока, мой учитель, не делайте мне комплиментов, не то начну снова присылать слабые стихи».

¹ Покажитесь народу (польск.).

В 1895 году, когда уже целых двенадцать лет Франко следил за моим творчеством и своими советами помогал мне, он пишет в начале января: «Вашим новым фрагментам мог бы позавидовать каждый из наших живущих поэтов; живые, разные по содержанию и настроению, прекрасные по форме. Но пока что позволю Вам посоветовать одно: оставьте переводы. Пишите оригинальные вещи, а в них поменьше философствуйте и побольше рассказывайте и изображайте. Там, где Вы забываетесь и перестаете философствовать, а рассказываете о том, что у Вас в душе происходит (а не то, что головой думаете), или о том, что Вас окружает,— выходит очень хорошо».

Иван Франко старался познакомить меня с сокровищами мировой литературы. Уже тогда, когда первый раз приехал ко мне, он привез много книг. И потом давал и присылал мне литературные новинки, а иногда и целые мешки книг отправлял мне почтой.

Советы, упреки и похвалы моего великого друга сплетались в букет ароматных полевых цветов, в котором был и колючий репейник.

Иван Франко своим влиянием, трудом и примером воспитывал все молодое поколение, которое по его указанию выходило на новый путь.

С гордостью и радостью вспоминаю о тех минутах, когда я слышала не только письменные советы, но и живое слово из уст великого учителя и стала соучастницей его идейной работы для всего общества.

В 1883 году писала о нем: «С мощью Беркута летает... с мощью Бояна касается струн бандуры... Перед его творчеством сжигаю ладан — склоняюсь... В юные годы, когда я еще восторгалась искусством ради искусства, взял он меня — незнакомый — в опеку. Судьба в минуты сомнений, утомленной, дала узнать Титана — огонь его души согревает меня».

Клементина Попович

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Было это в конце прошлого столетия (в 1884 г.), когда галичане, в которых пробудилось национальное чувство, начали откликаться и на лозунги общечеловеческие. Особенно молодежь с энтузиазмом подхватывала новые идеи, главными провозвестниками которых были тогда у нас Франко и Павлык. Энтузиазм молодежи выливался в более или менее зрелых произведениях на различные темы — от социальных, культурно-экономических и вплоть до поэтических. А уже эта поэтомания, как настоящая эпидемия, овладела если не каждым, то, по крайней мере, каждым вторым. Небольшой по размерам литературно-научный журнал «Зоря» и его редакционная корзина не могли поместить весь этот духовный урожай. С неблагоприятной ролью по извлечению немногих зерен из этой половы не могли справиться несчастные тогдашние редакторы (номинальный Партицкий, а настоящий — Франко) и потому в сердцах, отвечая в редакционной переписке незрелым авторам, угощали их чаще всего остроумно-въедливым юмором. Вот и я захотела однажды услышать такой пикантный ответ в свой адрес и из этих соображений послала несколько стихотворений в редакцию «Зорі», в глубокой тайне от родных. Подписалась экзотическим псевдонимом «Зулейка» и с нетерпением стала дожидаться очередного номера «Зорі», чтобы весело посмеяться на собственный счет. Как-то утром, в часы школьных занятий, получила я от сельского почтальона письмо, написанное каким-то особенным почерком, мне совсем незнакомым. Не легко

было сдерживать свое любопытство до конца урока. Едва дождалась. Распечатываю таинственное письмо, заполненное голубыми строчками слов, ищу поспешно подпись, читаю и глазам своим не верю: «Ваш *Иван Франко*». «Как же это, мне, никому не известной, в сельской глуши затерянной учительнице, отвечает такой великан, такое недосягаемое божество!» С трудом справившись со своим волнением, читаю, а точнее глотаю, бесценные слова: «У вас безусловный талант»... «поэтическая сила слова», «высокий полет фантазии!» Просит присылать побольше таких «вещей» — читаю, повторяю бесконечно. Однако это не сон, а чистая правда — там написано голубым по белому, что я «поэтесса»! Сам великий авторитет, а не шутник какой-нибудь смеха ради это пишет. Неизмеримая, безграничная радость заполнила мое сердце, я не хотела никому ее выдать и потому через садик выбежала в поле. Там, около кладбища, стояли в вечной задумчивости мои старые приятельницы, шумливые ели, на серебристом фоне гигантских тополей. Перед ними я доверчиво излила свою радость, свой восторг и фантастические мечты о «светлом» будущем. Сколько возможно успокоившись, вернулась я в родительский дом, опоздав к обеду. «Ты что так сияешь?» — спросил брат, внимательно глядя на меня. Родители тоже вопросительно смотрели на меня. «Я пробежалась, делала гимнастические упражнения», — ответила я уклончиво. Но я не могла ни есть, ни усидеть на одном месте. На другой день брат со свежим номером «Зорі» в руках обращается ко мне: «А знаешь, Клина, какая-то вторая по счету поэтесса появилась на нашем литературном горизонте! И представь себе, твоя тезка: Климентия П.» — «Не может быть!» — говорю. «Взгляни сама!» Смотрю и не верю собственным глазам. Кто видел первый раз взлелеянное в собственной душе слово, напечатанное «во всеуслышание», лишь тот поймет мою радость! «Ты радуешься, сестричка! Ваша верх берет! Правда? — спрашивает брат. — Юлия Шнайдер и новая Климентия П. готовы при случае загнать в угол наших патентованных М — ка и Гр — овича». Я не в состоянии была ничего ему ответить, чтобы не выдать себя. Поскорее сбежала, и на этот раз к верным моим друзьям в конце старого кладбища, и радовалась в их укроном за-тишье.

Тогда и началась лучшая пора моей жизни. Через день, а то и каждый день, влетали ко мне в растворенное окно классной комнатки голубые листочки, переданные сельским почтальоном через головы детворы, склонившейся над письменными упражнениями. Дети писали, а я в это время пробегала взглядом по голубым строчкам характерного почерка. Они усиленно призывали к работе «на литературной ниве», к развитию богом данного таланта, они были исполнены искренних, дружеских пожеланий, а иногда и упреков за лень, за легковесное отношение к писательскому труду.

Франко в то время бойкотировался своими и чужими, горько нуждался и болел духовно и физически, поэтому он был рад излить свое горе перед искренним другом, каким он считал меня, хотя мы были знакомы друг с другом лишь по письмам. Он настойчиво добивался разрешения повидаться со мной, но почему-то, сама не знаю почему, я не хотела этой встречи. Разумеется, в те времена было небезопасно водиться с «проскриброванными социалистами», да еще людям, зависимым от школьного совета. Но меня страшило не это. Меня более всего беспокоило мое инкогнито. В те времена я была несколько раз по разным делам во Львове. Франко, узнав об этом, страшно обиделся, что его не поставили в известность. Волей-неволей я вынуждена была в конце концов согласиться на эту встречу. При ближайшем посещении Львова послала посыльного на улицу Линдого, № 3, с извещением и стала ждать. Нужно добавить, что я до этого времени не имела ни малейшего представления о внешности поэта. В моем воображении он рисовался прекрасным, как Аполлон, и могучим и сильным, как рыцарь феодальных времен. И нужно отметить, что у меня с детства было развито отвращение к рыжим. То ли сказки няни о злом рыжем чарошее вызвали это, или была иная, неизвестная причина. Достаточно того, что когда двери моей комнаты отворились и в них показалась фигура человека, которого я в первую минуту приняла за кого угодно другого, но ни за что в мире не за того вдохновенного богом поэта, и когда я вдруг увидела огненную голову, выглядывающую из-под зимней шапки (хоть дело было весною), тоже почему-то рыжего цвета, и мне с первых слов стало ясно, что это именно Франко,— я в первый миг не в состоянии

была справиться с паническим отвращением и испугом, которые должны были отразиться на моем лице достаточно красноречиво, ибо вдруг чистые голубые глаза поэта омрачила грусть, как туча, и на лице появилось горькое выражение. Эти грусть и горечь привели меня в себя, и я, овладев собой, протянула ему приветливо руки.

Мы сердечно разговорились, поборов первоначальное смущение. «А знаете, друг мой, — говорил, между прочим, мне Франко, — по вашим письмам я представлял вас сильной, высокой, с энергичным голосом и жестами, а на самом деле вы нежная, хрупкая, как «Prima veга». — «Я только что закончила учебный год со столовым классом, — оправдывалась я, — подождите, пока я отдохну, тогда и стану такой, какой вы меня представляли». — «Я очень бы желал этого! У нас уже есть одна нежная поэтесса, нужна другая, более энергичная!» Так в дружеской веселой беседе мы провели добрых два часа, словно были приятелями целую вечность.

Как-то, вскоре после моего возвращения, в ясный полдень, прибегает ко мне (я жила отдельно от родителей во флигеле школы) запыхавшаяся сестричка и просит поскорее идти к ней, ибо там у отца какой-то покрытый дорожной пылью господин просит немедленно вести его к госпоже Климе, а отец упрощает его обождать. «Нет, нет, — говорит гость, — я не к вам, а к госпоже Климе пришел!» Взволнованная, бегу спасать положение, насколько мне это удастся. Но было уже поздно. Отец встретил меня с удивлением, а больше с упреком: «Так, Муся, это господин Мирон (псевдоним Ивана Франко) открыл мне тайну, которую я как отец...» — «Да, да, — перебиваю я, — папочка об этом должен был узнать первым и мне на это дать свое разрешение (мои родители придерживались патриархальных взглядов), но я хотела приготовить вам сюрприз», — поспешно сочиняю ложь, призывая на помощь всю свою хитрость, чтобы умиловить старика. Франко, сообразив, какую он заварил кашу, смутился словно робкий «Жак» перед строгим величием сельского «бакалавра».

Но эта неловкая ситуация длилась недолго. Моя дипломатия и помощь подоспевшей в ту минуту матушки, которая со слезами обнимала головку своей «наследницы» (матушка в «добрые времена» тоже занималась сти-

хотворством), скоро подняли общее настроение, так что «господин Мирон» и не заметил, как стал «милым» и «желанным» гостем в кругу сердечных и добродушных сельских обитателей. И сам он развеселился, стал добродушным, с душой нараспашку, каким его, наверное, там, в городе, никто никогда не видел. Вечером мы с Франко и с полдюжиной моих младших братиков и сестер пошли на прогулку. Постояли на мосту над рекой, прислушиваясь к любимому мной хору лягушек. Оказалось, что и Франко его любит. В то время как меньшая братия вокруг нас шалила и шумела, мы вслушивались в нежные соловьиные трели, раздававшиеся попеременно с лягушечьим хором, и, опершись на перила моста, всматривались в таинственную глубину плеса, посеребренного лунным светом. Так не хотелось расставаться с чарами майской ночи, но маленькие баловники захотели спать и потянули нас домой.

— Почему о вас говорят, что вы обычно сумрачны, едки и отталкиваете всех от себя? — спросила я Франко.

— А что вы скажете? — спрашивает он.

— Я скажу, что едва ли; вы веселы, как дитя, и добры до энтузиазма.

— Я такой лишь с вами, друг мой!

— А почему не со всеми?

— Я слишком много вынес зла от чужих, а еще больше от своих!

На том мы расстались и пошли спать. На другой день рано утром мы осмотрели все достопримечательности в нашем саду и в огороде. Посетили мою «святыню дум» под кровом елей (теперь там надгробная часовня моего первого духовного отца), и там я оставила своего гостя, ибо пора было идти в школу. После занятий и обеда мы выбрались компанией на прогулку в прекрасные жовтанецкие леса. По пути у нас было то же настроение, что и у детей, которые бежали впереди нас между волнующимся золотом хлебов. Франко, не меньше чем дети, радовался каждой порхающей бабочке, каждой внезапно взлетевшей пташке, даже каждому встречному. Так было, пока мы не пришли в лес. Как только мы очутились под монументальными сводами дубов и сосен и застыли в торжественной тишине, Франко сразу стал другим. Словно преобразился: затих и

задумался. Казалось, что за плечами его вырастают крылья, а высокий лоб излучает сияние. «Ах, как я люблю тебя, лес мой, лес!» — шептал он про себя. «Я тоже более всего люблю лес, но и цветы страстно люблю, а вы почему-то не обращаете на них внимания», — говорю я. Усмехнулся ласково мне. «Знаете, говорит, если бы я не зависел от куска хлеба и мог бы отдаться тому, к чему влечет мою душу, то я бы поселился здесь отшельником и писал бы, писал бы с наслаждением! Мой голос здесь, в этом величавом строе, крепнул бы, как труба иерихонская, и я бы попытался разбудить им мой народ от сна векового».

И в самом деле, в этих жовтанецких лесах он обдумал и набросал много вещей, а кое-что и закончил. Набросал он как-то план большой эпопеи, наподобие «Мужиков» Реймонта, написал даже пролог к ней, но до сих пор не знаю, что со всем этим случилось. Так промелькнуло еще несколько чудесных дней. Мы посетили почти все жовтанецкие леса (а они были велики и раскидисты), слушали пенье птиц — певцов милостью божиею. Искали сказочный, приносящий счастье цветок папоротника, но, к сожалению, ни одному из нас не суждено было найти его.

С тех пор Франко, ободренный любезным приемом в доме моих родителей, частенько — почти еженедельно — пешком (три мили) забегал в Жовтанцы, чтобы, как он говорил, «отвести душу». Не любил он только встречаться с нашими гостями, перед которыми, как он говорил, «не хочет парадировать». Поэтому в тех случаях, когда от таких гостей нельзя было как-то ловко и быстро избавиться, Франко, не вникая никаким просьбам и уговорам, даже правилам приличия, моментально хватал свою шляпу с полями и, не ожидая подводы, пешком отправлялся во Львов, совершенно не заботясь о том, какое впечатление произведет его необычное поведение. Франко вообще смыслил в правилах этикета столько же, сколько новорожденное дитя...

Дружба наша проходила разные стадии, примешивались к ней и нежелательные оттенки, но в конце концов в огне испытаний все переплавилось в чистое золото благороднейших чувств двух душ, для которых не существует ни пола, ни возраста, ничего субъективно материального.

Теперь уже не было между нами неловкости, а сердечная и прямая откровенность во всем. Франко с каждым горем и неприятностью шел ко мне и был уверен, что, если откроет мне свою наболевшую душу, я ее нежно и осторожно утешу, облегчу и вознесу выше. Это и обязана была я делать неизменно, ни на кого и ни на что не оглядываясь.

Но случилось иначе. Франко, больно задетый галицким обществом вообще, а галичанками в частности, поехал в Киев по делам литературным и научным и там вдруг женился. Во Львов вернулся он уже женатым. На первых порах казалось, что это не помешает нашей дружбе. Мы оставались приятелями. Супруги Франко приглашали меня к себе во Львов. А во время летних каникул я должна была заехать к ним в горы (около Сколе), чтобы не вызвать их гнев. Задержали меня более чем на неделю. Они вдвоем, как заправские рыбаки, целые дни ловили рыбу и здесь же, прямо на берегу, сушили ее на жердях над костром из можжевельника. У них уже был маленький сынишка, с которым мы были большими приятелями.

И все-таки я чувствовала себя свободной от большинства своих обязанностей относительно Франко, так как его жена, в силу своего положения, приняла на себя мою былую роль. Впрочем, и Франко, как казалось мне, не испытывал теперь потребности в былой дружбе. Поэтому я постепенно все реже заглядывала к ним и, лишь встретившись с ними случайно, позволяла затянуть себя в гости. Но со временем Франко, после долгого перерыва, возобновил живейшую переписку со мной по литературным и другим общественным вопросам... Например, призывал меня помочь организации во Львове первой забастовки пекарей. Нужно было поддержать дух новичков, напуганных правительственными репрессиями. Сам Франко, Франтишек Ржегож (как гость), Маковей, я и еще кое-кто руководили собранием забастовщиков в Кривчицком лесу.

В это время я перебралась из Жовтанцов на другую должность в Честынях, в полтора милях от прежнего места. Здесь получаю однажды от Франко письмо из Болехова (где он вместе с женой тогда гостил у Кобринской) с просьбой позволить ему навестить меня, ибо «его душа этого требует». Это было мне страшно не на

руку, я как раз собиралась в Жовтанцы, чтобы там провести троицу... Именно в то время, когда я над этим раздумывала с письмом в руке, а подвода с моим чемоданом ждала меня у ворот, вдруг появляется Франко, такой оживленный и радостный от уверенности, что доставил мне приятнейшую в мире неожиданность. Но, увидев мое грустное выражение, бедняга словно бы упал с неба на землю. Как я ему ни толковала, что здесь я не могу принимать гостей, да еще и мужчин, беря во внимание школьный совет, а особенно точку зрения моих родителей, которые не могли бы постичь мою близкую дружбу с семейным человеком, Франко в этом убедить было невозможно, и он, опечаленный, обвинил меня в равнодушии к его бедам. А у меня самой сердце болело от его разочарования. Он, бедняга, с таким радостным доверием мчался более четырех миль от железной дороги и теперь, вместо того чтобы побыть несколько дней в моем уютном жилье и высказать с глазу на глаз все, что накопилось на душе, и, как бывало прежде, зачерпнуть из чистого источника дружбы душевное успокоение, вынужден был возвращаться в шумные Жовтанцы, чтобы там «парадировать» перед любопытными и подозревающими. Вконец огорченный, он даже не хотел осмотреть ни моей новой квартиры, украшенной по случаю зеленых праздников гигантскими папоротниками, ни прекрасного сада, увитого вьющимися растениями. Почти не разговаривая, ехали до Жовтанец, приехали под вечер. Уговорили его заночевать. На другой день, когда появился у нас первый гость, который отрекомендовался г-ном Кульчицким и представился Франко как родня его матери, происходившей из интеллигентной семьи, Франко всеми силами открещивался от всяких родственных связей с интеллигенцией и так внезапно исчез, что никто и не заметил, когда именно, даже со мной не попрощался. Это была наша последняя в жизни встреча, такая неудачная и мучительная.

Вскоре после этого я обручилась и через два года вышла замуж и уехала с мужем далеко, за пределы Галичины, в сельскую глушь, совсем оторванную от центра. Жить пришлось в очень тяжелых условиях, без малейших надежд на какой-либо контакт с культурным миром. Мои отношения, даже переписка с Франко, как и со всем кружком людей, среди которых я прежде жила, совсем

прекратились. Позже я узнала, что Франко продолжал мне писать, но не знаю, почему письма ко мне не доходили. Кобринская тоже засыпала меня письмами, призывая помочь в организации женского литературного движения, но, приехав неожиданно и застав меня в постели с недельным малышом с одного бока и с годовалым — с другого, перестала меня беспокоить в дальнейшем.

И все-таки время от времени приходили ко мне от Франко и Лукича призывы к делу.

В последнем письме, полученном от Франко в 1895 году, он сообщал, что собирает старые церковные рукописи и первопечатные книги и для этого хотел бы приехать к нам. Ясно, что под этим предлогом Франко хотел непременно повидаться со мной и вблизи присмотреться к моему житью-бытью. Я тоже желала этой встречи и была ему рада, но как-то не смела об этом прямо сказать, — думала, что мой муж в ответ на такое настойчивое желание не мог поступить иначе, чем волей-неволей пригласить его от своего имени, поэтому и предоставила ему решать этот вопрос. Между тем мой супруг не понял побуждений ни моих, ни Франко и поэтому с блаженной невежливостью отписал, что никаких старинных материалов в нашем церковном архиве нет и что не стоит ему (Франко) за этим к нам являться. И это было последнее, что разлучило меня с моим незабвенным другом навеки.

Но я все же еще тешила себя надеждой, что когда-нибудь освобожусь от тяжелых обязанностей хозяйки и матери и, хоть под старость, найду возможность вернуться в культурный центр, в круг моих старых друзей и к работе, по которой тосковала душа, угнетенная тяжелой обыденщиной, вернуться к нему, к забытому другу, чтобы хоть на закате солнца согреться его последними лучами, тем более что старость, словно хрустальная чаша, засвидетельствовала бы даже перед недобрым взором непорочную чистоту дружеского напитка.

Но пока я доплелась до ворот этой блаженной старости, тяжкий недуг Франко, потом многолетняя, ужасная война, а в результате ее смерть моего друга поглотили навеки все мои прекрасные надежды.

А теперь меня все тревожит мысль, что не будь мы когда-то такими наивными теоретиками в вопросах дружбы и супружества и такими наивными в своих реше-

ниях жизненной важности, все, может быть, сложилось бы иначе и лучше... И если не всех, то больших бед можно было бы избежать, по крайней мере сгладить слишком острые выступы житейской скалы, что так беспощадно ранили дорогую голову нашего Моисея.

И нельзя оправдываться даже тем, что такова была воля судьбы! Ибо судьба, на которую мы так любим плакаться, не имеет, как говорит Метерлинк, иного оружия против нас, кроме того, которое мы сами вручаем ей. Она не судит, а лишь указывает в некоторые роковые минуты благородные промахи и мелочные добродетели. И мы не можем оправдываться тем, что в роковые дни, когда решается счастье или несчастье каждого из нас, мы не услышали внутреннего предостережения собственной чуткой души! А теперь видим, что, если бы тогда один решительный шаг сделали или хоть руку подняли, все сложилось бы иначе! Нужно было лишь открыть двери, ибо у порога ждала робкая судьба. Ее боязливые предостережения мы отогнали, как надоедливых нищих, и они удалились, оставив нас на произвол водовороту жизни...

Антонина Трезубова

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ОЛЬГИ ФРАНКО

В журнале «Україна», книга 6, за 1927 год, Емельян Киричинский отмечает: «Все подробности из жизни Ив. Франко настолько важны, что каждый должен опровергать и исправлять ошибочные, неточные, ложные сведения о нем». Исправлять ошибки я не собираюсь. Хочу только добавить кое-что о жизни самой семьи Ив. Франко с того времени, когда сестра моя и Франко поженились, и подчеркнуть ту упорную борьбу, которую вела вся семья за свое существование; в тех очерках жизни поэта, которые попали мне в руки, на это обращалось мало внимания. Прежде всего — несколько слов о жене поэта, моей сестре Ольге Хоружинской...

...В августе 1877 года муж мой получил должность учителя в Киеве. Попечитель Антонович не хотел пускать его в Киев сразу после окончания университета, несмотря на то что Елисей Киприянович окончил курс «с отличием» — так как он был ученик и приятель М. П. Драгоманова. Кроме того, он был постоянно связан с галицийскими народовцами, посещая их за границей. Однако Елисей Киприянович должность в Киеве все-таки получил.

Всем известно, какие это были необычайно тяжелые времена для всего, что так или иначе касалось Украины! Об этом уже много писали и говорили. Однако связи наших украинцев с галичанами поддерживались постоянно; действительный член Киевской «Громады» Конисский часто ездил в Галицию, молодежь наша бывала в Гали-

ции, а галицкая приезжала в Киев, интересовалась его стариной и посещала могилу Т. Шевченко.

Весной 1884 года приехали в Киев из Львова кое-кто из молодых: был и Ив. Франко. Галичане хотели осмотреть Киев, посетить могилу Тараса, а Франко одновременно хотел достать денег у киевской «Громады» на издание самостоятельного украинского журнала во Львове. Семейные члены «Громады» сердечно принимали у себя гостей, чествовали торжественными обедами, ужинами. Бывали галичане и в нашем доме; мой муж, помню, заботился, чтобы к обеду, когда мы ожидаем галицких гостей, были обязательно вареники.

Через некоторое время галичане отправились домой, а Франко остался в Киеве и целиком вошел в жизнь нашей семьи. Часто бывал он и у наших киевских украинцев. Именно тогда украинская молодежь составляла книгу для чтения — «Веселку»; позже ее издали в Галиции под видом произведений Андрея Молодченка; конечно, Франко и мои сестры посещали эти собрания молодежи; их устраивали каждый вечер или у В. П. Науменко, или у Н. В. Лысенко, или у нас. У нас тогда перебивало много народу, так как в нашей семье жили две мои сестры, которые как раз закончили свое образование; они были молоды, красивы, веселы, а младшая, Ольга, была к тому же еще очень приветлива и остроумна. Иногда, когда все наши расходились днем на работу, Франко оставался с моим маленьким сыном и маленькой дочкой, играл с ними, придумывал им разные сказки, рассказывал о своем детстве, о своей родине. Очень хорошо помню, как Франко рассказывал моему мальчику: «Маленьким я не любил книжки, все время я сидел в кузнице моего отца, около которой часто останавливались разные люди, чтобы починить телегу и т. п. Однажды приехали какие-то купцы, обратили внимание на меня, маленького рыжего мальчишку, который так пристально смотрел на пламя, а в мечтах был где-то далеко,— узнали, что я школьник. «Учись, учись, говорят, мальчик! Твой отец кует железо, а ты будешь ковать слова!» Вот видишь,— прибавил Франко, как-то тихо, ласково усмехаясь,— с этого времени я и начал настойчиво учиться и теперь действительно кую слова!» И мы знаем, сколько языковых трудностей преодолел Франко в своих переводах. Франко очень понравился мой старший мальчик за свою живость и

разумные ответы. Известно, что скорей всего мать можно подкупить лаской к ее детям; вот и я всегда радовалась, когда Франко играл с моими детьми. Мне было приятно, что сестры мои были радушными хозяйками, а о муже и говорить нечего,— когда он был свободен от своей каждодневной работы, он подолгу беседовал с Франко.

Сестра Ольга, в то время когда гостил у нас Франко, училась на Высших женских курсах в Киеве. Она очень ему понравилась, и вскоре после возвращения домой Франко в письме к моему мужу попросил его сосватать ему Ольгу. Но у нас не было обычая вмешиваться в такие интимные дела взрослого уже человека. Елисей Киприянович посоветовал Франко самому обратиться к Ольге.

На двадцать втором году жизни Ольга попала в ту среду, которая и повлияла на ее мировоззрение. Елисей Киприянович был настоящий украинец, общественный деятель, мы были в курсе дел украинской «Громады», болели ее болями; учеба на курсах тоже повлияла на Ольгу. Сестра познакомилась с жизнью русинов, которые так упорно отстаивали свое право на существование; потом — слава, которая шла следом за именем Франко, как писателя и социалиста, и, наконец, сестра сказала, что она выходит за него замуж.

Мы, женщины, отговаривали ее, так как Франко был не очень красив, и потом мы сомневались, будет ли она в силах сочетать заботы о семье с борьбой, с помощью Франко в его общественном и литературном труде. Но сестра не изменила слову, и мы решили поехать во Львов познакомиться с тамошней жизнью, с людьми, обычаями и нравами.

Зимой 1884/85 года мы — я и Ольга — совершили путешествие во Львов, имея в виду побывать и в Женеве, у М. П. Драгоманова. Во Львове сестра больше всего интересовалась своим женихом. А я вместе со знакомыми галичанами, которые бывали у нас в Киеве, осматривала город, униатские церкви и вообще все, что было интересного. Семья профессора Владимира Шухевича очень сердечно встречала меня и часто приглашала к себе. Франко же ни разу не позвали. Как-то жена профессора Шухевича предложила побывать на вечеринке в «Просвіте», туда должна была прийти и моя сестра с Ив. Франко.

«Просвіта» занимала три небольших комнаты; в самой большой стояли около стен стулья, там сидели матери. Посредине комнаты стояли девушки, красиво одетые, в белых платьях, парни — около дверей; кто-то играл на пианино вальс. Кавалер подходил к девушкам, которые стояли посредине комнаты, кланялся одной из них, делал тур вальса вокруг, окончив, отводил ее к группе, а сам или шел к дверям, или выбирал другую. Танцевали вальс, венгерку. Вечеринка тянулась до двенадцати часов, и все время девушки стояли посередине зала. Я была страшно удивлена: как это — тут все свои, а ведут себя как чужие! Никто и двух слов не сказал друг другу. Франко объяснил мне, что у них такой обычай: нельзя разговаривать во время танцев, так как сразу скажут, что ухаживаешь.

Побывав за границей, Ольга ближе познакомилась с Франко и подтвердила свое желание стать его женой.

В апреле 1886 года Франко поехал в Киев жениться. У сестры были свои представления об этой церемонии, которые она взлелеяла еще на школьной скамье: венчаться в белом платье с фатой, венчаться именно в апреле, а не в мае, чтобы муж и гости были во фраках. Елисей Киприянович был очень против последнего, так как ни у жениха, ни у бояр фраков не было, пришлось их брать «напрокат». Но он не хотел перечить сестре, которая ехала навсегда в чужую сторону, и делал все, как она хотела.

Как ни хлопотали, как ни старались, а идти под венец пришлось как раз первого мая, так как очень трудно было получить из Вены необходимые документы. Академику Аникию Алексеевичу Малиновскому очень хорошо известно, каким «законником» был священник С. И. Трегубов: он ни за что и никого на свете не венчал бы без надлежащих документов, и мнение некоторых, что Франко приезжал в Киев в 1886 году по чужому паспорту, совершенно неверно. Боярами были со стороны Ольги Игнат Павлович Житецкий и Крачковский, а со стороны Франко — С. Киричинский и В. В. Игнатович. После церкви у нас был обед для молодых и для товарищей-украинцев; как обычно, ели, пили, говорили речи. Лейтмотивом речей было единение Галиции и Украины в лице Франко и сестры. Как сейчас вижу перед глазами представительную фигуру Житецкого Павла Игнатовича — его очень красивое, выразительное лицо, глаза, которые одновременно и сме-

ются и пронизывают, стакан вина в руке,— и как будто слышу его проникновенный голос и его предложение выпить за крепкое единение Галиции и Украины. Он, да и не он один, смотрел на женитьбу галичанина на украинке как на в какой-то мере политический шаг. После речи Житецкого кто-то крикнул: «Горько!» Жених не знал, что это означает, пока мой муж не объяснил ему, поцеловав меня. Ольга ответила жениху поцелуем, а потом горько заплакала... Пора было ехать на вокзал. Чтобы разогнать грусть молодых, все гости решили проводить их к самому поезду, собралось шесть экипажей. На вокзале снова пили и снова говорили речи. Посадив молодых в вагон, мой муж сказал Ольге: «Смотрите, Ольга, чтобы Франко жилось дома хорошо, а иначе вас отравят». С этим молодые и поехали. А для нас начался целый ряд всяких неприятностей. Начальник охраны Новицкий был в курсе тех речей, которые произносились на вокзале, и начал судебное следствие. Несколько раз вызывали моего мужа в охранку на допрос. Священника Трегубова С. И. тоже беспокоили, требуя документы, по которым он венчал Франко. С этой стороны все было в порядке, но супругам Франко запрещено было приезжать в Киев, а около наших дверей, на улице, еще долгое время после того отсиживали двое шпииков...

Во времена, о которых идет речь, Франко был поэтом, и вершины славы своей он достиг не без помощи своей жены, женщины очень интеллигентной, ласковой, мягкой характером, способной делать все так, «чтобы Франко хорошо дома жилось». Некоторые укоряют Ольгу, что она не сошлась с львовским обществом, не способствовала тому, чтобы сблизить Франко с ним. Но как это могло быть, если Ольгу там приняли неприветливо. Франко был для Галиции хорошим женихом, матери не раз говорили ему самому (и Ольга это знала): «Вот взял россиянку, барышню, да еще и бедную; женился бы на галичанке, мог бы выбрать и богатую!» Тяжело, а иногда даже и очень тяжело, было бедной Ольге среди неприязненно относившихся к ней людей. Тяжело было привыкать к иным порядкам, бороться с недостатками, недалекими от бедности. Деньги, которые она привезла с собой — тысяча рублей,— ушли на издания Франко. Единственным утешением для Ольги была безграничная любовь мужа: он с таким терпением, заботой учил ее, как нужно топить

печь, делать хлеб, как нужно стойко и спокойно переносить бедность.

Ольга очень грустила по родине, по родным и однажды приехала в Киев и привезла произведения Франко для продажи, так как в Галиции они совсем не расходились. Но свободный въезд ей был воспрещен. Пришлось воспользоваться чужим паспортом. Остановилась она в гостинице около вокзала, чтобы нас не компрометировать. Первый день прошел обычно, а на следующую ночь к ней стали приставать разные люди с грязными предложениями. Оказалось, что паспорт был на имя особы, как говорят, «легкого поведения». Ольга страшно разволновалась, испугалась. Мы даже вызвали врача, чтобы ее успокоить. Произведения Франко «Лис Микита» и сборник стихотворений «Вершины и низины» мой муж сдал в книжный магазин Луки Ильницького, конечно, без всяких денег, на комиссию. Долго в Киеве сестра не задержалась, муж мой собрал сколько мог денег, и она уехала...

...Ольга очень жаловалась нам на недостатки: частенько Франко и голодали. Мой муж поговорил со своими приятелями, после чего В. Л. Беренштам, П. А. Косач, И. Ор. Новицкий, В. П. Науменко и мой муж начали посылать Ольге по двадцати пяти рублей ежемесячно. Деньги эти посылались с оказией, если ехал кто-нибудь из тех, кому можно было их доверить. У меня даже сохранилось одно из тех писем, где Ольга благодарила за деньги.

Имея такую верную помощь, Франко отдавал уже не все время для заработка и смог в 1894 году получить в Венском университете степень доктора философии. Львовский университет после этого допустил Франко к габилитации, и в 1895 году состоялась его габилитационная лекция на тему «Наймичка» Т. Шевченко». На этом основании университет ходатайствовал перед министром просвещения об утверждении Франко доцентом украинской литературы во Львовском университете. Министерство отказалось утвердить, выдвигая причиной его политическое прошлое. Для сестры это было очень тяжело; в письмах того периода она высказывала свое крайнее сожаление и возмущение. Думаю, что сам Франко страдал меньше, чем его жена.

Осенью 1897 года Франко выступает уже кандидатом радикальной партии от крестьянства на выборах в пар-

ламент. Сколько неприятностей, сколько волнений пришлось пережить сестре, когда день и ночь приходили запуганные мещане и крестьяне из разных местностей, умоляя о совете и разрешении переночевать и прокормиться несколько дней, пока будут продолжаться кошмары выборов. Ольга и до сих пор с ужасом вспоминает те времена.

В 1898 году Ольга тяжело заболела и легла в больницу: у нее было воспаление слепой кишки, и ей сделали операцию. Письма Франко того периода к моему мужу исполнены невыразимым горем: он так волновался за жизнь жены. Он пишет: «Кто сумеет так ласково и с такой любовью относиться ко мне и к детям; охватывает ужас при мысли, что кто-то чужой будет их наказывать». И действительно, сестра никогда не наказывала детей. «Это мои помощники и собеседники», — говорил Франко.

Большая заслуга моей сестры состояла в том, что она сумела воспитать помощников и собеседников своему мужу. Многие ли из нас, матерей, этого достигли?.. И Франко был вполне доволен своей семьей и детьми: он отдыхал в семье не только физически, но и духовно, черпая в семье энергию для работы. И когда товарищи упрекали его, что он женился на россиянке, он всегда начинал шутить и вспоминал анекдот о том, как цыганка ворожила ему: «Семь лет страдать». — «А потом?» — спросил он. «Потом... привыкнешь», — был ответ.

В 1898 году кандидатура Франко снова была выставлена на выборах в парламент. Выборы проводились незаконно, и его не выбрали. Это снова было тяжелым горем для сестры.

В 1898 году Ольга приезжала в Киев, жаловалась, что после болезни плохо себя чувствует, что лекарства, которые ей давали во время пребывания в больнице, действуют на ее психику. Она действительно стала необыкновенно нервной. Она очень просила свою подругу по курсам, Альбрант, ехать с нею в Галицию, помогать Франко в работе, так как ее старший сын, Андрей, очень перегружен своей собственной работой. Сама Ольга чувствовала себя не в силах быть постоянной помощницей мужу. Очень тяжело нам было слышать о переживаниях Ольги! Нечего и говорить, что вся родня и все знакомые сочувствовали ей от всего сердца. С этого времени, кто только ни ехал за границу из наших близких друзей, заезжа-

ли обязательно во Львов, чтобы проведать супругов. Новицкий Измаил Орестович даже крестил у сестры двоих детей. Богдан Александрович Кистяковский крестил Тараса, очень любил детей Ольги и, когда бывал за границей, навещал супругов Франко, а детям дарил много подарков. Время шло. Франко выдвинулся в Галиции как большая литературная сила. В его честь устраивались юбилейные торжества. На одном из таких торжественных празднеств Франко подарили денежную помощь в сумме тысячи рублей. Супруги решили строить себе дом...

В 1908 году мой младший сын, студент медицинского факультета, побывал во Львове, у Франко. Поезд во Львов пришел очень рано, и сын пошел пешком до улицы Понинского, где жили Франко. По дороге он встретил Ольгу, босую, с корзиной в руках; она бежала на базар и не узнала своего племянника. Дома вся семья была в сборе; все очень радостно встретили сына; сам Франко даже сказал: «Ну, сегодня я не пойду ни в редакцию, ни в кафе!» Сын оставался у них до позднего вечера, незаметно прошло время до поезда. Между прочим, Франко жаловался, что у него болит левая рука, что эта боль не дает ему покоя ни днем, ни ночью. Впечатление сложилось у сына такое, будто все уладилось, миновали страдания, раздоры, сестра увлеклась хозяйством, мечтала даже завести корову. Сына удивило только то, что в квартире не было порядка, книги лежали, куда ни кинь оком: на полках, окнах, на полу; мебели было маловато: обеденный стол, а стульев — два или три, обедали стоя, ели из одной миски.

В 1909 году, помню это очень хорошо, в день похорон нашего друга Петра Антоновича Косача, приехал Франко в Киев. Он сказал: «Вот приехал вас проведать и кое с кем повидаться». Это был его третий приезд в Киев. Пальцы у него на руках были скрючены, он ими не владел. Он рассказывал, что гостил у своего товарища в горах. Очень любя природу, обычно уходил далеко от дома. Однажды он долго ходил, устал, лег и заснул. Какие-то бродяги избили его, сонного, раздели и все забрали. Были как раз заморозки, и когда Франко проснулся, то руками больше не владел. Мой сын стал ему настоящей нянькой, а мы все очень сочувствовали бедному Франко. Побывал он с моей дочерью и у Альбрант, давнишней приятельницы моей сестры Ольги, звал ее ехать вместе

во Львов, чтобы помогать ему в литературном труде. Я была с ним у Павла Игнатовича Житецкого. Они долго спокойно разговаривали; тем — и интересных и близких им обоим — было масса, и в конце Павел Игнатович сказал Франко: «Я вам завидую! Вы имеете возможность ездить, вообще менять места, вот и сюда приехали, а я прикован к креслу... и до последних минут жизни!»

Мой сын пытался заставить Франко посоветоваться с профессором нервных заболеваний, но он никак не соглашался и говорил: «Нет, не надо, это пройдет».

Так жил он у нас некоторое время, отрывая от работы сына и не имея при этом необходимых условий, так как дать ему отдельную комнату мы не могли: ее у нас не было. О его присутствии в Киеве стали поговаривать, к нам стали приходиться люди, чтобы увидеться с Франко. Среди прочих пришла и жена Е. Чикаленко. Она и предложила взять больного к себе: у них была отдельная квартира в собственном доме на Мариинско-Благовещенской улице. Но на следующий день утром Франко снова был у нас. Пошли разговоры о том, чтобы отдать Франко в какую-нибудь больницу. Но выяснилось, что Франко приехал с чужим паспортом, что он рвется еще в Одессу, спасать давно умершего деда Ольги, и мой муж написал Ольге, чтобы кто-нибудь из сыновей приехал за отцом, так как ему непременно надо лечиться. Тогда еще никому не приходило в голову, что он смертельно болен. Прожил Франко у нас две недели, да у Чикаленко и у нас вместе — еще неделю. Приехал Андрей, сын Франко, и забрал его домой. Так мы в последний раз видели Франко, ибо за те годы, которые он еще прожил на свете, ни он к нам, ни мы в Галицию не ездили.

Через три года после этого Франко похоронили своего старшего сына. Это была страшная утрата и для матери и для отца. Сестра не вынесла этого горя, началось нервное заболевание, и шестого декабря 1914 года Франко отдал ее в дом для душевнобольных на Кульпарковскую, где она пробыла четыре года, так что даже не шла за гробом своего мужа.

В 1915 году И. Франко просил Елисея Киприяновича прислать ему пятьсот рублей. Эти деньги ему были отосланы, как свидетельствует Игнат Павлович Житецкий (в № 6 «України»).

В мае 1916 года на шестидесятом году жизни умер

один из талантливейших писателей и один из выдающихся ученых своего времени — Иван Франко...

...Франко, под влиянием ряда обстоятельств, был замкнутый человек. Влиять на него сестра не могла. Она посвятила свою жизнь тому, чтобы создать ему условия, семью, где бы он находил и физический и моральный покой; из детей своих воспитала ему помощников — работников и собеседников. Она это сделала. Франко умер, его жена еще жива. Она всю свою жизнь прожила в нужде, тревогах, в тяжелом труде, воспитывая четверых детей.

И теперь она пишет о своей жизни: «Сижу тут, как на вулкане: так и жду изо дня в день, что меня выселят, сижу и дрожу — вот какова моя независимость». Благодаря Советской власти она получает из Харькова пятьдесят долларов в месяц, так что материально она обеспечена, а морально — «живет и дрожит». Вот кому можно только сочувствовать всей душой, а никак не обвинять Ольгу в том разрыве с галицким обществом, который так тяжело отразился на судьбе Ивана Франко, ее мужа, а потому и на ее судьбе.

Осип Маковей

ИЗ ДНЕВНИКА

31 декабря 1886 года.

В половине пятого пошел к И. Франко и беседовал с ним почти до семи часов. Ходил с ним на почту, а потом проводил его домой. Он пригласил меня на чай, и здесь я наговорился с ним вволю. С ним интересно разговаривать. Услышишь от него что-то мудрое, чему-то научишься — я бы целыми днями разговаривал с такими людьми, они хотя и мудрые и вес имеют и будут его иметь, а беседуют с такими, как я, совсем по-дружески, искренне. Запишу кое-что интересное из наших бесед, особенно о его жизни. Это пригодится.

Франко учился в Дрогобычской гимназии. В начальной гимназии почти ничего не читал, разве только «Робинзона». Лишь в пятом классе стал усиленно читать Шекспира, Шиллера и т. д. Из русских книг прежде всего прочитал «Переяславскую ночь» Костомарова. Писать начал в третьем классе гимназии; в высшей гимназии писал, как говорит, целые тома: драмы, стихотворения, повести. Обучал его тогда Грушкевич, а потом Охривич. Писал он для этих учителей сочинения размером в целую тетрадь, но учителя не всегда читали их. Переводил Софокла, Гомера и многих других. Из того, что тогда написал, многое сжег, и теперь у него что-то около двух томов его произведений. Пристрастившись к книгам, читал очень много. Среди них, как говорит, было много дряни, но много и хорошего. Окончив гимназию, имел около шестисот книг, и в их числе много действительно прекрасных.

«Теперь, говорит, бросаю вести «Зорю», не хочу пить эту горькую чашу, освобожусь от нее. Вот только скомпрометировал я себя, будучи вынужденным поместить там «Остриженные усы» Ильницкого и т. п. Сначала я старался, чтобы в «Зоре» чепухи не печатали, а теперь об этом уже и не думаю. Вот и опусы Ильницкого сдал в печать, пусть что хотят, то и делают...»

Он хотел дать в «Зорю» целый ряд своих повестей, но ему там отказали. Альманах стрыйский взял одну с благодарностью. Не желая ссориться с Калитовским, он не мог как следует вести «Зорю». Теперь он уже не будет зависеть от «Зори». Думает поехать в деревню и там спокойно работать. Как-то в беседе я намекнул ему на это — почему он среди украинцев имеет мало сторонников и почему они ему не помогают в его намерениях? «Что же делать, говорит, не можем прийти к согласию». — «Поляки вас лучше оценили,— говорю я.— Стараются о ваших повестях и тому подобное. Переводите ли вы для них с украинского оригинала или пишете прямо по-польски?» Он ответил, что некоторые переводил, но «W pogonie za bieda»¹ в «Ruchu» («Движение»), за которую получил около двадцати золотых, и еще какую-то другую повесть написал по-польски и в будущем собирается перевести их на украинский язык... Чем-то надо жить, и потому говорит: «Буду зарабатывать у поляков»... В «Kraju» и «Prawdzie» варшавской получает за строчку по пяти копеек.

Показывал мне еще незаконченную повесть «Не спросив брода», в которой, как говорит, описал годы своей молодости.

(Критиковал Масляка.) «Это, говорит, настоящий современный «галицкий» поэт типа наших народовцев. Вот соберите вы (я) свои стихи, и в десять раз скорее можно издать их, если уж Масляк смог издать свои... Комплимент, после которого мне стало стыдно, ибо теперь я совсем не пишу... Мирный, говорит, великан... удивительно пишет... Записываю о Франко все, потому что задумал в газете «Братство» сделать отчет о его жизни и деятельности. В праздники достану его письма, написанные им покойному Рожанскому.

...Вместо «Поступа» и альманахов, которые (Франко)

¹ «В погоне за бедой» (польск.).

думал издавать взамен его, он издает за свой счет повесть «Не спросив броду» и др. Повестей он не переписывает, а сразу сдает их в печать. Альманах стрыйский будет таким, каких еще не было: наилучшие силы там.

«Новая жизнь» Франко не закончена, и нет охоты кончать.

18 июня 1887 года.

По Голембской улице во Львове есть небольшой каменный дом, в нем — две комнаты и кухня. Входишь в них. Обстановка очень простая: в первой комнате две кровати, комод и стол, заваленный бумагами. Во второй комнате стоят столы с книгами, стол с бумагами и еще несколько предметов. В окна виден Львов и (Высокий) замок. Стоит появиться в дверях, и тебя приветствует хозяин тех комнат: «А, будьте здоровы». Будучи еще неженатым, он (с тех пор как я его знаю) снимал угол у какой-то немки. Женившись на Ольге Хоружинской, завел большее хозяйство. Так вот, хозяин приветствует тебя. Он — среднего роста, лоб высокий, лицо красное, симметричное, волосы темно-каштановые, борода рыжая, такие же усы, рубашка вышитая, в остальном — совсем обыкновенная одежда, — вот хозяин... Это — Иван Франко. Жена его, как правило, разговаривает только по-русски, хотя знает и наш язык, — но недаром же она из России.

В течение этой недели был я у него несколько раз и наговорился с ним вволю. Его обвиняют в неискренности. Я бы этого не сказал. Будто со своим родным, разговаривал он со мною. Я к нему питаю симпатию, а он ко мне — пусть частично. Я ему очень благодарен, многому он научил меня — да и не одного меня — своими беседами. Его взгляды на жизнь и на украинскую литературу знаю не только из его произведений, но и из его высказываний. Здесь их не запишешь; а они очень умные, и я много из них почерпнул.

Недавно вышли стихи Франко «Из вершин и низин». Прочитал их до конца. Понравились мне «Панские забавы», и я от души посмеялся над комиссаром-швабом, хотя, когда я это читал, мне было не до смеху. Эти «забавы» рассказал ему, как говорил мне сам Франко, его отец. Факты эти правдивы в большей части, характеры персонажей списаны с живых (такой комиссар жил), лишь (разумеется) в силу замысла и необходимости

соответственно изменены. Его могут упрекнуть в том, как он сам сказал, что там нет главного героя. Но таким героем является общество. Произведение он скромно назвал рассказом. Написаны стихи ямбом, гладко, легко читаются, хотя сам Франко признает некоторые неловкости в рифмовании. Другие, более короткие стихотворения нарочно подобраны так, чтобы произвести впечатление, ибо зачем, говорит, издавать отдельно, если их поместит и «Зоря».

Этот сборник уже, пожалуй, конфисковали за стихотворение «В суде».

14 января 1888 года.

...Так-то, хотя я и люблю Франко, но не скажу, что он все хорошо делает. А все-таки он мне понравился больше всех наших патриотов. Он, говорит Борковский, имеет большое влияние на молодежь. Это правда; ведь он с ней очень искренен и обходится с молодыми как равный с равными, а не так, как другие,— будто с кафедры. Я захожу к нему, и, конечно, мы говорим с ним о литературе. Был я у него нынче. Он показывал мне свои переводы болгарских народных песен, мы читали вместе прекрасную поэму «В ночном», которую он сам перевел на польский язык. Разговаривали и о «Панталахе», и о других вещах. Не хочу распространяться здесь, ибо задумал в отдельной тетради записывать все, что узнаю о Франко и о его произведениях, особенно все, что от него услышу. Это со временем пригодится если не мне, то кому-нибудь другому.

Конец мая 1888 года.

24 мая 1888 года на вечерней прогулке говорил мне Франко (по секрету), что готовит диссертацию для доктора Огоновского — «О политической лирике Шевченко» до 1847 года, чтоб получить доктора, ибо надеется когда-нибудь стать доцентом в университете. Хорошо было бы, говорит, привить молодежи более здоровые взгляды на нашу литературу, ибо если Огоновский еще лет двадцать посидит, то плохо будет.

Июль 1888 года.

4 июля 1888 года Франко читал в университете, зал XV, на украинском языке: двадцатое заседание славянс-

кого кружка. Кроме Франко, было человек тридцать. 1. Русская литература до смерти Пушкина (1837). Общий взгляд. Классическое направление: гвардия Екатерины. Державин, Шишков и т. д. Озеров. 2. Сентиментальное направление: Карамзин и Жуковский. Последствия победы над Наполеоном (1812). Романтизм на Западе и в России (разница). Широко о Пушкине. Франко ведет дискуссию, говорит по-польски — это на прошлых и нынешних заседаниях кое-кого удивляет.

Начало февраля 1889 года.

В начале февраля была забастовка пекарей. Я был среди них в парке Грунда вместе с Ганкевичем и Будзиновским. Был там также Франко с женой и Клементиной Попович...

13 февраля 1889 года.

«Товариш» выходить не будет. Пока он был в руках Франко, была надежда, что не пропадет. Но наши крикуны (Трилевский, Будзиновский) постарались отобрать у него и отобрали. Говорили, что в № 1 — труды самых старших, и второй номер они заполнят своим материалом, а «Товариш» — все-таки орган молодежи, в нем должны быть преимущественно труды молодых людей. А почему молодые не дали материалов в № 1 и не собрали для № 2 — этого не хотят знать. А теперь ни старые, ни молодые не будут печатать, ибо «Товариша» нет. Я с самого начала был противником того, чтоб не Франко вел журнал, а мы. Но, думал я, может, те крикуны в самом деле смогут сами издавать. Оказалось, нет. В типографии задолженность, и она не хочет больше печатать. (А был бы Франко, деньгами бы помогал. А впрочем, он может быть «заложником», ибо кому из нас поверят, что мы уплатим долги?) Разослано несколько сот экземпляров священникам и другим украинцам, но никто не присылает денег. Таким образом, мы сделали нашей интеллигенции (?) рождественский подарок. Те, которые прислали подписную плату (а их можно на пальцах сосчитать), напрасно ожидают следующего номера. Редактор и не думает этим заняться и все уладить; Трилевский и Будзиновский сумели только все отобрать у Франко, а теперь бездействуют; другим так-

же все безразлично. А я, после того как «Товариша» отобрали у Франко, потерял доверие и всякую охоту вмешиваться в это дело.

5 апреля 1889 года.

«Супруги» не понравились Ивану Франко. В самом деле, они не заслуживают похвалы. Франко предлагает мне собрать мои стихотворения, хочет издать их в своей библиотеке. Если бы издал и если бы критика высказалась о них не очень резко, можно было бы продолжать заниматься творчеством.

Август 1889 года.

Выехали мы двадцать первого июля, около четырех часов, в Перемышль, а потом через Хирев в Устрик. Там уже ожидала нас телега отца Кузива, в которой, под дождем, утомленные долгой ездой, около полуночи — через Лютовиск — попали в Дидеву. Ехало нас пять человек: Наталия Викторовна и Мария Викторовна Дегены — дочери русского генерал-майора, и их брат, Сергей В. Деген, кандидат славянской филологии, а ныне — учитель французского языка в Киевской духовной семинарии. Они — русские — приехали из Киева посмотреть Галицию (горы), научиться, в общении с местным населением, лучше разговаривать по-украински и лучше узнать нас... С ними ехали до Дидевы Франко и я. Итак, с двадцать первого, вернее, с двадцать второго, июля и до двадцать девятого июля я, Франко и Сергей Деген были в Дидеве.

Дни были всякие: и хорошие и дождливые, и с ветром, и без ветра. Воздух — прямо роскошь, даже грудь распирает. Я осмотрел почти все горы вблизи Дидевы (чудесное место Мучное, Кичеру, полонины вверху за церковью и т. д.), дважды купался в Сяне, прочитал кое-что из Глеба Успенского, все новеллы Дыгасинского и т. д.

Иван Франко, как заядлый рыболов, целыми днями, если только не было дождя, ловил рыбу, ставил разные сети на Сяне, бросал в воду приманку для рыбы, ходил с сетью по воде, ловил руками под камнями форель, — словом, в ловле рыбы видел большое удовольствие, и даже, если все утро ловил и ничего не поймал, в пол-

день все равно снова выбирался на рыбную ловлю. Даже во время дождя рано утром уходил в лес за грибами, которые очень любит собирать и — есть. В свободные минуты читал Успенского.

Середина сентября 1889 года.

Десятого сентября, около половины третьего, меня допрашивал Маевский и сказал так: есть подозрение, что те русские принадлежат в Кieve к тайному социал-революционному обществу и приехали сюда, чтобы вербовать молодежь и настраивать ее против польской шляхты (!). Так вот, не завербовали ли они и меня в это общество?..

Обвиняемых было шестнадцать: Сергей В. Деген, Наталия Викторовна и Мария Викторовна Деген, Кистяковский, Маршинский, Франко, Павлык, Скородинский (Андрей) (эти сидели арестованные), затем — Лопатинский, Величко (Григорий), я, Колесса (Александр), отец Кузив, г-жа Наталья Кобринская из Болехова, жена Франко и Ян Каспрович.

Федор Щербатской

ВСТРЕЧИ

Первая моя встреча с Иваном Франко состоялась в Вене много лет тому назад, еще в период существования Австро-Венгерской монархии. В то время я приехал в Вену заниматься по специальности, в библиотеке Венского университета. В свободные часы я, тогда еще молодой ученый, любил изредка посещать кафе «Централь», пользовавшееся популярностью среди венского студенчества и молодых ученых. В одно из таких посещений кафе мой знакомый профессор-славист познакомил меня с Франко. Это был человек невысокого роста, не толстый, рыжеватый. Его отличала большая скромность.

Из первой моей беседы с Франко я узнал, что незадолго перед этим он приехал в Вену из Львова, где в то время сотрудничал в одной из польских газет. Насколько я заметил, Франко тогда очень бедствовал и жил на крохи, которые получал за свои литературные труды.

При следующей встрече Франко высказал свои симпатии к русскому народу и подарил мне с собственноручной надписью недавно вышедшую книгу своих беллетристических произведений «В поте лица». Книжка мне очень понравилась, она, как реликвия, до сих пор хранится в моей библиотеке.

Я встречался с Франко в Вене еще несколько раз. Он мне рассказал, что зависит от польских издателей, которые жестоко его эксплуатируют. Сильно обижался на

такое их отношение к нему и вообще не скрывал своих враждебных чувств к польской шляхте.

Маленький курьез: за границей человека обычно зовут по имени, а в России — по имени и отчеству. Франко это знал. Во время одной из наших бесед он шутливо сказал мне, что называет себя Жан-Жак Руссо.

— Почему? — спросил я его.

— А как же — Жан-Жак в переводе означает Иван Яковлевич...

Я сохраняю светлую память о моих встречах с великим украинским ученым, писателем и поэтом.

Денис Лукьянович

МОИ ВСТРЕЧИ С И. ФРАНКО

С Иваном Франко я познакомился в ноябре 1888 года во Львове. Приехал я к нему на квартиру как представитель станиславского гимназического кружка. Ученикам гимназии строго запрещалось читать газеты, а книжки разрешалось брать только из школьной, весьма убогой библиотеки. Поэтому небольшая группа учащихся объединилась в тайное общество «Поступ». Мы читали книги, обсуждали разные вопросы, пели песни.

В сентябре 1888 года произошло незабываемое для нашего кружка событие: коломыйское общество народных союзов прислало в мой адрес сборник стихотворений И. Франко «Из вершин и низин». Поэзия И. Франко зажгла в наших юношеских сердцах огонь. Мы поняли, что после «Кобзаря» Шевченко нет лучшей книги, чем «Из вершин и низин» И. Франко. Мы читали ее, обсуждали отдельные стихотворения, заучивали их наизусть, клеймили на собраниях Цеглинского за его нелепую оценку этого сборника И. Франко в газете «Зоря». Нас больше захватывала преимущественно социальная лирика, на поэму Франко «Панские забавы» мы как-то не обратили внимания.

Конечным результатом наших горячих споров, чтений и радостей явилось то, что мы собрали двадцать гульденов на книгу «Из вершин и низин», десять гульденов на «Народні читальні» Павлыка, и я поехал во Львов к И. Франко.

Конный трамвай бельгийской компании доставил меня с вокзала по Городецкой на площадь Рынок.

Адрес И. Франко (ул. Зыбликевича, № 10) был обозначен на его изданиях, и найти его дом было не трудно. Там скрещивались улицы Зыбликевича и «Стежкова». «Стежкова» улица тогда была довольно оригинальной: вместо мощеной дороги по ней текла река Полтва, вместо тротуаров справа и слева бежали дорожки, каждая на высокой насыпи, а вдоль дорожек — заборы. На Академической площади, в конце Академической улицы, эти дорожки были отделены от реки перилами — внизу с громким шумом, будто водопад, Полтва вливалась в бетонную трубу, чтобы течь дальше под бульваром, Первомайской, оперным театром, в сторону Замарстинова. Этой тропкой над Полтвою ходил Франко ежедневно на работу...

Я остановился перед двухэтажным домом, на первом этаже которого проживал И. Франко. Кухонное окно его квартиры выходило на ул. Зыбликевича, а окно комнаты — на «Стежкову». Теперь этого дома уже нет.

В тесной, бедной кухне я увидел среднего роста женщину с черными живыми глазами и рыжеватыми волосами — она готовила котлеты. Возле нее стояла детская коляска, а в ней спал старший сын И. Франко — Андрей (умер в 1913 году). Я спросил о Франко. Она ответила:

— Франко нет дома, он в редакции «Kurjera Lwow-skiego». Зайдите после часа.

В час дня я снова появился перед домом, где проживал Франко.

Утром я спрашивал, искал и потому не был взволнован; теперь же я волновался: еще минута — и я предстану перед нашим дорогим поэтом, автором книги «Из вершин и низин», которая даже в глазах врагов была чем-то новым, необычным.

— Пришел твой гость, — сказала Ольга Федоровна Франко.

Она прибирала со стола остатки посуды после обеда. Франко, с газетой в руках, сидел между столом и стеной на каком-то плетеном из темных прутьев стуле; перед ним, на столе — еще несколько сложенных газет. Он дочитывал, очевидно, до абзаца и отложил газету.

Я смотрел на его характерную круглую голову с высоким лбом, прикрытую светлыми, золотистого оттенка

волосами. Лицо довольно широкое, с рыжеватой щетиной на щеках, усы также рыжеватые.

Сидел он без блузы и, как я потом заметил, босой. Ни на обстановку, ни на одежду Франко я больше не обращал внимания: я стоял перед великим поэтом, как школьник перед учителем: остановился в отдалении и ближе не подходил.

Франко спросил меня, кто я, откуда и что мне нужно. Когда я сказал, что хочу купить шестьдесят книг, он посмотрел на меня, но только на мгновение, и глаза его снова скрылись под веками. Но за этот короткий миг он, казалось, заглянул мне глубоко в душу. И еще мне показалось, что в его глазах блеснула радость. Однако она не отразилась на его лице, и даже голос не выдал ее. Он попросил жену отсчитать необходимое количество экземпляров книги.

Ольга Федоровна отложила готовую пачку в пятьдесят экземпляров и добавила к ним остальные. Франко напомнил мне, что при такой большой покупке мне следует получить дополнительные экземпляры, и я с благодарностью принял еще десять его и пять Павлыковых книг.

После этого Франко начал беседу: спрашивал о его дрогобычском учителе Верхратском, который в 1880 году издал в Станиславе украинско-немецкий сборник «Дневница», и о Недельском, который закончил словарь, начатый Желеховским. Я отвечал, что по приказу директора, прозванного учениками «Брысько» и «Параграф», учителя держатся в стороне от учащихся, словно они живут на втором этаже, а мы — в подвале. Франко сказал мне, что Желеховский в последние годы тоже притих — в 1877 году преподаватель закона божьего Николай Огоновский в клерикальном «Сионе» напал на него за то, что тот советовал ученикам пойти на вечер в честь памяти Шевченко, известного безбожника. Желеховский оправдывался перед школьным начальством, в это дело вмешались «Газета школьная», журнал «Правда» и «Друг» — студенческий журнал, который уже тогда редактировал Франко.

Расспрашивал меня о теперешних шевченковских вечерах, об учащихся, главным образом тех, кто дал деньги на книги, о том, встречаются ли читатели случайно или регулярно. Я минуту помолчал, потом ответил:

— Вы догадываетесь, что мы связаны тайной, но вам, в виде исключения, я скажу правду.

— Почему мне? — спросил поэт.

— Потому, что вы Франко.

Я рассказал ему о нашем кружке «Поступ», о том, что наш кружок не имеет своего устава. На вопрос, приняли ли мы название для нашего кружка случайно или по традиции, я ответил, что мы себя, в сравнении с нашими товарищами, считаем более прогрессивными.

Тогда Франко сказал:

— В ответ на то, что вы доверили мне свою тайну, я расскажу вам о некоторых позабытых делах и событиях, правда, не тайных — о них много писалось и в газетах. Около двадцати лет назад окончил станиславскую гимназию Остап Терлецкий. Он был руководителем тайного кружка, который назывался так же, как и ваш. Он выпускал газету «Зірку». Терлецкий писал ее собственноручно.

По ряду причин, как сказал Франко, Терлецкий вынужден был оставить свою библиотеку у Екатерины Заклинской, которая проживает в собственном доме на Торговице. При этом Франко назвал и номер дома.

— Заклинская — единственная известная мне в Станиславе патриотка, — сказал далее Франко. — Те, которые называют себя патриотами, являются ими разве только потому, что сами себя считают таковыми. Заклинская же искренне любит народ, хорошие начинания поддерживает не словами, а делом. И вам она поможет — сошлитесь на меня и сохраните тайну.

Я обещал и заверил Франко, что мы не проговоримся о библиотеке Заклинской. Спросил я и о Терлецком и услышал в ответ, что он был осужден вместе с Франко по процессу 1877—1878 годов.

В конце беседы Франко спросил, где я остановился, когда возвращаюсь в Станислав, что уже осмотрел в городе, и подсказал, куда стоит зайти и что осмотреть.

Ушел я от И. Франко в каком-то необыкновенно приподнятом состоянии. Ведь я разговаривал с великим поэтом и великим человеком! Я еще словно слышал его голос: спокойный, уравновешенный, убежденный голос великого учителя. Я вспоминал все его замечания и советы, чтоб передать их своим товарищам.

Приближаясь к квартирке Франко, я представлял себе, что увижу его за рабочим столом в хорошо обставленной комнате, а увидел его в скромной, даже бедной обстановке.

В Шевченковские дни 1890 года И. Франко пригласили в Станислав делать доклад. Франко приехал вместе с женой. Провинциальная публика не очень была подготовлена к тому, чтобы слушать научный доклад. Это следует сказать и об учащейся молодежи. Но нас захватил не столько доклад (темой его была баллада «Тополь» Шевченко), сколько само появление Франко.

В том же 1890 году начальство случайно узнало о шестерых членах нашего «кружка», и они были исключены из гимназии. Только трое из нас подверглись судебному преследованию.

Перед нашим судебным процессом Франко напечатал в газете «Kurjer Lwowski» пять статей, в которых протестовал против полицейских методов, которыми пользовалась школа, и разоблачал черную роль польского духовника в школе. Выступая на общие темы воспитания молодежи, он косвенно выступил в защиту нашего кружка «Поступ».

В марте 1895 года Франко «габилитовался» на кафедре украинского языка и литературы Львовского университета. Он мечтал бросить работу в редакции газеты «Kurjer Lwowski», развернуть запущенную Огоновским педагогическую деятельность на кафедре, посвятить свою плодотворную и весьма полезную творческую деятельность развитию литературоведения и всех участков украинской литературы в прогрессивном духе.

Габилитация — это экзамен на профессора в немецких и австрийских университетах. Он делился на три стадии. Особая комиссия рассматривала квалификацию кандидата, который непременно должен был иметь ученую степень доктора, и принимала или отклоняла его письменную работу, обязательно уже опубликованную отдельной книгой.

Это была первая стадия. Если ее проходили успешно, кандидат подвергался испытанию со стороны специальной комиссии. Последняя стадия — обставленный средневековым этикетом «габилитационный доклад», то-

есть пробная лекция кандидата перед профессорами университета. Бывало, что как раз эту лекцию и называли габилизацией. Декан факультета имел право допустить на лекцию и посторонних людей. Студентов пускали на эти лекции только в порядке исключения.

Когда профессура одобряла пробную лекцию, тогда сенат (ректор совместно с ученым советом) просил министерство просвещения выдать кандидату «*Veniam legendi*», то есть разрешение читать лекции.

Длительную процедуру габилизации можно было обойти в том случае, если император приглашал на кафедру какого-либо ученого из-за границы. Именно таким путем М. Грушевский получил кафедру во Львовском университете.

Двадцатого марта 1895 года газета «Діло» объявила, что двадцать второго марта в пять часов вечера в университете состоится габилизация доктора И. Франко на тему «Анализ «Наймички» — поэмы Т. Шевченко». Вход для гостей — по особому разрешению декана факультета.

Среди тех, кто были свидетелями габилизации И. Франко, в живых остался я один, поэтому считаю своей обязанностью поделиться воспоминаниями об этом событии.

Я тогда был членом «Академического братства», основанного в 1882 году при участии И. Франко. Он читал там доклады, под его и М. Павлыка влиянием братство стало радикальным. С их же помощью для библиотеки, кроме социалистических брошюр и книг на украинском, польском и немецком языках, были приобретены произведения русских писателей.

Узнав о предстоящей «габилизации», вместе со всеми «братчиками» и я, лично знакомый с И. Франко с 1888 года, волновался за него. С октября 1894 года я работал в «Народе». В редакции «Народа» я встречал Франко, но заходил он туда редко и бывал у нас мало. Он приносил статьи, перебрасывался несколькими словами с Павлыком и быстро уходил. Франко был тогда очень перегружен работой — он зарабатывал на существование в газете «*Kurjer Lwowski*» и второй год самоотверженно вел редакционные и административные дела собственного журнала «Житє і слово». Этот жур-

нал приносил ему убытки, и Франко понемногу влезал в долги¹. Кроме того, он бесплатно работал в «Товаристві ім. Шевченка».

В то время Франко был уже замкнутым, немногословным, скупым на слово. О его габилитации «братчикам» рассказывал Павлык, а сам Франко о ней ничего нам не говорил, — во всяком случае, я не слышал от него об этом, несмотря на то что он писал для «Народа» статьи о покойном Огоновском, лично передавал эти статьи Павлыку и обсуждал их с ним. О габилитации я слышал от самого И. Франко только один раз. В первой половине ноября студенческое общество «Ватра» устроило вечер, посвященный памяти Огоновского. По особому приглашению, Франко впервые пришел к «ватракам». Раньше он не заходил туда потому, что это общество было создано в 1892 году в противовес «Академическому братству» и в поддержку так называемой «Новой эры». На вечере учреждения общества был покойный Огоновский, а на общем ужине после собрания — создатель «Новой эры» Ал. Барвинский.

На поминки Огоновского «Академическое братство» прислало делегацию, но никто из нас не выступал. Не выступал и Франко. После поминок, по дороге, председатель «Академического братства» спросил его, что будет с кафедрой украинской филологии и не добивается ли он, Франко, места на этой кафедре. В ответ на это Франко сказал, что будто сенат решил пригласить из Киева профессора Ржепецкого или Дашкевича. Это интрига Ал. Барвинского, который хотел бы одним выстрелом убить двух зайцев. Если с помощью Антоновича ему удалось взять во Львов молодого М. Грушевского, то он пожелал иметь при себе еще такую персону, как Ржепецкий. Таким образом, он бы связал правые надднепрянские круги с австрийским императором. Второй заяц — не допустить на кафедру И. Франко.

На повторный вопрос, принимает ли он какие-либо шаги к тому, чтобы попасть на кафедру, он ответил положительно.

Давая пояснения, он подчеркнул, что добиваться кафедры он стал не по чисто личным мотивам, а думая о

¹ Расходы по изданию этого журнала на себя жена Франко Ольга Федоровна. (Прим. автора.)

всеобщем благе. И его попытки начались не после неожиданной смерти Огоновского, а с 1890 года.

Огоновский был языковедом, преподавание литературоведения он вел на низком уровне и даже не таил своего пренебрежительного отношения к литературе. В тревоге за дальнейшее положение литературоведения Франко решил добиваться работы на параллельной кафедре — литературы и этнографии. Он стал готовиться к диссертации. Франко рассказал далее, что, готовясь к диссертации, он хотел прежде всего получить степень доктора. В 1892—1893 годы в Вене Франко слушал лекции профессора Ягича и в июле 1893 года защитил докторскую диссертацию на тему о Варлааме и Йоасафе. Теперь он подал заявку в сенат.

Разговаривали старшие товарищи, потом подошла и моя очередь. Я сказал И. Франко:

— Ваши попытки молодежь расценивает как эпизод в борьбе за прогресс. Мы все с вами. Вы — наш кандидат.

На этом и закончился наш разговор с И. Франко. Он попрощался с нами, как только мы пришли на Глубокую улицу, на которой он проживал.

Как правило, сообщения о габилитации мы получали от Павлыка, потому что чаще всего встречались у него. Павлык вначале не разделял стремлений Франко, ибо кандидату, по его мнению, приходится кривить душой. Однако при этом он прибавлял, что стоит освободить Франко от политики, а политику — от Франко. Когда же борьба за кафедру стала обостряться и Павлык увидел, какими подлыми методами подкапываются под Франко противники-кандидаты, он изменил свое мнение и теперь уже выступал за Франко.

Первым опасным карьеристом-контркандидатом был «ученый» без научной степени, Александр Колесса. Протежировал ему влиятельный князь Адам Сапега, поддерживал Ал. Барвинский. Колесса написал диссертацию «Т. Шевченко и А. Мицкевич», в которой поставил нашего поэта в сильно преувеличенную зависимость от Мицкевича. Вельможи отнеслись к ней одобрительно, но необходимо было еще замести за собою следы и хотя бы тряпкою закрыть окно в прошлое, — был же Колесса когда-то радикалом, написал несколько стихотворений

в защиту обманутого народа, создал революционный гимн «Шалійте, шалійте, скажені кати», во время студенческих демонстраций, вызванных распоряжениями министра просвещения Гавча, которые ликвидировали большинство студенческих привилегий, активно выступал против мероприятий правительства. И хотя свои первые стихотворения публиковал под псевдонимом, теперь он открыто отказался от радикализма и запретил Павлыку печатать «Шалійте...» в «Народе». Рассказывая об этом, Павлык в отчаянии заламывал руки.

В борьбе против кандидатуры Франко духовенство шло рука об руку с графом Бадени. Последний сказал, что любой ценой не допустит Франко в университет, и обещал поддержать того кандидата, которого рекомендует митрополит.

Выступая против Франко, необходимо было найти другого кандидата. Духовенство из собора св. Юра выдвинуло пятидесятилетнего Костя Лучаковского — неплохого учителя средней школы. Он был автором нескольких школьных учебников, но сенат был того мнения, что учебники для средней школы не могут заменить диссертации.

От Павлыка мы узнали о визите И. Франко к наместнику. Благожелательно относящиеся к Франко профессора напомнили ему, что, по принятому всюду обычаю, кандидаты на профессора наносят соответствующий визит наместнику. Очевидно, Франко и не думал искать ласки у графа. Во время визита Франко узнал, как обстоятельно был информирован наместник о его личных делах и как он относился к журналистской деятельности Франко. Наместник сказал И. Франко, что он не представляет себе, как «газетчик» может стать профессором. Далее он напомнил И. Франко о его социалистических убеждениях и высказал удивление — почему-де Франко женился в России. Напомнил ему, что у него четверо детей и все — некрещенные. По его мнению, кандидат на кафедру должен бы оставить политику.

Среди студентов популярными были братья Рожанские, оба — юристы. Им были даны прозвища по именам героев повести Альфонса Доде: Фридрих Старший и Рихард Младший. Старший был говоруном, Рихард Младший, наоборот, говорил редко и мало, зато остроумно. О любых событиях он умел рассказать весело, а об

отдельных фактах — просто анекдотично. Когда Франко сдал габилитационный экзамен, а кто-то припомнил, что еще в 1878 году, то есть после антисоциалистического процесса, лояльный австриец, профессор истории австрийской империи Изидор Шараневич, имел какие-то претензии к Франко, Рислер Младший с особым юмором инсценировал эти экзамены. «Рислер» надувался подобно толстому, пузатому Шараневичу и, копируя его голос, задавал вопросы по истории Австрии. Профессор удовлетворенно сопел, когда ответ был хорошим. Еще громче сопел профессор, когда кандидат обстоятельно рассказывал о древнем Звенигороде в нынешнем Бибрском районе. Он знал все об археологических раскопках, проведенных Шараневичем. Чтобы окончательно «угробить» кандидата, профессор спросил об особенностях строения черепа у русинов. Франко рассказал о расселении племен во время переселения народов, о более поздних оккупантах на галицкой земле, но профессор только морщился. Тогда Франко указал на влияние климата и погоды, а когда профессор отрицательно махнул рукой, Франко убежденно добавил: «Необходимо спросить господ бога, почему он дал нам такие головы и такую длинную память, которая достигает тысяча восемьсот семьдесят восьмого года»¹. Шараневич возмущенно поднялся, но председатель комиссии поднял руку и встал, давая понять, что экзамен закончен.

Наконец нашим волнениям, ожиданиям и тревогам пришел конец — двадцатого марта в газете «Діло» появилось сообщение о пробной лекции И. Франко. Еще три дня тому назад то же самое «Діло» извещало, что лекции по украинской литературе начнутся только во втором семестре (то есть после пасхи, ибо именно таким было тогда деление учебного года), а кто их будет читать — неизвестно.

— Теперь уже известно, — сказали «братчики». Мы были оптимистами, к тому же молодыми, и верили в победу таланта, знаний и правды. Ближайшей нашей заботой было попасть на пробную лекцию. С этим мы и по-

¹ После выхода из тюрьмы И. Франко заходил в казино «Русская беседа», где встречался с профессором Шараневичем — ярым австрофилом. Шараневич предупредил председателя «Русской беседы», что если И. Франко будет посещать казино, то он, Шараневич, выйдет из «Русской беседы». (Прим. автора.)

слали делегацию к профессору Пузыне. Он не отказал нам, лишь сказал: «Понимаю вашу заинтересованность. Кандидат — И. Франко». Услышав, что мы пришли от «Академического братства» по собственному почину, дал тридцать пропусков — по десять на каждое студенческое общество. Нужно сказать, что третьим обществом был москвофильский «Академический кружок», в котором работал И. Франко до первого ареста.

Лекция состоялась в третьем зале в левом крыле старого здания университета. В этом зале проходили общие собрания студенческих обществ и читались лекции, которые посещало большое количество студентов.

Двадцать второго марта, еще до 5 часов вечера, в третий зал пришло свыше тридцати студентов, хотя от «Академического кружка» был только его председатель. Теперь этот зал разделен стеной на две отдельные аудитории — 112 и 114. Но и раньше здесь было две двери: профессорские и студенческие. Ровно в шесть часов пятнадцать минут через профессорские двери вошел старший «педель»¹, ударил университетским скипетром о пол и сказал на польском языке: «Магнифициция (величество) ректор идет! Сенат идет!» Тут же появились ректор, проректор, деканы и сенатские представители профессорского собрания. Ректор в мантии с горностаями, деканы также в тогах из черного шелка, в беретах на головах, все обвешаны золотыми цепями.

Начальство расселось в креслах перед партами, в первых рядах — профессора филологического факультета, за ними — приглашенные гости, а за партами — студенты. Было их много, ибо либеральный педель при студенческих дверях сигареты ценил выше пропусков.

Минута — и в профессорских дверях появился Франко. Этой минуты многие из нас ждали затаив дыхание, и надолго эта картина осталась в нашей памяти. Франко прошел к кафедре, стоявшей у стены между дверью и окном. Все время, пока он, невысокий, но плечистый, шел, поднимаясь по ступенькам, закрывал дверь и садился за кафедру, студенты приветствовали его аплодисментами.

¹ Педель отвечал за порядок в аудиториях и коридорах. Старший педель прислуживал университетскому сенату. (Прим. автора).

В ответ на эти аплодисменты Франко даже не кивнул головой. Они, наверное, смущали его. Возможно, ему было трудно читать, ибо привык он говорить по памяти. Как бы то ни было, у нас сложилось впечатление, будто его охватило какое-то волнение. Но нет, вот он связался с аудиторией невидимыми нитями, по-своему кашлянул. И лекция потекла ровным потоком четких предложений, прочно связанных между собою.

Грудной тенор И. Франко нам был известен. Лекция, спустя некоторое время опубликованная в «Записках наукового товариства ім. Шевченка», уже на слух нам понравилась — в ней Франко показал нашего поэта в свете европейской критики (русской, французской, польской). Все мы внимательно слушали слова о недостатках украинской критики. С большим тактом Франко показал в своем обзоре недостатки диссертации-монографии Колессы «Т. Шевченко и А. Мицкевич». Франко заинтересовал нас сравнением повести Шевченко «Наймичка» с его же поэмой. Мало кто из нас до этого читал повесть, и только после лекции все мы бросились разыскивать ее.

За прочитанную лекцию вся аудитория наградила Франко аплодисментами, и, когда сенат вышел, профессор Калина и еще кое-кто из профессоров пожали Франко руку, поздравляя его.

Пришла и наша очередь. Мы обступили Франко. Старшие, более смелые, приветствовали его от имени прогрессивной молодежи, говорили о высоком научном уровне лекции и о желании работать под его руководством. Мы были убеждены, что Франко воспитает достойных себя последователей. Я сказал ему: «Случилось то, чего вы ожидали. Правда победила».

Время было идти. Но в этот момент от окна отделилась неприметная женская фигура. Это была жена Ивана Франко — Ольга Федоровна. Маленькая, худощавая, бледная, с быстрыми движениями, черными глазами. Она молча присматривалась со стороны, а теперь вместе с молодежью шла к своему мужу.

Я знал Ольгу Федоровну еще с 1888 года, но только теперь я понял эту женщину, которая посвятила свою личную жизнь великому поэту и деятелю.

Франко тогда проживал на Глубокой улице, в доме № 7. Мы проводили его домой. Шли ближайшей дорогой,

через цитадель, к Политехническому институту. По дороге Франко говорил о подготавливаемом им плане курса украинской литературы. Кто-то набросился на Александра Колессу. Франко на это сказал: «Каждому можно стараться попасть на кафедру, и за избранный способ каждый отвечает своей честью»,— и тут же заговорил о студенческих делах, которые находились в еще более тяжелом положении, нежели дела радикальной партии.

Председатель «Академического братства», автор статьи о «Ватре», напечатанной в «Народе», рассказал И. Франко анекдот о строении черепа. Франко расмеялся.

— Кто же его автор? — спросил он.

— Рислер Младший, выступай! — крикнули ребята.

— Его прислал Доде,— улыбнулся Франко.

В это время привели Рожанского.

— Шараневич, может быть, и недоброжелательно относился ко мне, только все же не так, как вы придумали. Но — поэтам разрешается. Должен сказать, вы хорошо знаете мою биографию, у вас есть юмор и талант. Попробуйте сами или с кем-либо обрабатывать ваши анекдоты.

Когда шел этот свободный товарищеский разговор, кто-то спросил, как относились к Франко «иные украинцы».

Франко понял этот намек, ибо недавно на эту тему распространился несправедливый слух. Теперь все выяснилось.

На первом заседании комиссии трех профессоров (Калина, Пилат, Грушевский) двумя голосами против Грушевского комиссия решила признать себя некомпетентной проводить экзамены И. Франко на доцента, а пригласить во Львов профессора украинской литературы Третьяка из Кракова. Но ректор поддержал протест Грушевского, и тогда комиссия отменила свое предыдущее постановление и взялась за оценку диссертационной работы И. Франко. Об этом эпизоде среди нас ходили самые разнообразные слухи.

Дом на Глубокой улице, в котором проживал И. Франко, находился в глубине двора. Сейчас его уже нет. Остановившись около калитки, Франко сказал: «Будьте здоровы, спасибо!» С этими словами он пошел домой вместе с женой, которая всю дорогу молчала.

Через два-три дня после пробной лекции Павлык созвал совещание в редакции «Народа», но Франко забежал туда только для того, чтобы оправдаться: ночным поездом он уезжал в Вену, где хотел увидаться с Ягичем и попросить у него необходимые книги.

А на следующий день, двадцать девятого марта, к Павлыку зашел Колесса и похвастался, что министерство просвещения поручило ему кафедру. Он уже известил о своих лекциях с первого апреля и ждет дальнейших распоряжений.

Когда университетский сенат не стал принимать во внимание другие кандидатуры, кроме И. Франко, князь Сапега и Барвинский попросили, чтобы профессор Смаль-Стоцкий габилитировал Колессу у себя в Черновицком университете, а министр просвещения перевел бы его «*veniam legendi*» во Львовский университет. Очевидно, этот факт сам по себе еще не перечеркивал дела Франко, только усложнял его. Но ведь Бадени и митрополит не забывали, кто такой Франко. Это со временем доказала телеграмма из Вены, напечатанная в «Ділі» в июле 1895 года. В ней говорилось о том, что, принимая во внимание политическое прошлое И. Франко и учитывая мнение наместника, министерство просвещения отказало И. Франко в должности доцента Львовского университета.

Это был первый подобного рода случай в истории Львовского университета, а вместе с тем и большой скандал. Такое мог себе позволить только такой палач, как Бадени, прозванный «галицким микадо».

Добиваясь кафедры, Франко боролся за права украинского народа и за прогресс. Палач украинского народа Бадени, разные продажные души и карьеристы победили. Сегодня мы можем правильно оценить, как враги украинского народа вредили творческой деятельности И. Франко, какой вред они причинили развитию украинского литературоведения.

Значительной была роль И. Франко в возникновении «Видавничої спілки»¹. Она была основана в один из дней столетнего юбилея «Энеиды» Котляревского.

¹ Издательское объединение.

Событие это прошло тихо. Оно как бы затерялось в юбилейных торжествах, которыми в 1898 году было отмечено столетие со дня рождения новой украинской литературы. Решение об организации этого издательского объединения было принято на первом и единственном съезде писателей австрийской Галиции, который был создан редакцией журнала «Літературно-науковий вістник» 31 октября 1898 года. При обсуждении этого вопроса первым выступил председатель «Научного общества им. Шевченко». По его мнению, издательское объединение должно было служить финансовой базой для журнала «Літературно-науковий вістник» (даже это, лучшее за все годы существования периодической печати в полукOLONиальной Галиции, издание не окупало себя. Ввоз журнала в пределы Российской империи был запрещен царской полицией и цензурой).

Вслед за ним выступил Михаил Павлык. Еще до съезда он пропагандировал идею объединения писателей, в противовес идее издательского объединения. Отстаивал ее он и на съезде, уверяя при этом, что того же мнения придерживается и И. Франко. Павлыка поддержал выступивший после него Владимир Гнатюк. Того же мнения был и Маковей, который, однако, не решился выступить на съезде. Я внес компромиссное предложение. Пусть будет и объединение писателей, и издательское объединение — они не будут мешать друг другу, наоборот, — они должны поддерживать друг друга.

Затем выступили еще два оратора, но они как-то не конкретизировали своих мнений. Все оглядывались на И. Франко. Он, как поэт, ученый, общественный деятель, пользовался, несомненно, большим признанием, уважением и почетом, нежели председатель научного общества им. Шевченко.

Франко выступил. Он напомнил, что журналы «Вечерниці» (1862), «Мета» (1863), социалистические журналы, которые он сам редактировал, — «Громадський друг», «Дзвін», «Молот» (1878), журнал «Світ» (1881—1882) — все эти издания прекратились потому, что административной и финансовой стороной дела ведали в них писатели. Между тем писатели должны писать, а финансовыми делами пусть занимаются соответствующие специалисты. И конечно, издательское объединение будет основано тоже по такому же принципу.

Франко говорил убедительно, к тому же его как бы осенял ореол вчерашнего дня, когда состоялось его юбилейное чествование по случаю двадцатипятилетия его поэтической, научной и общественной деятельности. Рассчитывая на поддержку присутствующих, он внес предложение избрать организационный комитет, который и должен будет юридически оформить объединение. В комитет избрали пять человек, куда также вошла редакционная коллегия «Літературно-наукового вістника», то есть председатель научного «Общества им. Шевченко» Осип Маковей и Иван Франко. Избран был также Гнатюк как представитель молодежи.

На следующий день, первого ноября, в ознаменование столетия «Энеиды» И. Котляревского, юбилейный комитет устроил товарищеский ужин. На вечере было зачитано обращение к братьям русинам, в котором они уведомлялись об основании издательского объединения, после чего следовал призыв подписывать это обращение и вносить пай в размере двадцати пяти крон. Затем с речью выступил И. Франко.

Тут же было принято решение подготовить устав и послать его на утверждение административным властям.

Так было создано издательское объединение.

В 1907 году деятельность его была перенесена в Киев.

Результат его работы — шестьдесят шесть томов журнала «Літературно-науковий вістник». Кроме того — триста книг научного и популярного содержания. Все это вынес на своих плечах И. Франко как редактор журнала и книжного издательства.

И еще одно. Я заседал в дирекции объединения и являюсь свидетелем того, как Франко отстаивал появление той или иной статьи в журнале или издание книги.

Многолетняя деятельность издательского объединения общеизвестна, но вот какую роль в его возникновении сыграл И. Франко, известно только нескольким лицам. Поэтому я и счел своей обязанностью рассказать об этом.

В 1904 году я дважды навесил И. Франко в Криворивне.

Уже четвертое лето Франко жил у старого гуцула Проця Митчука-Вилюка на правом берегу Белого Черс-

моша. Митчука называли знахарем, он лечил людей и животных, знал гуцульскую старину, знал старые, нецерковные (апокрифические) молитвы.

Позже (в 1906 г.) Франко переселился на левый берег реки, к Якибюку-Ивандюку. В 1909—1911 годы у Митчука жил Михаил Коцюбинский.

Кроме Коцюбинского, в Криворивню приезжали и другие надднепрянцы — Леся Украинка, племянник Т. Шевченко художник Фотий Красицкий, из Буковины — Ольга Кобылянская. Известный этнограф и друг Коцюбинского, Владимир Гнатюк с гордостью называл Криворивню «Украинскими Афинами» — именно благодаря ему она стала местом отдыха.

В этих «Афинах» Франко был первым лицом, человеком, окруженным ореолом поэта и бесстрашного борца за высокие идеалы и принципы. Многие из отдыхающих хотели быть в том обществе, в котором находился Франко.

Во Львове, обремененный работой, он мало бывал в обществе. В Криворивне же можно было видеть его, как и прежде, доступным, даже веселым, смеющимся.

Но это не означает, что он не придерживался своего режима. Он только смягчил его и приспособился к местным условиям.

Главную роль в отдыхе теперь играли его любимые занятия — собирание грибов и рыбная ловля.

Рано утром Франко шел в лес собирать грибы, потом купался, завтракал и садился за работу. В полдень он шел на пляж, где его уже ожидала компания. Франко всех покорял своим юмором, шутками, сатирой, но не колючей. У него только перо было острым.

После обеда этот неутомимый труженик продолжал свою работу и только под вечер, если не препятствовали этому какие-либо посетители, шел на рыбалку.

Его неисчерпаемая энергия и кипучий темперамент, которым он умел так хорошо владеть, не поглощались целиком литературным и научным творчеством. Ему необходимы были движения и физический труд. Во Львове его ежедневные два-три маршрута к месту работы, в погоду и в непогоду, составляли восемь — двенадцать километров. В Криворивне он ходил пешком в Жабье за продуктами (туда и обратно двенадцать км.). Любимым местом его прогулок был Писаный Камень в соседнем Ясенево и река у Белой скалы.

Как-то приехал в Криворивню Федор Вовк. Однажды он спросил И. Франко о его впечатлениях от Рима — весной 1904 года Франко ездил туда. Франко ответил:

— Мои впечатления сосредотачиваются вокруг микеланджеловского Моисея.

Значит, Франко в Криворивне обдумывал, а может быть, и писал отдельные части своей великой поэмы.

Я приехал к Франко с поручением радикальной партии, вернее, радикалов, группировавшихся вокруг газеты «Громадський голос».

В конце 1899 года И. Франко вышел из рядов радикальной партии, а М. Павлык и его сестра Анна в «Громадськім голосі» набросились на него с упреками.

Тогда у нас не было популярных и талантливых деятелей, способных очистить партию от правых элементов и придать ей новое политическое лицо. Это отразилось и на прессе — некому было редактировать «Громадський голос». Со временем кандидат на должность редактора нашелся — это был Лесь Мартович, который приехал во Львов готовиться к получению степени доктора юридических наук, а до тех пор обязанности редактора исполнял я.

Тогда-то мы и задумали привлечь И. Франко если не к партийной работе, то хотя бы к сотрудничеству в «Громадськім голосі». И лучше было с ним разговаривать на эту тему не во Львове, а в Криворивне. С этим поручением я и выехал к нему в горы. Мне удалось пойти с ним на реку и завести разговор на эту тему. Франко сказал, что партия утратила свою жизненную силу и существует по инерции. Разговор зашел о «Громадськім голосі». Я сказал, что приехал выпросить у него какую-нибудь статью для газеты. Франко посмотрел на меня и ничего не ответил. Через несколько минут я спросил, собирается ли он идти домой, — я бы его проводил. Он ответил, что хочет посидеть возле реки, и я ушел один.

В «Громадськім голосі» Франко стал сотрудничать только в 1905 году. Наши взаимоотношения тогда наладились. В 1904—1907 годы я работал с ним в правлении «Научного общества им. Шевченко» и в дирекции писательского союза.

На летние каникулы 1911 года меня пригласил к своему отцу в Криворивню мой давний ученик, Николай Якибук. Я пробыл там всего одну неделю, но зато встретился

с И. Франко, который в 1906 году переехал от Митчука к Якибюкам. С того года он приезжал к Якибюкам каждое лето вплоть до первой мировой войны, за исключением 1908 года, когда болел. Если он приезжал без жены, Анна Якибюк, жена Василия, ухаживала за больным Франко.

Лето 1911 года было дождливым, но и такая погода не портила отдыхающим настроения. Вечерами в домах звенели их песни, левобережные двory перекликались с правобережными.

Кружок сторонников и друзей Франко утешался тем, что великий поэт Украины чувствует себя хорошо, а в отдельные дни бывает даже, как и прежде, веселым и бодрым.

Франко на лоне природы чувствовал прилив физических и творческих сил, его переставал мучить нервный недуг. В Криворивне он готовил очередные выпуски «Универсальной библиотеки», переводил на немецкий язык стихотворения Шевченко, писал полемические статьи для прессы, научные — для «Записок наукового товариства ім. Шевченка».

Этим занятиям он посвящал большую часть дня, причем чаще читал, и только иногда диктовал своим секретарям — больные руки не давали ему возможности писать самому. Отдыхал, сидя в кустарнике над рекою против Белой скалы или уходя в лес, где иногда даже ухитрялся собирать грибы своими больными руками. Кроме В. Гнатюка, лишь в порядке исключения, принимал кого-либо из посетителей, но при случайных встречах разговаривал с людьми очень приветливо.

В один из солнечных дней он неожиданно приостановил работу и прислал за мной своего секретаря, Завадовича, — учителя из города Золочева.

Это случилось в доме Василия Якибюка-Ивандюка. В большой комнате его дома жил Франко, в меньшей — третье лето останавливался Завадович, который в том году, по просьбе Якибюка, принял и меня.

Я зашел в комнату И. Франко.

— Вы знаете, что сегодня я встречу с Коцюбинским, — начал Франко, когда мы вышли на крылечко, — а пока что, до его прихода, расскажите, что вы читали о Лукьяне Кобыльце, изучая решения буковинского и центрального правительств,

Я рассказывал, а Франко внимательно слушал, иногда задавая мне тот или иной вопрос. Руки его все время нервно дрожали, но он мужественно терпел. А ведь четыре года назад я заседал с ним в правлении «Наукового товариства ім. Шевченка» и в дирекции «Видавничої спілки». Тогда он был полон сил и планировал каждую минуту. Во время заседаний всегда правил корректуры или «сокращал и приукрашивал», как он говорил, чужие материалы. Но и теперь, даже больной, он не утратил ритма в своей ежедневной работе.

— Не интересуетесь, почему именно я докучаю вам второй день подряд? — прервав мой рассказ, вдруг спросил он.

— Не спрашиваю, ибо знаю ваши разносторонние интересы, господин доктор. С удовольствием передал бы вам сделанные мною выписки из протоколов, но они очень неряшливые.

Франко ответил:

— В своей жизни я прочитал больше неразборчивого, чем разборчивого. Посмотрим еще, а пока что Завадович, может быть, передаст мои вопросы к вам. Будьте любезны, перешлите свои ответы во Львов. Собираюсь написать повесть о Лукьяне Кобыльце.

— Мне известно все, что до сих пор вы написали о Лукьяне, господин доктор. Все это можно считать подготовкой к повести.

— Протоколы стоило бы еще раз просмотреть, — перебил меня Франко, — хорошо бы увидеть Путиловский округ.

— Я, господин доктор, был и в Плоской — родине Кобыльцы и центре восстания. Поэтому имею возможность к ответам приложить описание.

Вопросов Франко мне не передал и повести не написал. Остался только ее план.

— Идет Коцюбинский, — неожиданно прервал Франко наш разговор.

Его соколиные глаза, окруженные красными кольцами, до самой смерти не нуждались в очках. Теперь на левом берегу Черемоша они увидели небольшую группу отдыхающих. Гнатюк, Коцюбинский и его товарищи проживали на правом берегу. На левый берег можно было пройти по мосту около часовни.

В эту минуту к нам подошел Завадович и попросил

И. Франко проверить несколько записей под диктовку. Я пошел в комнату за своей шляпой, а потом вернулся к калитке, чтобы помочь Франко принять гостей.

Мое личное знакомство с Коцюбинским состоялось еще в 1898 году, после нелегального съезда студентов в Киеве, на который я был послан из Львова. Я и Василий Доманицкий, редактор первого, критически подготовленного издания «Кобзаря» Шевченко, поплыли из Киева вверх по Днепру и Десне в Чернигов и там пробыли целую неделю. Заходили в гости и к Коцюбинскому.

Эlegantный Коцюбинский даже в Криворивне носил твердый воротничок и галстук, хотя от июльской жары должен был часто вытирать свою лысину батистовым платочком. Его появление обрадовало нашего уважаемого хозяина — Франко.

А дорогой гость, улыбаясь, спросил:

— Как живете, уважаемый?

— Хорошо, а как вы? — спросил Франко. — Что делаете?

— Отдыхал несколько дней, а теперь начинаю работать. Вот боялся опоздать к вам...

— Вы второе лето отдыхаете у нас и заработали славу человека, который никогда не опаздывает.

— А я рад вам сказать, господин доктор, что сегодня, как вижу, вы чувствуете себя лучше.

— Да, лучше, потому что сегодня я долго держал руки в Митчуковом источнике, а вода, говорит мой Якибюк, хорошо помогает.

— Пусть будут здоровы те работающие руки, которые сделали источник.

— А вы, я вижу, тоже хорошо чувствуете себя, — сказал Франко

— И отдохнул душой, — ответил Коцюбинский. — Очаровала меня Гуцульщина, хочу отсюда увезти тему для повести.

— И увезете, определенно увезете...

Генрик Вигеляйзен

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Первая же моя встреча с любимым другом, Иваном Франко, раскрывает весь трагизм бурной жизни этого вечного революционера.

Познакомился я с ним на пороге июля 1877 года, когда он, закованный в железные кандалы, под эскортом жандармских штыков направлялся — преследуемый, но несогнувшийся — под полицейский арест. Нерасчесанные рыжие волосы, больные глаза, бледное, вконец исхудалое лицо, ужасно изорванная одежда — видеть все это было больно до слез...

Я всеми силами стремился вырвать его из ужасных когтей тюрьмы. Но напрасно! Все мои попытки остались без успеха; его никак нельзя было спасти. Больше того — мое заступничество показалось полиции даже подозрительным. Франко был тогда социалистом, а для австрийских властей это было грозное слово.

Когда же Франко в конце концов выпустили на свободу, наши взаимоотношения сложились самым дружественным образом. Оба мы были студентами философии и потому часто встречались в университете.

Как раз тогда Франко на основании действительных, правдивых переживаний и собственных наблюдений кровью своего сердца написал повесть «*Voas constrictor*», в которой с ненавистью к змею-удаву, капиталисту Герману Гольдкремеру, выразил свое социалистическое мировоззрение тех лет, а в патетическом стихотворении «*Камнеломы*» и свой подлинно революционный пафос.

Социализм Франко имел общечеловеческий характер. Я же тогда стоял на национальной почве. Впрочем, наши общественные убеждения не были глубокими, были слабо обоснованы и недоразвиты. Роль тогдашнего социализма ограничивалась исключительно провозглашением лозунгов французской революции: «Свобода, Братство, Равенство»; требованием окончательной ликвидации армии и установления восьмичасового рабочего дня.

Франко был максималист, я же — минимальный possibilist. Сначала, через Драгоманова, он находился под неотразимым влиянием Прудона. Но со временем, увлекшись чтением научной социологической литературы, Франко склонился к марксизму и даже пробовал переводить «Капитал». С этого времени он последовательно и упорно выступал против Прудона.

Горячие юношеские дискуссии на общественные и научные темы проводил я с Франко довольно часто и в университете, и в библиотеке «Оссолинеум». Когда же летом 1887 года Франко стал работать в редакции «Kurjer Lwowski», я, как сотрудник той же газеты, имел возможность постоянно встречаться со своим другом. И так мы стали верными друзьями, которые, будучи очарованы музыкой нашей эпохи, на пути прогресса обвенчали свои души с красными мечтами столетия.

Редакция газеты «Kurjer Lwowski» находилась в руках польской партии «Stronnictwo ludowe», которая впервые выбрала послом в сейм простого крестьянина (Поточек). Эта партия решила проводить свои политические мероприятия совместно с украинцами. Такое решение народной партии расценивалось в обществе как измена польским лозунгам, но для государственных кругов это представлялось чем-то бóльшим. Партию стали немилосердно преследовать сообща — административные власти, «станчики», консерваторы и мнимые демократы. Франко видел рост украинофильского и социалистического духа в партии «Stronnictwo ludowe» и, веря в революционность ее программы, решил сотрудничать в ее печатном органе. Совладельцем и первым редактором этой газеты был тогда Болеслав Вислоух (ныне сенатор), который убежал в Галицию от преследований русского царизма. По его мнению, Франко как раз был подходящей кандидатурой для замещения должности сотрудника газеты по украинским делам. Он хорошо разбирался во

всех направлениях общественной и культурной жизни украинского народа в Галиции, был самым образованным человеком среди тогдашних галицких украинцев, великолепно владел польским, немецким и французским языками, и — что самое главное — тогда уже существовали польские переводы его литературных и научно-политических произведений, а сам он имел практику журналистской деятельности в польской печати. Его статьи уже печатали: «Kraj» — лучший польский еженедельник — выходил в Петербурге, пропагандировал польско-

российское соглашение, так называемые «Złote mosty»; редактировал их Эразм Пильтц, а издавал адвокат Владимир Спасович, известный защитник социалистов; «Prawda» — варшавский еженедельник радикального направления под редакцией Александра Свентоховского; «Przegląd tygodniowy» — варшавский еженедельник с месячным научным приложением под редакцией Адама Вислицкого, радикального направления, который соперничал с журналом «Prawda»; «Głos» — еженедельник народнического направления, под редакцией Яна Поплавского; «Ruch» — львовский литературный еженедельник общественно-радикального направления, финансировал его доктор Едвард Лелиен, выходил непродолжительное время. Став сотрудником «Kurjera Lwowskiego», Франко начал печатать в этой газете и в ее еженедельном литературно-научном приложении «Tydzień» передовые и редакционные статьи на общественные, экономические и политические темы из украинской и международной жизни, научные работы и даже свои литературные произведения.

В хорошие дни мы, Франко и я, неоднократно устраивали загородные прогулки, чтобы вдаль от городской пыли насладиться чарами весны. Во время одной из таких прогулок на Высокий замок мы завели разговор о Конраде Валленроде. В конце наша беседа задержалась на принципиальном вопросе: как нужно оценивать героя поэмы? В одном пункте наши взгляды разошлись. Мы соглашались только в том, что тогдашняя польская (католическая) критика неправильно оценила образ Валленрода. А именно: критика считала героя произведения изменником, но оправдывала Мицкевича, ссылаясь на то, что у него герой наказан смертью. Оба мы исходили из поло-

жения, что образ Конрада Валленрода, несомненно, героический. Различие наших взглядов касалось интерпретации намерений Мицкевича при воссоздании психологии главного героя поэмы. Франко утверждал, что поэт прославляет здесь измену, я же отмечал, что стонущий в неволе народ должен иногда прибегать к хитрости, если не в силах завоевать свободу приступом. Я высказал тогда такую сентенцию: никак нельзя изменить врагу, изменить можно только другу. В частности, я считал, что так нужно понимать и Конрада Валленрода. Ведь он отказался от своего семейного счастья, посвятив себя религии и народному делу, ведь он так трагически окончил свою несладкую, суровую жизнь! В научных и общественных вопросах Франко был необычайно упорным и неуступчивым. Он никогда никому не давал переубедить себя, и на этот раз, в приступе дискуссионной горячности, он заявил, что не только не изменяет своего убеждения, но что вскоре опубликует его в известной тогда «Die Zeit», немецкой политической газете в Вене. Мои предостережения о последствиях такого безрассудного шага, попытки охладить его пыл дружеским «zwarjowałeś»¹ не имели никакого успеха. Франко остался при своем. Сказал — сделал. В мае 1898 года, в № 136 упомянутой «Die Zeit», появилась беспощадная статья Франко об А. Мицкевиче под названием «Ein Dichter des Verrates». И так вновь началась мартирология жизни Камнелома-мученика.

Сотрудники «Kurjera Lwowskiego» высоко ценили И. Франко и уважали его как своего товарища. После появления его статьи против Мицкевича в редакции все были подавлены. Следует отметить, что как раз в то время шли приготовления к открытию памятника Мицкевичу в Варшаве. И поэтому впечатление от статьи значительно усиливалось. Редактор Вислоух был человеком тактичным. Когда на следующий день я, как обычно, пришел в редакцию, он лаконично известил меня: он (то есть Франко) завтра уже на работу не выходит. Меня это больно поразило. Франко тогда уже был именит... И невольно мне представлялись духовные страдания Франко в связи с таким трагическим ударом по его самолюбию; в моих глазах рисовалось ужасное видение его бесприютных материальных невзгод, и я проклинал ту нашу февральскую прогулку по Высокому замку, когда веселое весеннее

¹ Ты сошел с ума (польск.).

солнце целовало наши молодые щеки, когда родились эти намерения, а Франко планировал свое несчастье.

Поляки приняли статью Франко с возмущением, со злобой, как коварную попытку высмеять и унижить перед Европой лучшего польского поэта. Защищая Франко, я вел ожесточенные бои. Но мои заявления о том, что Франко в своей статье руководился исключительно литературными мотивами, возмущаясь первоначальной католической критикой поэмы Мицкевича, не производили впечатления на разбушевавшееся польское общество. А между тем Франко имел серьезный и для поляков аргумент, когда ссылаясь в своей статье на Словацкого, который в «*Bierniowskiom*» критикует Валленрода за то, что тот ввел в польскую литературу измену как систему и как метод!

А украинская омещанившаяся общественность, которая в то время, за небольшим исключением революционеров-активистов, рада была этого «бунтовщика» утопить в ложке воды, считала такую кампанию против Франко спасительной водой на свою оппортунистическую мельницу и всячески подсовывала полякам софизмы. Словом, украинская общественность подливала масло в огонь.

Ошибаются доктор М. Лозинский и Василий Верноля, когда антимицкевичскую статью поэта относят на счет «личного характера Франко, который поддавался своим минутным настроениям». Франко написал эту статью с обдуманном намерением и с полным сознанием своей ответственности. Однако Франко был упорным, твердым, неsgiбаемым в постоянстве своего характера и считал оскорблением для себя отступить от провозглашенных им взглядов, если они, по его мнению, были справедливыми и правильными.

Последствия опубликования статьи Франко были фатальными. Франко оказался без куска хлеба. На стенах Львова появились плакаты с оскорблениями и угрозами в его адрес. И все же Франко не дал вывести себя из равновесия. Он принял удар с мужественной решимостью и с философской покорностью судьбе. Чувствовал себя, морально, витязем; с каким-то сверхчеловеческим спокойствием, с каким-то неземным величием сумел он не показать всю внутреннюю боль израненных чувств. На резкий вражеский визг, поднятый вокруг его имени, он не ответил ни одним словом. Он был великим человеком.

Я никогда не решился напомнить ему, даже вскользь, об этом случае. Мне казалось, что я ни за что не смог бы перенести такого чудовищного количества оскорблений и страданий, и я удивлялся этой могучей решимости, факирскому самообладанию Франко, который сумел подняться выше мелочей жизни. И тогда я впервые почувствовал все величие и глубину украинской крестьянской души, искренним выразителем и верным представителем которой был именно Иван Франко.

Через некоторое время Полонецкий, собственник «Księgarni Polskiej», поручил мне редактирование изданий «Biblioteka Polska» и «Biblioteka Mrówki». Вместе с И. Франко слушал я лебединую песнь старого мира. С тревогой Икара и с тоскою Колумба ожидали мы рождения нового общественного строя; наши приятельские взаимоотношения были прочными. Когда же Франко стал проживать по улице Понинского, тогда я, проживая по улице Дверницкого, выделялся с ним особенно часто.

Однажды во время беседы на литературные темы Франко предложил мне издать в «Biblioteke Mrówki» польские переводы некоторых его новелл. Я советовал ему, чтобы он сам перевел свои произведения. Владел (он) польским языком в совершенстве, как устным, так и письменным; по форме и по стилю написанных им на польском языке работ никак нельзя было узнать, что он украинец. Франко справился со своей задачей самым лучшим образом. Перевод был добросовестный и художественный. Прочитав рукопись, я сказал Франко, что с радостью предложу ее издателю для печати. Франко пожелал дать к этому изданию автобиографическое предисловие. Вспомнил свое бурное прошлое, ушедшие годы юности; вспомнил, как лукавые враги опалили ему крылья, как суровая жизнь тяжелым молотом несчастья уничтожала его порывы, мечты...

Судьба хотела, чтобы я заказал И. Франко это предисловие несколько позже. Когда книга была уже сверстана и я передал Франко ее корректуру, только тогда я получил от него то злосчастное предисловие «Niemo o sobie samym», которое имело такие плохие последствия для взаимоотношений Франко с украинским обществом того времени. Я категорически предостерегал Франко, что его предисловие будет ножом в его же собственную спину, будет нестерпимым и невыносимым для мелкопомещанской, но

спесивой и высокомерной верхушки общества. Однако его невозможно было убедить в этом. Франко был неуступчивым и на этот раз. Не поддался убеждениям. Мои старания имели лишь частичный успех. А именно, Франко несколько сгладил первоначальную резкость основного тона предисловия и отредактировал стиль некоторых острых моментов, однако сути их не изменил ни на йоту.

Предисловие Франко разворошило и раздражило беспредельно инертный и сонный оппортунистический муравейник, вызвало бурю возмущения в растревоженных массах, но что самое трагическое — оно было громом с ясного неба для некоторых сторонников-единомышленников Франко. Снова началась Голгофа этого несгибаемого борца за правду. Официозное «Діло», № 97 от 13 мая 1898 года, преподнесло врагам Франко подарок — вступительную статью под лукаво-злым названием «Печальное явление». С бешеной злобой змеи, с сатанинским пристрастием распоясавшегося сброда, с долго скрываемым чувством мести, как дикие звери, набросились они на этот чистый, как хрусталь, крестьянский характер. Подозревали его в анациональном социализме, цинично визжали: «Плюет на свое родное гнездо! Распни его!»

И распинали... Атакованный со всех сторон, Франко защищал себя в деле о «ереси» «Nie kocham Rusi»¹ утверждением, что он пишет о том, что чувствует и как понимает. Я полностью с ним соглашался. В смелой, всеми осуждаемой фразе Франко я ощущал весь трагизм его «нелюбви к Украине из-за чрезмерной любви» к ней, которую он так остроумно, так блестяще выразил в лирическом «Измарагде»: «Ты, братец, любишь Русь».

Однако моя позиция не только не доставляла И. Франко удовольствия, но, наоборот, ранила его, была ему досадной. В решительной и безоговорочной форме он обвинял и бичевал украинскую общественность за ее безыдейность, оппортунизм, ретроградство. Когда же кто из чужеземцев подчеркивал это, Франко чувствовал себя оскорбленным. Тогда он, невзирая ни на что, упорно защищал свой народ. Был украинцем...

И поплыла среди серых дней наша пламенная жизнь, как буруны весною... Как-то приходит ко мне Франко с пожелтевшей рукописью. Тогда он уже болел. Спрашиваю

¹ Не люблю Руси (польск.).

его о назначении принесенного им манускрипта. Франко торжественно и с достоинством ответил: «Это неизвестное произведение Адама Мицкевича; причес, чтобы ты оценил его». Я отнесся к рукописи с недоверием и предубеждением. Франко пристыдил меня за это, говоря: «Какой же из тебя критик, если ты не понимаешь таких ценностей!» Хорошо зная каждую букву, каждое даже самое маленькое произведение Мицкевича, я, прочитав рукопись, сказал Франко, что принесенное им произведение написано современником Мицкевича под влиянием третьей части «Dziadów». Франко, не доверяя моим выводам, послал произведение в Берлин Александру Брюкнеру, на рецензию. Брюкнер высказал ту же самую мысль, что и я, только другими словами.

Я решительно не советовал Франко публиковать это произведение. На это Франко мне ответил: «Дух Мицкевича послал меня к Грунду (Львовский антикварный магазин. — Г. Б.), указал мне, на какой полке лежит произведение; велел мне его издать и показать польскому народу, какими он располагает сокровищами». Переубедить Франко не было смысла. Он был тогда парализован, изредка его преследовал «дух Мицкевича». Это, в известной мере, знаменательное явление. Следует догадываться, что антимицкевичское выступление, в частности отголоски этого инцидента в окружении Франко, сильно подействовали на психику украинского Каменяра.

И все же железную последовательность и прямолинейную выдержку И. Франко не сломила даже болезнь. В конце второй половины декабря 1913 года он на собственные средства все-таки издал это произведение, к тому же еще роскошно, под названием «Адам Мицкевич. Великая утрата. Историческая драма 1831—1832 годов. С приложением биографии Мицкевича и избранных его произведений в переводе на украинский язык издал доктор Иван Франко. Львов. 1914». Само собой разумеется, книга встретила отрицательную оценку специалистов. Вялость критики следует приписать тому, что книга была издана на украинском языке. Если бы она вышла на польском, польская критика просто бы уничтожила Франко.

Это, очевидно, не означает, что поляки не уважали Франко. Кто противоречил бы этому нашему утверждению, тот искажал бы факты и неверно освещал бы их...

Марко Черемшина

ФРАГМЕНТ ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Было это в ту зиму, когда Вена свергала Бадени с поста премьер-министра.

Вся Вена кипела, метала громы и молнии на властителей Галиции, на Бадени, поляков и чехов. Вольф и Шенерер в своих общенемецких, Адлер, Пернерсторфер и Шугмаер в рабочих и даже Люегер в своих христианско-социалистических кругах устраивали собрание за собранием, беспощадно критиковали хозяйничанье поляков в Галиции и, указывая на страшные последствия господства шляхты над нашим народом, добивались изгнания деспотичного К. Бадени из кабинета премьер-министра. Тогда-то передовые люди Вены, такие, как профессора университета и редакторы Зингер и Менгер, пропагандист социальных демократов В. Адлер, обратились через лучшего черновицкого студента Игната Ляйхнера к украинским обществам «Січ» и «Родина» с просьбой устроить большой митинг, на котором бы выступили наиболее известные и авторитетнейшие украинские докладчики, с тем чтобы перед всем миром показать результаты хозяйничанья польской шляхты в Восточной Галиции.

В комитет вошли мои приятели Роман Сембратович, Иван Саноцкий, В. Загайкевич, М. Пасечник и я. Было постановлено в качестве докладчиков пригласить Ивана Франко и Андроника Могильницкого из Галиции, а из Вены — Пернерсторфера и Шугмаера; кроме того, Игната Ляйхнера, который уже тогда, будучи студентом, проявил большие ораторские способности и большую симпатию к

украинцам. Из числа членов комитета лично знал Ивана Франко только Роман Сембратович, и потому именно его мы делегировали к Франко в отель на Флорианской улице. Сембратович пришел от Франко сияющим, словно из храма, и сказал нам, что перед митингом мы не увидим Франко, так как он будет готовиться и к выступлению на митинге, и к докладу в обществе фабианцев о положении украинского крестьянства в Восточной Галиции.

Я, тогда студент первого курса юридического факультета, маленький, как муха, не имел еще случая лично встречаться с большими людьми и потому, как в горячке, ждал встречи с Франко.

На митинге выступил Шугмаер, за ним — Пернерсторфер, потом плавно, на немецком языке, баритоном — Могильницкий, и только после него — Франко. Каждая его фраза вызывала либо бурю одобрения, либо бурю гнева против сторонников восточногалицкого ада, который Франко мастерски раскрывал и демонстрировал тоном ученого.

До этого я считал самым умным оратором профессора Чигляржа, преподававшего римское право. Но когда я услышал Франко, я поставил его значительно выше Чигляржа и выше всех других ораторов, выступавших на митинге. Хотелось упасть перед ним и целовать ему руки. Хотелось нести его на руках, чтобы он не запачкал свои ноги в уличной пыли. Хотелось осыпать его цветами. Но через тысячную толпу мне не удалось пробиться к нему, и я вышел из толпы, как бы опьяненный благородством его величия.

На следующий день вечером Франко должен был выступать у фабианцев, и я едва туда протискался. Аудитория сплошь состояла из передовой интеллигенции, и Франко говорил здесь с учетом уровня слушателей, более научно. Его доклад захватил слушателей, среди которых были и парламентские послы, и редакторы достойных уважения газет и журналов, и профессора университета, и писатели — такие, как Петер Альтенберг, Шницлер и другие.

После доклада из аудитории посыпались многочисленные вопросы, и Франко отвечал на все эти вопросы в течение двух часов, всесторонне обрисовывая положение украинского народа в Восточной Галиции. Впечатление было огромное.

На следующий день я узнал, что Франко вечером будет в центральном кафе на Панской улице, и я пошел туда вместе с покойным ныне Романом Сембратовичем, который и представил меня ему и Могильницкому. Могильницкий все время интересно рассказывал о разных приключениях на выборах, был веселый, шутил, а в конце рассказал о том, как сегодня днем он и Франко развлекались в Wurstel-Prater и как Франко катался на каруселях и танцевал в ресторане «Свобода» с какой-то красивой девушкой и вывихнул себе ногу. Франко не возражал Могильницкому и только улыбался. Рассказал также, что вместе с Адлером обедал у профессора Зингера, очень восторгался мудростью и ученостью В. Адлера и радовался тому, что открыл себе дорогу к венским газетам и журналам. Я смотрел на Франко вблизи, как на солнце, перед которым все меркнет. Очень я обрадовался, когда Франко спросил меня о том, что я изучаю, а узнав, что я на следующий день еду домой, сам предложил мне: «Ну, тогда поезжайте вместе с нами».

На следующий день я еще не имел необходимых для дороги денег, но, чтобы не пропустить такого редкого случая, я заложил все, что мог, и вышел на северный вокзал к условленному поезду. Франко, вероятно, заметил мою нерешительность, взял меня под руку и привел в свое купе, где угостил меня яблоками — их у него была полная сумка. Я чувствовал стыд и неловкость из-за того, что я студент права, а не философии и не смогу разговаривать с Франко на темы, которые он затронет. Но в дороге, когда Могильницкий заснул, Франко сам в разговоре со мной касался только таких тем, которые меня могли бы интересовать. И не хуже Чигляржа изложил мне четыре периода развития римского права...

Из лекции профессора Чигляржа я имел некоторое понятие обо всех этих темах, но я никогда не думал, что такой гигант, как Франко, имел такие основательные и подробные знания и в этой области. Излагая мне разницу между *agnatio* и *cognatio*, Франко заметил, что у нас в Восточной Галиции не только между шляхтой и остальным населением, но даже среди мужиков эта разница сохраняется и теперь. Когда я, располагая только небольшими знаниями из области права, завел речь о литературе, Франко стал рассказывать о Байроне и Шекспире и заметил, что с этих двух гигантов начинается литература,

так же, как право — от римского права, а наука о национальной экономике — от Адама Смита.

Слушая Франко, я остро чувствовал недостаточность своих знаний и мысленно желал, чтобы скорее проснулся Могильницкий и перевел нашу беседу в шутливый тон или заговорил о мошеннических проделках галицких панов. Франко стал присматриваться ко мне и неожиданно заметил: «Вот видите, у вас голова Бадени».

Я покраснел до корней волос, а Франко выспрашивал у меня:

— Вы читали Чезаре Ломброзо?

— Нет, — отвечаю ему.

— Ну так прочитайте его «Der Verbrecher», там вы найдете разъяснение, что значит аномально большая голова.

А Могильницкий добавил: «Не слушайте его и не читайте сумасшедших, но смотрите осенью на капусту!»

Я сгорал от стыда за свою голову.

Вспоминаю, что, говоря об Отелло, как о проблеме сомнения, Франко употребил такое сравнение: «Как Мицкевич был поэтом измены, так Шекспир был бессмертным поэтом сомнения, с которым даже Гете не сумел сравниться в своем «Фаусте». И снова я вспотел, но Могильницкий тут же предложил мне спеть «гуцулки». Сперва я отказывался, но когда и Франко его поддержал, я стал петь коломыйку, и прежде всего исполнил «Параску».

Ой пішов я до Параски лиш голі два разки, —
А вна мені показує аж три перелазки:
Оцим будеш заходити, а цим виходити,
А цим будеш утікати, як тя муть ловити.

«Параска» понравилась и Могильницкому и Франко. Франко потом, когда в нашем разговоре наступали перерывы, не раз повторял ее.

Лично с Франко больше я не встречался.

Может быть, спросите, какое впечатление произвел на меня Франко?

Впечатление большого астрального тела, согревающего всю Украину, а светящего гораздо дальше.

Потом между нами возникла переписка, но в годы войны она прекратилась. Франко советовал мне бросить писать стихотворения в прозе и вернуться к «Параске», то есть к крестьянскому быту.

Василь Стефаник

ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

Мать моего товарища по гимназии, Тигерманова, много рассказывала мне об Иване Франко. Между прочим, говорила, что в Австрии нет более умного человека, что он уже давно мог бы быть министром, если бы не социализм, которому он стал служить. В то время со своей семьей он проживал в селе Нагуевичи, недалеко от Дрогобыча. Первый раз я его увидел на рынке, в Дрогобыче, с большой рыболовецкой сетью под мышкой. Несколькими днями позже я пошел в Нагуевичи и от пастуха узнал, что «Ясьо на речке ловит рыбу». С берега я представился ему, и он попросил меня носить за ним кошелку с рыбой. Он выхватывал из воды рыбу просто руками, без всяких приспособлений и, когда, наловив полную кошелку, вылез из воды, мы пошли к нему, в большой белый дом с просторными хозяйскими постройками. Вечером мы съели много рыбы, потом он играл с детьми и просматривал корректуру сборника своих рассказов «В поте лица». Так я в первый раз встретился и познакомился с Иваном Франко, с которым потом всю жизнь поддерживал самые дружеские взаимоотношения и которого любил больше всех других украинских писателей.

КАМЕНОЛОМЫ

Возвращаясь из Кракова домой, я всегда останавливался во Львове, чтобы проведать Ивана Франко. С большой радостью входил я в рабочий кабинет и в библиотеку

нашего поэта, которые находились на первом этаже дома. Он, всегда в вышитой рубашке, выходил в библиотеку, приветствовал меня, сразу же вызывал свою жену и приглашал меня, как гостя, на завтрак и на обед. Мальчики и маленькая девочка всегда были очень рады (не знаю, чему больше — мне или завтраку), а я, поговорив с хозяйкой дома, переходил тут же в его рабочий кабинет, заваленный грудями разных писем, переводами, отрывками стихотворений. Я был человеком еще молодым и очень робким, без какого-либо публицистического дарования, к тому же меня сковывало большое мое уважение к нашему великому поэту. Это было в то время, когда Франко написал по-немецки и опубликовал в Вене свою статью «Der Dichter des Verrates». Я боялся, что Франко не захочет выйти на улицу в связи с грозными голосами тогдашней польской прессы, и предложил ему прогулку в Стрыйский парк. Он согласился и взял с собой еще двух своих мальчиков. Один из них был Петр; кто был другим — не помню. Когда мы выходили на улицу, Франко мне сказал: «Я каждый день хожу в свои редакции, но меня не так видно; я ростом меньше вас и потому до сих пор еще не битый. Я хотел бы, чтобы за мои грехи вы безвинно пострадали». Я ответил: «Я не согласен с вашей статьей о Мицкевиче, а мы идем по рабочему району, рабочие вас все хорошо знают, как своего товарища и руководителя. Тут мы можем свободно пройти. А в Стрыйском парке я буду идти чуть позади вас, как охрана, а вы с ребятами идите впереди». Я показал свою толстую палку. Малыши бегали то впереди нас, то позади, а Франко сказал мне, что в крайнем случае мы можем пойти в кафе, где часто близкие ему люди пили какао. Там сидел Остап Терлецкий, время от времени показывался польский поэт Ян Каспрович, вместе с Франко сотрудничавший в газете «Kurjer Lwowski». Никто на Франко не нападал. Около получаса мы спокойно просидели в Стрыйском парке, и тогда он сам напал на свою декламационную — так он говорил — и без таланта написанную поэму «Камнеломы». Как тогда, когда я сидел с ним рядом, так и теперь я не разделяю взгляда Франко на эту поэму.

Владимир Гнатюк

О ЮБИЛЕЕ И. ФРАНКО В 1898 ГОДУ

Иван Франко принял участие в работе «Товариства» сразу же после того, как оно стало научным, но полностью не отдавал себя этой работе, ибо одновременно сотрудничал в качестве журналиста в польском еженедельнике «Kurjer Lwowski», а это отнимало у него немало времени. В 1897 году он написал небольшую статью об А. Мицкевиче для либерального венского еженедельника «Die Zeit» («Время»). Статья называлась «Der Dichter des Verrates». В ней он доказывал, что польская интеллигенция, воспитанная на таких произведениях, как «Конрад Валленрод», сама проникается его идеологией, и это впоследствии отражается на общественной жизни. Как только во Львове появился номер еженедельника со статьей И. Франко, польская пресса подняла ужасный шум против Франко, не полемизируя с ним и не опровергая его взгляды, но только ругаясь по-уличному, помещая статьи под такими «культурными» названиями, как «Bastard»¹ и др. Даже на стенах каменных домов и заборов «патриотическое население Львова» демонстрировало свою «культурность» всяческими надписями об Ив. Франко.

«Kurjer Lwowski» поместил только коротенькую заметку: «С сего числа доктор И. Франко перестал быть сотрудником». О дальнейшем сотрудничестве Франко в какой-либо польской газете не могло быть и речи.

¹ Незаконнорожденный (польск.).

Но не только польскую публику восстановил Франко против себя. Галицко-украинская публика была в большинстве своем настроена против него за предисловие к сборнику его рассказов «Галицийские картинки» в переводе на польский язык. В предисловии, которое называлось «Niєso o sobie samym», Франко сказал, что «не любит Русь», объясняя, какую Русь и за что он не любит. Это было признано отступничеством, об этом писал в передовой статье «Діла» Ю. Романчук. И здесь стало невозможным какое-либо объединение Франко с другими национальными деятелями для совместной работы. Таким образом, Франко неожиданно оказался без какого-либо заработка для себя и семьи и без вида на скорое изменение обстановки в его пользу.

А поскольку горе, как говорят, не ходит в одиночку, во время безработицы заболели у Франко глаза так, что он должен был отказаться от всякой работы и длительное время быть прикованным к постели в темной комнате.

Но у Франко уже тогда было много сторонников среди молодежи, которая не только не отреклась от него следом за старшими «патриотами», но, наоборот, решила в меру своих сил прийти к нему на помощь. Автор этих строк, еще мало знакомый с Франко и публиковавший некоторые свои произведения в «Житті і слові», зная, что у Франко есть новый сборник стихотворений, предложил «Академічній громаді»¹ издать этот сборник и выплатить автору соответствующий гонорар. «Академічна громада» приняла это предложение и, располагая в то время как раз необходимой суммой в своем фонде, уполномочила меня уладить это дело, выплатив ему сто золотых (двести р.) гонорара (в то время это была довольно значительная сумма). Так в конце 1897 года вышел сборник стихотворений Ив. Франко «Мой измарагд».

Но на этом не кончилась помощь со стороны молодежи. Тогда же она решила основать фонд помощи украинским писателям, которым они могли бы пользоваться, попадая в такое тяжелое положение, в которое попал И. Франко, и провести в 1898 году юбилей двадцатипятилетней литературной деятельности Франко как демонстрацию против взглядов старших интеллигентов, которые хотели исключить Франко из украинского общества. Для осуществления этого проекта был избран

¹ Академическому обществу.

особый комитет, председателем которого стал автор этих строк.

Комитет приступил к работе, сознавая важность порученного ему дела. Он обратился в министерство с просьбой разрешить сбор добровольных взносов в фонд помощи писателям и получил в течение 1898 года такое разрешение сроком на три года. Тотчас же были напечатаны и разосланы знакомым бланки для сбора небольших сумм. Комитет хотел было устроить также лотерею, но некому было ходатайствовать перед министерством, и этот проект не был осуществлен. Кроме того, комитет решил:

1. Устроить юбилейный концерт, который и состоялся накануне юбилея И. Котляревского.

2. Собрать определенную сумму, чтобы приобрести памятный подарок для поэта.

3. Выпустить перед празднованием юбилейные издания.

4. Заказать к празднованию портрет поэта.

В фонд помощи писателя не было собрано значительной суммы потому, что пресса не поддержала это мероприятие. Деньги, собранные после организации «Видавничої спілки», я передал в его распоряжение, а после (в 1900 г.) в распоряжение «Наукового товариства ім. Шевченка». К концу 1900 года сумма составила 1124, 70 крон. 1 июля 1918 года, когда кроны еще имели ценность, сумма фонда, названного «Фондом литераторов им. Ив. Котляревского», составляла 3583,13 крон.

На юбилейный подарок поэту молодежь собрала около 700 злотых (1400 р.). «Наукове товариство ім. Шевченка» добавило от себя около 600 р. и на концерте в особой шкатулке передали юбиляру 2000 крон — по тому времени это был небывалый подвиг в Галиции.

Портрет поэта нарисовал художник Ив. Труш. Во время концерта портрет висел на сцене, после от имени комитета я передал его как дар музею «Наукового товариства ім. Шевченка».

Из числа задуманных изданий были выпущены: 1. «Привет Ивану Франко» — с посвященными юбиляру трудами писателей; 2. Список его произведений, составленный М. Павлыком; список занял свыше семи печатных листов. Ему должна была предшествовать биография юбиляра, которую писал А. Крымский. Он уже написал

тридцать шесть страниц, но продолжение рукописи автор не прислал ни тогда, ни позже, и через несколько лет набор был ссыпан. З. Комитет также хотел издать трилогию И. Франко под названием «Иезуит» и уже напечатал два рассказа. Но автор не прислал третьего рассказа, и поэтому напечатанные, но не выпущенные рассказы комитет позже передал «Украинскому издательскому союзу», и он выпустил их отдельной книжкой, добавив в нее другие рассказы поэта. Комитет выпустил также сборник стихотворений Ив. Франко под названием «Увядшие листья». Так комитет добился того, чего хотел, — авторитет Франко в общественном мнении не только не упал, но стал еще выше.

Это происходило осенью 1898 года, но приготовления комитета начались значительно раньше. О них знал М. Грушевский, который уже тогда был председателем «Наукового товариства ім. Шевченка». Под влиянием комитета он пригласил И. Франко в редакцию «Літературно-наукового вістника», преобразованного из «Зорі», несмотря на протесты реакционных кругов.

Это не только освободило Франко от безработицы, но и имело большое значение для дальнейшего развития «Научного общества им. Шевченко». Десять лучших лет своей жизни (1898—1907) целиком отдал он работе на благо украинской литературы и науки, и лучшие его труды и литературные произведения написаны, собственно, в эти годы. Он не только сам работал в обществе, но и привлекал других, подавал им пример, руководил ими.

Александр Борковский вскоре вышел из комитета, редактором был О. Маковей, а Ив. Франко — главным сотрудником. А когда в 1899 году О. Маковей переехал в Черновицы, главным редактором стал И. Франко и работал там до конца 1906 года — до перенесения печатания «Літературно-наукового вістника» в Киев...

Михаил Якуив

МОИ ВСТРЕЧИ С КАМЕНЯРОМ (Воспоминания об Иване Франко)

Иван Франко. Эти два слова, эти имя и фамилия были лозунгами прогресса минувших десятилетий, знаменем молодежи.

Первый сборник стихотворений Франко «Из вершин и низин» был, как и «Кобзарь», нашим евангелием.

Мир изменяется. «Панта рей» — все течет, — сказал хмурый греческий философ Гераклит. «Все йде, все минає», — сказал Шевченко. Но гранитная фигура Франко остается неизменно рядом с Шевченко в истории нашей страны.

Если бы вы, к примеру, знали произведения Франко, но не знали ни одного его портрета, вы не отыскали б его среди массы людей. Вы бы искали его среди людей очень высокого роста, с гладиаторскими торсами. И только если бы эта масса людей была с непокрытыми головами, тогда, может быть, вам удалось бы отыскать в серой массе людей человека, скромно, небрежно одетого, в сорочке с вышитым воротником, с необыкновенным, олимпийским челом. Это и был бы Иван Франко.

Первый раз видел и слышал я Франко на праздничном вечере по случаю юбилея Шевченко в Станиславе 31 марта 1890 года. Я, тогда гимназист, присматривался к нему с галереи музыкального общества. Он сидел со своей женой и разговаривал с известными особами. Иногда Франко упирался руками в подлокотник плюшевого кресла и, улыбаясь, болтал ногами. На нем

был темно-синий костюм и вышитая сорочка с синей ленточкой.

Пел хор из Тисьменицы, потом декламировал «Гамалею» художник и поэт-драматург Корнило Устинович.

Франко читал доклад о «Тополе». Помню его чистый голос и четкое изложение.

Личное знакомство с Франко состоялось лишь в сентябре 1899 года, в связи с публикацией моих очерков в «Літературно-науковому вістнику». Этот журнал подписывала редакционная коллегия из четырех, а потом из трех сотрудников, но мозгом и душой этого журнала с 1898 до 1910 года включительно был Иван Франко. Обратив внимание на мой первый очерк из еврейской жизни, а потом на рассказы «В наймах» и «Нухим», он благосклонно отозвался обо мне в чешском литературном ежемесячнике «Slowanski přehled» и пригласил сотрудничать. Я работал с ним несколько месяцев в редакции «Літературно-науковому вістника». После этого мои произведения печатались в журнале до начала первой мировой войны.

Первую корректуру моей повести «Огни горят» правил Франко. У него я учился литературной работе и корректорской технике. Мой сборник «Сказка про перстень» имеет на последней страничке пометку: «Типографских ошибок нет».

Кроме портрета работы художника Ивана Труша, нам остались от Франко еще пять подлинных фотографий.

Припоминаю Франко, каким он был в жизни. Весеннее утро. Франко идет в редакцию «Літературно-науковому вістника». Он среднего роста, скромная одежда обычно коричневого цвета, такая же шляпа, несколько большая, чем нужно, со сломанным доньшком, вышитая сорочка и немодные простые башмаки с широкими носами. Праздничный костюм Франко всегда был темно-синий, и к нему вышитая сорочка. Франко был не худой, не толстый. Те, кто не знал Франко, с первого взгляда на расстоянии могли бы гадать: рабочий? учитель?...

Франко приближается. Бледноватое лицо его покрыто веснушками, пропорциональный, правильной формы нос, рыжие усы и волосы и синие глаза с красными от

переутомления веками. Они в задумчивости и безразличны к уличному движению. Их взгляд направлен на несколько шагов вперед, в землю, только иногда скользят эти глаза над человеческими головами, не то что-то припоминая, не то в погоне за новой мыслью.

Именно это характерное выражение задумчивости и этот мудрый взгляд обращают на себя внимание. Независимо от того, о чем он думает, из уст Франко звучит тихая песня. Рука, по сравнению с пропорциями фигуры, слишком мала и тоже покрыта редкими веснушками. В одежде, во всей внешности Франко, безыскусственной и артистически небрежной, видна аккуратность, здоровый и трезвый ум. Две детали во внешности Франко бросаются в глаза своей непропорциональностью: небольшая рука и высоко вознесенное олимпийское чело, мощно царящее над всем лицом. Да, это великий работник на ниве духа, бессмертный учитель.

Франко идет Подвальной улицей. Солнце радуется, играет лучами. Поэт идет, согнувшись под тяжестью мыслей. Он своеобразно припадает на левую ногу, словно спускается с горы, левая рука иногда в кармане, а правая выброшена вперед, как у сеятеля, идущего по свежеспаханной полосе. За ним сквозь кроны деревьев падают солнечные лучи, и Франко время от времени оборачивается, словно прощаясь с ними и отгоняя навязчивые мысли.

Франко работал в редакции «Литературно-научного вестника» по улице Чарнецкого, № 24, в самом углу двора в двух левых комнатках, каждая с одним окном. В первой комнате сидел директор типографии поляк Кирилл Беднарский, во второй — Франко, Владимир Гнатюк, я и технический секретарь Стефания Левицкая.

Войдя, Франко приветствует нас обычным «добрый день» и подает руку. Его голос на средних нотах чистый, мелодический, слово — выразительное, четкое. Франко останавливается около большого круглого стола и просматривает свежую почту. Я никогда не видел, чтобы он сердился, не слышал, чтобы он говорил раздраженным, повышенным тоном. Он говорил скорее тихо. Вот он идет к шкафу у стены, берет с полки охапку рукописей и садится за стол. Слева сидит Гнатюк. Временами он поднимает голову, оторвавшись от корректуры этнографических материалов. Согнутый,

с умным, слегка ироническим выражением лица, он удивительно напоминает бюст Эзопа с виллы «Альбани» в Риме.

Франко отбывает «ежедневную барщину»: «дотягивает» материал, принятый к публикации. Рукописи приходят с Украины, Галичины и дальних краев. Их нужно править, сокращать, приводить к единому правописанию. Сущее горе со стихами: те, в которых есть мысли, не имеют формы, хромает ритм, вымученные рифмы и ударения, а в тех, которые легко читаются, невозможно найти мысль. Нужно развязывать эти снопы и вязать их заново, перетряхивать. Последняя строфа становится первой, первая — последней. Начинается скучная, трудная работа — надо переписать от руки чужие сочинения (пишущих машинок тогда еще не было) и придать им «лица», хребет и кровь.

Гнатюк перебивает его на минуту и советуется о параллелях к бойковскому материалу. Франко поясняет.

Канцелярский помощник Квасница, худощавый молодой человек, сует по комнате. Гнатюк поднимает вверх два пальца. Квасница берет со стола деньги и приносит две папиросы, кладет их на стол и вдруг показывает в угол: «Мышь, мышь!» Франко смотрит на нее спокойно; он под впечатлением бойковского этнографического материала:

— Оставьте ее в покое, пусть бегаёт!

При первой нашей встрече он пригласил меня в кафе, выспросил самое главное из моего житья-бытья (кое-что он уже знал от моего приятеля, сотрудника «Літературно-наукового вістника» Петрушевича) и сказал:

— Вы пишете повесть из арабской жизни?

Я поддакнул, а Франко заметил:

— Я не нашел в ней ничего интересного.

Моя повесть, кажется, пошла в печку. А вот «Туфли Абу-Касима» и «Кузнец Бассим» Франко сверкают юмором и остались в литературе. Какой популярностью в свое время пользовался, например, «Лис Микита», можно судить по тому, что многие знали все двенадцать песен поэмы наизусть.

В моем первом большом рассказе из жизни сельской пастушки «В наймах» Франко посоветовал изменить окончание. Под свежим впечатлением «Поджигателя»

Стефаника я писал, что отец пастушки, в смерти которой были виноваты кулак и его жена, поджигает из мести их дом. Я согласился с мнением Франко.

С благодарностью вспоминаю этот эпизод как свидетельство внимательности Франко.

Неоднократно он приглашал в воскресенье с утра зайти к нему. Зная, что ему дорога каждая минута, я не имел мужества воспользоваться этим приглашением. До сих пор не могу простить себе этой скромности...

Великие люди чувствуют и страдают глубже, чем простые смертные. У заурядного человека больше слабых сторон. Во время моей работы в редакции «Літературно-наукового вістника» общая атмосфера в «Научном обществе им. Шевченко» была тяжелой. Через эту организацию проходило много людей разной масти и разной культуры. Вокруг проф. М. Грушевского, М. Павлыка и В. Гнатюка образовывались группки, а в ученых секциях разные амбиции и интриги. Самым большим интриганом был тогда руководитель «Русько-української видавничої спілки»¹ Вячеслав Будзиновский.

У Франко сторонников было больше, чем у других, ни в одну интригу он никогда не вмешивался. Но склоки и нападки пигмеев досаждали ему. Кроме того, у него были еще свои материальные и домашние заботы. Между ним и Грушевским тогда были очень натянутые отношения. Однажды во время заседания научной сессии Франко даже сказал, что уедет в Америку. В комнате воцарилась тягостная тишина. Наконец Грушевский спросил: «А не лучше ли вам, господин доктор, оставаться здесь в Галичине, чем ехать в Америку?»

Франко промолчал, но я и до сегодняшнего дня не забуду, что тогда, надо полагать, творилось в его душе...

Франко болезненно реагировал на мерзости галицийской политической действительности. В такие минуты его лицо становилось грустным. А его дергали всякие песиглавцы, они метали в него камни за социализм, атеизм, наговаривали на него черт знает что. В такие минуты Франко был рад, если мысль его парила в далеких краях, древних временах или блуждала по совре-

¹ Галицко-украинский издательский союз.

менной чужбине. Тогда он становился самим собою, его чело отражало спокойную задумчивость, а в глазах светился гениальный ум. Выражение его лица производило тогда незабываемое впечатление.

Когда Франко углублялся в работу, он ничего не замечал вокруг. Он работал без усталости пять-шесть часов. Коротенький обеденный перерыв, а после этого вновь работа до вечера и до поздней ночи.

И на каникулах Франко очень много работал. Девизом его жизни было: «Работа, работа, и еще раз работа».

Франко внимательно относился к молодежи. Можно сказать, что он всегда держал пальцы на пульсе ее стремлений. Все то, что чувствовала наша молодежь и чем она увлекалась, его глубоко интересовало. Франко любил молодежь, чувствовал ее горести и умел постоять за нее. Помню, как он написал смелую статью в защиту молодежи, опубликованную в хронике «Літературно-наукового вістника» в 1901 году. Вот она: «Monitor» в № 4 за 20 января 1901 года поместил опровержение учителя Бучацкой гимназии Мрица, достойное внимания со многих точек зрения. Нам не приходилось видеть до сих пор документа, который проливал бы более неприглядный свет на духовный и моральный уровень, на котором стоят, точнее, до которого скатились, некоторые наши педагоги. Не входя в частные подробности, мы приведем из этого документа одну лишь фразу. С апломбом, дающимся лишь чистой совестью, Мриц утверждает: «Действительно, я считаю своей святой обязанностью счищать головы молодежи от мыслей, не предусмотренных школьной программой». Заметим, что среди прочих обвинений, выдвинутых польским журналом против педагога Мрица, было обвинение в исполнении обязанностей «шпицля» (шпиона) и доносчика и на учащихся, и на своих коллег. Интересно знать, как же Мриц искореняет из умов молодежи те или иные мысли. И не думает ли учитель Мриц, что эта молодежь будет вечно сидеть в гимназии и вечно пережевывать предметы, предусмотренные гимназической программой? И не думает ли учитель Мриц, что если бы какая-нибудь сверхчеловеческая сила на самом деле смогла искоренить из голов молодежи все прочие мысли, то после окончания гимназии эта молодежь очути-

лась бы на белом свете в положении беспомощных калек, грудных младенцев или кретингов? Слышал ли педагог Мриц хоть раз в жизни о принципе, положенном даже в основу австрийской школы: «Non scholae, sed vitae»¹. В конце XVIII века, тогда, когда этот принцип стал фундаментом школьного дела, в Австрии был уничтожен древний обычай — ставить сплетников, клеветников и доносчиков на публичное осуждение у позорного столба. Учитель Мриц достойно начал XX столетие, выставив самого себя у такого столба».

Это выступление Франко произвело сильное впечатление на тогдашнее общество.

В 1900 году в Галичине появилась декадентская литература, которой начала увлекаться часть молодежи. Франко было враждебно это направление, и его тревожило увлечение молодежи им.

Когда, например, кто-то обращался к нему за советом по поводу какой-нибудь темы, Франко говорил, что это можно было бы написать совсем иначе. Я сам еще в юности увидел однажды на улице старика, продающего яблоки и груши. Мое воображение нарисовало целую романтическую историю этого деда. Но когда я спросил об этом мнение Франко, он мне ответил: «Этот старик вовсе не беден. Он выручает от продажи овощей большие деньги. Если же вы хотите писать о труженике, то для этого можно найти более характерный персонаж».

В упомянутом году появилось в украинском переводе произведение Станислава Пшибышевского «Из цикла вигилий». В связи с этим Франко опубликовал в «Літературно-науковому вістнику» свои замечания:

«Я не из тех робких, которые в связи с каждым новым явлением в литературе, непривычным для их вкусов и проторенных путей, оплакивают падение нравов и общественного строя и пророчат близкий конец света, по меньшей мере гибель народных святынь. Однако, когда я прочитал эту книгу, я не мог понять, зачем и для кого перевели ее на наш язык. Что могло понравиться в ней переводчику, что он хотел ею преподнести нашему обществу? Произведение Пшибышевского — не новелла и не стихотворение в прозе, не философия и не наука, хоть и есть в ней всего понемножку. Есть здесь

¹ Не для школы, а для жизни (учимся) (лат.).

кусочки рассказа, сценки, похожие на моментальные фотоснимки, которые могли бы произвести впечатление, если бы автор хоть на минуту дал отдохнуть воображению читателя и остановиться на них, но они меняются с сумасшедшей поспешностью, мигая и мелькая, только терзают наше воображение и не дают ему ничего прочного. Здесь есть проблески лирики настроений, проблески истинного чувства, но все это опять-таки пересыпано бессмысленностью и абсурдной фразеологией, в которой нормальный человек ни понять, ни почувствовать ничего не в состоянии. И наконец, здесь есть хвостики каких-то философских мыслей, широких обобщений, но опять-таки не имеющих ничего общего с наукой и могущих почитаться разве порождением высоко-талантливой и интеллигентной, но совсем безумной человека. Безумие, тяжелое душевное заболевание — выразительные признаки этого писания, особенно отчетливые в том беспокойном и быстром мелькании образов его фантазии, в неожиданных скачках от пятого на десятое и в том болезненном сужении духовного кругозора, которое заставляет автора в целом мире видеть лишь собственное «я», обожествленное и ничем не связанное, несмотря на все его (изображенное в произведении) ничтожество, и женщину в одной только роли — самки. Еще раз повторяю: не могу понять, зачем и для кого нужно было обогащать нашу литературу переводом этого произведения. А если господин К. на самом деле видит в нем какие-то высокие литературные достоинства, то очень жаль, что он не дал к своему переводу предисловие, не пояснил нам, профанам, что он сам видит в нем».

Не помню уже, сколько раз я выступал в главной роли Миколы Задорожного в пьесе Франко «Украденное счастье». Я любил эту роль. Однажды Франко присутствовал на спектакле и благодарил меня...

Сборник «Увядшие листья» поэт издал с предостережением Гете во вступлении: «Будь мужественным и не следуй моим путем». В предисловии к сборнику «Давнее и новое» (1911) Франко, жалуясь на некоторых критиков, пишет: «Этот сборник охватывает более тридцати лет моей жизни и может быть в известной степени показателем важнейших моментов и духовных течений той жизни, которая при всех ее неприятностях

не прошла даром ни для меня, ни для нашего общества. Мне хочется выразить пожелание, чтобы от этого сборника повеяло здоровым ветром национального сознания, трезвого и вместе с тем насквозь поэтического понимания жизни, этой наибольшей ценности, в которую человек никогда не должен терять веры. Волна неверия в жизнь поднимается теперь сильно и болезненно даже у лучших представителей нашей литературы. И если бы моя книга могла быть хоть немного противоядием от этого душевного недуга, она бы выполнила свое современное назначение».

В 1913 году, в связи с сорокалетием литературной деятельности Франко, я сделал короткий публичный доклад в Бережанах, опубликованный потом в «Громадському голосі» и изданный отдельной брошюрой. В связи с этим Франко пришел ко мне, и мы беседовали целых два часа.

Поэт тогда изучал Плутарха, Атенаиду и др. В циклах Овидия «Tristia» и «Fasti» из времен изгнания в Туоми Франко обнаружил влияние гетских поэм древнего фракийского племени, обитавшего с начала II века до нашей эры между Балканами и нижним Дунаем (теперешняя Восточная Болгария), а позже между Дунаем и Днестром.

Когда я спросил Франко его мнение о метаморфозах Апулея, он ответил: «Кроме той части, что я перевел, все остальное пакость». Поэт не любил порнографии.

Никогда не забуду этих двух часов, что пронеслись как две минуты. А когда мне пришлось пожать парализованную руку великого гостя, вся моя душа зарыдала — горе долгое время огнем жгло мое сердце.

Не много уже в мире глаз, которые видели Ивана Франко. Не много уже рук, которые здоровались и прощались с ним...

Пусть же воспоминания о нашем гениальном Каменьяре вдохновляют молодое поколение на творческий труд в строительстве новой, советской, уже счастливой жизни на нашей земле.

Василий Щурат

КАК ТВОРИЛ ФРАНКО

(Из моих воспоминаний)

Не раз бывало, Франко, проходя по людной улице города, как бы не замечал никого вокруг себя. И не задумчивость была тому причиной; он был целиком поглощен своей духовной жизнью; тихо насвистывая какую-нибудь мелодию или мурлыча, он как будто проговаривал что-то.

Когда в 1892—1893 годах я жил вместе с ним в одной комнате на Wipplingerstrasse в Вене, часто поздними зимними вечерами, под монотонное шипение самовара, Франко начинал ходить вдоль комнаты, посвистывая и мурлыча как бы в тон самовару, не обращая внимания на то, что я читаю за столом или в постели. Я долго не обращал внимания на это, но однажды спросил его:

— Что это вы, всенощную правите?

Франко усмехнулся.

— Скорее заутреню,— говорит,— это я так стихи сочиняю.

— Как так? — спросил я, удивленный.

И Франко рассказал мне.

Чтобы написать стихи, он никогда не садился за стол с бумагой и пером. В то время, когда возникала мысль, когда она созревала для выражения, он должен был находиться в движении. Идя по улице или шагая по комнате, он насвистывал сперва различные мелодии строф, чтобы найти соответствующую форму. Найдя ее,

он вкладывал в нее слова, мурлыча их себе под нос до тех пор, пока не выходила песенная строка, одна, другая, третья, четвертая, пока целая строфа, как он говорил, не начинала петь. Добившись певучести строфы, он тут же подбирал для нее всё лучшие рифмы. А закончив и это, брал листок бумаги и записывал уже готовое, строфу за строфой.

Через неделю, через две возвращался к написанному и тогда только исправлял в записях то, что раньше уже выправил в памяти.

Так Франко творил стихи. Мысль через рой мелодий пробиралась к своей форме. Форма заставляла петь слова, слова укладывались в рифмы. Белый стих должен был петься в два раза лучше, нежели рифмованный, чтобы за напевностью его незаметно было отсутствие рифмы.

Свидетелем такого процесса творчества был я в первый раз тогда, когда Франко создавал свое «Путешествие русина с Бедою». Готовые строфы, создававшиеся при мне день за днем, Франко сразу же читал. Шутки ради последовал я его способу фабрикации стихов и подсказал ему несколько строф о Лукиче. Ему понравились те строфы, и он включил их в общее строение как подходящие кирпичи: Мицкевич, мол, тоже давал место в своем «Пане Тадеуше» строкам приятелей.

Считая, что в последний момент перед сдачей произведения в печать удастся в нем кое-что улучшить, Франко не любил читать его кому бы то ни было по рукописям, до напечатания.

Иначе, чем стихи, писал Франко повести, новеллы. Краеугольным камнем делал центральное событие. Отправляясь от него, отступал назад во времени, подбирал эпизоды и эпизодические фигуры так, чтобы создать мотивировки для освещения центрального события и той тенденции, которую он должен был выразить. Напоследок строил эпилог.

Так создавал когда-то Мольер своего «Мещанина во дворянстве». Таким способом создавал при мне Франко свою повесть «Для домашнего очага», на основе нашумевшего во Львове судебного процесса.

Считая, что повесть эта может быть для поляков интереснее, чем для украинцев, написал он ее сразу по-польски (зимой 1892 г.) и передал в Варшаву через

Зигмунта Василевского, который тогда проездом из Швейцарии через Вену встретился с Франко. Повесть, слабую в техническом отношении и психологических моментах, на польском языке не напечатали. Напечатал ее Франко в приложении к своему журналу «Житє і слово» по-украински.

Специальных работ о построении романа Франко читал мало. Внимательнейшим образом вчитывался в книгу Фрейтага «Technik des Romans», хотя со временем и на нее махнул рукой. Когда я, будучи учеником первого класса академической гимназии, изучал эстетику Либельта, он сказал: «Бросьте этот мусор, это старое и заржавевшее оружие. Читайте лучше самих поэтов!» И он был прав.

В. Д. Бонч-Бруевич

МОЯ ПЕРЕПИСКА С ИВАНОМ ФРАНКО¹

(Главы из моих воспоминаний)

I

В 1896 году в Москве, в апреле, стали поговаривать, что вскоре предстоит коронация Николая II, а потому охранное отделение, жандармы и полиция принимают все меры к очищению столицы от революционных элементов. Наша московская тайная социалистическая организация, состоявшая из целого ряда кружков, решила временно прекратить свою деятельность. Членам ее рекомендовалось разъехаться по провинции, не дожидаясь, когда охранное отделение составит проскрипционные списки и принудительно вышлет многих и многих в разные глухие углы России.

Было решено сейчас сохранить силы, чтобы летом, когда окончится коронационная шумиха, вновь приняться за нашу подпольную организационную работу, дабы развить самую широкую политическую социал-демократическую пропаганду и агитацию. Наш центральный кружок, уже превратившийся в «Московский рабочий союз», решил воспользоваться этим временем, чтобы укрепить связи с плехановской группой «Освобождение труда». Необходимо было непосредственно связаться с ними и просить их о теоретической помощи путем написания новых книг и брошюр на политически актуальные темы. Нам нужно было, кроме того, опубликовать за границей в

¹ Эта статья, в значительно сокращенном виде, была переведена на украинский язык и помещена в журнале «Вітчизна», 1952, № 12, стр. 153—160, Киев.

русской нелегальной печати сведения о революционном движении среди рабочих и о всех тех событиях из жизни пролетариата, которые не могли быть опубликованы в России, где подпольная печать в то время все-таки была мало развита. С этой целью наша организация командировала меня и В. М. Величкину за границу, поручив нам завязать там нужные связи, побывать у Г. В. Плеханова, чтобы посоветоваться с ним обо всем. Также необходимо было наладить транспорт литературы, печатных станков и оружия. Это дело всецело поручалось мне.

Каждый день приходили неблагоприятные сведения по поводу намерений охранного отделения. По совету знакомых, имевших большие связи в обществе, в апреле 1896 года и я и В. М. Величкина подали московскому генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу, — так требовала установленная форма, — заявления о выезде за границу в Швейцарию, в город Цюрих, для поступления в Цюрихский университет.

Через некоторое время мы получили уведомление от канцелярии генерал-губернатора, что можем явиться за паспортами, каковые и получим в мае 1896 года.

Мы поспешили собраться и выехали из Москвы по направлению Харьков — Подволочиск — Вена. Этот путь мы избрали, между прочим, и потому, что мне очень хотелось хоть проездом взглянуть на «ширу Украину», которую я давно от всего сердца полюбил, изучая ее, полную героической борьбы, историю.

II

Быстро промелькнули красивые, уютные хутора и деревни южной Украины, и мы вступили в Галицию, где были поражены скученностью и угнетенностью галицийского украинского населения, с которым мне через три года пришлось хорошо познакомиться в Канаде, куда я отвозил навсегда изгнанных из России правительством Николая II много тысяч русских крестьян-землепашцев, сосланных в Закавказье еще в 1848 году императором Николаем I, отправившим их туда «не на жизнь, а на смерть», как выразился этот жестокий деспот в одном из своих приказов.

Это были так называемые «духоборы», не пожелавшие подчиниться многим законам царской империи,

устроившие грандиозную демонстрацию против войны, за что и были изгнаны из своих деревень, расположенных в горных высотах Закавказья, и расселены среди горцев в жарких лихорадочных долинах Кахетии и Картолии, где их погибло около 50% от ужасных болезней.

Приехав в Швейцарию, в Цюрих, я вскоре отправился в Женеву, желая как можно скорей повидаться с Г. В. Плехановым, который был в полном расцвете своих творческих сил. Его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшая в России под псевдонимом Н. Бельтов, произвела тогда потрясающее впечатление на русскую демократическую общественность и широкие слои учащейся молодежи...

В июле 1896 года я отправился в Женеву вместе с В. М. Величкиной, везя Г. В. Плеханову список, полученный к этому времени от наших теоретиков из России, тем и теоретических запросов, привезенный тайным образом, написанный на коленкоре и вшитый в одежду, которую наши знакомые студентки привезли нам, даже не подозревая, какой марксистский порошок они везут.

Встретившись с Георгием Валентиновичем самым лучшим образом, мы долго по вечерам рассказывали ему о нашей конспиративной работе в Москве среди рабочих, а также в кружках высшего типа и, наконец, развернули перед ним коленкоровые хартии, где химическим карандашом было записано множество теоретических вопросов и тем, на которые москвичи просили его ответить. Георгий Валентинович читал и перечитывал все здесь написанное и душевно радовался, что так интенсивна была теоретическая мысль у наших товарищей, требующих весьма серьезной разработки и ответа.

— На многие вопросы я уже ответил в моей вышедшей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а многое вскоре появится в другой моей книге, выходящей в Петербурге,— сказал нам Георгий Валентинович.

Мы впервые услышали имя автора книги Бельтова и с радостью рассказали ему о том громадном впечатлении, которое эта книга произвела повсюду в марксистских кругах России.

Ежедневно бывая у Плеханова, мы говорили обо всем.

Георгий Валентинович ознакомил нас, давая меткие характеристики, с европейской русской политической эмиграцией того времени, и особенно подробно остановился на женевской, бернской, цюрихской и лозаннской, «так как,— сказал он,— вам, конечно, вскоре придется с ними встречаться».

Георгий Валентинович, между прочим, обратил мое внимание на группу украинцев — политических эмигрантов из России, сосредоточившихся в то время в Швейцарии, и очень рекомендовал познакомиться с весьма оригинальным представителем этой социалистической группы, с эмигрантом Кузьмой Ляхоцким.

— Все это политические единомышленники покойного Драгоманова,— сказал мне Георгий Валентинович. — Конечно, они стоят на других позициях, чем мы, но люди интересные, страстно преданные идее объединения Украины и освобождению ее от царского режима. Они много издают интересных книг, с которыми следует познакомиться. Нам нужно поддерживать с ними отношения и, насколько возможно, влиять на них: у многих из них есть националистический душок, мешающий им понять интернациональность нашего движения, стоящего на позициях полной свободы самоопределения наций. Свой гнев, направленный на царское правительство, они иногда переносят на русский народ, забывая, что и он стонет под игом самодержавия и что враг у нас один. Вот это вредное заблуждение надо всюду и везде разъяснять им и другим националистам.

Я сказал ему, что украинский язык я не знаю, но Шевченко читаю свободно.

— Это ничего,— ответил мне Георгий Валентинович,— раз Шевченко читаете, овладеете и другой литературой. Но, читая, знайте, что там имеются разные течения и есть такие, которые стараются ополячить украинский язык, что совершенно неправильно и что, конечно, народные украинские массы никогда не примут. Польское помещичье рабство на Украине было самое отвратительное рабство. Украинцы никогда не забудут издевательств над ними польских панов и магнатов. Что самое интересное в этой группе — это то, что среди них тоже назревает раскол, и раскол идет не из Женевы, а из австрийской Украины, из Галиции. Там живет Иван Франко, очень

любопытный человек, который все более и более склоняется к социал-демократии, изучая марксизм, а его близкий товарищ Павлык пристально изучает марксистскую теорию и даже издал «Эрфуртскую программу» на русском языке в своем переводе.

Георгий Валентинович потянулся к полке своей библиотеки и снял оттуда небольшой компактный томик, где была напечатана «Эрфуртская программа» в переводе и издании М. Павлыка. Это была первая книга, которую я видел напечатанной на русском языке, без твердых знаков, что тогда было так непривычно для взора русского читателя.

— Мы уже ее отослали довольно порядочно в Россию, — сказал мне Георгий Валентинович. — Я очень советую вам списаться и с тем, и с другим. Сошлитесь на меня, что я дал вам их адреса, и поддержите с ними знакомство. Им следует посылать нашу литературу и всеми мерами стараться соблазнять на наш социал-демократический путь. Особенно надо заняться Иваном Франко, который в теориях значительно слабее Павлыка, но вместе с тем он очень симпатичный, пытливый и многообещающий художественный талант. Его рассказы интересны, самобытны, и они не только из крестьянской, но — что особенно важно — из рабочей жизни.

А с языком справитесь. Я тоже не знал его, но стал читать Шевченко, Ивана Франко, их журнал «Громада» — и вскоре овладел и теперь читаю свободно.

Я обмениваюсь с ними письмами, но, к сожалению, неаккуратно: уж очень я занят. Павлык приезжал в Женеву и несколько раз виделся со мной: он горит стремлением глубоко изучить марксизм.

Вы обязательно завяжите с ними сношения и посылайте им обоим всю нашу литературу.

Я запомнил это поручение Георгия Валентиновича и выполнил его сейчас же, как только вернулся в в Цюрих.

При первой возможности я познакомился с группой украинцев, живших тогда в Женеве, в которую, кроме Кузьмы Ляхоцкого, входили эмигранты Дашкевич, Василевский с женой, постоянно жившие в Женеве, и еще несколько их товарищей. Около них группировался целый выводок молодых украинцев, приехавших в Женеву из разных концов России. У Кузьмы Ляхоцкого, которого в

эмиграции просто звали Кузьмой, была типография, основанная еще покойным Драгомановым. Она так и называлась: «Украинская типография».

В этой типографии набирались не только украинские книги, но также она выполняла многие заказы для русской эмиграции и всевозможных лиц, приезжавших в Женеву, чтобы издавать, без гнета царской цензуры, те или иные произведения. Я хорошо познакомился с этими новыми товарищами и очень много интересного узнал от них об украинском движении как у нас в России, так и в правобережной Украине и в Галиции.

Тут я впервые получил от Кузьмы много печатных работ Драгоманова. С ними мне рекомендовал познакомиться Г. В. Плеханов, чтобы дать себе ясный отчет об украинском радикальном и либеральном движениях, которые в 70—80-х годах так хорошо отражал в своих произведениях этот радикальный профессор Киевского университета, эмигрировавший из России под давлением царских жандармов и организовавший за границей журналы, типографию, издательство свободной печати и принимавший деятельное участие в устройстве «Общества им. Шевченко» во Львове.

М. П. Драгоманов написал громадное количество работ, которые печатали на всех языках: издавал журнал на русском языке в Женеве; печатал огромные исследования по истории Украины на украинском языке в «Обществе им. Шевченко»; напечатал переписку Герцена, Бакунина, Огарева на русском языке; хранил у себя архив Герцена, который ему был передан, и собрал у себя в архиве огромное количество документов по истории русской революции и радикального движения в России во всех многообразных их проявлениях.

Кузьма рассказывал мне о галицийском освободительном движении среди украинцев и о писателе Иване Франко, который стоял во главе этого движения. Показал мне некоторые его рассказы, напечатанные в различных журналах, которые я тут же прочел и которые мне очень понравились. У меня тогда же зародилась мысль перевести многие из них для русского читателя. С Кузьмой мы условились, что он в первом же письме, которое пошлет Ив. Франко или Павлыку, упомянет, что я буду им писать.

Вернувшись в Цюрих, где я в то время учился и одновременно работал в группе социал-демократов, примыкавших к «Группе освобождения труда», я тотчас же стал высылать Ив. Франко и Павлыку нашу литературу. Как раз в это время вышел очередной «Листок работника» и несколько брошюр. Узнав, что им обоим ранее ничего не посылалось нашей экспедицией, я тотчас же выслал вышедшие номера сборника «Работник».

Жизнь меня сильно закрутила, и я пока еще не успел вступить ни с кем из них в переписку...

Как раз в 1897 году развернулось всюю то преследование закавказских русских крестьян-духоборов, о котором я упомянул выше, которое стало близко мне известно и отвернуться от которого я никак не мог.

Находясь в переписке с В. Г. и А. К. Чертковыми, только что тогда высланными из России царским правительством, я узнал от них все зверские подробности этого преследования многих тысяч русских крестьян, и мне непременно захотелось хоть как-нибудь, хоть чем-нибудь принять участие в этом деле, чтобы помочь преследуемым. Ничего иного в моем положении, как только распространение литературы и доведение до сведения широкой русской и европейской общественности о всех ужасных действиях царского правительства и издевательствах над этими народными массами, сделать я не мог. Я стал рассылать письма известным и неизвестным мне общественным деятелям всех национальностей, а также в газеты и журналы, и тем самым привлек многих к этому делу, о котором стали всюду писать.

Я написал также и Ив. Франко. Это было первое мое письмо к нему. Оно сохранилось в его архиве, находящемся во Львове, папка № 187, стр. 103—106. Письмо это я отправил уже из Цюриха, куда вернулся по неотложным делам транспорта литературы...

От Франко я очень вскоре получил ответ, где он писал мне, что сделает все от него зависящее в деле распространения сведений о преследуемых духоборах.

В письме своем он писал мне, что знаком с движением духоборов по европейской печати и, кроме того, кое-что читал в русской литературе, издававшейся как за гра-

ницей, так и в России. Он спрашивал меня, знаю ли я о движении штундистов в левобережной Украине, которые также подверглись преследованию царского правительства; многие из них сидели в тюрьмах и целыми семьями ссылались в Сибирь, а некоторые бежали из России, были временно в Галиции и переехали в США, где и поселились в северной Дакоте, заложив там новый город, который они, в знак воспоминания и любви к своей родине Украине, назвали славным именем матери русских городов — «Киев». Во главе этой группы украинцев, бежавших, как они говорили, «от царской ласки», был энергичный и смелый новоштундист Андрей Дубовик, который здравствует и поныне и с которым я нахожусь в постоянной переписке.

Из этого письма Ив. Франко ясно было видно, что он интересовался разгоревшимися тогда в России религиозно-общественными движениями, социально-политическая сторона которых была весьма неожиданна при страшном гнете самодержавного правительства того времени, проводившего тогда крайне реакционную политику.

В постскриптуме этого письма Ив. Франко спрашивал меня: читал ли я роман Степняка «Штундист Павел Руденко»? Этот роман написан был на основании многих документов, собранных революционером-народовольцем Степняком (С. М. Кравчинским).

Этот вопрос явно свидетельствует, что Ив. Франко следил за русской нелегальной литературой и, кроме того, интересовался широко народным религиозно-общественным движением штундизма и новоштундизма, охватившем тогда огромные массы украинского и русского народа...

IV

Весь поглощенный делами транспорта литературы, я, освободившись, уехал на каникулы в конце августа 1897 года в Лондон, к Чертковым, чтобы отдохнуть и по первоисточникам познакомиться с крестьянским движением духоборов, которое все более и более разгоралось и повлекло за собой многочисленные сдачи в солдаты, заключения в дисциплинарные батальоны, телесные наказания, избиения, постой войск, казанские экзекуции, насилие над женщинами и прочие ужасы, которые преде-

львали агенты царского правительства над этими смелыми и независимыми русскими крестьянами.

Так как в это время я был увлечен изучением славянских языков и соответственных литератур, то 4 сентября 1897 года я обратился к Ив. Франко с следующим письмом, которое и послужило основанием дальнейшей, довольно оживленной переписки с ним.

Вот текст этого моего письма, сохранившийся в том же архиве Ив. Франко во Львове в папке № 187, стр. 145—148.

«Лондон, 4 сентября 1897 г.»

Милостивый государь и глубокоуважаемый господин И. Франко! Заранее извиняюсь, что беспокою Вас, но обращаюсь к Вам как к лицу, о котором я много слышал хорошего, и как к человеку, стоящему в курсе того дела, которым я очень заинтересован. Я предпринимаю серьезное изучение западнославянских литератур с приятной целью познакомить с ними русскую публику. Для этого я прежде всего изучаю языки и наречия славянские. Я сам коренной русский — москвич. Малорусский язык знаю порядочно, хотя иногда и встречаю некоторые слова, которых не понимаю, но думаю, что с этим я вскоре освоюсь. Изучаю сейчас польский язык. Я имею полную возможность помещать в газетах и журналах переводы различных произведений западных славян.

Буду переводить как прозу, так и поэзию. Но мне нужны кое-какие указания. Вот тут-то и позвольте обратиться к Вам, с надеждой, что Вы не откажете мне. Прежде всего я хочу ознакомить русскую публику с Вашими произведениями. Потом я просил бы Вас указать мне и других авторов, с Вашей точки зрения достойных перевода. Это самое главное. Не можете ли Вы мне выслать Ваши сочинения на время (потом я Вам их возвращу); если нет, то, пожалуйста, укажите, где я могу их купить (полное собрание). Потом, будьте так добры, сообщите адрес того издательства, кажется во Львове, которое издает малорусско-русский словарь. Мне говорили, что он очень хороший. Как по-Вашему? Сколько он стоит? Сколько стоит годовая подписка на «Житє і слово», есть ли у Вас оставшиеся номера за прежние годы, сколько стоят они; сколько лет издается Ваш журнал? Укажите, пожалуйста, на другие журналы на малорусском, русинском, сло-

вацком и польском языке, с которыми следует ознакомиться. Я не пишу Вам более подробно потому, что надеюсь через несколько месяцев быть во Львове, и тогда, познакомившись с Вами лично, надеюсь, что мы найдем много общих точек соприкосновения.

Между прочим, я иногда имею интересные сообщения из России; но будут ли они нужны Вам? Я с удовольствием буду присылать их.

Получили ли Вы мое письмо и книжки (из Мюнхена) о духоборах? Посылаю Вам только что вышедшие издания Черткова. У меня есть много знакомых в России, которых карает цензура. Могли ли бы Вы, конечно, по Вашему выбору, поместить кое-что в своем журнале?

Ну, всего хорошего. Жду от Вас ответа.

В. Бонч-Бруевич.

Р. С. Посылаю Вам мною составленный сборничек стихотворений для народа. Может быть, Вам будет интересно познакомиться с ним. Провести его через цензуру было страшно трудно. Не видали ли Вы моего большого сборника под заглавием: «Избранные произведения русской поэзии»; в него вошло около пятисот стихотворений на мотивы музыки Некрасова. К сожалению, я не имею его теперь ни одного экземпляра. Первое издание все разошлось; готовлю второе. Этот сборник, проведенный с большими трудностями через цензуру, был любимой книжкой рабочих.

Укажите, пожалуйста, хороший польско-русский словарь, а также, если знаете, и другие славянско-русские словари. Пожалуйста, если можно, отвечайте поскорей...»¹.

Ив. Франко ответил мне большим письмом, указал, где можно приобрести украинско-русский словарь, указал литературу, журналы и прислал мне сборник его рассказов «В поті чола. Образки з життя робучого люду». Львів. 1890. Накладом Ольги Франковой. З друкарни «Товариства ім. Шевченка під зарядом К. Беднарського».

Я тотчас же принялся за самое внимательное чтение этой прекрасной книги, именно о которой мне и говорил Г. В. Плеханов. Прочтя ее вслух несколько раз, я вполне

¹ Оригинал письма хранится в архиве Ив. Франко во Львовской библиотеке АН УССР.

освоился с хорошим художественным языком Ивана Франко, который при книге дал: «Поясненє меньше уживаних слів», переводя эти слова и выражения на русский язык.

Как раз наступило время моего отъезда из Англии от Чертковых. Уже там я заметил, что за мной следят агенты царской охранки, точно так же, как следили они и за всеми теми, кто жил у Чертковых. Только потом обнаружилось, что приехавший на свидание с австрийским эмигрантом военным доктором Шкарваном, отказавшимся служить в качестве военного врача в австрийской армии и временно теперь проживавшим у Чертковых, некто словак Кривош, служивший в иностранной цензуре в Петербурге, был в то же время и шпионом охранки.

Когда я уехал и сдал в багаж два чемодана, то обнаружил в Кельне, что одного моего чемодана нет, и, несмотря на все розыски, предпринятые железной дорогой, он так и пропал. Я полагаю, что он был выкраден в Англии при пересадке на пароход по указанию именно этого Кривоша, который так назойливо интересовался перед моим отъездом, куда и что я укладываю, желая мне во всем непременно помочь.

В этом пропавшем чемодане было более шестисот писем ко мне со всех стран света по различным вопросам, и в том числе несколько писем Ив. Франко и М. Павлыка, письма Кузьмы Ляхоцкого, Дашкевича и других, и многие черновики моих писем к моим корреспондентам. Вот та ужасная причина, почему у меня не сохранились письма Ивана Франко и других украинцев. К счастью, книжка «В поті чола», словарь и мои переводы, которые я начал, живя еще в Англии, были положены мной в другой чемодан, почему они и остались целы.

Приехав снова в Цюрих, я засел за новое чтение рассказов Ив. Франко. Все они были проникнуты глубокой любовью к своему родному народу. Они хорошо иллюстрировали угнетенное положение украинцев в Галиции, которых тогда называли просто галичанами. В каждом из них светился огонек, который говорил, что в глубоких народных недрах живы свободолюбивый дух и стремление освободиться от польского и австрийского владычества. Особенно обращало тогда мое внимание следующее: в целом ряде рассказов Франко, в художественной форме,

ясно выявлял он классовую сущность, рисуя обездоленную жизнь рабочих и их постоянное стремление к борьбе за лучшую свою долю. Классовая точка зрения, как мне казалось, преобладала в писаниях Ивана Франко. Он нигде не шел на компромиссные решения вопроса и не любовался примитивными формами жизни, как это всегда было свойственно народникам, а, наоборот, всюду критически относился к действительности и звал читателей к борьбе вслед за своими, нередко крайне угнетенными, несчастными, но свободолюбивыми героями его рассказов и повестей.

От его произведений веяло новым духом, духом борьбы и протеста широких народных масс.

Переписка моя с ним усилилась. Я сообщил Ивану Франко, что перевожу некоторые его рассказы и что хочу их обязательно напечатать в русских журналах и газетах. Он был очень доволен этим моим сообщением. Первые переводы я послал ему на прочтение. Он не внес в них почти никаких поправок и, вернув мне, вполне одобрил. Это еще более подтолкнуло меня на предпринятую работу, и мною был переведен почти полностью весь сборник «В поті чола».

Я прежде всего изложил более кратко «Відривок з листа Ів. Франка до М. Драгоманова», написанный им во «Львові д. 26 цвітня 1890».

Это мое краткое изложение автобиографии Ив. Франко так и не удалось мне напечатать, ибо свирепствовавшая цензура постоянно не пропускала его. Я пробовал сначала писать от своего настоящего имени, а потом несколько раз хотел напечатать и биографию и рассказы в разных газетах под псевдонимом «Влад. Ольховский», но ничего не помогло. Усиленно хотела напечатать этот краткий биографический очерк радикальная газета «Вятский край», где я в то время постоянно сотрудничал. Весьма передовой издатель этой газеты, Батуев был убит у себя в редакции черносотенцами за разоблачение их грязных и темных дел, а редактор этой газеты, сосланный в Вятку радикал-народник Голубев, был выслан губернатором из города за его неуклонную передовую редакторскую и писательскую работу, в которой он проявлял свое общественное служение. Он прислал мне гранки набора этого краткого биографического очерка, залитые красными чернилами цензора. Эти гранки я отослал в свое время

И. Франко. Он написал мне тогда письмо, где с негодованием говорил, что он гордится этими гранками, залитыми, точно кровью, красными чернилами, так как он из этого видит, сколь ненавистно его имя царским опричникам.

Другие рассказы Ив. Франко, которые я послал в «Вятский край», также были запрещены местным вятским цензором, и рукописи ко мне вернулись...

VI

Я перевел следующие рассказы из сборника «В поті чола»:

- 1) Лесишина челядь.
- 2) Два приятелі.
- 3) Муляр.
- 4) Малій Мирон.
- 5) Грицева шкільна наука.
- 6) Оловець.
- 7) «Schönschreiben».
- 8) На дні.
- 9) Сам собі винен.
- 10) Слимак.
- 11) Добрий заробок.
- 12) Хлопська комісія.
- 13) Історія моєї січкарні.
- 14) Домашній промисел.
- 15) До світла!
- 16) *Boa Constrictor* —

повесть, которую мне отдельно прислал Ив. Франко и которую он считал одной из лучших идейных своих повестей.

Непереведенные еще в то время рассказы из сборника «В поті чола» я намеревался перевести в ближайшее время. Я мечтал о дальнейшем переводе других произведений. Ив. Франко, о чем я сам постоянно списывался с ним.

Я разослал эти переводы в разные редакции. И между прочим, послал предложение издательской фирме О. Н. Поповой в Петербург — напечатать весь сборничек «В поті чола» вместе с повестью «*Boa Constrictor*» и получил от нее предварительное согласие. Разослав рукописи, я предполагал, что они в скором времени начнут появляться в печати, но дело затянулось. Летом и осенью

1898 года я стал получать из разных журналов, а также и от Поповой, уведомления, что цензура запрещает рассказы Ивана Франко в моих переводах. Некоторые из рассказов я также послал известной московской издательской организации «Посредник», которая печатала свои книги под руководством Л. Н. Толстого, и получил от И. И. Горбунова-Посадова ответ, что он приветствует эту мою работу и просит прислать ему ряд рассказов Ив. Франко для печати. Ему и Л. Н. Толстому, которому он сообщил о новом авторе, особенно понравилась повесть «На дне», которую он обязательно хотел издать отдельной книжонкой в серии дешевых изданий для распространения среди широких народных масс через могучий распространительский аппарат И. Д. Сытина, который включал всегда в список для офеней издания «Посредника». Таким образом, мы видим, что лучшие русские газеты, а также журналы «Мир божий», «Жизнь», «Новое слово» и издательства того времени с удовольствием принимали мои предложения и очень симпатично и приветливо относились к произведениям Ив. Франко, которые должны были сразу появиться во многих изданиях.

В это же время цензура стала запрещать вообще все рукописи различных оригинальных и переводных авторов, которые я представлял в цензурные комитеты разных городов, предполагая их издавать самостоятельно в Москве, где я уже начал свою издательскую деятельность...

Я понял, что этой последней попытке моей легальной деятельности в области изданий приходит конец и что нужно все свои силы перебросить на нелегальную работу, так как побороть цензуру в то время не представлялось никакой возможности.

VII

Лет пятнадцать тому назад мне была доставлена копия подлинного секретного циркуляра министерства внутренних дел по Главному управлению по делам печати от 31 июля 1898 года, за № 5312, который теперь много мне разъяснил и из которого я узнал, какие меры предприни-

мала царская цензура против левых издательств вообще и, в частности, против изданий Ив. Франко в моих переводах. Вот этот циркуляр:

«МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное управление
по делам печати

31 июля 1898 года

№ 5312

Секретно

Господину председательствующему
в с.-петербургском цензурном комитете

В последнее время Главное управление по делам печати и департамент полиции обратили особенное внимание на крайне предосудительную деятельность по изданию книг для народного чтения и разного рода вредно тенденциозного содержания популярных сочинений, оригинальных и переводных, издательской фирмой О. Поповой, имеющего звание сельского учителя дворянина Михаила Николаевича Семенова и кандидата прав Николая Александрова Рубакина. Значительное количество материала доставляет этим издателям проживающий в Швейцарии (в Цюрихе) эмигрировавший из России Владимир Бонч-Бруевич. Так им были уже доставлены Семенову в начале текущего года рукописи «Капитал Ротбертуса», «Энгельс против Дюринга», Де-Греф — «Социология», Коль — «Поземельная собственность на острове Ява» и «Восемнадцатое брюмера» Маркса, а ныне вновь присланы издания сочинений известного австрийского социал-демократа Франко: «Сурка», «Каменщик» и «Урок чистописания». Предполагает он выслать и другие рукописи, предназначавшиеся к напечатанию фирмой «Посредник», но запрещенные цензурою. Николай Рубакин добивается разрешения на издание сочинений Николая — она, Зибера и Деметьева, переделке для народных библиотек, и книги «Эволюция рабства» в компактном издании.

Вследствие сего Главное управление по делам печати считает необходимым обратить особое внимание вашего превосходительства на предосудительную деятельность означенных лиц и принять соответствующие меры к возможно внимательному и строгому цензурному просмотру народных книг и популярных сочинений, выпускаемых в свет при содействии поименованных издателей.

Временно исполняющий обязанности начальника Главного управления по делам печати

М. Соловьев

Заведующий делопроизводством, член совета

В. Аликаевский

№ 1843.

Об изложенном имею честь сообщить гг. цензорам
для надлежащего исполнения

3 августа 1898 года».

В силу этого циркуляра, где об Иване Франко так и говорится, как об австрийском социал-демократе, ни один из его рассказов не был в то время напечатан в русской печати и не мог быть издан отдельной книжечкой. Только один рассказ Ив. Франко в моем переводе проскочил через цензурные рогатки и был напечатан в «Курской газете», где я постоянно сотрудничал, редко подписывая многочисленные статьи, корреспонденции, рецензии. Этот рассказ назывался «Урок чистописания», то есть «Schönschreiben». Подзаголовок был мною дан следующий: «Рассказ Ив. Франко, с галицийского для «Курской газеты» перевел Владимир Бонч-Бруевич». Помещен этот рассказ как фельетон на второй и третьей страницах и занимает триста двадцать восемь строк, то есть почти четверть номера. Напечатан он в № 237 этой ежедневной газеты в субботу 5 сентября 1898 года. Я думаю, что это была первая публикация Ив. Франко на русском языке. Номер этой газеты у меня сохранился.

Необходимо здесь заметить, что политика царского правительства по отношению к национальностям заключалась в вечном их ущемлении, в придирках, в прямом преследовании. Вот почему пришлось здесь употреблять термин «перевод с галицкого», так как к переводам с украинского цензура относилась сугубо отрицательно и слово «украинский» везде заменялось «малороссийский», что для меня, как социал-демократа, было совершенно недопустимо.

Некоторые рукописи, которые я разослал, редакции мне вернули, а весь сборник «В поті чола», представленный в цензурный комитет издательством Поповой, так и был заарестован петербургским комитетом по делам печати. Вероятно, он где-нибудь в настоящее время хранится в архивах этого цензурного комитета, и я постараюсь принять меры к его разысканию так же, как и других рукописей рассказов Ив. Франко, застрявших в цензурных комитетах и, к сожалению, не оставшихся у меня в копиях.

Журнал «Мир божий», издававшийся под предварительной цензурой, передал в цензуру в Петербурге мой перевод повести Ив. Франко «На дне», который также, в силу этого циркуляра, в комитете был задержан и мне не возвращен. То же самое произошло в Москве в издатель-

стве «Посредник». Я сообщил об этих запрещениях Ив. Франко и больше не возобновлял попыток к изданию в России в царское время этих рассказов.

Мне, однако, очень хотелось, уже после 1905 года, напечатать эти рассказы у нас на родине. Когда мои книжки пришли из-за границы в Петербург при моем возвращении из эмиграции и были пересматриваемы цензурным комитетом по иностранным книгам, то среди целого ряда книг, не выданных мне цензурой, был заарестован и сборник «В поті чола», как находившийся в списках запрещенных для ввоза иностранных изданий.

Таким образом, это мое желание попытаться вновь перевести рассказы Ив. Франко и издать их в России в 1906 году не увенчалось успехом по проискам той же, на этот раз иностранной, царской цензуры, которая продолжала так же свирепствовать и после конституции 17 октября 1905 года, как и до нее.

И только теперь, в наше советское время, некоторые рассказы Ив. Франко, переведенные мною в свое время и сохранившиеся в моем архиве в рукописях, я напечатал в московском журнале «Новый мир» (№ 5, 1941—«Два приятеля», «Лесихина челядь»).

Так царская цензура, душившая всякое проявление свободного творчества, наложила свою тяжелую руку на произведения замечательного художника, беллетриста, поэта и критика Ив. Франко, украинца, с которым наш русский читатель не мог своевременно познакомиться, и его первые рассказы появились на русском языке более чем через пятьдесят лет после их написания...¹

¹ Совсем недавно в Государственном издательстве художественной литературы УССР были изданы мои переводы из Ив. Франко, сохранившиеся у меня с тех давних времен; заглавие книжечки: И. Франко, Малый Мирон, Гослитиздат Украины, Киев, 1952, 59 стр. В эту книжечку вошли рассказы: 1. «Маленький Мирон», 2. «Школьная наука Гриця», 3. «Schönschreiben», 4. «Лесихина челядь», 5. «Каменщик», 6. «Два приятеля».

Буду надеяться, что отыщу все другие, и тогда с большим удовольствием напечатая всю книгу «В поті чола», которую так неустанно преследовала много лет царская обнаглевшая цензура.

Но на этом мои сношения с Ив. Франко не прекратились.

С 1900 года стала издаваться ленинская «Искра». С самого первого номера ее, даже начиная с заявления редакции о ее выходе, я всегда высылал Ив. Франко номер за номером, а также и все главнейшие издания революционной социал-демократии, в том числе произведения В. И. Ленина «Что делать?» и «Шаг вперед — два шага назад».

Весной 1902 года за границей образовалась социал-демократическая организация «Жизнь». Дело в том, что 8 июня 1901 года подцензурный легальный журнал «Жизнь», издававшийся в Петербурге при сотрудничестве В. И. Ленина (Ильин), Г. В. Плеханова (Каменский), В. И. Засулич и др., при близком редакторском участии и постоянном сотрудничестве А. М. Горького, был совершенно прекращен «совещанием четырех министров» за крайне левое направление, а непосредственно за напечатание в этом номере журнала поэмы Горького «Буревестник».

В передовой статье «Освобожденная жизнь», в № 1 журнала «Жизнь», вышедшем в Лондоне в 1902 году, сообщалось: «Подцензурная «Жизнь», совершенно прекращенная 8 июня 1901 года «совещанием четырех министров», превратилась в «Жизнь» свободную. Директор департамента полиции Зволянский и руководимые им министры Сипягин, Победоносцев, Муравьев и Ванновский не убили «Жизнь», они освободили ее».

Редакция освобожденной «Жизни» в этой передовой статье писала, выражая мнение «друзей-читателей»: «Наконец-то! Давно пора выйти из атмосферы *подцензурного разврата*, растлевающего мысль и совесть как писателя, так и читателя». Так как подцензурный журнал «Жизнь», несмотря на сотрудничество передовых писателей — марксистов-революционеров, о которых мы упоминали выше, — все-таки был, конечно, органом «легального марксизма», то в этой передовой статье было сказано: «Вместе с наиболее искренними и последовательными русскими социал-демократами мы можем лишь порадоваться, что «легальный марксизм», по-видимому, окончательно умер».

За границей, куда выехал редактор легальной «Жизни» В. А. Поссе, к нему присоединились сотрудники В. Я. Муринов, С. И. Гусев-Оренбургский. Сотрудники легальной «Жизни», оставшиеся жить в России, как, например, поэтесса Галина, Тан-Богораз и некоторые другие, изъявили свое желание участвовать в нелегальной «Жизни». Товарищи социал-демократы, помимо этого, организовали за границей группу писателей — сотрудников нелегальной освобожденной «Жизни». «Уже и теперь, — писалось в этой статье, — за «Жизнью» стоит сплоченная группа товарищей, объединенных как ненавистью к существующему строю насилия, разврата, лицемерия, так и твердою верою в скорое освобождение русского народа от самодержавно-бюрократического строя. Они сознают, что *запрещенное* слово падает на весы истории тяжелее слова разрешенного и что оно, в настоящее время, является для России самым целесообразным орудием революционной борьбы. Но скоро грянет буря, и мы радостно вступим в ряды борцов, проливающих свою кровь за освобождение родины и человечества».

Таким образом, как видим из этого «заявления» редакции освобожденной, нелегальной «Жизни», а также изучая печатную продукцию журнала «Жизнь», что самый журнал «Жизнь», уже в № 1 поместивший прекрасный памфлет старого немецкого революционера-социал-демократа Августа Бебеля, в переводе редактора журнала В. А. Поссе, под названием «Бебель о Бернштейне», — становился на точку зрения революционной социал-демократии. Это была речь Августа Бебеля, произнесенная им на Ганноверском партийном съезде 10 октября 1899 года. В примечании к этой речи редакция журнала писала: «Эта речь помещается в «Жизни» с согласия уважаемого товарища Августа Бебеля. Мы выбрали ее для помещения в первой книжке, конечно, не случайно. Она и для нас является программой, и мы готовы подписаться почти под каждым словом вожака и старшины немецкой социал-демократической партии».

Надо знать, что пятьдесят лет тому назад эта речь Бебеля против соглашательского учения Бернштейна была одним из самых крайних выступлений среди всей революционной социал-демократии того времени.

Книжки журнала «Жизнь» и другие издания новой со-

циал-демократической группы «Жизнь» я, конечно, тотчас же выслал Ивану Франко. В письмах к нему пояснил о целях и задачах нашей социал-демократической организации и ее изданий. Ив. Франко прислал в редакцию «Жизнь» приветственное письмо. Я, как член редакции и ученый секретарь журнала «Жизнь», отвечал ему, напоминая, что именно в этом журнале, когда он издавался еще в Петербурге, я хотел напечатать мой перевод его повести «На дне», весьма одобренной А. М. Горьким, и что цензор не пропустил к печати это прекрасное его произведение.

Двадцать второго июня 1902 года редактор журнала «Жизнь» В. А. Поссе послал Ивану Франко письмо. Вот его текст:

«22 июня 1902 года

Ивану Франко.

Уважаемый товарищ,

Вы, вероятно, слышали, что «Жизнь», запрещенная в июне прошлого года «четырьмя министрами», возобновилась в Лондоне как орган вновь образовавшейся социалистической организации «Жизнь».

Кроме ежедневного журнала (около тридцати листов в месяц), мы издаем «Листки», «Библиотеку «Жизни» и т. д.

С характером наших изданий и с задачей нашей организации Вы лучше всего познакомитесь, посмотрев первые две книжки «освобожденной» «Жизни». Я распорядюсь, чтобы их Вам выслали.

Цель этого письма, как Вы могли уже догадаться, — привлечь Вас к нашему товарищескому делу в качестве ценного сотрудника. Я давнишний поклонник Вашего таланта. Ваше сотрудничество было бы одинаково ценно как в беллетристическом, так и в политическом отделе. Наш журнал не богатый, конечно, но все же мы платим всем сотрудникам от тридцати до пятидесяти за сорок тысяч букв, смотря по характеру статей. Вам, конечно, нужно иметь в виду лишь высшую норму.

Во всяком случае, не откажитесь ответить в возможно скором времени.

С товарищеским приветом редактор «Жизни»

В. Поссе.

На это письмо, приблизительно через месяц, редакция «Жизнь» получила не только положительный ответ, но и обещание прислать что-либо подходящее к «освобожденной «Жизни». И действительно, мы в августе 1902 года получили от Ив. Франко политическую корреспонденцию-обзор под названием «Из Галиции», написанную от руки почерком Ив. Франко, но подписанную каким-то псевдонимом, где в ярких красках рисовалось неприглядное житье галичан-украинцев, полное бесправия, эксплуатации и зависимости от католических попом-униатов, и постоянных прижимок австрийских властей, что и заставляло галичан огромными тысячными массами выселяться в Канаду и другие места Америки.

Эта обширная корреспонденция, около авторского листа, должна была быть напечатана или в «Листках «Жизни», или в журнале «Жизнь». Ввиду ее обширности ее откладывали печатанием из номера в номер и, к сожалению, так и не напечатали до момента раскола в организации, а потом и в редакции журнала «Жизнь», о чем заявлено было в № 6, который вышел уже в Женеве. Там, на съезде, организации «Жизнь» было решено разойтись и журнал «Жизнь» приостановить. Большая часть из социал-демократической организации «Жизнь» присоединилась к организации «Искры». Ликвидируя редакцию, я все корреспонденции и иные материалы, пригодные для «Искры», отсылал постепенно Владимиру Ильичу в Лондон. В том числе была отослана мной и корреспонденция Ив. Франко «Из Галиции». Владимир Ильич весьма одобрительно отнесся к этой корреспонденции и хотел ее напечатать фельетоном в одном из номеров «Искры».

Но «Искра» была переполнена предсъездовским материалом, который в изобилии поступал со всех концов России. После Второго съезда, когда наступил раскол, «Искра» недолго была в руках большевиков, редакторами которой были Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. Несколько раз Владимир Ильич намечал пустить в сокращенном виде эту интересную корреспонденцию «Из Галиции», но огромный партийный материал заполнял все номера послесъездовской «Искры», и эта корреспонденция так и осталась ненапечатанной в портфеле редакции газеты «Искра». Когда Владимир Ильич вышел из редакции, Г. В. Плеханов, нарушая постановление Второго съезда,

кооптировал всех тех, кто был забаллотирован на съезде, превратив «Искру» из большевистского руководящего партийного органа в меньшевистскую газету. Новые редактора старались почти ничего не печатать из того, что было приготовлено к печати ранее большевистской редакцией «Искры», и в том числе корреспонденцию «Из Галиции». Я несколько раз запрашивал новую редакцию «Искры» о судьбе этой корреспонденции. Сначала получал неопределенные ответы, а потом мне заявил Мартов, что корреспонденция «Из Галиции» печататься не будет. Я просил вернуть ее мне, но и в этом мне было отказано с заявлением, что все непринятое к печати они решили оставлять у себя в архиве: это делалось для того, чтобы помешать большевикам в их издательской деятельности.

Когда я спросил о мотивах непринятия, Мартов заявил мне: «Через Галицию мы отправляем большие транспорты литературы в Россию, и нам нельзя обрушиваться на местные власти, которые обозлятся и будут всячески нам препятствовать». Зная хорошо транспортное дело, я возразил Мартову, что эта гнилая дипломатия совершенно не выдерживает критики, что австрийская полиция никогда не проявляла никакого либерализма к нашей транспортной деятельности, а всегда, везде и всюду мешала нам, и разоблачать ее действия — это одна из задач нашей свободной печати, — Мартов таинственно улыбался и заявил: «Не можем». Конечно, из конспиративных соображений, я не мог ему открыть фамилию автора. Так эта корреспонденция «Из Галиции», написанная Ив. Франко, не была напечатана и осталась в архивных фондах меньшевистской новой «Искры». Где находится этот архив — мне неизвестно.

За тысячью дел, переписка моя с Ив. Франко затихла, но он, конечно, всегда знал о деятельности нашей большевистской партии из той литературы, которую я ему всегда доставлял. Как отнесся он к расколу нашей партии, сказать не берусь, ибо никаких сведений об этом от него не имел, но если судить по настроению женевских украинцев, то симпатии их были на стороне большевиков, в которых они видели настоящих революционеров, а меньшевикам отказывали в этом высоком звании и считали их «киселями» и либеральной «размазней».

Женевские украинцы имели постоянные связи с

австрийской Украиной и скорее были отзвуком тамошнего движения и идеологического суждения.

Помимо Ив. Франко, всю нашу литературу мы всегда посылали М. Павлыку, от которого получали «Эрфуртскую программу» для наших транспортов в Россию. Кроме того, наша библиотека и архив при ЦК РСДРП(б) всегда посылали на обмен всю нашу литературу «Обществу им. Шевченко», и в том числе, конечно, все ленинские работы. С некоторыми украинскими журналами, выходившими в Австрии, мы также вступили в обмен изданиями.

В. И. Ленин, конечно, знал по спискам нашей экспедиции, что Ив. Франко и М. Павлыку все посылается, и очень поощрял эту посылку, говоря, что с украинцами надо всегда держать твердые связи. К нам в Женеву в 1904 и в 1905 годах приезжали украинцы за различными сведениями. Они всегда виделись с Владимиром Ильичем, много говорили с ним и уезжали весьма удовлетворенные беседами. Полагаю, что это были деятели «Спилки».

Все корреспонденции, приходившие с Украины в редакцию газеты «Искра», а потом газет «Вперед» и «Пролетарий», пользовались особым вниманием Владимира Ильича.

Владимир Ильич знал, что я перевожу рассказы Ив. Франко, и одобрял эти мои занятия, и негодовал, узнавая, что цензура все режет и ничего не пропускает.

Я очень сожалею, что мне так и не удалось лично встретиться с Ив. Франко, хотя я несколько раз собирался это сделать, но запросы революционной жизни требовали стоять на порученном мне партией посту, не отклоняясь никуда в сторону...

Михаил Мочульский

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ЖИЗНИ ИВАНА ФРАНКО

Впервые я увидел Ивана Франко, вероятно, в 1896 году, зимою, в «Академічній громаді» на докладе какого-то студента об эмиграции наших крестьян в заокеанские страны. Я не очень внимательно слушал доклад и больше был занят персоной Франко. Он вошел в комнату, где шел доклад, вместе с профессором Олеськовым. Вижу его, как сегодня — так врезался мне в память его тогдашний облик: он был среднего роста, красивый высокий лоб, слегка вьющиеся рыжеватые волосы, небольшие, тоже рыжеватые, усы и серо-стальные глаза. Лицо его выражало ум и энергию, глаза и губы — упорство и настойчивость. Он был в вышитой рубашке. Одежда на нем была непривлекательной и даже убогой. Вел себя скромно, я бы сказал, даже несколько застенчиво.

Франко и Олеськов сидели в кругу студентов. Когда окончился доклад, состоялась дискуссия. Одни студенты были против эмиграции, считая ее тратой лучших народных сил; другие были за нее, мотивируя свое мнение тем, что люди приобретают в эмиграции широкий кругозор, обычно возвращаются со значительным заработком и обзаводятся на родине лучшими хозяйствами. Франко, насколько я теперь могу припомнить, не был противником эмиграции крестьян, но считал, что она непременно должна быть лучше организована и умнее проводима. Он говорил спокойно, а намекая на галицийские порядки — иронизировал ...

... Вероятно, в том же году я увидел автора «Увядших листьев» на вече радикалов в зале львовской рату-

ши. За длинным зеленым столом сидел Михаил Павлык с неизвестными мне товарищами и руководил собранием. В зале стояли крестьяне, немного молодежи и очень мало интеллигенции. Близилась выборы в Государственный совет, — следовательно, надо было расшевелить массы. Когда я вошел, вече только началось. Ораторов было маловато, и Ивану Франко пришлось выступать несколько раз. Автор «Увядших листьев» робко подходил к трибуне и говорил, а крестьяне слушали его внимательно, поддакивали ему, смеялись, временами то стискивали свои кулаки, то аплодировали ему.

Доктор Владимир Охримович в своих «Материалах для биографии и характеристики Ивана Франко»¹ пишет, что Франко не был оратором. Я бы этого не сказал. Я не однажды слушал его выступления на вече, собраниях, заседаниях и сходках и должен сказать обратное — он был оратором. Правда, он говорил спокойно, без пафоса, без жестикюляции, но речь лилась из его уст отточенная, образная, окрашенная иронией, лилась и трогала сердце, убеждала разум железной логикой. Франко-оратор не был демагогом — он оперировал фактами, холодной действительностью; когда надо было, колол, жег, бичевал и убеждал своим умом и мудростью...

«...На пороге 1896/97 года на нас,— пишет поэт шутливо о себе, — как на того бродягу у калитки, набросились две собаки — два элементарных события, которые отняли у нас много времени и сил: выборы и болезнь». Поэт тяжело заболел и не выходил из дому «пару месяцев». Тогда он и написал «в темной комнате, с зажмуренными, больными глазами» большую часть своих стихотворений, которые вошли в книжечку «Мой Измарагд»². Тем временем состоялись выборы в австрийский парламент, и избиратели 4-й курии избирательного округа Перемышль — Мостиська — Добромиль, почитатели поэта, шли голосовать за него как за посла от своего округа. Болезнь не позволила поэту самому агитировать за себя, и он только разослал вместе с шестым номером газеты «Громадський голос» от 15 марта 1897 года кандидатское обращение под заголовком «Братья избиратели!».

¹ «Новий час», 1926, № 49.

² «Мій Измарагд». Поезії Івана Франка», Львов, 1898, стр. IV.

Ну и выборы же тогда были у нас! От пуль погибли десять, штыками ранено тридцать, арестовано свыше девятисот человек, и это лишь на землях Восточной Галиции, и только за то, что избиратели не шли толпами голосовать за правительственных бадениевских кандидатов. «Вся извращенность и глубокое, где-то в крови галицко-польских заправил сокрытое презрение к простому народу, презрение к закону и законности, — пишет поэт, — всплыло тогда наверх, как масло на воде». А сам министр внутренних дел, режиссер этих выборов, граф Казимир Бадени, что же сказал об этом? Он сказал со спокойной совестью: «Выборы в Галиции идут вполне легально». И эти его слова прозвучали именно в ту пору, когда мимо окон поэта во Львове жандармы изо дня в день гнали в тюрьму десятки окровавленных крестьян, закованных в тяжелые кандалы, когда к «больному, немощному и разбитому поэту», изо дня в день, из ночи в ночь прибегали напуганные «легальностью» выборов горожане и крестьяне ... умоляя о помощи, защите, крове и пище на несколько дней, пока мнут ужасы легальных выборов»¹.

Очевидно, Бадени, который боялся допустить поэта на университетскую кафедру, тем более не пожелал допустить его на посольскую трибуну. Комиссары по выборам употребили все меры, и поэт не был избран послом ...

...Говорят, если к кому приходит беда, то никогда не одна; и у Франко их было больше, нежели я уже перечислил. Должен напомнить еще об одной, случившейся в связи с предыдущими...

...В «Научном обществе им. Шевченко» шла борьба не за что иное, как, собственно, за то, чтобы оно стало чисто научным, и Франко защищал соответствующий проект, главным автором которого был Михаил Грушевский, и особенно настаивал на том, чтобы товарищество... отказалось печатать в своей типографии политические газеты и в том числе газету «Діло», тем более что это печатание не давало обществу никаких прибылей, но давало право школьному совету брать у общества денежную помощь и печатать книги для школ. И что же происхо-

¹ См. «Літературно-науковий вістник», кн. 1, 1906, стр. 157—158.

дит? Кто-то из противников Франко — а к этому времени уже назрел союз народовцев с москвофилами — идет в редакцию «Галичанина», шепчет что-то на ухо редактору, и в результате появляется статейка, главным мотивом которой было то, что «доктор Франко розпинался за Барвинским»¹, то есть, чтобы получить университетскую кафедру или посольский мандат, заключил союз с так называемыми «инкамерованными русинами», хотя в выступлениях Франко не было ни слова о Барвинском, и, наоборот, Франко подозревал Барвинского в том, что он был одним из тех, кто своим посольским влиянием старался не допустить Франко на университетскую кафедру. Не успела еще эта клевета пустить крепкие корни, как возникла новая. Франко по приглашению фабианцев и социал-демократов поехал в Вену и выступил с двумя докладами о политико-экономическом положении галицийского крестьянства. Корреспондент правительственной газеты «Czas» написал одобрительную заметку о докладах, и сейчас же добрые люди распространили в Галиции слух, что Франко с помощью социал-демократа Адлера продался министру графу Казимиру Бадени. Еще не все успели хорошо прислушаться к этой клевете, как «Галичанин» пустил в ход еще одну — не новую, но хорошо наперченную. Возник союз народовцев с москвофилами, Франко подверг его острой критике, и сейчас же появилась в «Галичанине» статья «Туда стежка в горох», где автор назвал Франко «казенным радикалом» потому, что он все-таки продался Александру Барвинскому, а тому будто бы «действительно удалось поместить доктора Франко в пропозиции на ту посадку, однако под условием, если соубегающий переменит свою дотеперешнюю политику, поклонится в св. Юре и т. п.». Автор статьи позволил себе обвинять Франко в том, что он будто бы «личные интересы ставит выше интересов народа, который последний обманывается лишь лестными словами». Таким способом «деморализация» Франко доводится «до апогея»¹.

Так приходилось Ивану Франко жить в лживой атмосфере клеветы, подозрений и брани. Жестокие люди

¹ «Г а л и ч а н и н» — газета львовских москвофилов, авторы ее пользовались так называемым «язычиєм». Здесь и ниже в цитатах сохранены его показательные образцы.

ранили его честную душу и доводили до отчаяния. «Была минута, — говорит Франко, — когда я, видя вокруг себя глупые упреки и циничные насмешки, думал было покаяться или эмигрировать на кубанские степи, но потом успокоился».

И Франко действительно успокоился. После бури наступились тучи, и на небе показалось солнце. Франко постепенно оправился от болезни, а в его тяжелом положении пришла ему на помощь лучшая часть украинской молодежи, объединившаяся в «Академічній громаді».

Осенью 1897 года молодежь избрала председателем «Академічної громади» Владимира Гнатюка, большого поклонника Ивана Франко. Гнатюк тогда был уже известен как этнограф и знаток Закарпатской Украины... С 1894 года он уже был знаком с Иваном Франко, печатал свои статьи в журнале «Житє і слово» и даже был соавтором протеста галицких украинцев против мадьярского тысячелетия, который под заглавием «И мы в Европе» был опубликован в 1896 году. Молодежь, зная об этих заслугах Гнатюка, воздала ему честь своим выбором.

Гнатюк, двадцатишестилетний человек, широкоплечий, красивый, бледный, с коротко остриженной светлой бородой, взошел после его избрания на то возвышение, где стояла профессорская кафедра (выборы происходили в университетской аудитории), и оттуда произнес свою программную речь. Он говорил, как обычно, тихим голосом, но плавно; свою речь густо пересыпал поэзией гонимого (проскрибованого) Франко и призывал товарищей осуществлять его идеалы. Гнатюк, зная, что Франко написал за время болезни много стихотворений, посоветовал «Академічній громаді» взять на себя издание этих произведений. Правление согласилось и за двести крон приобрело сборник стихотворений, который и вышел в конце 1897 года, но датированный 1898 годом, иждивением «Академічної громади» под заглавием «Мій Ізмарад»... Одновременно молодежь приняла решение основать фонд для помощи украинским писателям и отпраздновать двадцатипятилетие литературной деятельности Ивана Франко. Для этого и был избран специальный комитет под председательством Владимира Гнатюка.

Комитет очень живо взялся за работу. Вскоре в по-

мещении «Академічної громади» был вывешен призыв к молодежи принять участие в праздновании юбилея Франко. Среди молодежи были, конечно, и такие, которым этот призыв не нравился, какая-то неизвестная рука написала было на нем оскорбительные для Франко слова. Я заметил это и в книге записей товарищества высказал свое возмущение этим поступком, требуя, чтобы автор оскорбительной записи объявил свое имя. Но никто не осмелился ответить мне, и больше оскорбительные слова на призыве не появлялись.

В начале 1898 года комитет получил разрешение министерства на сбор средств в фонд помощи украинским писателям, но пресса не поддержала добрые намерения молодежи, и сбор прошел не так успешно, как хотелось. Молодежь принялась собирать средства также и на юбилейный подарок Ивану Франко. Собрано было по тому времени, особенно если учесть неблагоприятные для поэта обстоятельства, довольно много, приблизительно тысяча четыреста крон. «Научное общество им. Шевченко» прибавило от себя шестьсот крон, и в день юбилея поэту были переданы в особой шкатулке две тысячи крон.

По просьбе комитета Иван Труш нарисовал портрет поэта. Мне кажется, что он нарисовал тогда два портрета: один, который показался кому-то неудачным и его Труш подарил Гнатюку (на самом деле именно этот портрет был больше похож на живого Франко), и другой, который красовался во время чествований в юбилейном зале, а теперь находится в музее «Научного общества им. Шевченко».

По желанию комитета Михаил Павлык составил «Список произведений Ивана Франко, 1874—1898». Однажды в библиотеке «Просвіти» я видел, как Франко показывал Павлыку некоторые свои статьи, подписанные псевдонимами или криптонимами. Вот почему «Список» Павлыка имеет большое значение для установления аутентичности произведений Франко. «Списку» должна была предшествовать биография Франко, которую обещал написать А. Крымский, но прислал только начало, и «Список» вышел в свет без биографии. Комитет намеревался издать также трилогию новелл Франко под заглавием «Иезуит». Две первые из них, написанные раньше— «Миссию» и «Чуму»,— даже напечатал; на третью новеллу у Франко не хватило терпения, и трилогия не

появилась в дни юбилея. К новеллам «Миссия» и «Чума» Франко присоединил позже «Сказки и сатиры», и в таком виде их издала «Українсько-руська видавнича спілка» во Львове в 1906 году. Только в Липике вспомнил больной поэт, что его трилогия не закончена, и начал было писать третью новеллу, но ему не пришлось ее закончить. Наконец, комитет напечатал сборник музыкальных композиций на поэтические тексты Франко под заглавием «Увядшие листья» и книжку «Привет Ивану Франко»...

...Юбилейный праздник Франко должен был состояться накануне юбилея Ивана Котляревского, и, пока он подошел, жизнь в «Академическом обществе» протекала без значительных событий. Бывали временами студенческие доклады, но очень редко. Не знаю, кажется, в марте 1898 года состоялся доклад Лонгина Цегельского о 1848 годе. Этот доклад привлек было в «Общество» много студентов. На него пришли также Михаил Грушевский, Михаил Павлык, Остап Терлецкий и Франко. После доклада молодежь пошла в «Иезуитский сад» на ужин, а ресторатор для этой цели выделил ей большой зал. С молодежью пошли тогда на ужин Франко, М. Грушевский и Павлык. Ужин был, как обычно, студенческий, скромный, зато настроение было хорошее, бодрое. Редко видел я Франко и Павлыка в таком веселом настроении, как тогда. За кружкой пива произносили тосты и речи. Говорил кто-то из молодежи, говорили также Франко, Павлык и Грушевский. Франко в своем выступлении отметил большие заслуги Остапа Терлецкого в развитии прогресса и культуры и ставил его в пример молодежи. Павлык, как обычно, славил Михаила Драгоманова. Все хором пели украинские песни. Пели Франко, Грушевский и Павлык. Павлык даже учил петь любимые песни Драгоманова. И так среди неторопливых разговоров и песен мы провели хороший вечер допоздна.

В 1898 году Франко еще раз отважился баллотироваться в депутаты австрийского парламента на Тернопольщине. Его старый враг Казимир Бадени убрался с его дороги, наместником Галиции стал граф Лев Пининский, эстет и ученый, так что Франко мог надеяться, что выборы пройдут легально и он добьется своего. Однако случилось не так, как он предполагал. Выборы, правда, прошли без кровопролития, но зато организованы были

так мастерски, что Франко недосчитался нескольких десятков голосов, отданных за него избирателями, и он снова не стал депутатом. Это была его последняя попытка баллотироваться в парламент. Больше у него не возникло желания выставлять свою кандидатуру...

...Осенью 1894 года приехал во Львов молодой киевский ученый Михаил Грушевский и получил во Львовском университете кафедру всемирной истории, с преподаванием на украинском языке...

Когда же Михаил Грушевский был уже во Львове, хотел он того или не хотел, пришлось отдать ему и научное руководство в «Обществе им. Шевченко», а несколько позже (2 февраля 1897 г.) и председательство в нем...

...Профессор Михаил Грушевский возглавив руководство «Научным обществом им. Шевченко», пригласил сотрудничать в нем галицийских и зарубежных ученых, желающих работать на ниве украиноведения, а среди них, в первую очередь, Ивана Франко. Он открыл двери «Научного общества им. Шевченко» и перед покойным Драгомановым, чьи научные труды украшали чужие журналы, зато свои боялись его имени больше, чем проказы. В 1899—1907 годах вышли в переводе М. Павлыка четыре больших тома исследований Драгоманова об украинской народной словесности и литературе в «Сборниках филологической секции».

И Франко улыбнулось теперь счастье бросить батрачество и посвятить свои силы родной стране. Уже в 1895 году появляются на страницах «Записок»: габилюционная лекция о «Наймичке» Т. Шевченко, «Вірша про Барську конфедерацію», начинается публикация его диссертации о древнехристианском духовном романе «Варлаам и Иоасаф»; потом идет в 1898 году его большой труд «Хмельничина 1648—1649 годов в современных виршах», и с этого времени почти нет такой книжки «Записок», где не было бы его исследования материалов, заметок или рецензии. Общество начинает издавать с 1897 года его «Апокрифы и легенды», а с 1901 года — большой сборник «Народных присказок». Франко принимает также значительное участие в редактировании «Українсько-руської бібліотеки».

Владимира Гнатюка за то, что он занимался организацией юбилея Франко, в конце сентября 1898 года перевели из Львовской гимназии в Самборскую. Конечно,

Гнатюк покинул учительскую службу и стал по совету профессора Грушевского секретарем «Научного общества им. Шевченко». Под руководством профессора Грушевского и Франко Гнатюк начинает научную работу и вскоре становится душой этнографической комиссии. Благодаря его энергии и целеустремленности «Научное общество им. Шевченко» выпускает в свет систематизированные своды народных легенд, анекдотов, коломыек, колядок, «щедрівок», «гаївок», басен и пр.

...В этой кипучей работе настал торжественный день юбилея Франко. В зале почтового клуба во Львове собрались почитатели Франко, главным образом студенты и крестьяне, и ждали прихода юбиляра. Пришли также отдать дань уважения заслугам нашего поэта Юлиан Романчук и Александр Барвинский. А из священников явились только два: о. Балабан из Закарпатской Украины и галицкий о. Олекса Волянський. Но вот все в зале зашевелилось. Пришел Франко. Загремели аплодисменты. Через минуту поднялся занавес. На сцене красовался среди зелени портрет Франко, на столе лежали подарки юбиляру, а на стене висел красивый венок от товмацкого крестьянского общества «Народний поступ». Начался праздник. Сначала шли выступления: председателя юбилейного комитета В. Гнатюка, представителя украинской науки Михаила Грушевского, депутата парламента — крестьянина Степана Новаковского, представительницы украинских женщин Наталии Кобринской, многолетнего товарища и друга Михаила Павлыка и председателя «Академічної громади» Гриця Гармития. Каждый из выступавших со своей стороны освещал деятельность Франко так, что из выступлений складывалась полная картина его заслуг перед украинским народом. Выступавшим отвечал юбиляр.

Читая теперь ответное выступление Франко, замечаем интересное психологическое явление: от этого выступления как бы тянутся тоненькие красные ниточки и связывают его с основными идеями его исповеди «*Nieso o sobie samum*». Франко не знал, на что ему придется отвечать, и поэтому ответ его можно считать импровизацией, для которой он взял и поэтическое сравнение (себя с пекарем и каменщиком), и свои две заповеди, а именно — чувство обязанности и необходимость непрерывного труда не из какого-либо иного источника, а, к удивлению

всех, из своей исповеди, причинившей ему столько огорчений. Видно, поэт долго обдумывал эту свою статью-исповедь и после опубликования ее, если невольно репродуцировал ее в главных пунктах своего выступления, кое-что слишком резкое пропуская, а кое-что смягчая. Только одно в ответе Франко было новым, а именно — намек на универсальность его деятельности: у Франко было горячее желание «охватить весь круг человеческих интересов» и в других тоже разбудить интерес к ним.

После выступления юбиляра комитет преподнес ему подарки и огласил телеграммы и приветственные письма. Особенно радовали сердца письма и телеграммы крестьян, некоторые даже в стихах. И если какие из подарков были особенно приятной наградой поэту за его труды, то уж наверное эти простые, чистосердечные крестьянские изъявления симпатий.

Концерт, явившийся второй частью праздника, открылся «Вечным революционером» в композиции Людкевича; потом шли песни и декламации. Среди других была спета песня «Мой рай зеленый» (музыка крестьянина Якова Остапчука). Этот концерт становился временами как бы зеркалом поэтической деятельности Франко.

После концерта был ужин. На тосты и речи ответил поэт. В своем выступлении он сказал, что если бы у него в характере было что-нибудь петушиное, то от льстивых слов участников юбилея у него на голове вырос бы огромный гребень, но он не петух, не был и не хотел бы быть ни гетманом, ни атаманом, а был только лишь обыкновенным солдатом, которого толпа, сама не любящая ходить «ровными рядами», постоянно «выталкивала» из ряда. В веселых разговорах прошел вечер, и так закончился юбилейный день Франко, давший ему после горьких и бурных дней много тепла, радости, жизненной энергии и устремивший его на путь новой, трудовой жизни...

...Осенью 1897 года «Научное общество им. Шевченко» перестало печатать «Зорю» и по инициативе Михаила Грушевского постановило издавать журнал по типу европейских revue — «Літературно-науковий вістник». Редактировать новый журнал Михаил Грушевский пригласил и Франко. Казалось бы, нет ничего удивительного в том, что членом-редактором солидного журнала становится такой большой писатель, как Франко. Где угодно, только не на Галичине. Когда-то народовцы изгнали

Франко из «Діла», сказав ему на дорогу: «Иди и не признавайся, что ты *русин*», а когда в конце 1884 года Емельян Партицкий обещал отдать «Зорю» в собственность Франко, то народовцы так были этим перепуганы, что, пока Франко вернулся из Викна, куда он поехал было к В. Федоровичу просмотреть его переписку за 1848—1870 годы, владельцем «Зори» было уже «Научное общество им. Шевченко». Если уже и терпела у себя какая-нибудь галицкая редакция Ивана Франко, то он, кроме цензора государственного, имел еще и цензора общественного. Правда, в Австрии в начале деятельности Франко шла по примеру Бисмарка борьба с социализмом, и все-таки, если бы не запуганность, обскурантизм и ультралояльность галицких украинцев, Франко чувствовал бы себя дома лучше и не должен был бы идти наниматься к соседям и тратить время на журналистику.

Поэтому и теперь, когда стало ясно, что Франко стал соредактором «Літературно-наукового вістника», поднялся в нашей Галичине большой шум. Еще не появилась ни одна книжка «Літературно-наукового вістника», еще никто не знал, каково будет ее содержание, а уже осенью 1897 года духовенство на одном соборчике запротестовало против участия Франко в журнале и свой протест опубликовало в газете «Душ пастырь».

Что же говорить, когда и вправду появились первые книжки «Літературно-наукового вістника» и среди соредакторов читатели увидели Франко? «Заранее настроенные против нового издания критики,— говорит сам Франко,— видели преступления и подкопы против разных святынь там, где не усмотрели бы их в иных изданиях; усмотрели его руку там; где была рука, например, Маковея или жого-нибудь другого, равно невинного ни в каких подкопах». К хору недовольных присоединились также «Буковина» и «Руслан», а вскоре раздались голоса против Франко и «Літературно-наукового вістника» и на общем собрании «Научного общества им. Шевченко», и там поднимались они до тех пор, пока дальнейшее издание небезопасного журнала не взяла на себя «Українсько-руська видавнича спілка» (в конце июня 1905 г.)...

...Точно в двенадцать часов пополудни и около шести часов вечера, почти ежедневно, приходил Иван Франко

в «Научное общество им. Шевченко». Он приносил рукопись к печати, забирал корректуру или материал для просмотра, иногда что-либо писал, принимал кого-нибудь из молодых авторов и, поговорив с ним, шел дальше. В полдень, до прихода в общество, Франко заходил в так называемое «Венское кафе», а вечером, возвращаясь из общества,— в кафе «Монополь» (куда пер.шел из кафе Шнайдера) и там, выпив чашечку кофе, просматривал газеты. У кого было какое-нибудь дело к Франко, тот мог в это время найти его в одном из этих кафе. Встретив в кафе кого-нибудь из знакомых, Франко оставался здесь подольше. Вечером, в будни, и в полдень, в воскресенье, и в праздники бывал он в компании Гнатюка, а иногда и со мной.

Франко-редактор, найдя в произведениях новичка что-то живое, идейное, не жалел труда, чтобы выправить рукопись, отшлифовать форму, сделать написанное пригодным для печати. Франко умел придать чужим творениям хорошую форму, не меняя смысла. Берясь за правку творений молодых авторов, он говорил шутливо: «Trzeba skrócić i upiekszyć»¹.

Большое внимание обращал он на чистоту языка и стиль. Корректуру читал сам, и по нескольку раз, даже после Гнатюка. Кто не видел никогда корректуры Франко, тот не в состоянии представить себе, сколько труда вкладывал он в чужие произведения...

Я заседал вместе с Франко не только в правлении «Научного общества им. Шевченко», но также и в дирекции «Українсько-руської видавничої спілки». Бывал также и на заседаниях научных секций, в которых принимал участие Франко. Франко приходил на заседание точно, один из первых и вносил в заседание свою ясную и здоровую мысль. Необычная скромность, огромный ум, простота, вежливость, притом esprit², скептицизм и ирония одухотворяли образ Франко и делали его приятным в общении. Ни капли гордости, чванства, спеси вы никогда не заметили бы у Франко. Тут же отметим, что характер у Франко был чистый, как хрусталь.

Изредка я заходил к Франко домой. Он купил себе в 1901 году небольшой участок на улице Понинского, 4, и построил на нем хороший домик, который очень любил,

¹ Надо сократить и улучшить (польск.).

² Остроумие (франц.).

где написал свои лучшие произведения и где перестало биться сердце писателя. Когда по высоким каменным ступенькам я входил в домик поэта, окруженный деревцами, мне невольно вспоминался монастырь. Я как-то сказал это поэту, когда он открывал калитку к этим ступенькам, и сравнил его тут же с монастырским сторожем, а он усмехнулся на это и сказал: «Так Ks. Ambroży sługa boży»¹. Около дома царила тишина, только иногда шумели дети поэта или пела птичка недалеко в кустах. Двери дома были заперты, и входящих впускала жена поэта — небольшая сухощавая женщина с блестящими черными глазами и гладко зачесанными черными волосами, одетая просто и бедно. Она, если пришедший был ей незнаком, спрашивала с порога коротко, отрывисто: «К кому? Зачем?» Если поэта не было дома, она говорила: «Франко нет!» — И двери закрывались перед пришедшим.

Комнаты поэта были бедно обставлены. Мебель простая, примитивная. Только несколько картин украшали стены: портреты Шевченко и самого поэта работы художника Юлиана Панькевича да «Вид на Днепр» — работа художника Труша². Вот и все украшения. На длинном простом столе множество книг, бумаг и красивый рог, который подарила поэту артистка Саломея Крушельницкая. За этим столом и работал поэт. У стен стояли полки и небольшие шкафы с книгами. Их было много. Книги стояли на полках, часто в два ряда, в строжайшем порядке. Франко, как редко какой поэт, всегда знал, где искать нужную книгу. Брошюры, переписку и другие материалы он собирал и переплетал в книги. Делал он это для того, чтобы, как сам говорил, они не пропадали во время полицейских обысков. А так всегда можно было проверить, что пропало и где искать пропавшее. В небольшом шкафу хранились рукописные материалы. Рукописи своих стихов поэт прятал в обычную бумажную коробку. Красивых вышитых сумок у него не было. Писал же он не на хорошей чистой бумаге, а на обрывках, попавших ему в руки.

Жена поэта, Ольга Хоружинская, была из Киева. Она была «толстовка». Сама занималась хозяйством: убира-

¹ Ксендз Амброзий — слуга божий (польск.).

² Кроме этих картин, на стенах во всех комнатах висело много картинок в черных тонких рамках с изображением различных рыб.

ла дом и готовила простую еду. Прислуги у нее не было никогда. Не любила, чтобы к ее мужу приходили писательницы. Деньгам не придавала большого значения. Если крестьянка назначала цену, например, за землянику, то она давала ей в десять раз больше: «Столько раз приходится наклоняться за земляникой, чтоб ее насобирать, и так мало за нее просят!» Она была образованным человеком, и я сам видел, как она порой помогала поэту в литературной работе: переводила с французского языка и переписывала к печати, если это было нужно.

Как к одежде, так и к еде Франко был очень нетребователен. Удовлетворялся чем придется. И вне дома ел тоже простые блюда. Не баловал себя, не курил, почти не пил. Изредка пил пиво, но мало; в конце своей жизни любил баварское; вино пил с водой. Жил как аскет.

Самой большой радостью в жизни поэта было наловить много рыбы или набрать много грибов. В рыбах и грибах он разбирался очень хорошо. Мечтал всю свою жизнь иметь собственный бассейн с рыбами, но, как и все в его жизни, так и эта мечта не сбылась.

В. Охримович пишет¹, что Франко не любил общества. Нет, Франко любил общество, только, к сожалению, не имел хорошего общества и не всегда имел время на дружеские беседы. Он любил, чтобы вокруг него было движение. Наилучшее доказательство этого — его участие в вече и частые встречи с людьми. Не избегал людей и был очень рад встретить созвучную себе душу. Иногда ходил в театры и в концерты. Музыку и пение очень любил. В гостях наш поэт бывал очень редко. Не хватало для этого времени. Чаще всего я видел его у Грушевских, иногда заходил он к Гнатюкам. К Грушевским привел меня сам поэт. Не будучи знаком с Марией Сильвестровой, женой Михаила Сергеевича, я не хотел идти в первый раз к ним в обычной одежде, но поэт потянул меня с собой: «Пойдемте, они гостеприимные люди и не знают этикета! Будете как у себя дома!» Поэт чувствовал себя свободно у Грушевских, бывал веселым и разговорчивым и любил ходить к ним. Недаром посвятил он свою лучшую повесть «Раздорожье» — «Марии и Михаилу Грушевским в знак искреннего расположения». В свободное время, особенно летом, поэт ездил в села к приятелям и знакомым.

¹ «Новый час», 1926, № 49.

Франко был молчаливым и не любил откровенничать с кем попало. Не открывал души настежь, чтобы не входили в нее сразу в грязных сапогах. Он больше любил сначала прислушаться, как говорят другие, а потом и от себя сказать несколько слов. Но временами оживлялся и становился разговорчивым.

С женщинами поэт был нежным, приветливым и ласковым, но несколько робким. К молодым писательницам относился уважительно и мягко. Когда однажды я написал резкую рецензию на первый сборник стихов Христи Алчевской «Тоска по солнцу», поэт спросил меня: «Вы видели Христю?» Я ответил: «Живой не видел, только портретик в сборнике стихов...» — «Этого мало,— сказал поэт,— если бы вы увидели ее живую, вы не писали бы такой критики». Тогда он сам написал рецензию и напечатал ее в «Літературно-науковому вістнику» (1907, кн. VII).

На брак Франко смотрел как на компромисс двух людей разного пола. Такую мысль он высказал однажды мне, ту же мысль выразил и в «Раздорозье».

Если кто-нибудь согрешил против поэта, он недолго носил гнев в своем сердце. А если сам обидел кого-нибудь сгоряча, то жалел об этом и старался исправить зло...

... Доктор Василий Щурат на основе собственных наблюдений и рассказов самого Франко вспоминает в своей статье «Как творил Франко»¹, что наш поэт, прежде чем написать стихотворение, раньше всего подыскивал для него мелодию, а найдя ее — и форму...

К словам Щурата я добавлю кое-что и от себя. Это правда, что Франко, как говорит Щурат, идя по улице, компоновал в это время стихи. Я и сам видел, как он, придя из дому в «Научное общество им. Шевченко», молча здоровался, садился, брал со стола бумагу и писал на ней стихи, очевидно только что скомпонованные. Но Франко не обязательно должен был двигаться, слагая стихи, ходить по комнате или по улице, как пишет Щурат. Когда я спросил поэта, почему он пишет так мало стихов, он мне ответил: «Как же я могу писать их много, когда на писании стихов не проживешь!» И тогда-то он рассказал мне, что днем он пишет, чтобы заработать на жизнь, и только ночью, когда не спится, слагает стихи.

¹ См. эти воспоминания в настоящем сборнике.

«Придет идея,— говорил поэт,— сложу ночью, а утром запишу на бумаге, и вот у меня готовое стихотворение». «Когда-нибудь, как ослепну,— прибавил он, а у него почти непрерывно болели глаза,— вот тогда будете иметь много моих стихов».

А однажды поэт рассказал мне, как стихотворение создается у него вследствие поворота мысли á rebours¹.

Приходит в голову такая идея: в псалме говорится: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», а почему не может быть наоборот? И тогда складывается в голове стихотворение: «Блажен тот муж, что на суде неправых». Таким же образом в противоположность словам псалма: «Рече безумен в сердце своем, яко несть бог», возникло стихотворение «Говорит дурак в сердце своем: — Есть бог, и есть он в сердце моем!» Эта манера в какой-то мере раскрывает черточку характера Франко.

Временами снова, рассказывал мне как-то в другой раз поэт, мучил его душу какой-то кусочек пейзажа, например, гнилой, зеленоватый пруд в чаще, и до тех пор не давал ему покоя, пока не выкристаллизовался в поэтический образ. Таким путем возникло прелестное стихотворение, которое начинается словами «Ночь. Мертво и пусто».

Вдохновение часто являлось к поэту неожиданно. Что-то сверкнуло, как молния, в его голове, образ за образом возникали в душе, и стихотворение складывалось само собой. Благодаря такому вдохновению появилась драгоценная жемчужина — «Конквистадоры». Это стихотворение поэт сочинил летним утром на перроне в Кохавине, железнодорожной станции за Жидачевом. Федор Вовк, с которым поэт ехал куда-то, отошел было на несколько минут, а тем временем Франко сочинил «Конквистадоры».

Случайно возник и знаменитый пролог к франковскому «Моисею». Я был с поэтом в типографии, когда заканчивалось печатание «Моисея». Озабоченный директор типографии К. Беднарский показал поэту несколько незаполненных страниц, оставшихся перед напечатанной поэмой, и советовал написать предисловие. Поэт посмотрел на белые страницы и сказал спокойно: «Хорошо, хорошо, я что-нибудь напишу и принесу». И принес на следующий день известный пролог.

¹ В обратном направлении (франц.).

Новые произведения поэт читал знакомым, по таким, которых интересовало его творчество.

В упомянутой статье «Как творил Франко» Щурат пишет о том, как была создана Франко повесть «Для домашнего очага». Поэт заложил сначала краеугольный камень повести, то есть центральное событие, а потом подбирал к этому событию эпизоды и эпизодические фигуры и пристраивал эпилог. Франко рассказывал мне, что только повесть «Для домашнего очага» он создавал по плану, имея много свободного времени, все другие свои повести он писал отрывками — от одной книги журнала к другой. И это правда, поэтому в других его повестях встречаются неточности в именах, фамилиях героев и даже в ситуациях. Щурат, наверное, ошибается, когда пишет, что повесть «Для домашнего очага» Франко написал сначала по-польски и передал через Зигмунта Василевского в Варшаву. Я думаю, что это скорее был Леон Василевский, автор книги «Украина и украинское дело», с которым Франко был хорошо знаком и который в одной из своих статей в литературном прибавлении к «Kujęgu Lwowskiemu» писал очень положительно о литературном творчестве Франко. Польский текст повести «Для домашнего очага» затерялся. Франко просил меня как-то, чтобы я достал ему польский текст повести у Б. Полонецкого, собственника «Księgarni Polskiej», во Львове, у которого, по его мнению, находится рукопись, но я спрашивал у Полонецкого, и он ответил мне, что искал, но не нашел.

Новеллы, рассказывал мне Франко, он сочинял легко. Когда возникала тема, он садился и писал без труда. О публицистических статьях не стоит и говорить. Он писал их легко. Я был свидетелем того, как быстро написал он при мне статью «Восточно-западные недоразумения» (1904). Я осматривал его библиотеку, а он быстро писал статью и, написав первую часть, сразу же понес ее со мной в типографию. Кое-что из мелочей он писал в комнате «Наукового товариства ім. Шевченко». Думаю, что и научные статьи после изучения материала отнимали у него не много времени. Я знаю, как, поделившись однажды вечером замыслом статьи «Польская поэма про уманскую резню» (1904), он пошел в кафе, выпил черного кофе, а на следующий день около полудня принес в типографию готовую к набору статью.

Богдан Ярошевский

НЕИСПОЛЬЗОВАННОЕ СОКРОВИЩЕ

*(Воспоминания о каникулярных чтениях по украинской литературе
доктора Ив. Франко в 1904 году)*

Летом 1904 года во Львове в каникулярное время были организованы чтения для украинцев из России. Инициаторы их имели в виду прежде всего учащихся высшей школы и вообще молодежь, но, разумеется, на чтения охотно допускали всех желающих. Родная речь с профессорской кафедры была для всех такой радостной новостью, что желающих посещать лекции оказалось довольно много. Привлекали также имена лекторов, крупнейших наших ученых, таких, как профессор Грушевский, известный антрополог и этнограф профессор Вовк, поэтов и писателей, таких, как доктор Франко, и общественных деятелей вроде известного некоторой части нашей молодежи Н. Ганкевича. К сожалению, по разным обстоятельствам, а больше всего из-за безденежья, для многих поездка во Львов так и осталась мечтой.

К немногим счастливым, кому удалось осуществить свое желание, принадлежал и автор этих строк. Должен добавить, что меня лично интересовало ожидаемое влияние устраиваемых чтений на украинско-русскую молодежь, среди которой были лица с мало развитым национальным самосознанием. Влияние во многом зависело от личности лекторов, из которых мне был знаком по ученым трудам и общественной деятельности только профессор Грушевский. Из галичан я хорошо знал лишь лектора по украинской литературе, Ивана Франко, наиболее

популярного у нас из галицких писателей. Во то время на Украине не раз поднимался вопрос о различии между галицким и украинским населением: по языку, воспитанию, общественно-политическим взглядам и т. п. Такие домашние дебаты начинались обычно тогда, когда говорилось о необходимости духовного единства народа, разделенного государственными границами. За отдельными, весьма немногочисленными исключениями, все признавали громадное значение этого единства. Вместе с тем по этому поводу слышались очень пессимистические суждения. Высказывалась мысль, что, не говоря уже о языковых различиях, особые исторические условия способствовали тому, что общий тип галицко-украинской интеллигенции имеет очень мало общих черт с интеллигенцией русско-украинской. И часто во время таких споров как доказательство духовного единства вспоминалось имя Франко. Назывались его произведения, а кто знал прославленного автора лично — тот заверял; что даже по характеру Франко полностью «наш» человек. Надо сказать, что до времени более обстоятельного знакомства широкого круга украинцев с Галичиной, то есть до 1902—1905 годов, общественно-политическая деятельность радикальных элементов в Галичине, их борьба, их издательства были известны только тем украинским деятелям, которые издавна поддерживали постоянные отношения с галицкими научными, издательскими и партийными инстанциями и выдающимися галицкими деятелями.

Для многих, лишь недавно обращенных в украинство, как, например, для меня до 1903 года, Франко — один из наиболее деятельных участников галицкого общественно-радикального движения — был знаком только как поэт, писатель. Но даже одними своими произведениями он мог отвергнуть соображения о духовной обособленности галичан от украинцев. В его рассказах из народной жизни, в которых ярким огнем пылает нежная и искренняя, как любовь матери к собственному ребенку, любовь к народу, в изображении бескрайнего и безмерного крестьянского горя автор поднимается до высот подлинно народного эпоса. Во всех этих произведениях Франко видим ту же страждущую душу труженика-хлебороба, что и в поэзии Тараса Шевченко.

В песнях этих кобзарей-гигантов народная поэзия обретает идеальный синтез народного чувства и веры,

надежно укрытых в ней от постороннего взора и доступных лишь для душ великих и близких к народу. Эти народные полусознательные святыни и желания одинаковы по духу у Франко и у Шевченко, различия только в месте и времени. И теперь и в прошлом, и в Галичине и на всей Украине, народ страдает и борется. И если, например, у Шевченко рядом со страдальцем, крепостным мужиком, выступает защитник народа — казак-рыцарь, то у Франко стонет в современном ярме прикованный к жалкому клочку земли бедняк хлебороб или еще больший бедняк — «свободный» батрак-пролетарий, а новым рыцарем выходит на тяжелый и упорный бой за права народа интеллигент — «Каменяр». Все эти черты творчества Франко делали его для нас особенно дорогим и близким.

С доктором Франко я имел честь познакомиться лично еще в 1903 году. С этой встречи и нашей тогдашней беседы у меня в памяти осталось только общее впечатление. Вся его натура сразу, с первых же слов показалась мне необычайно родной, словно я где-то в Киеве и говорю с кем-то из своих добрых и старых знакомых. Привлекала в этом человеке чарующая простота, и в то же время чувствовалось, что перед тобой необыкновенный человек. Это чувство рождалось совершенно независимо от той «теоретической» личности Франко, которая представлялась мне еще до нашего знакомства. В 1904 году мне посчастливилось услышать Франко как историка нашей литературы. Приехал я во Львов и скоро оказался вместе с другими в большом зале отеля «Бель-Вю», где проходили чтения. Пришла очередь первой лекции Ив. Франко. На профессорской кафедре фигура его стала еще более величественной и привлекательной. Тогда в зените славы был польский поэт Станислав Выспянский. Как раз перед приездом во Львов я читал его произведения, и во время лекции Франко, в первый же день, пришли мне почему-то на ум два стиха из поэмы Выспянского «Wesele»¹.

Taka godności, takie wzięcie,
Co robi, to robi święcie².

Эти слова, вне их контекста в поэме, я приложил мысленно к нашему уважаемому лектору. Сами лекции отли-

¹ «Свадьба» (польск.).

² Такое достоинство, такая манера,
Что делает, то делает великолепно (польск.).

чались богатством содержания и самобытностью взгляда на историю нашей литературы. Лектор познакомил нас с древнерусской литературой, с произведениями духовной литературы, развил перед аудиторией свой взгляд на рукописную литературу XVIII столетия и непрерывность развития украинской литературы — от древнейших времен вплоть до Котляревского и начала новой печатной литературы. В обзоре новой литературы, наряду с оценкой художественной ценности произведений, был дан объективный анализ их национально-общественного значения.

В лице лектора предстал перед нами выдающийся тип литературного критика, в котором восприятие искусства сочеталось с ведущей национально-общественной идеей, опирающейся на прочный, подлинно демократический фундамент. Интересное по содержанию, ясное и убедительное изложение, благодаря первоклассному лекторскому таланту доктора Франко, захватывало и принуждало к сосредоточенному вниманию. Было заметно, что аудиторию все больше захватывают мысли лектора, что эти лекции не пройдут для слушателей бесследно. Это настроение аудитории выявлялось и в разговорах об отдельных лекциях, и в растущем числе слушателей на лекциях Франко. Мне приходилось слушать лекции таких выдающихся русских профессоров, как Железнов, Челпанов, Лучицкий, Дашкевич, приходилось случайно слушать рефераты других известных лекторов, я сравнивал всех этих людей с нашим лектором и все более убеждался в том, какого талантливого профессора украинской литературы мы утратили в лице Франко! Вспоминаю, что этими мыслями я поделился с присутствовавшим тогда на чтениях Юл. Бачинским и он вполне со мной согласился.

Чтения продолжались, росло сознание их ценности и вместе с тем невыразимое сожаление, сознание страшной обиды, нанесенной нам врагами, чувство горькой, невозвратной утраты. Франко щедро одарял нас богатствами из бесценной сокровищницы своих всесторонних талантов, но враги не дали нам вполне использовать это богатство. Сколько университетской молодежи, враждебной или безразличной ко всему украинскому, сколько шатких и неустойчивых элементов под влиянием такого изложения литературы, если бы оно входило в обязательный уни-

верситетский курс, могло бы примкнуть к украинству; как бы расширился кругозор будущих наставников школьной молодежи, гимназических преподавателей-украинистов, на слабую подготовку которых и теперь жалуются украинские педагогические журналы. Но этому не суждено было осуществиться... Один из многочисленных алмазов духовного богатства Франко не засиял для нашего народа и остался на дне души великого хранителя народных сокровищ.

Петр Сукенников

У ИВАНА ФРАНКО

(Письмо из Берлина)

Лемберг по-немецки, а по-нашему — Львов, лежит всего в четырех часах езды от нашего пограничного Подволочиска, и еще ближе Львов к нашей границе, если ехать на Броды. Последний путь избирают, впрочем, только те, кто едет из нашего Царства Польского в Галицию или же в обратном направлении. Через Подволочиск направляется зато вся широкая полна наших туристов, людей коммерческих и больных, ищущих исцеления у венских профессоров или на австрийских курортах.

Лиц, вынужденных ехать через Подволочиск и Вену, ради сокращения пути, как равно отечественных туристов, едущих в первый раз и еще не знающих, что за прелести ожидают их на австрийских железных дорогах, еще многое множество. И вся эта масса проезжих и приезжих — направляется ли она в Вену или едет в богемские курорты прямым путем: Одерберг, Ольмюц, Прага, Эгер — не может миновать Львова, равно как и Кракова. Тем не менее редко кто из проезжих останавливается в названных двух городах, и в бытность мою минувшим летом во Львове мне было нетрудно ознакомиться с причинами указанного явления.

Раньше всего надо знать психологию нашего соотечественника, вояжирующего за границу и за границей. Едет ли он по делу, едет ли консультировать какую-либо заграничную медицинскую знаменитость, направляется ли он непосредственно на курорт, он в громадном большинстве случаев спешит возможно скорее достигнуть своего

места назначения. Остановка, более или менее продолжительная, хотя бы только на сутки или на день, делается только в таких крупных центрах, как Берлин и Вена. В этих мировых, во всяком случае, европейских центрах совершаются те деловые сделки, которые привлекают наших отечественных коммерсантов, лично отправляющихся в Германию и Австрию. Затем Вена — и в особенности Берлин — своего рода Мекка и Медина для наших страждущих соотечественников, благодаря блестящей постановке в этих столицах медицинского дела и тому обстоятельству, что все общепризнанные медицинские светила, за немногими исключениями, немцы. Наконец, кто же не знает, как много, как чрезвычайно много интереса представляют Берлин и Вена в политическом, социальном, художественном, театральном, литературном и многих других отношениях?

Львову во всех этих отношениях тягаться с Берлином и Веной никоим образом не приходится, ибо история, политические, культурные и краевые условия словно нарочно обделили Львов в пользу названных, ближайших к нему городов-колоссов. Галиция, в особенности же ее восточная часть, к каковой принадлежит Львов, страна чисто аграрная, не имеющая и не знающая индустрии. Вывоза в Россию — никакого. Ввоз, вследствие бедности страны и ее населения, сравнительно ничтожный, да и ввозятся все такие предметы потребления, каковые составляют существеннейшие же объекты ввоза из Западной Европы в Россию. Так что нашего делового и коммерческого люда Львов совершенно не привлекает. Затем, из профессоров медицины имеющегося во Львове университета ни один не пользуется европейской известностью, и лечатся у них только местные жители. Далее, роскошных магазинов-дворцов и «дешевых базаров», привлекающих наших дам, да отчасти и мужчин, в Берлин и в Вену богатством выбора, прочностью материала и дешевизной, во Львове и в помине нет. И разве вы когда-либо слышали, чтобы платье было заказано нашими дамами у львовских, у этих сугубо провинциальных портних?

По части искусства, науки и литературы Львов очень беден. Ни своими музеями он похвалиться не может, ни архитектурой своих построек, ни своими площадями и улицами, в громадном большинстве случаев грязными и вонючими, словно у нас в глухой провинции.

И наконец, по части развлечений во Львове, хотя он и столица Галиции, дело обстоит совсем «швах»: ни театров, ни кафешантанов и модных *Überbrettl'eй*¹, ни интересного движения по улицам, ни тому подобной «ночной жизни», которую охотно изучают многие наши соотечественники в Берлине и Вене (я не говорю уже о Париже), ни роскошных кафе — ничего этого во Львове нет. И все наши туристы, тысячами проезжающие летом мимо Львова, даже в помыслах не имеют остановиться во Львове и познакомиться хотя бы только с городом и его внешней жизнью. Железнодорожное управление знало, что делало, когда устанавливало, чтобы поезда, идущие в Волочиск или из Подволочиска, останавливались во Львове лишь на двадцать минут и мчались дальше без пересадки пассажиров.

Вследствие всех этих причин русские люди весьма редкие гости во Львове, и мы, можно сказать, совсем не знаем Львова, его интересных людей и его политической и общественной жизни. И об этом можно только пожалеть. Уже не говоря о том, что, с моей точки зрения, не существует страны и даже сколько-нибудь крупного города, которые были бы не интересны для лица, одаренного даром наблюдательности и понимания того, что происходит вокруг него, — Львов представляет большой интерес как политический центр. Здесь поляки обладают перевесом в численности населения, здесь городское самоуправление и все общественные учреждения в их руках, здесь и в законодательном собрании поляки вполне беспрепятственно верховодят всеми делами Галиции, здесь поляки полные хозяева положения, — разве же не интересно ознакомиться с тем, насколько поляки сохранили еще свои национальные черты и развиваются во всех отношениях беспрепятственно, без каких-либо давлений и влияния извне?

Здесь же, во Львове, как наиболее крупном центре Восточной Галиции, представляется наиболее удобным ознакомиться с жизнью и бытом, с культурными успехами и общественной деятельностью, с политической борьбой и политическими идеалами русинского народа, того самого русинского народа, который, будучи наиболее родственным и близким русскому народу из всех славян-

¹ Варьете (нем.).

ских народностей, русскими совершенно позабыт и представлен вполне на произвол судьбы в лице не столько Австрии, как таковой, сколько поляков, являющихся в Галиции полными и безграничными хозяевами. И удивительное дело, поляки, те самые поляки, которые не перестают плакаться на притеснения, терпимые ими в Пруссии, поляки, не перестающие жаловаться на «гакати́зм», поставивший своей целью онемечить прусских поляков во что бы то ни стало, хотя бы некультурными средствами и насилием, создали в Галиции, где они повластно хозяйничают, подобный же, если не еще худший, «польский гака́тизм» по отношению к русинам, выданным, вследствие малочисленности своей, с головой полякам на гнев и милость.

Вот уже долгих-предолгих шестьсот восемьдесят лет длится подневольное положение Галицкой Руси, но ни татарам, ни австрийцам, ни господствовавшим над русинами полякам не удалось искоренить это маленькое племя, стойко претерпевшее всякие беды и напасти и вынесшее из всего пережитого в сохранности свой малорусский язык и свою бытовую, культурную и национальную принадлежность к Украине и малороссам. Одно время русинская народность была уже совершенно задавлена поляками, и возрождение ее не старше каких-нибудь пятидесяти лет. Я не могу здесь останавливаться ни на событиях, давших толчок этому возрождению, ни на успехах его за последние пять десятилетий. Скажу лишь, что, начиная с 1848 года минувшего столетия, лучшие сыны русинского народа посвятили всю свою жизнь борьбе за его культурное и политическое возрождение.

Результаты в политическом отношении достигнуты пока еще незначительные, очень незначительные. О политической самостоятельности русины могут пока еще только мечтать. Как и среди других народностей, между русинами имеются лица, склонные помечтать и поразмыслить о будущей независимости и о будущем благополучии в ущерб насущной деятельности, вызванной требованиями переживаемого момента. Надо отдать русинам справедливость, большинство их политических деятелей исходят из той точки зрения, что они расчищают дорогу будущему, работая по мере сил и не покладая рук над улучшением настоящего в рамках существующего политического положения.

Проведя несколько недель минувшим летом во Львове, я имел возможность познакомиться с целым рядом русинских политических и общественных деятелей, энергично работающих при самых неблагоприятных условиях на пользу родного трехмиллионного народа,— путем ли научно-просветительной деятельности, или политической борьбы, или, наконец, путем борьбы «маленькими средствами», доступными при желании каждому интеллигентному русину, против страшного ига колонизации. К числу этих деятелей принадлежит и Иван Франко.

Иван Франко известен и у нас в России, но исключительно как беллетрист, по праву занимающий едва ли не самое выдающееся место в современной малорусской литературе. Поэтому, когда я направлялся к нему, я был уверен, что встречу человека, привыкшего к замкнутой кабинетной работе и стоящего по этой причине вне партии и партийных раздоров. Я надеялся, и довольно твердо, что в словах и мнениях этого выдающегося беллетриста и поэта, не зараженного слепым партийным фанатизмом, мне удастся отыскать ту золотую середину между чрезвычайно резкими разногласиями, которой мне не удавалось установить в беседах с русинскими политическими деятелями, делящимися на два прямо-таки враждебных лагеря: русофилов и украинофилов. Увы! я должен был жестоко разочароваться: из всех фанатиков украинофильского лагеря Иван Франко едва ли не самый пылкий и горячий.

Но партийность, всегда налагающая цепи, хотя бы подчас и невидимые, отнюдь не убила в Иване Франко индивидуальность. Напротив, его индивидуальность, его самобытная натура и его вполне самостоятельный, никем и ничем не навеянный образ мыслей, так сказать, одухотворили его партийный фанатизм и придали ему яркие формы, живую, свежую окраску. Об Украине, о малороссах, с которыми русины желают слиться со временем в один народ, об их политических и культурных идеалах Иван Франко говорит со столь же сильным и пылким увлечением, как с ожесточением и нескрываемым презрением отзывается о русофилах и их политической программе, но именно, в отличие от других фанатиков обеих названных партий, все, что ни говорит Франко, всегда оригинально, свежо, ново и, главное, вполне самобытно.

В последние годы Иван Франко значительно отделился от активной политической деятельности, каковою он со свойственной ему пылкостью раньше увлекался, отдавая лишь свои досуги творческой, художественной работе. Но не заговаривайте с ним о русофилах, например, и русофильской политической программе! Нет той злой насмешки, нет той горькой иронии и того едкого сарказма, которые не были бы к его услугам, когда он чуть ли не с пеной у рта говорит о «ренегатах» и «изменниках» русинского народа. Обвинение последних в отсутствии патриотизма, понимании нужд народных и искренней любви к родному народу срывается с его уст одно за другим; и если очень часто все это преувеличено, то зато оно исходит из глубины души и облечено в живую, яркую, образную форму... Но остановимся в данном случае больше на Франко-человеке и беллетристе, нежели на его политических убеждениях, подробная обрисовка которых требовала бы предварительного очерка политического положения Галиции и знакомства читателей с программами и политическими вожделениями обеих русинских партий: русофильской и украинфильской.

Иван Франко живет во Львове на окраине, где воздух лучше, свету больше, но на улице, во всех отношениях неблагоустроенной. Конечно, жители Львова ко всем его удобствам, или, вернее, неудобствам, привыкли, но человек свежий, к тому же привыкший, подобно пишущему эти строки, к образцовому благоустройству берлинских улиц и домов, плохо чувствует себя в этой обстановке плохо или совсем немощных улиц, вечером очень тускло освещенных; тесно скученных домов и домишек, квартир без всяких удобств и сообразования с требованиями гигиены; узких, вечером не освещенных лестниц и зловонных, по легко понятным причинам, дворов. В этом отношении Иван Франко живет еще в квартире более или менее благоустроенной, но поверьте мне, что здесь, в Берлине, ни полиция не разрешила бы строить подобный дом, ни человек со вкусом и требованиями не согласился бы проживать в таком доме, лишенном с западноевропейской точки зрения всяческих удобств.

Кабинет Ивана Франко, в котором талантливый беллетрист принял меня, обставлен очень скромно. Главное и, можно сказать, единственное украшение кабинета — это клиги. Несколько книжных шкафов, заполненных книга-

ми, занимают почти всю комнату, ярко освещенную двумя окнами и стеклянной дверью на балкон. Книгами завален весь письменный стол писателя, и не только один стол, — но и этого мало: целая горка книг и брошюр навалена попросту в углу. Не скрою от читателей, пыль лежала на них в добрый сантиметр толщиной, и за время летней поездки Франко с семьей в горы мыши немало потрудились над сваленным в углу ворохом бумаги.

Наружность у Франко вполне славянская, даже типично украинская. Он человек здоровый и коренастый. Ему лет за сорок. Голова у него большая, соразмерно с фигурой, и все черты лица крупные, я бы сказал: выпуклые. Рыжеватые, коротко остриженные волосы, жесткие, большие и по-запорожски нависшие усы и большие, со стеклянным оттенком, глаза придают лицу Франко суровое выражение. Но оно не отталкивает. Как-то невольно чувствуешь, что имеешь дело с человеком, который много пережил, передумал и боролся. Если фигура его пышет физической силой, то на лице лежит отпечаток энергии и закаленного характера.

Мы беседовали с Иваном Франко, радушно принявшим меня, об очень-очень многом. Вспоминаю, что мы долго беседовали о русской литературе, которую Франко, имеющий некоторые связи с русским литературным и журнальным миром, превосходно знает, как и владеет вполне правильно русским языком. Говоря же о русской литературе, мы, конечно, не могли не заговорить о Горьком, и Франко не замедлил зло вышутить коллег из русофильского лагеря, напечатавших, или, вернее, перепечатавших, вследствие своей неосведомленности, в своем органе «Галичанин» глупейшую статью о Горьком с полным, что называется, разносом этого талантливой писателя. Сам же Франко очень ценит Горького и ставит его произведения высоко.

— Заслуга Горького, — говорит Франко, — еще тем велика, что своим страстным призывом к борьбе и протесту он сумел увлечь за собой русскую публику и убил, таким образом, декадентство, развивавшееся уже одно время, в мелкой, правда, степени, в России и имевшее своих адептов.

Мы говорили далее о работах Франко, переведенных на русский язык, если в данном случае вообще можно употребить слово «переведенных», которое я заменил бы

более подходящим словом — «переложенных». О том, что целый ряд его мелких рассказов появился в русских, преимущественно провинциальных, газетах, Франко впервые услышал от меня: он этих переводов и в глаза не видел, равно как вышедшей отдельным изданием книги рассказов «В поте лица». Франко рассказывал мне, что не раз уже обращался к своим знакомым в России с просьбой выслать ему экземпляр его книги, но напрасно, — равно как не исполнила его просьбы фирма, издававшая книгу его рассказов в переложении на литературный русский язык. Может быть, она сделает это теперь? Франко живет во Львове, на улице Крживего, дом № 12.

Я осведомился о последних и новейших работах Франко. Он рассказал мне, что в его творчестве произошел перелом. Беллетристика перестала удовлетворять его строгим требованиям к самому себе. Конфликт с самим собою произошел все на той же вечной почве: хотеть и уметь — и наложил резкий отпечаток на развитие его творчества. Стихов, раньше составлявших одну из существеннейших сторон его художественной работы, он больше не пишет, и вряд ли вышедшие раньше сборники стихотворений — «С вершин и низин», «Мой изумруд», «Увядающие листья», «Горестные дни» и др. — увеличатся в числе. Точно так же беллетристика отодвинулась в творчестве Франко на задний план, после того как его захватило воплощение образов и идей в драматической форме. Из его драматических произведений назову: «Украденное счастье», комедию «Учитель» и «Каменную душу». Только что вышли из печати две одноактные драмы Франко, в которых он поставил себе задачей по западноевропейским образцам скомпоновать и изложить в одном акте драматическую коллизию, не только лишь возможную на сцене, но часто совершающуюся и в жизни с головокружительной быстротой. Эти две вещицы называются: «Майстер Черняк» и «Будка № 27». В драматическом отношении вторая вещь стоит несравненно выше первой: в ней имеется, как говорят немцы, «драматическая кровь», хотя развитие конфликта построено не совсем хорошо и некоторые поступки героев слабо и непонятно мотивированы. Что же касается «Майстера Черняка», то на каждой страничке приходится констатировать, что в душе Франко боролись в момент творчества бытописатель с драматургом. Победу одержал в конце концов первый, и «Майстер Черняк»

был бы прелестной вещью в прозаическом изложении. Франко рисует в этой одноактной комедии падение ремесла среди русинских ремесленников. Преданность ремеслу и его добрым старым традициям ведет старого сапожника Черняка к разрыву с средой, с женой и единственным сыном, но блестящие юмора, рассеянные по этой комедии, все же не могут скрыть от внимательного читателя, что драматического конфликта автору создать не удалось.

Драматическому творчеству, как и беллетристике, Франко посвящает теперь лишь свои досуги. Главный объект его работы — публицистика и научно-литературные исследования. Из числа его крупнейших работ в этой области я назову «Иван Вишенский и его произведения», «Карпато-русская литература XVII и XVIII веков», «Варлаам и Иоасаф», «Хмельниччина 1648—1649 років в сучасних віршах», «Памятки українсько-руської мови і літератури» (два тома), «Житє і слово» (журнал) и мн. др. В последней книге «Записок наукового товариства ім Шевченка» (кн. 4-я, т. 10) напечатаны опять-таки два научных исследования Франко: «Святий Климент у Корсуні» и «Шість листів галицьких старорусів з років 1853—1863». Всем очерченным, однако, еще не ограничивается разносторонняя деятельность Ивана Франко на литературном поприще. Он много переводит с иностранных языков на малорусский. Еще раньше были им переведены, кроме целого ряда мелких произведений, некоторые капитальные вещи, как, например, «Царь Эдип» Софокла. В последней книге «Літературно-наукового вістника», также издаваемого названным выше «Научным обществом им. Шевченко», помещен сделанный Иваном Франко перевод «Вандейцев» Шарля Фоле, причем я, зная теперь симпатичного писателя ближе, вряд ли ошибусь, если скажу, что при выборе именно «Вандейцев» для перевода им руководила мысль о политическом воспитании русинского народа посредством художественных произведений. Кстати, названный «Літературно-науковий вістник» редактируется Иваном Франко, который благодаря тому, что этот журнал у русинов единственный, имеет сильное влияние на развитие современной малорусской литературы. Литература эта очень бедна — это факт неоспоримый и общеизвестный. Русинских литераторов, даже не исключая талантов средней руки, едва ли наберет-

ся свыше двух десятков. Не больше их и на той фотографической группе, на которой сняты вместе, по случаю какого-то торжества, все современные русинские литераторы. Группа эта, виденная мною в зале заседаний «Научного общества им. Шевченко» (там же между прочими портретами выдающихся украинских писателей и деятелей висит большой и превосходный поясной портрет Ивана Франко), очень интересна, и особенно привлекла мое внимание маленькая тщедушная фигурка Ольги Кобылянской, произведения которой в последние годы часто переводятся на немецкий язык.

Произведений Франко в переводе на немецкий язык мне, за несколько лет внимательного знакомства с немецкой периодической печатью, никогда встречать не приходилось, но зато неоднократно я имел возможность читать статьи Франко, написанные им же самим по-немецки. Франко владеет несколькими европейскими языками и, в отличие от многих, умеющих излагать свои мысли, несмотря на знание языков, исключительно на своем родном языке, пишет по-немецки живо и образно. Он был в последнее время одним из самых деятельных сотрудников венского еженедельника «Die Zeit», равно как теперь работает в созданной той же редакцией большой ежедневной газете. Область, чаще всего отмежеванная себе Иваном Франко в своих публицистических работах на немецком языке, такова: вопросы политической, общественной и литературной жизни как Галицкой Руси, так и нашего обширного отечества, с которым талантливый Иван Франко знаком далеко не в общих чертах. Я думаю, что не совершу большой нескромности, если сообщу читателям, которым, может быть, случится следить за работами Франко на немецком языке, что статьи, подписанные «Рiх», также принадлежат ему.

Псевдоним, избранный Иваном Франко, отнюдь не следует толковать в том смысле, что он не желает выступать в немецкой печати под своим полным именем. Наоборот, Франко принадлежит к тем публицистам, которые любят бороться за свои убеждения с поднятым забралом. Все его страстные, полные огня, пылкости и вдохновения статьи, направленные против ненавистной ему партии русофилов или против поляков, как поработителей и угнетателей страстно любимого им русинского народа, всегда подписаны полным именем или, как это мне приходилось

часто встречать в главном органе украинофилов «Діло», инициалами: «Ів. Фр.». Точно так же в тех случаях, когда он на столбцах названного венского журнала отстаивал права русинского народа, его статьи бывали подписаны полным именем.

Нечего и добавлять, что Франко не принадлежит к числу любимцев польской публики, чрезвычайно эгоистической в политическом отношении. Некоторые смелые и резко правдивые статьи Франко в журнале «Die Zeit» вызывали чрезвычайное возбуждение среди львовских поляков. Мне рассказывали лица, вполне заслуживающие доверия, что поляки даже несколько раз вымещали злобу на писателе-борце путем кулака и нападения из-за угла. Низость подобного рода «полемики» и мести падает тенью лишь на самих оскорбителей Франко: вспомним, как мало запятнан был великий Золя, когда против него поднялась вся парижская уличная толпа...

Я назвал имя Золя... Я далек был от мысли проводить параллель между Золя и Иваном Франко, тем более что всякая параллель, по удачному немецкому выражению, хромает на одну ногу. Но если уже имя Золя сорвалось из-под моего пера, возьму на свой страх и риск это сравнение: Франко — это русинский Золя. Натуралист, как великий создатель «Ругон-Маккаров», он является бытописателем родного народа XIX века, как был бытописателем Франции и французского народа незабвенный творец «Четырех евангелий». И борец, подобно бесстрашному Золя, за правду, за престиж любимой родины перед цивилизованным миром и судом истории.

Петр Карманский

УКРАИНСКИЙ МОИСЕЙ

Таким он тогда, когда я его знал, не был, и никто его так не называл. Чтобы дослужиться у нас до ранга пророка, нужно умереть. И умереть так, как умер Шевченко, как умер Франко и как умирают почти все наши великие — то есть «после продолжительной и тяжелой болезни».

Живой Франко ничем не был похож на Моисея. Приземистый, с согбенной от работы спиной, с измученными покрасневшими глазами, с обтрепавшимися внизу брюками и без воротничка и галстука, а бывало — и с буханкой хлеба под мышкой.

Точно так же и своим поведением (читай — острым языком) совсем не был он «salonfähig»¹, да и не старался быть таким. Он был таким, каким создала его мужицкая хата в Нагуевичах. Упорным, работающим, умным, трезво мыслящим, врагом фразы и лжи, к тому же едким, остроумным, саркастичным. Он был устрашением наскоро испеченных господ «патриотов», недоучек-фразеров, неискренних, карьеристов, фарисеев. А главное, был скромн.

Каждый день приходил он в наше небогатое кафе «Монополь», незаметно, без шума, как бы стесняясь, что осмелился в своей одежде сесть за один стол с хорошо одетыми «многообещающими» панычами, какими мы старались («молодо-глупо») быть. Выпив свой стакан чаю, вынимал из кармана камзола серебряную монету

¹ Галантным (нем.).

и забавлялся ею. И ждал случая позабавиться с нами — молодыми. Но ждать приходилось обычно безуспешно. У нас не открывались рты в его присутствии, потому что мы хорошо знали остроту его языка и огромные познания, с которыми никто из нас не смог бы соперничать. «Говорите что-нибудь!» — наконец раздавался голос Франко, которому хотелось поговорить и забыть, что после целого дня напряженной работы в «Товаристві ім. Шевченка» его ждет не менее тяжелая работа дома — под мышкой он таскал целые кипы рукописей и корректур.

Но только самые смелые отваживались заговорить. Он слушал. И только когда ловил собеседника на какой-нибудь фразе, которая ему не нравилась, не мог вытерпеть, чтобы не уколоть того обычным: «Глупости говорите». И вот теперь развязывался его язык. И мы узнавали немало такого, чего не вычитали бы ни в одной книжке и не услышали бы ни от кого другого.

Он был неумолимым судьей в вопросах искусства и прямо-таки удивлял нас своим глубоким анализом нашего и чужого творчества, хотя и расходился с нами во взглядах и не находил оправдания нашим модернистским идеалам. От литературы требовал жизни — мозга и крови; наивное витание в облаках ненавидел. Играл с нами, как играет старый дедушка с внучатами, — для развлечения. Хотя и нельзя сказать, что относился к нам свысока. Радовался, когда ему удавалось найти в наших писаниях что-нибудь, соответствовавшее требованиям его эстетических канонов, и, хотя сердила его наша смелость не топтаться слепо по его следам, спорил с нами серьезно... Очень тепло приветствовал он мой сборник стихотворений «Ой, люлі, смутку», и в его лице я почти всегда находил старшего друга, хотя в публичных дискуссиях на темы искусства, которые вызвал своими враждебными выступлениями против искусства доктор Степан Рудницкий, относился к нам, литературной группе модернистов-«молодомузців», крайне враждебно.

Связанный с этим маленький эпизод в нашей культурной жизни первого десятилетия XX века настолько интересен, что заслуживает, чтобы о нем рассказать.

Дело было так. В стенах львовской «Бесіди» Ст. Рудницкий выступил с рефератом на географическую тему и, воспользовавшись удобным случаем, «проехался» (в угоду моде или в силу своих убеждений) по адресу искусс-

ва, высказав мысль, что всякое искусство, будучи противоположно мышлению и науке, является абсурдом, а для нас, украинцев, народа крестьянского и здорового духом, оно является ненужной роскошью и вредно. Это и послужило поводом для словесной полемики. Следующий реферат подготовил Иван Труш и, защищая права искусства, сделал, как бы став на позиции Ст. Рудницкого, такой вывод: «Так как искусство является абсурдом и лишним балластом, на который наш бедный народ не имеет средств, поручается господину Рудницкому, чтобы он принудил «Краєву шкільну спілку», как руководящее школами учреждение, изъять из всех наших школьных учебников все поэтические произведения, не исключая и стихотворений Шевченко». К такой резкой постановке вопроса Ст. Рудницкий не был подготовлен. Он понял, что его бьют его же собственными аргументами. Он оговорился, что Шевченко глупостей не писал. На это его оппонент возразил, что если идет речь об игнорировании науки поэзией, то поэзии Шевченко это можно инкриминировать в наибольшей мере. В его балладах полно чар и духов, а ведь в них не верят уже даже наши старенькие бабуся. В них солнце «всходит» и «заходит», а наука уже давно объяснила эти явления.

Рудницкий капитулировал. Но Франко не забыл этой юмористически скандальной дискуссии. На очередной дискуссии он накинулся на нас, молодых, за то, что мы нашими поэтическими глупостями даем повод для подобных иконоборческих выступлений, которые дискредитируют нас. Собравшиеся потирали руки от радости, что непопулярным «молодомузам» досталось на орехи...

В те времена наши сходки в исторической «Монопольке» не были лишены милых и теплых эпизодов. Мы, «молодомузцы», были молоды и исполнены надежд, несмотря на то что все, за исключением О. Луцкого и случайного гостя из Кракова Б. Лепкого и, наконец, В. Бирчака, были голодранцами.

Если не было темы для разговора или надоедал серьезный разговор, Франко спрашивал: «А нет ли у кого-нибудь из вас чего-нибудь юмористического?» И юмористическое оказывалось у кого-нибудь из нас в кармане. Это были обычно стихи В. Левицкого или газета-курьез под названием «Поэзия», которую издатель, некий Залесский, всю заполнял своей бесконечной идиллической

поэмой интимного содержания из собственной супружеской жизни. Вот тут-то и начинали сверкать едкие остроты Франко-сатирика, и мы вместе с ним смеялись до слез, читая вирши стихоплета.

В те годы Франко чувствовал себя молодым и сильным, в то время он писал свое «Semper tūro» и «Моисея».

В тот период, может быть предчувствуя свою близкую трагедию, он охотно искал общества молодых...

А он, уже с признаками старости, чувствуя приближение смерти (как это видно из его лирических стихов), так любил молодость! Так жадно хватался за полы уходящей жизни!

И пришли его настоящие «дні журби»: смертельный недуг стал подтачивать этот дуб, который так сильно врос в землю, в жизнь.

И поэт становился таким, каким изобразил он своего Моисея, — жестоким и едким, как жгучая крапива. Все реже появлялся он в нашем обществе, а если и появлялся, то вносил тяжелую атмосферу.

Тогда уже нужно было и раздеть его и поить чаем, как младенца... Тогда-то не раз изливал он перед нами боль сердца, накопленную за целую жизнь; и тогда надо было обращаться с ним как с раздражительным ребенком.

Все реже и реже я видел несчастного великана, орла, которому фатум подрезал крылья. А если я и встречал его больного, то он не узнавал меня.

А я, содрогаясь перед величием его страданий, не отваживался подойти к нему, проходил мимо него и со стесненным сердцем, казалось, принимал часть вины за его несчастье на свою совесть.

Станислав Людкевич

ИВАН ФРАНКО И МУЗЫКА

Тема отношения художника слова к какому-либо другому виду искусства, например к живописи, музыке, весьма привлекательна и интересна, и сейчас она становится у нас все более и более популярной и актуальной. Она выдвигает массу вопросов — культурно-исторических, психологических, эстетических и других — и требует очень тонкого и всестороннего подхода к этим вопросам. И если я здесь осмеливаюсь затронуть эту тему (как она сформулирована в названии), то хочу подойти к ней осторожно и избежать некоторых недооценок или преувеличений, которые, на мой взгляд, допускали авторы аналогичных критических очерков, вроде «Шевченко и музыка», «Мицкевич и музыка» и т. д. Авторам подобных очерков, очевидно, казалось, что они должны найти как можно больше доказательств того, что Шевченко или Леся Украинка были не только музыкально одаренными, но и музыкально профессионально образованными людьми и что именно благодаря этому они могли глубоко понимать и хорошо чувствовать музыкальное произведение. Такой взгляд, по моему мнению, неправилен, и такое увенчание поэта музыкальными лаврами никак не способствует укреплению величия его духа, а, наоборот, рассеивает и разбавляет характер его психики и синтез его значения. Правда, бывают в истории культуры такие исключительные художники (Р. Вагнер, Леонардо да Винчи, Шевченко, как поэт и живописец), которые не замкнулись в одном виде

искусства. Но большинство мастеров искусства все же преимущественно сосредоточивались на каком-либо определенном виде искусства.

Поэтому прежде всего я должен сказать, что Франко не был профессиональным знатоком музыки, хотя в принципиальных вопросах музыкальной культуры разбирался хорошо. Профессиональные концерты и музыкальные выставки он, как мне припоминается, посещал редко, разве что по какому-либо особому случаю, — например, он был на юбилейном концерте Лысенко в 1904 году, на праздничном концерте по случаю столетия «Энеиды» в 1898 году. Он уважал великих композиторов, таких, как Бетховен, Вагнер, Лысенко, Монюшко, но его отношение к известным музыкальным артистам-исполнителям, особенно к певцам, было весьма критическим. Помню, когда в 1900 году в журнале украинской студенческой молодежи «Молода Україна» я опубликовал статью под названием «Наши певцы и народное дело», в которой упрекал наших талантливых молодых певцов в их музыкальной необразованности, Франко сказал мне приблизительно следующее: «Похвалил бы вас за вашу критику нашей певческой некультурности, только вы должны были осмелеть также таких внешне высококультурных артистов, которые дальше своего голоса и своего горлового искусства ничего не хотят видеть». В этих словах ясно обнаружилась позиция поэта по отношению к искусству и к его культуре. Только искусство, сознающее свое культурное задание, связанное с кровными интересами общности и народных масс, чужкое ко всяким проявлениям жизни и культуры, заслуживает уважения. Такое понимание роли музыкального искусства, песни высказал поэт и в своих чудесных сонетах. Только такая песня, говорил Франко, которая, словно царица, поднимает силы народа до горных высот, а коронованных царей низводит до низов страданий и нужды, которая равняет все сердца, облагораживает все души и слезы превращает в алмазы, — только такая песня заслуживает признания.

Такие взгляды И. Франко содержатся и в его известной статье, напечатанной в «Артистичному вістнику» в 1905 году под названием: «Долой Бортнянского». В этой статье поэт протестует против чрезмерного увлечения музыкой Бортнянского, которая, несмотря на ее художественные качества, мало связана с душой и жизнью украин-

ских народных масс, недостаточно жизненна и реалистична. Правда, позже Франко предостерегал против того, чтобы его статью понимали так, будто он совсем отбрасывал значение Бортнянского как композитора. Но для Франко были идеалом только такие творческие реалистические национальные школы, как Лысенко, Глинка, Моношюк, Сметана. Этим и объясняется его сердечная дружба с Лысенко.

Наиболее глубоко и сердечно связала Франко с музыкой украинская народная песня. Народная песня — это та могучая стихия, которая была спутницей поэта во все тяжелые моменты его плодотворной жизни. Поэт прекрасно выразил это в своем стихотворении «Песня и труд»:

Песня и труд — две великие силы!

Им до конца обещаю служить.

(Перевод С. Обрадовича)

Франко, как и Шевченко, знал и с удовольствием пел украинские народные песни. Но при этом, как ученый-фольклорист, он был глубоким знатоком не только украинского, но и общеславянского песенного творчества. Он чудесно ориентировался не только в тематике, содержании славянских народных песен, но даже в принципах мелодично-ритмической структуры украинских и русских песен, в схожести и разнице отдельных песенных жанров. Убедиться в этом я имел случай, когда в 1905—1907 годы переписывал с фонографа и редактировал «Галицко-русские мелодии», готовя их к печати в «Этнографическом сборнике» (т. 21—22), издаваемом этнографической комиссией «Научного общества им. Шевченко», председателем которой был тогда И. Франко. Я думал, что Франко будет отстаивать расположение песенного материала по тематическому принципу и отрицательно отнесется к моему проекту — группировать материал, исходя из его мелодично-ритмической структуры. Но именно здесь меня ожидала приятная неожиданность. Франко не только согласился с моим принципом, но и сам высказал ценные мысли об отношении тематики к мелодично-ритмической структуре песен: песни, связанные с обрядовым культом, такие, как веснянки, свадебные и колядки, похоронные причитания, а также такие, как детские игровые и колыбельные песни, создали свою специфическую ритмико-тональную структуру, непохожую на структуру других

бытовых песен, и их, конечно, и по содержанию, и по музыкальной форме можно и нужно выделять в отдельные группы; в то же время бытовые песни (любовные, семейные, баллады, шуточные и другие) следует группировать не по содержанию, а по их музыкально-тональной структуре потому, что здесь текст не может быть решающим критерием, здесь к одной мелодичной структуре подбираются тексты различного содержания, и наоборот — к одному тексту подбираются различные мелодии. Мерилом группирования здесь должна стать исключительно музыкально-ритмическая и тональная форма.

Во время беседы на эту тему Франко высказал много и других интересных и глубоких наблюдений над мелодичными признаками различных жанров украинских народных песен и этим самым осветил и объяснил мне немало вопросов, которые раньше были мне не совсем понятны. Он обратил мое внимание на исторический процесс развития песенных интонаций, на ту длительную эволюцию, которую прошла украинская народная песенность на протяжении столетий — от крайне примитивных до новых песен любовного «ноктюрного» колорита (на образец «Ой не світи, місяченьку» и др.), которые могли зародиться только в XVIII—XIX веках.

Франко хорошо разбирался в сходстве и различии между украинскими и другими славянскими песнями, а также между песнями отдельных областей Украины.

Приведу здесь еще одно высказывание Франко, которое свидетельствует о его широком научном кругозоре и о его любви к родной культуре. Прочитав вступление к отредактированному мною «Галицко-русским мелодиям», в котором я характеризовал украинские песенные интонации различных областей Украины, Франко сказал мне: «Хорошо сделали вы, что выступили в защиту наших скромных и простых галицких песен. Я здесь также признаюсь в грехе — в локальном патриотизме: хотя и признаю великорусские мелодии, их пышную, роскошную, вольную степную стихию, но не менее чувствую и смакую большую красоту наших галицких песен, особенно в исполнении старушек».

Назову еще один интересный и характерный факт, свидетельствующий об интересе Франко к музыкальному искусству, к связям музыки и поэзии. После создания гимна «Не пора» Франко не раз выражал живую заинтересован-

ность в подборе к его словам соответствующей мелодии. Хотя и нет тому явных доказательств, но мне представляется довольно правдоподобным распространенное у нас предположение, что мелодия к этому произведению, которую впервые в 1900 году обработал Д. Сичинский (позднее — Ф. Колесса и другие), если и не была создана самим Франко, то, во всяком случае, была им апробирована. И можно сказать, что мелодия вместе с поэзией создает одно монолитное целое, чего подчас, к сожалению, не хватает некоторым популярным мелодиям...

Иван Труш

ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРАНКО

Художник или писатель, критически оценивающий свое творчество или литературную манеру и не представляющий собой фиктивной величины или фиктивного таланта, принадлежит у нас к «белым воронам». Нечего греха таить: самолюбие и отсутствие самокритицизма часто задерживают у нас развитие даже значительных талантов гораздо более, нежели среди других, известных мне с этой стороны народов.

На противоположном полюсе среди очень и очень многочисленной группы украинских писателей перед всеми вырисовывается светлая, симпатичная фигура Ивана Франко. Может быть, никто не смог бы рассказать так много о настоящей непритворной скромности этого исключительного и самого большого среди всех нас таланта, как я — один из последних его знакомых, непрерывно на протяжении четверти века состоящий с ним в близких, дружеских отношениях. Большое уважение к личности Франко и к упомянутой его черте явилось поводом для написания мною этих нескольких страниц моих воспоминаний, которые считаю необходимым опубликовать по случаю открытия музея его имени и издания сборника статей и воспоминаний о нем.

В то время, когда Франко выдвинул свою кандидатуру в депутаты венского парламента, я явился к нему и вручил ему двадцать австрийских гульденов на предвыборные расходы. Кандидат принял деньги, но очень удивился крупной, учитывая доходы начинающего художника, сумме. На это я ответил, что хочу всеми

имеющимися средствами содействовать тому, чтобы иметь возможность читать в газетах его парламентские речи, произнесенные в защиту нашего бедного и униженного трудового народа, и что я убежден, что эти речи будут произноситься на хорошем немецком языке. В ответ на мои слова я получил от самого достойнейшего кандидата в депутаты искренний и характерный для него ответ:

— Где уж мне до политических речей в парламенте — статьи буду читать, больше ничего... Конечно, буду стараться, насколько в моих силах, чтобы они были как можно лучше.

Это высказывание Франко о себе самом мне показалось тогда неестественной, наигранной скромностью. И только после долгих лет я убедился, что политическая сторона жизни не была ему известна в такой мере, чтобы и здесь быть таким властителем над людьми, как в сфере лирики, во время общественных и личных потрясений; быть певцом, призывающим к действенной жизненной борьбе и даже к революционным порывам.

Прошло немало лет с тех пор. Как много наших порывов, вызванных И. Франко, уничтожалось нашим бессилием, как беспощадно душила их борьба за кусок хлеба и как тяжело обессиливала наши общественные порывы материальная нужда. А все-таки кое в чем мы укрепили нашу жизнь. Своими призывами Франко в большой мере способствовал тому, что наше поколение в борьбе под флагом прогресса добыло немало положительных завоеваний... Но возвращаюсь к теме моих воспоминаний.

После смерти весьма популярного в старой Галиции инженера Щепановского, известного своей энергией в области развития нефтяной промышленности в Бориславе, но вовлеченного в судебный процесс директора прежней галицкой ссудной кассы в качестве соучастника легкомысленных преступных финансовых операций, в венском еженедельнике «Die Zeit» появилась статья известного у нас Игнация Дашинского, которую я прочитал в кафе в обществе И. Франко. На вопрос, как мне нравится статья Дашинского, я ответил, что статья написана хорошо и с полным пониманием индивидуальности Щепановского. Тогда Франко сказал: «Эту статью редакция заказала мне, я ее написал и послал в Вену. Дашинский, наверное, написал свою статью по собственной инициативе. Согла-

шаюсь с позицией редакции, ибо его характеристика личности Щепановского вышла удачнее моей». Что статья Дашинского, безусловно, хорошего публициста, вышла удачнее — вещь понятная: автор лично знал Щепановского и, как польский патриот, хорошо ориентировался в его деятельности, был лучше И. Франко ознакомлен с деталями упомянутого эффектного тогда судебного процесса. Тут важно то, что Франко добровольно, без моего вопроса, зная, что никто, а значит, и я, не был осведомлен об этом факте, сам рассказал и похвалил статью лично не очень симпатичного ему автора. И в этом не было ни капли известного у нас себялюбия и самовосхваления.

Как старый наблюдатель нашей общественной жизни, считаю необходимым добавить, что Франко длительное время был прилежным сотрудником упомянутого венского журнала и помещал в нем очень хорошие статьи о нашей жизни, часто защищая угнетенных, и прежде всего украинских крестьян. «Die Zeit» в среде австрийской интеллигенции был весьма уважаемым и распространенным журналом. К месту будет напомнить, что одна из его статей в этом журнале, направленная против поляков, послужила причиной отстранения его от участия в газете «Kurjer Lwowski», где он до того был одним из ведущих сотрудников, — получаемые в этом журнале гонорары в продолжение многих лет были основой материального благополучия писателя.

Я бы мог привести еще много примеров, подтверждающих скромность и справедливую самокритику нашего знаменитого писателя, отсутствие в нем какого-либо себялюбия, но ограничусь еще только одним фактом, который так метко иллюстрирует эту черту Франко.

Тридцать лет тому назад как-то вместе с И. Франко я прогуливался по улице Чарнецкого в ожидании профессора Грушевского, задержавшегося в типографии «Научкового товариства ім. Шевченка». Чтобы сократить томительность ожидания, я спросил товарища, над чем он, кроме злободневных тем, теперь работает. Франко ответил, что работы у него много и что его новое научное занятие — сбор материалов для написания истории жизни Иисуса Христа на основании украинских и русских апокрифов. Будучи убежденным в том, что нельзя найти такого большого количества апокрифов, которые бы

позволили обосновать целостный, хотя бы мифически индивидуальный образ Христа, в дальнейшем разговоре я считал эту тему необычно трудной, а может быть, и невыполнимой. Франко признавал, что я имею некоторые основания для такого суждения, поскольку он сам уже заметил трудности, но все же считал, что эта его работа может быть удачной. «Я, — добавил он, — недавно читал книгу о жизни Христа, написанную немецким автором на основании очень богатого и разнообразного апокрифического материала. Заинтересованный этим, я стал ориентироваться в наших материалах, неизвестных тому автору. Правда, у немецкого автора критицизм в десять раз больше, чем у меня, и все же надеюсь написать что-то стоящее».

Из приведенного ясно, что упомянутый автор был симпатичен нашему ученому, на что выразительно указывает он сам в коэффициенте сравнения его таланта со своим. Я не читал произведения немецкого ученого, но все-таки думаю, что имею все основания утверждать, что Франко, во всяком случае, грубо увеличил этот коэффициент не в свою пользу. И тут, собственно, выступает его черта скромности во всей своей полноте. Я обратил на нее внимание в своей статье, имея в виду, что мало кто заметил ее при жизни И. Франко...

Ольга Кобылянская

ПРОРОЧЕСТВО

Мне довелось познакомиться лично с Франко во Львове, когда небольшая группа украинской интеллигенции праздновала двадцатилетний юбилей литературной деятельности писателя.

На юбилее было много приветствий. Говорили Владимир Гнатюк, Наталия Кобринская и др. После приветствий подошел к столу Франко, поблагодарил всех и начал говорить о том, кому он служит своим творчеством. Перед моими глазами стоял певец борьбы и труда, труженик, с челом, орошенным солеными каплями пота, упорно пробивающий тернистую дорогу сквозь ночной туман к солнцу.

В краткой ответной речи виден был весь Франко. Он говорил о том, что он — сын крестьянина, вскормленный мужицким хлебом, и поэтому обязан жизнь свою посвятить только народу. «Моя первейшая заповедь, — говорил Франко, — неустанный труд для своего народа, для своей страны».

На второй день после юбилея я была приглашена домой к Франко. Там он много рассказывал. Я волновалась, разговаривая с человеком, который стальным молотом пробивал гранитную скалу, прокладывая путь к свободе своего народа.

После этого, до 1913 года, я не виделась с Франко, не писала к нему (не хотела беспокоить его), а переписывалась с его женой Ольгой. Из ее писем видно, какую большую литературную и общественно-политическую работу вел Франко в Галиции. Стефаник, который часто

бывал у меня, также рассказывал об этой большой работе Франко.

В конце апреля 1913 года у нас на Буковине стало известно, что Франко приедет в Черновцы. Вся передовая молодежь готовилась к встрече.

Большой зал украинского Народного дома был переполнен. Встреченный бурными аплодисментами, выступил Франко. Он читал поэму «Моисей», которая по праву считается вершиной его поэтического творчества.

Многие строки поэта стали пророческими. Франко предвидел великую бурю в день воскресения народа:

Но час придет — и ты в венце багряном
В кругу народов вольных, чуждых боли,
За грань Бескид, курящихся туманом,
И к Черноморью двинешь рокот воли
И глянешь как хозяин домовитый
На хату светлую свою и поле.

(Перевод Д. Бродского)

Тарас Франко

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

В моей памяти воскресают события с 1895 года, с тех пор как я стал ходить в первый класс народной школы Марии Магдалины во Львове. Моему отцу, Ивану Франко, было тогда тридцать девять лет; был он среднего роста, ходил постоянно в вышитой сорочке, в очень скромном, чаще всего сером костюме. Из-за школы возник небольшой спор между отцом и мамой. Отец настаивал на том, чтобы дети ходили в украинскую школу, мать же хотела, чтобы мы учились в ближней, хотя и не украинской школе. Превысило желание матери, и первый год я с братом Андреем ходил в польскую школу и сидел с ним на одной скамье. Нам обоим школьное обучение не очень нравилось — и потому, что язык был не родной, и потому, что учителя применяли в воспитании физические наказания.

Правда, ни меня, ни брата не били, так как в классе мы себя вели хорошо, к тому же учителя побаивались нашего отца, журналиста, в то время сотрудничавшего в польской газете.

Несмотря на его занятость, мы часто обращались к нему за помощью. После обеда бежали к нему с трудными школьными заданиями, особенно по математике, ибо мы, четверо детей, все были склонны главным образом к изучению языков. А отец, хотя и сам филолог, неплохо знал и другие предметы и мог решать даже очень трудные алгебраические задачи. Но за нас уроков он никогда не делал, только объяснял, как и что, а мы должны были делать все сами. Он прививал нам самостоятельность

в учебной работе. Кроме школьных учебников, к нашим услугам была богатая отцовская библиотека, которая нам так пригодилась во время учения в университете. Занятость не позволяла отцу бывать на родительских собраниях. Чаще ходила мама. Отец занимался воспитанием не постоянно, время от времени: тому покажет, этого поправит, там поможет, пристыдит, поругает.

В выборе школы для детей отец уступил воле мамы, но не всегда бывало так. Мы, дети, убедились, что в принципиальных, важных вопросах отец не поступался ничем и легче сносил несправедливости личные, нежели общественные. Будучи неутомимым и непоколебимым борцом за права народа, отец внушал и нам, что права принадлежат тем, кто добивается и умеет их защищать. Отец говорил, что темный безграмотный мужик всегда страдает от несправедливости угнетателей. А чтоб избавиться от этого, нужно прежде всего дать людям хорошее образование.

Своих детей отец всегда приучал работать, учиться и всеми способами углублять свои знания. Отец повторял также, что не имеет прав тот, кто не выполняет обязанностей. Согласно этой теории он своим собственным примером учил детей быть трудолюбивыми и сдерживать слово. Он не терпел людей, которые не держали слова и не выполняли обещанного.

Он приучал нас, маленьких, к физической работе и к мастерству. Мы все умели плести сети, а в Косове брались и за ткацкую работу. И закалены были все, купались в холодной воде, жарились на солнце без конца и меры, ходили, по примеру отца, босиком.

У отца было много приятелей и друзей, часто его посещавших, и мы удивлялись — как-то выходило так, что среди его друзей меньше всего было его школьных товарищей. Очевидно, разошлись они в разные стороны или перестали быть друзьями. Приходили к нам Белей, Величко — географ, Олеськов — естествовед, Коцовский — директор семинарии, Кирчив — священник, Лукич — нотариус, Терлецкий — юрист. Бывали также земляки из Нагуевичей, родные братья отца и дальние родственники, появлялись и радикально, прогрессивно настроенные люди с разных концов края — Гарматий, Павло Думка, Новаковский, Остапчук, Шмигельский. Особое место среди всех приятелей занимал Михаил Павлык, который

годами жил в общей квартире с И. Франко. Они сообща редактировали ряд журналов и вечно спорили друг с другом, но, как можно было понять, спорили по принципиальным вопросам. И. Франко часто бывал у Павлыка, брал у него книги, туда заходили и мы, дети, с мамой. Характерна такая деталь — Павлык и мой отец были хорошими приятелями и друзьями, но так и не перешли на «ты».

О чем гости говорили с отцом, мы, дети, не понимали, хотя и слышали их беседы. Позже, когда подросли, мы поняли, что разговоры вертятся вокруг выборов и редакционных дел. Друзья часто брали у отца книги, просили консультаций в языковых, библиографических, идеологических вопросах. Некоторые из гостей делились с отцом своими горестями, даже не связанными с литературой. Крестьяне часто просили помочь в трудностях, особенно финансовых.

В то время, когда мы еще жили на Крыжовой улице в доме № 12, отец был редактором «Громадського голосу», издавал «Хлопську бібліотеку» и различные книги. Переплетчики каждый раз привозили к нам разного формата брошюры в обложках, преимущественно красных, реже голубых или зеленых. Брошюры нужно было рассылать подписчикам или по заказам наложенным платежом. Мама целыми вечерами резала бумагу для упаковки, мы клеили пакеты, мама писала адреса, а мы приклеивали марки. На почту эти бандероли относил отец. Чудесно было это разделение работы, весь же процесс назывался «администрация», что для детей звучало таинственно.

Особой категорией гостей были революционеры, которые бежали в Галицию от преследований российского царизма.

Так, некоторое время был у нас молодой Трегубов, который выступил в защиту евреев от погромщиков и был ранен. Он заехал во Львов к своей тетке, Ольге Хоружинской, моей матери. Позднее остановился у нас Юрий Тобилевич, сын известного драматурга, студент Политехнического института.

Когда же Иван Франко поселился в собственном доме по улице Понинского, № 4, две верхние комнаты были отведены для приезжающих, которые жили у нас иногда подолгу, как, например, Вишневский из Подолья, один

научный сотрудник из Житомира, Рябко из Одессы, Митрофан Шевченко из Кирилловки. Из местных живали у нас Семен Витык — украинский социал-демократ, Гринь Франко из Нагуевичей (позднее директор музея там же), Дергало Михаил из Завадова, Марисюк из Сильца Беньковского на Буге.

Гости бывали разные. Одни приходили только проведать и поклониться великому писателю; если же не заставали отца дома, оставляли визитные карточки с несколькими словами. Эти карточки лежали в роге буйвола на художественной подставке — подарке С. Крушельницкой, известной тогда певицы.

Другие посетители советовались по редакционным делам (Козловский, Вандмаер, Федюшка и др.); некоторые из них оставляли отцу свои рукописи и просили просмотреть их, а некоторые поверяли отцу свои жизненные неудачи. Встречались среди них не в меру разговорчивые — тогда отец извинялся и бежал к своей работе.

Изредка бывали художники, такие, как И. Труш, Ю. Панькевич. Последнему отец не хотел позировать: жалел времени. Тогда художник устроил свой мольберт около письменного стола и так и рисовал его, напряженно работавшего. Портрет вышел неожиданно хороший, жаль, что он пропал во время войны 1941—1945 годов.

У отца было неплохое здоровье, но непомерная работа изнуряла его. Помню, как у него, баллотировавшегося тогда на выборах в депутаты австрийского парламента, заболели глаза и он месяц пролежал в полутемной комнате дома № 12 по Крыжовой улице. Кроме этого, я не припомню, чтобы отец болел. Он не курил и не пил спиртных напитков. Поскольку тогда дома не было таких удобств, как теперь, мы с отцом всегда ходили в баню. Рано утром, в теплые дни, отец растирался до пояса холодной водою, иногда занимался гимнастикой с гантелями.

В воскресенье отец обычно не отдыхал — из-за работы не было времени для досуга. Иногда в погожие дни ходил со всей семьей на прогулку в Зубрицкий лес, на Вульку, на Высокий замок, реже — в Кривчицы или на Чертову скалу.

Не раз, бывало, мы просим: «Папа, прочитай нам что-нибудь из того, что ты написал!» Публицистики отец читать не мог, произведения для взрослых были не для

нас. Вот и взялся он писать специально для детей и молодежи. Это относится к 90-м годам. Из произведений, написанных для детей, больше всего нам нравился «Лис Микита», чудесные строфы которого отец прекрасно читал. Мать тоже читала нам, но не так выразительно. Мы быстро и легко выучили «Лиса Микиту» наизусть. Не меньше нравилась нам сказка из журнала «Дзвінок» — «Когда еще звери говорили». Из произведений Стефаника отец читал нам новеллы «Мамин сынок», «Подпись», а мама басни Крылова и сказки Пушкина, а также легенду о вещем Олеге.

Помимо учебы, отец приучал нас к физической культуре и спорту, что было необходимо нам из-за слабости здоровья.

В 1893—1894 годах И. Франко часто ходил с детьми на «Краевую выставку», которая готовилась в Стрыйском парке. Там среди других были и мастера-украинцы. Они строили разные павильоны, беседки и другие легкие строения из дерева в гуцульском стиле. С выставки Франко получил картины, на которых были нарисованы рыбы. Потом эти картины в черных рамах висели во всех комнатах его дома.

В 1901—1902 годах Иван Франко строил себе дом на улице Понинского, вблизи того же Стрыйского парка, часто бывал с детьми на месте работы, и мы все помогали строителям. Позже мы с отцом сажали возле дома молодые деревца и ягодные кусты. Мать просила, чтобы были клумбы с цветами.

Настоящим отдыхом для перенапряженного работой отца были ежегодные каникулы. Жаль, что отец мало пользовался ими. Всегда кто-нибудь из семьи должен был оставаться дома в роли сторожа, ибо редко когда находился знакомый, который соглашался бы два месяца беречь дом от «непрощеных гостей». А кроме того, в июле и августе все работники редакции хотели ехать в деревню, а номера газеты «Kujer Lwowski» нужно было выпускать, и почти всю работу спихивали на Ивана Яковлевича. Несмотря на это, отец все же бывал иногда с нами на каникулах в деревне. Наиболее охотно ездил он в Нагуевичи, а позже — в Криворивню, над речкою Черемош. Но и в деревне отец никогда по-настоящему не отдыхал: привозил с собою пачки рукописей, книг, а почта доставляла ему немалую корреспонденцию,

корректурь гранок и верстки. И все же мы не оставляли его в покое, и он ходил с нами на прогулки. Мы, дети, вечно спрашивали отца о всех мелочах: растениях, насекомых, камешках, названиях грибов или рыб. Отец на все отвечал ясно и точно и незаметно заводил разговор о том, что всем нужно физически работать, и сам подавал пример.

Отец бывал рад, когда выпадал случай физически поработать в поле у хозяина, у которого мы нанимали квартиру. Больше всего он трудился на сенокосе и в дни жатвы, но умел выполнять и другие работы. К такому труду приучал он и детей.

Особой любовью отца пользовался сенокос. Он готовился к нему, словно к празднику. Накануне шел к косцам и просил принять его «до гурту». Вставал затем ночью, чтобы к рассвету успеть на далекие луговины и косить по росе. Крестьяне-косари высоко отзывались об умении Ивана Яковлевича косить и копнить сено.

С сенокоса отец возвращался усталый, но довольный, пропахший аиром и медуницей. Когда мама упрекала его в том, что он не думает об отдыхе, смеялся и весело отвечал:

— Разве я работаю? Я, Олюшка, говор изучаю. Машу себе косою, а сам прислушиваюсь к речи косарей. А после попьешь воды из глечика, присядешь меж людьми и такое от них узнаешь, чего в другое время они тебе вовек не расскажут...

Не все в словах отца, видимо, было правдой, так как он охотно косил и один, без крестьян.

Очень любил отец ходить за грибами, в которых очень хорошо разбирался. В лес Иван Яковлевич ходил босиком, с корзиной, иногда с палкой. Мы, дети, конечно, ему подражали. При этом отец в шутку говаривал: «Босым ходил всегда Сократ. В этом наша семья с ним сравнялась. Теперь дело за остальным».

Не менее, чем грибы, его увлекала рыбалка. Сети он плел сам и всех детей научил этому искусству. Подбирал грузила, поплавки, пристраивал волокушу, вентери. Удочек почему-то не любил. Слишком холодная вода в горных речках не очень располагала к ловле рыбы сетями, но другие способы рыбной ловли были ему не по душе.

Иногда Иван Яковлевич не отказывался и от далеких прогулок. Ходили мы большой компанией на Писанный

камень, вблизи села Ясенова. Однажды отец ловко взобрался на крутую скалу, нашел там папоротник с очень сладким корнем и собрал по дороге немало грибов. Взялся он и на гору «Поп Иван», которая с одной стороны увенчивает хребет Черногоры; ловко поднявшись на вершину, он любовался красотой горного озера Шибеного, любовался темною водою глубочайшего пруда чуть не у самой вершины «Попа Ивана». Рассказывают, что, будучи в этих краях без семьи, с друзьями, в Буркуте, ходил в еще более дальние прогулки.

Встречаясь с кем-либо из крестьян, Иван Яковлевич всегда первый здоровался. Он ценил крестьянский труд и никогда не позволял себе, сокращая путь, идти по полю, даже по лугу. Ходил только по тропинкам, в крайнем случае — межой или бороздой. Расспрашивал дорогу редко...

Иван Франко горячо интересовался бытом крестьян. К нам часто приходили гуцулы и бойки. Отца они считали опытным и влиятельным человеком, принимая его и за врача, и за адвоката, и за учителя. Может быть, поэтому они, не таясь, рассказывали ему о своих обидах и горестях, просили совета. Многих сельских подростков Иван Франко забирал с собою во Львов, устраивал на учебу и на работу.

Часто отец использовал каникулы для сбора фольклорного материала: записывал пословицы, поговорки и предания, этим же стремился увлечь и нас, детей. Он еще в молодости записал много фольклорного материала в родном селе Нагуевичи и вообще на Подгорье. Нам, детям, запомнилось пребывание отца на Гуцульщине и его этнографические записи в горах. Некоторые легенды записал он от Бурачинской и использовал их в своем гуцульском цикле¹, который состоит из прозаических и стихотворных произведений. Как известно, прекрасный рассказ М. Коцюбинского «Тени забытых предков» также взят из гуцульской жизни. Пословицы, записанные на Гуцульщине, отец использовал частично в трехтомном сборнике галицко-украинских пословиц, изданном во Львове в 1901—1910 годах.

Всюду, где бывал отец на каникулах, он разыскивал старые рукописи и книги, расспрашивал о них, собрал

¹ «Как Юра Шикманюк брел через Черемош», «Терновник в ноге», «Буркутские стансы».

он их значительное количество. К народным верованиям и предрассудкам Франко относился терпимо. Как исследователь, наверно, и не пробовал убеждать людей в том, в чем они ошибаются. Его захватывало богатство народных обычаев. Против «власти тьмы» он не раз выступал потом на вече и будил прежде всего классовую сознательность людей труда. Любовь к народу, уважение к тяжелому труду крестьян, «основы нации», как он называл трудовой люд, писатель прививал и нам, детям.

* * *

До конца жизни отец сберег истинные симпатии к русскому народу, к его культуре. Припоминаю один такой случай. Приехал как-то во Львов корреспондент какой-то русской буржуазной газеты, попросил у отца интервью, посетил его дома, а потом напечатал разную несусветицу, ложные выдумки. Иван Франко возмутился и выступил с опровержением этой враждебной писанины. Очень радовался отец, когда его произведения переводились на русский язык, и добивался, чтобы перевод был как можно лучше. Огорчился, когда узнал, что перевод «Моисея» сделали неудачно. Очень был доволен, что Горький тоже не похвалил этот перевод.

* * *

Из писем и воспоминаний знаем, что великий писатель любил разнообразие тем. Еще в молодости он имел привычку работать одновременно над несколькими произведениями. Работу над своими оригинальными произведениями перемежал переводами, переделками, перепевами, прозу — стихами, серьезные вещи — сатирой. Иногда сразу начинал такую массу работ, что завершить начатое не хватило бы физической силы. Писал чрезвычайно быстро и хорошо. В рукописях видим мало поправок, еще меньше — черновиков.

Но некоторые произведения переделывал основательно. Знаем точно, что трижды принимался писать поэму «Похороны», сохранились наброски рассказа «Триумф» из трилогии «Чорна хмара», переделанный «Ріпник» («Нефтяник») стал новым рассказом; измененный «Воа constrictor» стал иной повестью. Но и первые редакции иногда ничем не были хуже вторых, пример — «Лис Микита».

Известно, что Франко часто писал наскоро, не имея вдосталь времени. Это касается, например, таких вещей, как «Борислав смеется», «Столпы общества», которые нужно было спешно писать от номера к номеру. Работал так быстро, что целую пьесу (первоклассной значимости!) мог написать за один день, например, комедию «Жабы». К старости Франко, насколько это мы, дети, могли заметить дома, уже не работал так спешно — не было надобности...

Одновременно с художественными произведениями Франко писал широко известные статьи, и они количеством и объемом даже превосходят его беллетристику и до сего дня не утратили своей ценности. Нас удивляет необычайная быстрота ума их автора; меткость и трезвость суждений, дальновзоркость и прямо-таки пророческое предвидение.

В средней школе Франко писал даже на уроках. Будучи в университете, больше времени посвящал художественным произведениям и публицистике, нежели лекциям, которые его мало интересовали.

Франко много писал, и при всем том находил время и для чтения. Читал безмерно много, почти без плана, по мере получения неисчислимого количества новых книг. В молодости мой отец писал и ночами. Он сам признается в письмах, что днем дети не давали работать. Это относится к 90-м годам. Но с того времени (1902 г.) как Иван Яковлевич перебрался в собственный дом, его работа стала более упорядоченной. С утра он шел в «Наукове товариство ім. Шевченка», работал в филологической секции, в редакции «Літературно-наукового вістника» и в «Наукових записках». Пополудни забегал в типографию, обходил книжные магазины, заходил в кафе, где охотно читал юмористические журналы. Вечером брался за работу над художественными произведениями и статьями.

Газеты Иван Франко читал на разных языках: русские, украинские, польские, немецкие, французские. Выписывал он их немного. Большинство газет присылали Ивану Яковлевичу сами редакции. Франко любил читать газеты в кафе. Может быть, потому, что там всегда собирались знакомые, которые живо обсуждали все общественные и политические новости.

Франко охотно читал в газетах и отделы юмора и

сатиры. Он вообще был равнодушен к сатире, считая ее одним из самых боевых видов литературы. Иван Яковлевич нередко писал для юмористических журналов, таких, как «Зеркало» и «Страхопуд» («Трус»). Он радовался, если ему удавалось прочесть остроумную шутку, мудрую поговорку или хлесткий анекдот. В таких случаях отец всегда затем повторял их всей семье.

Иван Франко был атеистом. Он не соблюдал церковных обрядов, ссылаясь на недостаток времени. Но дело, конечно, было не во времени, а в убеждениях Ивана Яковлевича. Между прочим, среди знакомых и даже друзей отца было немало священников. Они часто бывали в нашем доме, мы, в свою очередь, навещали их. Однако я не помню, чтобы когда-нибудь разговор касался религиозных тем. Отец лишь упрекал иногда церковников в том, что они помогают сильным мира сего эксплуатировать и без того угнетенных и обездоленных крестьян.

Нам, детям, религиозные верования в семье не внушались. Поэтому мы занимались вопросами религии лишь в той мере, в какой требовала школа: без этого тогда невозможно было получить аттестат зрелости.

Еще в молодости Иван Франко поставил перед собою цель — всеми силами служить родному народу. И остался ей верным всю жизнь. Он считал своей обязанностью отдать весь свой великий талант на обогащение родной литературы, на пользу народа. Потеряв возможность двигать пальцами, он диктовал сначала сыновьям, потом секретарям. Последние годы он ограничивался почти одними только переводами из античной литературы и царапал их сам.

В литературной, публицистической и научной работе Франко очень помогала его довольно большая библиотека. Начал он ее собирать еще в шестом классе гимназии и беспрерывно пополнял, тщательно следил за тем, чтобы книги сохранялись.

Время от времени отдавал книги переплетчику, чтобы сделать модную по тем временам черную с золотыми надписями и номером обложку. Сохранились три каталога книг, которые вел сам Франко. Один каталог алфавитный, по авторам или заголовкам, другой — по жанрам, третий — по номерам поступления. Некоторые тома представляют собой несколько брошюр, сшитых вместе,

более или менее равных по форме, но разных не только по содержанию, но и по языку. Часто, опасаясь полиции, отец составлял эти сборники так, что сначала шли брошюры, не запрещенные властями, а революционные были в середине. Третий каталог И. Франко вел до 1908 года лично, позже записывал книги сын Андрей, с 1913 года сын Тарас, еще позже — другие помощники, до № 6036. Из этих книг сейчас недостает приблизительно трехсот. Старспечатных и переплетенных рукописей в библиотеке — четыреста десять.

Как известно, И. Франко в университете изучал классическую филологию, но книжек по этому предмету сохранилось не более трехсот. И его собственные произведения сохранились далеко не все. Особенно жаль первых изданий, которые пропали.

В собственном доме по улице Понинского, № 4, Иван Яковлевич отвел под библиотеку отдельную комнату с окнами на север и запад и закупил для книжек высокие стеллажи с занавесками и лестницей.

Иван Яковлевич очень любил свою библиотеку, старательно размещал книжки на полочках и легко мог найти любую необходимую книжку. С книгами обращался бережно, не загибал страниц, на полях не делал пометок. Но были и исключения. Одна книжка с бездарными стихами В. Масляка очень рассердила Франко, и он сделал на ней цветным карандашом пометки: «Бесстыдно! Подло! Ага! Ну, ну!» Точно так же не мог он читать и фальшивые концепции М. Грушевского и тоже сделал замечания на полях его книжки.

Но по отношению к хорошим книжкам не позволял себе ничего подобного, относился к ним с уважением.

Книги библиотеки Ивана Франко можно в основном разделить на три группы: литературоведение — приблизительно тысяча триста книг, история — тысяча двести, и фольклор — что-то около семисотпятидесяти, немалого меньше трудов по социологии и политической экономии. Среди славянских изданий больше всего русских.

Личная библиотека Ивана Франко сохраняется теперь в хороших шкафах в рукописном отделе Академии наук в Киеве и доступна советским исследователям.

Иван Франко, великий писатель, проживший почти тридцать девять лет во Львове, большей частью не имел рабочего кабинета. Как это ни парадоксально звучит, но это правда. В студенческие годы он теснился в разных маленьких квартирах (пл. Бенедиктинцев, 1; Кляйновская, 4; Линдого, 3), и то вдвоем или втроем в одной комнате, чтобы дешевле платить. Последние годы работал Франко обычно в редакции в помещении общества, или в университетской библиотеке, или в библиотеке Оссолинеум.

Когда он женился, то первые годы тоже жил в скромной квартире на ул. Зибликевича, № 10, потом на Глубокой, № 7. Когда четверо детей стали подрастать, они очень мешали отцу работать, и ему приходилось писать ночами. Только уже в квартире на улице Крестовой, № 12, Франко получил просторное помещение из четырех комнат. Угловую комнату отвел он под библиотеку, которая служила для него и рабочим кабинетом в 1896—1902 годах. Он работал там и днем, но дети в разгаре своих игр или драк забегали и туда и требовали отцовского вмешательства в свои несложные дела.

В собственной квартире по улице Понинского, № 4 (теперь улица имени Ивана Франко, № 154), Франко отвел под свою библиотеку тоже угловую комнату и там поставил свой письменный стол (так называемое «бюро»), покрытый зеленым сукном, с многочисленными ящичками для бумаг. Там поэт спокойно работал, но позже он перешел в гостиную, самую большую и солнечную комнату в квартире, и работал у стены слева, если смотреть из окна на улицу. У стола, за напряженной работой, и нарисовал его художник Юлиан Панькевич, но портрет, к сожалению, не сохранился. Там же Франко писал своего бессмертного «Моисея», принимал гостей. Кресло у отца было специальное, теперь оно в музее: широкое, жесткое, с подлокотниками. У него была папка для бумаг, коробка для писем, пресс, деревянный нож для разрезания страниц и деревянный секретер с отделениями для бумаг. Из мебели была софа, обитая черной клеенкой.

Но и этим кабинетом Франко пользовался только летом. Зимой комната почти не отапливалась из-за неис-

правности печи. Даже при небольшом ветре (а дом был построен высоко над парком, на пути всех ветров) печь задувало, комната наполнялась дымом, который разъедал глаза и не давал возможности работать.

В такие дни Франко был вынужден работать в смежной комнате с окнами на восток, где печка была лучше, чем в других комнатах, и где зимой был настоящий рабочий кабинет для шести членов семьи Франко, которые молча работали при керосиновой лампе.

Рассказывая об отце, я не могу не вспомнить и о матери, подруге его страдальческой жизни.

Наша мать, Ольга Хоружинская, родилась в 1864 году в селе Борках на Харьковщине. Детские годы она провела у своей бабушки в селе Тимофеевке.

Старшие сестры ее рано вышли замуж и переехали жить в Киев. Туда же поехала и Ольга, жила у сестер, ходила на Высшие курсы, а прежде училась в Харьковском институте.

Знакомые устроили ей встречу с молодым галичанином — Иваном Франко, который тогда приехал из Львова. Вскоре молодые поженились.

Приехав во Львов, Ольга, конечно, была разочарована — и город грязный и какой-то чужой, и квартира Франко тесная и неудобная, и заработки очень маленькие.

Вскоре стали появляться на свет дети: трое сыновей и дочь, самая младшая. Дети часто болели, а тут Иван Франко надолго поехал в Вену защищать докторскую диссертацию. Нужно было взять домашнюю работницу.

Домашние работницы были у нас не всегда. Часто мама работала сама, кое в чем помогали дети, убирала и стирала, варила и шила. Для пущего «демократизма» носила народную одежду, повязывала голову платком. В более позднем возрасте, побывав на Гуцульщине, носила гуцульский передник, а на голове какой-то чепец.

Мама чувствовала себя в Галиции плохо, часто порывалась ехать назад к своим родным, но что она могла сделать? Летом постоянно выезжала с детьми куда-нибудь в деревню: в Нагуевичи, в Колодяжное, Завадов, Голобутов, Цыганы, Подгорки, Долгополе, Криворивню, даже в Буркут.

Смолоду после замужества она была членом женского общества «Труд», интересовалась вышивками и

народными изделиями, не пренебрегала и модами. Известно, что она была издателем журнала «Житє і слово», написала несколько статей, и они были напечатаны, занималась административной частью журнала и рассылкой книг, особенно тех, которые издавал наш отец.

Любила петь русские народные и студенческие песни. Помню одну из них:

Проведемте, друзья, эту ночь веселей,
Пусть студентов семья соберется тесней.
Выпьем мы за того, кто «Что делать?» писал,
За героев его, за его идеал!

Она знала много переложённых на музыку стихов Пушкина, Лермонтова, Надсона и даже русские переводы из малоизвестных немецких поэтов. Выучила она на память немало басен Крылова. Иногда пела украинские песни, особенно с музыкой Лысенко, с которым была хорошо знакома. Нам она часто читала отцовские стихи.

Петр Франко

ИВАН ФРАНКО ВБЛИЗИ

(Воспоминания)

Помню своего отца, когда мы были еще маленькими детьми и с Глубокой улицы переехали на Крыжовую, 12. На Глубокой отец издавал газету «Громадський голос». Мы охотно наклеивали марки. Иногда приходилось наклеивать дважды. Это было очень неприятно: злобная почта возвращала газеты, и их нужно было посылать вторично. Уже тогда у отца была большая библиотека, и работал он очень много. Эта небывалая работоспособность — одна из особенностей отца, которую я запомнил с самых малых лет. Я или сестра часто садились к отцу на колени (мы, дети, всегда говорили отцу «ты», а матери — «вы»), и он читал нам, тут же переводя с немецкого, сказки братьев Гримм, которые производили на нас огромное впечатление. После этих сказок я боялся один спать и ночью шел или к матери, или к отцу. Отец, если был в хорошем настроении, любил петь и иногда пел мелодии без слов. Очень часто к нам приходили крестьяне и нередко оставались у нас ночевать. Очень хорошо помню Павла Думку. Крестьяне рассказывали нам о разных происшествиях на границе, а мы читали газеты. В четыре года я умел читать и декламировать произведения «Думы мои», «Порченая», «Галаган». Квартира наша по улице Крыжовой была довольно просторной. Там было четыре комнаты. Комната с балконом служила отцу рабочим кабинетом. Отец любил работать ночью и потому поздно вставал. Он работал до часу или двух ночи, а вставал в девять часов утра.

Мы все — четверо маленьких «башибузуков» — были

бойкими и шаловливыми, — и пока не заснем, работать отцу было довольно трудно. Не раз ему приходилось успокаивать нас.

Довольно часто к нам приходили знакомые. Приходили Коцовские, К. Гриневичева, Нементовские, Кобринские. Нередко устраивались коллективные, прогулки на Вульку, в Зубрицкий лес, на Высокий замок, в Кривчицы, Лисеничев, на Чертову скалу. Больше всего любили ходить в чудесный лес на Вульку, где было много птиц и где росли грибы. У отца было две страсти: он любил собирать грибы и ловить рыбу. В вулецкий лес ходили с нами художник Труш, Драгоманова и другие знакомые. Доктор Кобринский густо пересыпал свою речь словами немецкого языка, реже — латинского. Профессор Коцовский спорил очень темпераментно. До сих пор помню спор об «окающих» и «акающих» славянах. Доктор Коцовский почему-то утверждал, что украинцы когда-то «акали», потом стали «окать», а «аканье» перешло на север.

Мы все внимательно прислушивались к этой затянувшейся беседе. Больше говорил профессор Коцовский, говорил очень горячо. Когда он ушел, отец сказал: «Вот пример дискуссии, которая никого не убеждает».

Отец обычно одевался в серый костюм, почти всегда носил вышитую рубашку. Любил носить ботинки без шнурков, с резиновым верхом. На торжественные приемы одевал черный «шлюсрок», редко — фрак. После одного из юбилеев, осматривая фрак, недовольно сказал: «Можно качать на руках, но зачем же рвать взятый займы фрак».

В еде отец был удивительно неприветливым. Мать готовила просто, но очень вкусно. За завтраком он пил кофе с булкой (часто домашней); на обед — квашенные овощи, витаминный суп с добавлением в него кваску, крапивы, грибов; летом и осенью — овощные супы, мясо с овощным гарниром. Отец никогда не курил. Пил мало и всегда умеренно — редко выпивал чарку вина «Золотая Рица» или какого-либо другого далматинского.

С тех пор как я помню, в беседах отец был очень сдержанным и не любил много говорить, хотя всегда был веселым и приветливым. Занятый тяжелым трудом, уделял нам, детям, мало времени. Со мною только раз или два занимался по латинскому языку.

На каникулы мы все куда-нибудь ездили: в Завадов (к Дергалу), в Голобутов (к Коренцу), Тишивницкое. Самыми привлекательными были поездки в горы, в чудесные Карпаты. Сначала ездили в Косово (к Павлыкам), но все время жили у Печежаков в Монастырском, потом в Криворивню (к Волянскому, Якибюку, Митчуку), в Буркут (к Лакусте). Отец с удовольствием собирал в горах грибы. Интересовался и насекомыми, собирая их в бутылки и заливая спиртом. Две таких бутылочки я передал в музей И. Франко. В Криворивне гуцулы (прежде всего Якибюк) обратили внимание отца на «волос» — живой организм, очень похожий на толстый волос, толщиной 1—1,1 мм. и длиной от 15 до 18 см., их там было очень много в реках и источниках. Утверждали, что если проглотить такой волос, то вырастет зуб. Отец насобирал их в бутылочку и отвез профессору Верхратскому. Но Верхратский не поверил, что это живые существа.

В Криворивне отец помог Митчукам купить кусочек земли с леском, и поэтому мы могли проводить у них все каникулы. Мы и бывали у них до самой войны. В Криворивне отец собирал немало этнографических материалов, внимательно записывал пословицы, поговорки, рассказы (особенно о Довбуше) и песни.

Под влиянием отца я и мой старший брат Андрей также стали собирать этнографические материалы. Особенно много пословиц, поговорок и коломыек я собрал в Нагуевичах и целый сборник их, по совету отца, передал профессору Гнатюку для издания. К сожалению, издание их не было завершено. Профессор Гнатюк несколько раз обещал мне вернуть эти материалы, но так и не вернул, и они остались у его жены.

Отец с удовольствием совершал различного рода прогулки. Из Криворивни он ходил в Церкви, где находится подземная пещера, в которой и летом сохраняется лед, в Кичеры и в другие окрестные места. В одном из них есть камень, выдолбленный посередине, в который Довбуш в свое время замуровал два-три бочонка сороковок. Один счастливчик постучал обухом топора по камню и сказал: «Вот если бы в нем был клад Довбуша». Тонкая стенка камня провалилась, и счастливчик вытащил оттуда целую кучу серебряных сороковок. Этот

камень Якибюк показывал мне еще в 1912 году — он знал много легенд о Довбуше и его товарищах.

Один или два раза отец был на Писаном камне. Там, наверное, до сих пор сохранилась надпись: «И. Франко». Есть там и подпись Ю. Федьковича.

Но лучше всего отец проводил отпуск в Буркуте. Там мы ходили на Лукавицу, Ватанарку, Синее озеро, ручьи Добрин, Чивчин. В лесах было много грибов, в ручьях — форель, гольцы, бычки. Гольцов и бычков отец научил нас ловить с помощью вилки: ходишь по мелким местам, где ниже колен, перевернешь камень палкой; бычок или голец убегает, но задерживается около камня, и тогда его подхватываешь вилкой. Отец не любил ловить удочкой, больше увлекался сетками — всегда возил вентери, сачки и сети с собой. В Колоднице, около Стрыя, отец ловил много линей и щук, в Голобутове — пескарей, окуней, плотичек и раков. Щук ловил сеткой или на подвесной крючок, сделанный в виде якоря, — на живца. Гуцулы несколько раз приносили отцу голавлей. Одного очень крупного голавля прислал отцу во Львов Митчук из Криворивни. В Буркуте отец ежедневно ходил к источнику по воду.

Все же и во время отпуска отец работал очень много. Казалось, что главным делом всей жизни отца было «работа, работа, и еще раз работа». Самые высокие похвалы труду находим в нескольких стихотворениях отца, например, в стихотворении «Дай мне, земля» (1880):

Силу рукам дай, чтоб с гнетом не сжиться,
Ясности мыслям — не сдать в беде,
Дай мне трудиться, трудиться, трудиться,
Жизни — в труде.

(Перевод Е. Нежинцева)

В сонете, написанном в том же году:

Лишь труд упорный силы укрепляет,
Лишь труд вселенную перерождает.
В труде лишь, для труда лишь стоит жить.

(Перевод Б. Турганова)

В стихотворении «Песня и труд»:

Песня и труд — две великие силы,
Им до конца обещаю служить.

(Перевод С. Обрадовича)

Когда отец углублялся в работу, он уже ничего не слышал из того, что творилось вокруг него. Он работал

неутомимо по пяти-шести часов за один присест. Короткий перерыв на обед — и снова работа до вечера, а потом и до поздней ночи. Иногда он ходил с нами в театр. Первой постановкой, на которую отец ходил с нами в местный театр, был «Зачарованный круг», потом «Ясь и Малгося». Мне было тогда пять лет, и в школу я еще не ходил. Последняя постановка была «Пер-Гюнт», которую отец смотрел уже больным. Пение Озе взволновало отца так, что его пришлось отвезить домой.

... Отец очень любил путешествия и с молодых лет пешком обошел большую часть Галиции. Он вообще любил много ходить и путешествовать, ездил в Киев, Одессу, на Ривьеру и т. д. Отец не только сам путешествовал, но привлекал и других, и его, без сомнения, можно считать одним из зачинателей туризма на Украине... Он не любил охоту, но был страстно влюблен в рыболовство. Первые самостоятельные шаги в этой области под руководством отца мы сделали в Голобутове, вблизи Завадова, где проживали в семье Коренцов. Отец сделал нам небольшие удочки из ниток, прицепив к ним самодельные крючки из шпилек. Такими примитивными удочками однажды мы наловили массу рыбы...

Мы охотно ходили купаться на Колодницу, вблизи Стрия. Речка находилась довольно далеко, и в жару идти было тяжело. Зато Колодница была настоящим Эльдorado. В прибрежных лозах под корягами там было много рыбы. Колодница примечательна тем, что в ней глубокие места чередуются с мелкими. Плесы бывают глубиной до двух метров, но около берега вода обычно по грудь. Там мы целыми днями купались и грелись на солнце. В Завадове мы жили в доме Дергала, довольно образованного крестьянина, с сыном которого мы все дружили. Он иногда приезжал к нам во Львов. Впервые вспоминаю Колодницу в то время, когда отец учил нас плавать. Старшие братья научились легко и быстро и скоро стали хорошими пловцами. Я завидовал, когда они переплывали широкие плесы. Но я боялся воды, помня случай в Нагуевичах.

Когда мне было пять или шесть лет, в Нагуевичах случилось вот что.

Перед нашим домом летом протекала небольшая речка — «лягушкам по колена», но во время дождей она была полноводной, глубиной до двух метров. Не успели

пройти дожди, как я с сестрой Ганной вышел посмотреть на речку. Вода достигала мостика. Я сел на берегу, сестра — рядом со мной. Мы болтали ногами в воде. Вода была мутной — берег речки был глинистый. Я не успел даже крикнуть, когда сестра упала в воду. Потом я громко закричал, но Ганна уже исчезла под водой. Тут же из дома выбежал отец и мигом, одетый, не задумываясь ни на секунду, бросился в воду. С трудом нашел он Ганну и вынес ее на берег. В ту же минуту упал в воду я. Совсем спокойно пошел я на дно, оттолкнулся ногами, вынырнул, крикнул и снова нырнул в воду. Отец вытащил и меня. В первую минуту я не чувствовал страха. Нас немедленно переодели и уложили в постель. Отец был огорчен, что, прыгая в воду, не успел снять жилет, в котором он носил на цепочке серебряные часы. Часы попали в воду, но после чистки пошли снова. Позже, во время одного из судебных процессов, отец поменялся этими часами, кажется, с адвокатом Кобриным.

Когда я был постарше и мы жили в Долгополье у священника Попеля, отец снова проявил большую отвагу, спасая старшего моего брата — Андрея.

Дело было так. В Долгополье протекает речка Белый Черемош, ширина которого там приблизительно такая же, как ширина Черного Черемоша в Жабьем.

На обоих Черемошах идет сплав леса. Два раза, а на пасху — раз в неделю, в Байтагуле открывают плотины, и тогда уровень воды поднимается более чем на полметра. Мы все играли на плотках из сплавного леса, стоявших на воде. Вода была очень прозрачной и чистой. Половодье еще не началось. Но мы знали, что, когда открывают плотины, вода прибывает очень быстро. Когда брат стоял на одном из привязанных к берегу плотов и энергично греб веслом, чтобы отогнать его на середину реки, подошла желтая, мутная вода. Брат засмотрелся на воду, и в ту же минуту рулевое весло ударило его в грудь. Он, как груша, полетел в воду. Мы остолбенели, но отец быстро бросился за братом и вытащил его.

В один пригожий день, когда мы отдыхали на Колоднице, отец сказал нам:

— Не ходите, ребята, в воду, я попробую под этим кустом поймать линя.

И действительно, отец приставил к кусту треугольный сачок, слегка тронул куст боталом и тут же поднял сачок. В нем лениво трепыхалась большая серебристо-белая рыба. С триумфом мы отнесли эту чудесную рыбу маме, которая сидела недалеко на берегу и читала книгу.

Отец сказал:

— Может, здесь найдется еще рыба?

Через минуту еще две рыбы трепыхались на берегу! Отец ставил сачок пять или шесть раз и поймал десять больших и маленьких рыб. Одна из них была просто огромной. Казалось, что под кустом уже нет ничего. Но так нам только казалось...

Через некоторое время подошли настоящие рыболовы. Они систематически вылавливали всю рыбу необычайно густыми волоками и сетями. Маленькую рыбешку они бросали обратно в воду, средние отдавали бегущим по берегу мальчишкам, а крупные складывали в свои кожаные мешки. Один из рыбаков подошел к «нашему» кусту. Мы только смотрели и улыбались — ведь здесь была выловлена вся рыба. Рыбак притоптал куст ногами и стал из-под него вытаскивать рыбу за рыбой. К нашему удивлению, он вытащил около двадцати штук. Потом длительное время мы не могли поймать здесь ни одной рыбы.

В старом русле реки отец ловил пескарей и мнюхов. Первого мнюха, вспоминаю, я увидел в Яйковцах, где мы жили у о. Бирчака, о котором отец всегда высказывался с большим уважением и симпатией. Довольно много пескарей и карпов ловил отец в Подгорках, на Чернечем Болоте, в Бузе и Черткивщине, где мы впервые увидели водяные лилии, «орехи» которых пекли на кухне. Орехи не очень вкусные, немного пахнут болотом, но местное население ест их охотно. Собрать их довольно тяжело — их нужно вытаскивать из воды длинными жердями, в концы которых вбиты гвозди. Орехи растут на дне иногда довольно глубоких бочажков в старом русле реки. Таких бочажков особенно много в прежних руслах Днестра, Стрия и других низинных рек.

Страсть к рыболовству и сбору грибов была семейной страстью в роду Франко. Братья отца — Захарий, проживающий в Нагуевичах, и покойный Онуфрий, который жил в Подгорках, вблизи Калуша, также страда-

ли этой страстью. Онуфрий, кроме того, был прекрасным охотником.

Пристрастие к рыболовству стало причиной одной трагедии. А именно, когда отец уже болел, он захотел побывать еще раз на рыбалке в Завадове. С нами поехал также профессор Грушевский. Он говорил совсем мало — чаще всего употребляя междометия вроде «гм», с помощью которых он по-охотничьи выражал целую гамму чувств, давая собеседнику возможность только догадываться о них. В Стрые на станции нас ожидал Дергало с сыном. Кажется, в тот же день мы пошли на рыбалку. День выдался холодный, и профессор Грушевский сомневался — сумеем ли мы своими телами согреть воду в реке. Отец в воду не пошел, а только попробовал ее рукой. Ловили рыбу Дергало и еще один опытный рыбак с большущим животом. Рыбы поймали мало. Добычу поделили, но, как мы потом узнали, Дергало сильно простудился и вскоре умер.

Особенно много ловил отец раков на удочку в Синевидске. К короткому удилищу на не очень длинной нитке привязывалась требуха или кусок печенки, и удочка опускалась на дно неглубокого потока. Через некоторое время удочка осторожно вынималась из воды, и под нее подставлялась сетка. Если к мясу присасывался рак, то, вытащенный из воды, на солнце он отрывался от добычи и переходил в сачок. Из сачка они переходили в корзинку, а уже оттуда — в кипяток.

В Долгополье художник Труш нарисовал портрет отца. Он дважды перерисовывал этот портрет. Тогда в Долгополье, в доме о. Попеля, проводила свой отпуск и наша Леся Украинка, необычайно энергичная и подвижная, несмотря на свою страшную болезнь. Другой большой портрет отца сделал художник Панькевич, живший по ул. Понинского. На нем отец был изображен во время работы за столом. По вине Харьковского государственного издательства этот портрет где-то пропал.

Отец никогда не ласкал нас, но частенько давал нам по десять—двадцать копеек со словами: «Возьми, пропей на яблоках». В других случаях заботился о нас мало, оставлял на попечение матери.

Уже во втором или третьем классе гимназии я помогал отцу править корректуру. Корректур у отца было так много, что ради них ему часто приходилось оставлять

свою основную работу. Когда мы проживали по ул. Крыжовой, у переутомленного работой отца однажды заболели глаза, и он почти две недели должен был находиться в совсем темной комнате. Тогда он диктовал матери статью «Что такое прогресс?» Лечил его доктор Балабан, кажется, бесплатно.

Он лечил и нас, когда мы однажды, вернувшись с каникул, привезли воспаление глаз. Отец всегда говорил о докторе Балабане с большой симпатией. До конца жизни отец сохранил хорошее зрение и не носил очков.

Благодаря неустанной работе отец собрал немного денег и вместе с матерью стал строить дом на ул. Понинского, недалеко от парка. Мы часто ходили на строительство, копали рвы под фундамент, выравнивали землю и очень радовались, что дом растет. На закладке углового камня присутствовал и профессор Грушевский, который рядом с нами строил большую виллу... Вокруг дома росло несколько фруктовых деревьев. Отец, взяв нас с собой, пошел к садовнику, и мы с триумфом принесли около десяти саженцев яблонь, слив, смородины и т. п. Черная смородина предназначалась для матери, которая очень ее любила — и в свежем виде, и в варенье. Листья смородины добавляла она и в чай.

На постройку дома отец дал пять тысяч, мать — столько же, остальные деньги отец взял взаймы в банке. Во время войны деньги обесценились, и выплатить ссуду было совсем легко. Никто из посторонних не помогал отцу строить дом.

В новом доме отец занял большую комнату, так называемый салон, где он устроил свой рабочий кабинет. Эта комната редко отапливалась, и мы называли ее «Сибирью». Зимой отец с братом переходил в среднюю комнату северной стороны, самую теплую в доме. Я с братом Тарасом с удовольствием обосновался на втором этаже, где у нас было две прекрасных комнаты. В одной из них я устроил небольшую химическую лабораторию, где производил несложные опыты. Перед войной я исследовал кислотность некоторых наших растений и, к сожалению, до сих пор не могу закончить этой работы. Химией отец не интересовался и слегка иронизировал над моими опытами.

— Вот ты изобрази, чтобы камень или воздух можно было кушать, — сказал он однажды.

Теперь эта его мечта недалеко от исполнения — ведь во всем мире непрерывно проводится работа над превращением при помощи катализаторов взятой из воздуха безводной углекислоты в сахар и муку.

Только однажды мои занятия химией привлекли внимание отца. Как-то в жестокий зимний праздничный день мать заметила, что у нас в доме нет спичек.

Отец шутя сказал:

— Ну, теперь Петр даст химический огонь.

Я пошел в свою мастерскую, смешал сахар с хлораном поташа, капнул серной кислоты и от полученного огня зажег свечу.

Выплачивая долг за дом, мы жили очень скромно, нигде не бывали, и редко кто из «общества» приходил к нам. Впрочем, к нам приезжало много знакомых из-за границы. Хорошо помню очень симпатичных Чикаленков. Особенно понравилась всем г-жа Чикаленко, обладательница чудесных пепельных волос.

У нас почти всегда кто-нибудь жил. Еще на Крыжовой улице жил сын Карпенко-Карого, студент политехникума.

Господин Тобилевич, завзятый спортсмен, с удовольствием занимался гириями, саблями и т. д. Он учил меня игре в шахматы и чуть ли не в первый день получил мат. На улице Понинского у нас жил г-н Скоропыс-Елтуховский, настоящий джентльмен, получавший таинственные толстые письма. Частенько приезжали к отцу революционеры из России. Проживал несколько недель Шевченко без правой руки (оторвало на мельнице). Ходил он в кавказской бурке. А однажды приехал сын тетки (по матери), молодой революционер Т. В последние еврейские погромы с револьвером в руках он защищал евреев, палил из револьвера в «истинно русских» погромщиков, а когда расстрелял все патроны, бросился бежать. Перепрыгнув через несколько заборов, налетел на русского старшину, который сидел с девушкой на скамейке. Старшина, испугавшись, крикнул что-то вроде: «Это что такое?» Т. перепрыгнул через забор и помчался дальше. В него стреляли и ранили в плечо. Приехал к отцу зализывать рану. Как он перешел границу, я не знаю. Отец ходил с ним к хирургу, кажется, к профессору Г. Мы ему очень завидовали, посматривая на ужасную рану на его левой руке, покрытую ляписом, но не забинтованную. Т. удивлялся тому, что в Австрии на раны не накладыв-

вают бинт, а оставляют их открытыми. К отцу часто приходила молодежь и вела с ним оживленные, а иногда даже горячие разговоры.

Часто заходил к отцу г-н Карло Бандривский — самый сердечный его приятель еще со времени школы. Это был достойный, уважаемый человек, всегда приветливый и очень сдержанный. Ходил с палкой, в рукоять которой был вделан электрический фонарик. Когда палку наклоняли, кислота попадала в батарею, и лампочка зажигалась.

Иногда приезжали гости из-за границы: немцы, чехи, эстонцы, белорусы, евреи, мадьяры и русские...

Отец был, в общем, малоразговорчивым человеком — всегда был занят своей работой и своими мыслями. Будучи в гимназии и в высших школах, мы ему помогали, как могли, особенно много помогал ему мой старший брат. После смерти брата у отца были преданные ему секретари.

У отца была огромная библиотека — около шести тысяч томов. Отец очень любил свою библиотеку и постоянно пополнял ее новыми книгами. Согласно воле отца я передал ее «Научному обществу им. Шевченко»...

Отец свободно читал на русском, сербском, польском, немецком, французском и английском языках. Кроме того, он знал испанский, итальянский (путешествовал по Италии несколько раз), чешский, болгарский, белорусский и еврейский. Немного понимал по-литовски: однажды к нам зашел молодой литовец и разговаривал с отцом; мы не понимали ни словечка, но отец нам пересказывал все, о чем они говорили...

Работая над своими произведениями, отец иногда читал их нам. Читал всего «Моисея». Мы редко когда вставляли свое слово. Когда я напомнил отцу о том, чтобы он закончил произведения «Столпы общества» и «Борислав смеется», отец сказал: «Закончи сам», — и рассказал мне кое-что. Я закончил «Борислав смеется», но лишь касательно схемы, сюжета, так как Федорцев очень торопил — он был редактором произведений отца. Эту повесть впоследствии переработали в драму. Второй повести — «Столпы общества» — я не смог завершить, потому что нужно было для нее собрать дополнительно еще много материалов...

Анна Ключко-Франко

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Не раз спрашиваю себя: могу ли я воссоздать его образ в своей памяти? В этом образе кое-что сложилось в раннем детстве, кое-что в более поздние годы моей жизни. Этот образ и теперь стоит перед моими глазами: высокий ростом, мне, ребенку, отец казался очень высоким, с высоким лбом, добрые синие глаза, волнистые волосы, рыжеватые усы. Всегда веселый, полный отцовской любви, он появлялся в открытых дверях то ли своей комнаты, то ли с улицы, и мы бежали к нему навстречу с криком: «Тато, тато!» Отец говорил что-нибудь веселое или ругал, если заслужили. А самым большим счастьем было, когда он поднимал, чаще всего меня, самую младшую, себе на плечи. Мне казалось, что я сижу высоко-высоко, и я, счастливая, смеялась и ликовала.

Как сквозь сон, вспоминаю, что мы жили во Львове на какой-то боковой улице в маленькой, очень тесной квартире, но мы, дети, на это не обращали внимания, ибо мы проводили жизнь среди других детей в играх и забавах. Хорошо помню, как мы переселились на первый этаж в новую квартиру по улице Крыжовой. После прежнего жилья она казалась нам очень просторной: четыре большие комнаты с балконом.

Вечером мы обычно окружали отца, а мне и брату Петру, как самым маленьким, выпадало счастье забраться к нему на колени. Отец смеялся, повторяя: «Мицько и Мина залізли на коліна». Нас еще долго потом дразнили Мицьком и Миной.

Отец рассказывал нам чудесные басни и сказки. Мы, малыши, совсем не отличали вымысла от правды и свято верили, что звери на самом деле разговаривают, и каждая кошка, или морская свинка, или песик были для нас не просто зверюшками, а одушевленными существами. Мы болели их горестями, вели с ними долгие беседы, уверенные в том, что они нас понимают. Отец рассказывал сказки очень интересно, именно тогда он сложил для нас свои чудесные сказки — «Когда звери еще говорили», «Лис Микита» и др. Мы, как зачарованные, не сводили глаз с отца, нам хотелось слушать как можно дольше, и маме стоило великого труда уложить нас спать.

Эти прекрасные сказки и рассказы позже мы читали уже напечатанными, и они напоминали нам наше счастливое детство.

Отец не только любил рассказывать о животных и представлять их существами разумными, живущими почти как люди. Он относился ко всему живому с необыкновенной любовью и нежностью. Особенно пользовались его покровительством бездомные и беззащитные животные, больные и искалеченные. У нас дома была целая звериная лечебница: здесь находили приют и голодная облезлая кошка, которую отец нашел холодным дождливым вечером где-то под забором и принес, чтобы накормить и обогреть, и полузамерзший щенок, и птенчик с перебитым крылышком.

Эту любовь к животным отец передал и нам. От него мы получили также первые сведения об окружающей природе.

Живя большей частью в городе, отец использовал каждый свободный час, а если везло, то и день, на то, чтобы увести нас куда-нибудь за город.

Обыкновенно мы, захватив еду, шли всей семьей в ближайшие рощи или в более отдаленный вулецкий лес. За городом нам разрешалось снять обувь, и мы, босиком, подпрыгивая, бежали наперегонки полевыми тропками, а потом, утомленные, садились на краю дороги, ожидая родителей. Тогда я получила от отца и первый урок из науки о жизни. Он сказал мне: «Когда быстро бежишь, быстро устаешь и должен часто отдыхать, если же идешь не спеша, отдыхаешь, когда достигнешь цели». Меня, ребенка, это удивило, но этот урок я запомнила на всю жизнь и не раз убеждалась в его глубокой справедливости.

По дороге встречалось много интересного. Отец учил нас распознавать различные злаки, травы и цветы. Учил различать полезные растения от вредных, каждое дерево или куст получали свое название.

А когда приходили в лес, нашим вопросам не было конца. И на все давал нам отец разъяснения, обо всем рассказывал что-нибудь интересное. Мы учились различать птиц. Отец приносил нам или лягушку, или ящерицу, или ужа: все это мы хотели детально осмотреть, и хоть с великим страхом, но взять в руки, как отец, и, зажмуривши глаза, уверяли, что не боимся. Отец смеялся и радовался нашему увлечению и интересу.

Не раз такая прогулка длилась целый день, и только вечером, после захода солнца, возвращались мы домой — усталые, голодные, но счастливые.

Великим событием в нашей детской жизни была поездка на село. Мы не могли дождаться этого дня. Подготовка к отъезду, суматоха имели для нас особую прелесть. Обычно это бывало летом или на праздники. Первые поездки, которые вспоминаю, как сквозь сон, — это поездки в Нагуевичи — родное село отца. Мы приезжали в отцовский дом, сначала к его отчиму, потом к брату Онуфрию. Нам, детям, здесь было раздолье. Мы сразу же оказывались в обществе двоюродных братьев и сестер и вместе с ними жили привольной деревенской жизнью...

Очень часто отец ездил на рыбную ловлю с кем-нибудь из своих друзей или приятелей. Еще с вечера он готовился в дорогу: внимательно осматривал сети — все ли в порядке, нет ли дыр, набирал еды и раненько, когда мы еще спали, выезжал. Он возвращался обычно поздно ночью, не раз замерзший и усталый, но довольный тем, что наловили много рыбы. Утром мы бежали на кухню взглянуть на добычу. Отец выбирал самую крупную и давал подержать в руках, но это нам никак не удавалось, ибо скользкая рыба выскользывала из рук. Тогда отец поучал нас, что рыбу берут за жабры. В такой день он бывал в очень веселом настроении, шутил с нами, рассказывал много интересного из жизни рыб, развлекал нас веселыми рассказами и побасенками.

Одна поездка на село мне особенно памятна. Мы все вышли из дома, вынесли свертки и сложили на воз. Отец был как-то неспокоен и оглядывался по сторонам, при-

поднявшись на сиденье. Вдруг из-за угла выскочил человек и выстрелил в отца, к счастью, не попал. Отец побледнел, однако принялся нас успокаивать, чтобы мы не боялись,— дескать, стреляли не в него. Позже я узнала, что это один поляк хотел отплатить отцу за то, что в своей статье он назвал Мицкевича поэтом измены. Это было в 1897 году.

К нам из сел очень часто приезжали гости. Прежде всего родня отца — сначала его отчим и мать, потом, после их смерти, его братья: Онуфрий или Захарий с женами. Приезжали также крестьяне-земляки, знакомые отца по сельским поездкам. Обычно у гостей, кроме визита, была тысяча различных дел, которые нужно было уладить то ли у лекаря, то ли в суде, то ли у какого-либо начальства. Люди приезжали к отцу за советом и помощью, в их глазах он был человеком знающим, ученым, «паном», хотя и доступным и добрым к каждому. Он не только советовал, но, где мог, помогал, и люди, погостив несколько дней, уезжали довольные. На нас, детей, эти визиты производили противоречивое впечатление. В городе мы начали впервые замечать (в селе это не было заметно) различие между этими людьми и нами; это были люди, одетые в свою деревенскую одежду, зимой — в тяжелых бараньих тулупах, в шапках. Женщины повязаны большими платками, летом в одежде из полотна, в широких пестрых юбках и вышитых сорочках, в одеяниях, которые в городе не носили. Но доброе и приветливое отношение отца и матери к ним научило нас с детства не сторониться этих людей, а уважать, любить и ценить их, как это делали наши родители.

Наш дом гостеприимно встречал не только сельских посетителей. К отцу заходило много знакомых и приятелей. Не раз вечерами большая гостиная заполнялась людьми. Велись оживленные беседы, споры, совещания. Мы, дети, потихоньку входили в комнату и, пристроившись где-нибудь в темном уголке, прислушивались к разговорам старших, хотя понимали немного в этих разговорах. Когда гости расходились, мы делились своими наблюдениями.

Кроме друзей и приятелей, заходили к отцу и именитые гости, люди почтенные — ученые, поэты и писатели, политические деятели. Самыми дорогими для нас были гости из Великой Украины. Отчетливо вспоминаются мне

лица Леси Украинки, Михаила Коцюбинского. Заходили к отцу и приезжие из России, Чехии, Германии, Франции. Мы были очень удивлены и чувствовали большую гордость, когда слышали, как отец, из вежливости, говорит на их языках. Этот факт живо обсуждался между нами, потому что мы порой и не знали, что это был за язык, и по уходе гостей обращались к отцу с вопросами.

Пришло время нам идти в школу. Отец следил за нашими успехами; вечерами обычно, чтобы отдохнуть от чтения, он заходил к нам, расспрашивал, объяснял задачи, помогал переводить с латыни или греческого языков. Это он водил моими неловкими и непослушными пальчиками, чтобы нарисовать буквы сначала на грифельной доске, потом в тетради, он помогал заучивать стихи, шутил, хвалил и корил, и после его ухода мы с большим старанием брались за учебу.

Другое памятное событие. Отец был в приподнятом настроении, к нему заходили приятели, велись горячие споры, внимательно прочитывались газеты. Однажды отец сказал нам, что состоится забастовка рабочих и что мы должны держаться подальше от толпы и, возвращаясь домой из школы, обходить людные улицы. На другой день еще с самого утра по нашей улице промчался эскадрон конных уланов. Их пики и угрожающе поднятые сабли зловеще поблескивали на солнце, в воздухе висели страх и неуверенность. Мы все-таки пошли в школу. Подходя к Стрелецкой площади, я увидела толпы плохо одетых и изнуренных рабочих, и эти толпы неуклонно росли. Вся площадь была заполнена рабочими, которые что-то выкрикивали, кому-то грозили, чего-то требовали. В школе закрыли ставни, и учительницы, успокаивая нас, старались занять нас учебой, но мы слышали крики и выстрелы на площади. Мы просидели в школе до позднего вечера, и только тогда, когда рабочих разогнали солдаты, нас отпустили, и то лишь вместе с родными, которые пришли за нами. Тогда было много убитых, раненых, арестованных. Мы видели отца грустного и подавленного и впервые узнали, что не всем живется весело на свете, что есть много несправедливости, угнетения, беззащитных и слабых, что у людей порой нет куска хлеба, они ходят голодные и оборванные, живут и работают в тяжелой неволе.

Приближалось время выборов в парламент. Отец с

большим энтузиазмом взялся за предвыборную агитацию. Как агитатор, он был среди крестьянства и рабочих личностью популярной, уважаемой, любимой, его кандидатура в депутаты была одобрена всеми избирателями. Его страстные, пересыпанные шутками и пословицами речи люди съезжались слушать из окрестных городов и сел, и отец был уверен в своей победе. Но правительство хитростью, подкупом, обманом и штыками провалило его кандидатуру.

Как раз тогда освободилось место профессора украинской литературы во Львовском университете, и отец мечтал занять его. Но клеймо мужицкого сына и то, что он сидел в тюрьме, решили его судьбу. Граф Бадени, тогдашний наместник Галичины, заявил: «Франко седзял в вензеню¹, и як таки, не може быць професорем университету»,— и на вакантное место взяли другого.

Мне хорошо запомнилось празднование в 1898 году двадцатипятилетнего юбилея литературной и научной деятельности отца. Я тогда была еще маленькой, но хорошо помню праздничное и радостное настроение отца и мамы. Они отправились на юбилейное собрание. В речи отец изложил свое кредо. Как крестьянский сын, он считает своей святой обязанностью работать для народа, отдать этой работе все свои знания, все силы. Эта речь произвела на присутствующих необыкновенное впечатление, аплодисментам не было конца. Отец не ждал такого сердечного отношения и был тронут до глубины души. Кроме украинской общественности, прислали отцу юбилейные поздравления чехи, немцы, русские, поляки, французы и евреи. Много лавровых венков украсили стены отцовского кабинета, много телеграмм и приветственных адресов засыпали его стол.

В эти же годы наша семья построила собственный дом. На новоселье к нам собрались друзья и знакомые. Пили, произносили тосты, было весело и приятно. Отец был счастлив. На другой день мы окончательно перебрались в дом. Какая радостная минута для нашей семьи! Было много смеха, шуток. Отец помогал переносить мебель, вещи. С особым вниманием относился он к книжным шкафам, которые рабочие вносили в одну из комнат, ставшую позже его библиотекой. Когда все было пе-

¹ Тюрьма.

ренесено, отец пригласил рабочих на угощение, а после их ухода мы все принялись расставлять мебель и наводить порядок в доме.

Закрыв входные тяжелые дубовые двери, отец повернулся к матери, поцеловал ее и сказал: «Ну, мама, теперь мы в собственном доме».

Казалось, что после исполнения отцовского желания иметь собственный угол жизнь станет легче, отраднее, счастливее. Но так не случилось. Человек по натуре высокоидеальный, скромный, некорыстолюбивый и к тому же гордый, отец не умел и не хотел добиваться доходного места. Потерпев поражение на политической и университетской почве, отец полностью отдался литературному труду. Но труд этот был тяжелым и плохо оплачиваемым. Отцу приходилось целыми ночами править корректуру, а недобросовестные издатели его произведений весьма небрежно выплачивали скупой гонорар. Но отец не поддавался, и все жизненные невзгоды не могли сломить его веселой, здоровой натуры.

С детства привыкнув к скромной жизни, он довольствовался малым, находил желанный отдых, улучшая и украшая жилье. Вокруг дома он насадил яблони, груши и вишни, а вдоль дорожек — кусты красной смородины, крыжовника и малины. Под окнами я отвела место для цветника, и к весне, когда все зазеленело и зацвело, у нас был прелестный садик.

В комнате, в которую снесли книги, отец вместо невыгодных шкафов поставил полки от пола до потолка, и постепенно эти полки заполнились книгами. Отец был счастлив и доволен, когда мог пополнить свою библиотеку еще и еще одной книгой. Со временем эта библиотека выросла до солидной цифры — десять тысяч томов, среди которых были очень ценные старинные книги, найденные отцом случайно в монастырях среди запыленной макулатуры, в церквях и у священников.

Как и раньше, проводя ночи над утомительным чтением рукописей своих и чужих произведений, он неустанно работал над собственными произведениями. Отец любил ходить по комнате, обдумывая свои произведения, мурлыча тихонько или напевая, подыскивая рифму и ритм к стихам. Часто вечером, когда мы все собирались в столовой, он приносил только что написанное произведение и читал нам его. Мы слушали с увлечением.

Как и раньше, отец внимательно следил за нашими успехами, хотя теперь мы были самостоятельнее, а в случае необходимости помогали друг другу. Таким помощником был обычно брат Андрей; хотя он и страдал тяжелым недугом, однако у него была чудесная память и большие способности к учебе.

Мы читали книги из отцовской библиотеки, все, что там было для детского чтения. Прочитав какую-нибудь книгу, заводили разговор о ней, сначала просто с детским увлечением, а со временем, прислушиваясь к замечаниям отца, глубже вдумываясь в прочитанное, научились ценить в произведении не только занимательную фабулу, но также художественную форму и высокие идеи. По каждому произведению отец делал свои замечания, а мы, обсуждая произведение, открывали в нем новую красоту, новые достоинства.

Это были радостные и счастливые минуты.

Между тем здоровье мамы постепенно расшатывалось. Чрезмерная домашняя работа, хождение в город за продуктами истощали ее физические силы. А потом стало заметно и расстройство душевное. Заработок отца был невелик, в доме не было достатка. Вскоре обнаружилось, что наш дом, такой красивый и удобный на вид, построен недобросовестно. Дымоходы были устроены скверно, и, как только начинали топить, все печи дымили, комната наполнялась едким дымом, и мы вынуждены были гасить огонь и сидеть в нетопленных холодных комнатах. Лучшей из этих комнат была столовая, ее еще кое-как можно было обогреть, и обычно зимой мы все там находились, греясь возле печки. Большая комната, где отец работал, и наши спальни почти никогда не нагревались. Отец сидел в комнате, завернув ноги шерстяным одеялом, и писал, пока не начинали коченеть пальцы. Тогда он оставлял перо и шел в соседнюю комнату греть руки.

Отцовского заработка хватало лишь на еду; одежда, привезенная мамой из Киева, снашивалась, а на новую не было средств. Мама привыкла к обеспеченности, не умела быть бережливой, она, не задумываясь, тратила на гостинцы и подарки для гостей последние деньги. Как-то мама поехала в Киев к родным. Очевидно, она упрекала их, потому что приехала еще более раздраженная и сказала отцу: «Я со всеми рассорилась».

Все же ее поездка привела к тому, что украинские деятели стали высылать отцу из Киева по сто рублей ежемесячно. Отец, сотрудничая в редакции «Літературно-наукового вістника», получал двести крон, и этой небольшой суммы при экономном ведении хозяйства было бы для нас вполне достаточно. Но мама не была экономной.

Мы, дети, этой бедности вовсе не замечали. Школа, книги и спорт удовлетворяли все наши стремления и желания, мы были равнодушны к тому, что приходилось годами ходить в старенькой одежде, часто в стоптанных башмаках, мы не завидовали богатой одежде других школьников, потому что привыкли к скромности.

Но отец, хотя всегда ласково успокаивал мать, ходил грустный, голова его клонилась, он почти все время проводил за работой в своей комнате, а вечером шел в Венское кафе, где встречался со своими друзьями и перечитывал массу газет. Все сильнее он ощущал тяжесть непосильной жизненной борьбы, но твердо следовал своему призванию: пером служить своему народу. Он отклонил предложение Софийского университета занять кафедру профессора славянских литератур, ибо знал, что его место среди украинского народа и весь его труд принадлежит ему.

В то время, в 1894 году, приезжал во Львов Михаил Грушевский с Великой Украины. Грушевский, человек чужой и неизвестный в галицком обществе, обратился к отцу за поддержкой. Отец ввел его в круги галицкой интеллигенции, познакомил его с новой обстановкой, и казалось, что они, объединенные искренней симпатией, будут идти вместе, обогащая своим трудом, каждый в своей области, родную культуру. Но случилось иначе, и все это имело тяжелые последствия для дальнейшей судьбы моего отца. Отец, человек благородный и добрый, великодушно протянул руку дружбы незначительному и неизвестному тогда еще человеку, оказал ему моральную поддержку и помог занять видное место в «Научном обществе им. Шевченко». Но Грушевский быстро сориентировался в обстановке. Он увидел, что у отца много недругов, и более всего среди знатных слоев общества. Грушевский женился на дочери священника, приобрел благодаря этому браку связи и материальную поддержку. Он стал профессором истории во Львовском университете и занял

руководящее положение в «Научном обществе им. Шевченко».

Мама, в силу интуиции и зная попов и поповичей, не любила Грушевского. Она увидела, что под личиной вежливости и скромности скрывается эгоистическая и хищная натура поповича, и почувствовала сильную неприязнь к этому человеку. Она предупреждала об этом отца, но отец, сам искренний и откровенный, не внял маминим предостережениям и даже рассердился на нее за это.

Между тем Грушевский, утвердившись в должности профессора истории, добился того, что его избрали председателем «Научного общества им. Шевченко». Завидуя славе отца и популярности среди населения, он начинает его затирать, отодвигать на второстепенное место. Хорошо помню, как сердился отец, когда Грушевский навязывал ему корректуру не только его работ, но и своих собственных и чужих. Он заваливал его второстепенной работой, которую с успехом могли бы выполнить двадцать других, только для того, чтобы превратить его в обычного корректора. К тому же в обязанности отца входило самому относить выправленные тексты в типографии. Каждое утро он заходил на квартиру Грушевского для разных совещаний по делу издательства и возвращался оттуда раздраженный, подавленный, молчаливый. Грушевский относился к нему бестактно, навязывал свою волю, подчеркивал, что отец его подчиненный, и гордая, свободолюбивая натура отца была этим глубоко возмущена и страдала. Грушевский был человеком заурядным, как профессор он ничего не стоил, на его лекциях обычно было в среднем по три студента, излагал он материал вяло, заикаясь, неинтересно. Своих студентов он использовал для разыскания и обработки материалов для его «Великої історії України». Студенты, которым нужна была его роспись в матрикулах, писали целые статьи, которые потом, несколько подправленные самим Грушевским, шли под его именем.

Помню, как отец собирался вместе с Грушевским посетить Италию. Мы все обрадовались, что у отца появился подходящий случай осмотреть старинные памятники Италии, увидеть которые он не раз выражал желание. Посетить Италию — мечта всех художников-живописцев, певцов, ученых, писателей. И на самом деле — они скоро уехали. Уже из Италии отец присылал нам открытки с

видами, восторженно описывая все виденное. Главной целью был Рим, потом Неаполь. У отца была возможность самому увидеть знаменитые творения Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэля.

Из Италии отец привез альбомы с рисунками выдающихся художников и другие подарки, а также копию со статуи Микеланджело «Моисей», которая произвела на него огромное впечатление. Эту копию он сразу же повесил у себя в спальне над постелью. Но радость от этой поездки была омрачена отношением Грушевского к нему, и отец высказал даже сожаление, что вообще с ним поехал... У отца были очень скромные средства, и он вынужден был ограничить свои дорожные расходы: вагон третьего класса, скромная гостиница. Зато Грушевский не отказывал себе в комфорте: он ехал в вагоне второго класса, жил в дорогом отеле.

Это невежливое подчеркивание разницы в средствах очень неприятно поразило отца, и он приехал огорченный.

В этой полной труда и забот жизни светлым лучом для отца была минута, когда появлялось какое-либо новое его произведение. Его печальное лицо прояснялось, когда он приносил только что напечатанную книгу, еще с запахом типографской краски. Ясно помню, как он принес небольшой сверточек и развернул его передо мной на столе. Это были новые книги в очень хорошем переплете — «Мой Измарагд». Одна из них была в белом кожаном переплете. Отец протянул ее мне, сказав: «Тебе нравится? Если да, то это для тебя, но ты должна прочитать, что в ней». Я, счастливая, схватила книгу и здесь же начала читать. И до сих пор, когда увижу эту книгу или это заглавие, вспоминаю лицо отца, сияющее гордостью и удовлетворением.

Огромный творческий подъем вызвали у моего отца революционные события в России в 1905 году. Началась горячая работа на всех участках политической и культурной жизни, налаживались более тесные связи с Великой Украиной. Одним из проявлений этого была организация общеобразовательных курсов, на которые собралось очень много молодежи из Надднепрянской Украины. Наиболее важными и интересными по содержанию были лекции моего отца. Эти курсы длились несколько недель. К нам часто заходили студенты и студентки для личных

бесед с отцом. Это, кажется, был единственный счастливый момент в его жизни, когда его оценили, с увлечением слушали каждое слово, прочитанное им. Носились с мыслью, что эти курсы со временем станут фундаментом постоянного украинского университета, но властям мысль об украинском университете во Львове была как нож в сердце.

Как раньше с улицы Крыжовой, так и из собственного дома мы ездили целой семьей то на зимние, то на летние каникулы на село, в горы. Ездили мы в Косов, Жабье, Коломыю, Криворивню, Буркут.

Ехать в Косов уговорил отца Владимир Гнатюк, секретарь «Научного общества им. Шевченко». Мы приехали поездом до станции Заболотов, а там пришлось нанимать лошадей и простой телегой ехать в дальнюю дорогу до Косова.

Обычно мы выгружались с нашим багажом и терпеливо ждали, пока отец находил подводу. Тогда, уложив и прикрыв вещи, мы усаживались сверху. Дорога была долгая и трудная, часто с выбоинами, нас подкидывало и трясло невероятно. Ехать приходилось порой двое суток. Такая поездка ночью была опасна, особенно в горах, когда тяжелая подвода катилась с горы, сдерживаемая лишь инстинктом умных гуцульских лошадей. В хорошую погоду мы слезали с подводы и шли пешком, особенно если лошадям нужно было тянуть телегу в гору. Мы собирали по дороге землянику, цветы, камешки, незнакомые растения. За каждым поворотом дороги открывались все новые чудесные пейзажи. Густые сосновые леса подходили к самой дороге. Они манили нас своей таинственностью. Здоровый, свежий воздух, наполненный запахом сосен и смолы, расширял легкие. Нам было легко, мы чувствовали себя счастливыми и беззаботными. Мы видели все новые и новые пейзажи, а вдали маячили вершины гор, покрытые снегом. Они казались такими близкими — только раскинуть крылья и полететь. Но нужно было ехать с горы, мы садились на телегу и с шумом и стуком спускались вниз. В долине нас подстерегала немалая опасность. Дорогу пересекал поток, а мост был полусгнивший. Счастье еще, что этот мост проезжали днем, если бы это случилось ночью, дело могло бы обернуться скверно. Отец слезал с телеги и шел осматривать мост — можно ли проехать по нему.

Помнится, однажды мы доехали почти до самого моста, но здесь лошади сами остановились и не хотели идти дальше. Тогда отец слез с телеги, чтобы взглянуть, в чем дело. Оказалось, что размытый ливнями мост ушел под воду. Нас, удивленных и заспанных, какие-то чужие люди переносили через разбушевавшийся поток, а потом перетаскивали телегу с лошадьми и узлами через воду. Поздно ночью мы добрались до корчмы, пили теплое молоко с вкусными булками и спали на жестких лавках.

Сам Косов и его окрестности вовсе не были похожи на те села, которые мы видели по дороге. Вокруг маленьких домиков росли густые сливовые сады. Крупные темно-синие сливы, покрытые сизым налетом, густо покрывали ветви низких деревьев. Их было много-много. Фрукты заглядывали в окна, били по голове, когда мы проходили под деревьями, наполняли воздух пьянящим ароматом. Перед каждым домом красовался цветничок, гордость хозяйки. Почти в каждом доме, на одной половине, стоял большой ткацкий станок. На этом станке ловкие руки ткачей ткали красивые полотна из льна, от тончайшего до грубого, изготовляли ковры со старинными узорами, которыми украшали свои дома окрестные хозяйки. Женщины и девушки носили плахты вместо юбок, черные в будни и красные, вышитые золотом и серебром — в воскресенье и в праздники. Народ вежливый и приветливый, хотя и бедный, ибо эксплуататоры, как и повсюду в Галичине, угнетали народ и высасывали из него живые соки.

В Косове отец находил много интересного для своих занятий: знакомство с новыми людьми, новым бытом давало ему свежие материалы для творчества.

Другое место, куда мы стали ездить летом, было село Криворивня на Гуцульщине, еще дальше за Косовом.

Мы охотно ходили с отцом собирать грибы и возвращались домой, нагруженные нашей добычей. Все садились за чистку грибов, и отец внимательно пересматривал принесенные грибы. Часть здесь же варили, остальные резали на пластинки и сушили на зиму. Из собранных ягод — малины и ежевики — мама варила вкусное варенье, запас на зиму. Из Криворивни мы всей семьей, а иногда и большой компанией делали дальние прогулки. Однажды пошли проведать сто двадцатилетнюю гуцулку, которая, правда, была согнута пополам, но подвижна и говорлива. Она была рада и счастлива, что отец нагово-

рил ей тысячу комплиментов, дивясь ее здоровью и живучести. Добрая старушка провожала нас далеко, благодарила за посещение.

Ходили мы и в пещеру Довбуша, где когда-то Довбуш, защитник и мститель за обиженных, герой многих преданий и песен, закопал свой огромный клад, как рассказывают местные легенды. Мы шли узенькими тропками, переходили высокие горы и темные ущелья, обходили бурные потоки и горные озера, которые таинственно и зловеще блестели при луне среди высоких сосен. Когда наконец добрались до прославленных пещер, все были усталые и голодные. Приветливые чабаны пригласили нас в колыбу¹, угостили необыкновенно вкусным кулешом с густым молоком и овечьим молодым сыром (будзом). После ужина мы легли спать. Костер наполнял наше пристанище и дымом, и очень приятным теплом. Отец еще долго сидел с овчарами, слушал их рассказы о герое Довбуше, о его товарище Петрии, об изменнице Дзвинке.

Запомнилась также прогулка на гору «Поп Иван», самый высокий после Говерлы шпиль хребта Черногоры. Собралась довольно большая компания. Дорога была тяжелая и далекая, поэтому женщины и дети ехали на лошадях. Только на второй день вечером мы добрались на гору и разбили к ночи лагерь на берегу озера. На второй день раненько двинулись дальше. Предстояла самая трудная часть пути. Кое-кто отказался от этого путешествия, решив ждать у озера нашего возвращения. Дорога была крутая и опасная, но хороший проводник и гуцульские лошади, привычные к подъемам на гору, вели нас смело и уверенно вперед. Мы поднимались все выше и выше, воздух становился разреженным и, хотя солнце сияло ярко, резким и холодным. Около полудня мы добрались до половины горы, и проводник заявил, что кони дальше не пойдут и мы должны идти пешком. Природа вокруг была дикой и пустынной, тропка вилась среди развесистых рододендронов, скал, покрытых мохом; низкие кусты чем дальше, тем более затрудняли нам путь. У некоторых кровь пошла из носа, и они отстали. Но мы продвигались вперед. Уже была видна огромная скала, словно великан, зачарованный волшебником, стоял на страже на самой вершине. Отсюда и пошло название

¹ Хижина на пастбище.

«Поп Иван». Цепляясь руками и ногами за выступы скал, мы взобрались наверх.

Какая могучая красота! За нами грозная и величавая Говерла, а дальше на все стороны, куда ни глянь, виднелись вершины. Отец знал все их названия. Пики, покрытые вечными снегами, блестели на солнце, темные сосновые боры покрывали склоны. Захватывающее, дикое величие природы. Мы глянули на юг: стремительный поток мчался куда-то в пропасть, далеко в туманной мгле серебряной лентой извивалась Тиса, а еще дальше виднелся Мукачев, а на вершинах справа и слева была обозначена столбами граница, которая, как лютый змей, раздирала тело Украины.

В Криворивню приезжали также друзья отца и знакомые с Украины, чаще писатели — Коцюбинский, Гринченко и другие. Тогда целое общество собиралось у священника Волянского, и в большой беседке в саду, за хорошей закуской, поданной гостеприимной хозяйкой, велись долгие дружеские беседы, горячие споры. Молодежь пела песни, и лишь поздно ночью общество расходилось.

Возвращаясь из Криворивни, отец привозил много написанного, много новых планов и с новой энергией брался за работу.

Ездили мы и в Подгорок, около Калуша, в гости к дяде Онуфрию. Село лежало в разлогой равнине, а упиралось в «діл» — громадный гористый вал, который, как стена, возвышался среди равнины. Такой «діл» в Нагуевичах отец не раз вспоминает в своих произведениях.

А во Львове жизнь отца становилась все более невыносимой. Особенно много неприятностей доставлял ему Грушевский. Он начал все больше преследовать отца, стал его открытым врагом. Чтобы окончательно вышибить почву из-под ног отца, он перевел редакцию «Літературно-наукового вістника» в Киев (в 1907 г.) и тем самым отобрал у него последний кусок хлеба. На вопрос отца, что же теперь делать и на какие средства содержать семью, он цинично ответил: «Можете переехать в Киев». А на заседании общества заявил: «Мы уже достаточно дали Франку, ему больше ничего не причитается», — и добивался, чтобы и вовсе отстранить его от работы в журнале.

Этот удар как гром поразил отца, он пришел с заседания совсем разбитый. Целую ночь не спал, ходил по комнате и сам с собой разговаривал.

Я проснулась, услышав беспокойные шаги отца, и слышала, как он несколько раз повторял: «Это Грушевский виноват. Это Грушевский виноват». С тех пор и началась его тяжелая болезнь, которая здорового человека за несколько дней превратила в бессильного, почти душевнобольного. Так злоба и зависть не остановились перед тем, чтобы уничтожить великого человека, и этот подлый план удался, ибо, найдя себе в научном обществе подхалимов и единомышленников, Грушевский смог легко вытолкнуть оттуда Франко.

У отца начались галлюцинации, ему слышались голоса его умерших друзей, он вел с ними споры и беседы... Он рассказывал нам об этом и очень сердился, когда с ним спорили, и, наконец, мы стали притворяться, что и сами слышим голоса. Его состояние ухудшилось, обессиленный, он лежал в своей кровати. Врачи сказали, что это паралич, вызванный сильным нервным потрясением. Отца отвезли в Липик на лечение, но там ему стало только хуже, и вскоре мы получили телеграмму, что отец в безнадежном состоянии и за ним необходимо приехать. В Липик поехал брат Тарас, и отца поместили в водолечебницу, недалеко от нас. Мы часто ходили навещать отца. Через несколько месяцев он стал понемногу выздоравливать: его железное здоровье не до конца поддалось болезни, хотя пальцы плохо повиновались, а разум не вполне освободился от кошмарных призраков, которые будто бы крутили ему руки и мучили его. Но постепенно он стал успокаиваться, приходит в себя. И вот он, наконец, возвращается домой и, хотя еще слабый и больной, принимается за писательскую работу. Он чувствовал, что должен сделать еще много. Не владея руками, он начинает диктовать сыну Андрею, потом приходят студенты, которые добровольно берутся помогать отцу.

Отец занялся в первую очередь редактированием и подготовкой к печати пословиц. С помощью Андрея он доводит эту большую работу до конца и издает ее в «Наукових записках».

Как и прежде, отец интересуется развитием украинской литературы и поддерживает связи с писателями

Украины и Галичины. Молодые писатели присылали ему свои произведения. Отец иногда читал их нам и не раз удивлялся, как какой-нибудь борзописец претендует называться гордым именем «поэт». Критика его была острой, но справедливой. Требовательный к себе, он много требовал и от тех, кто только вступал на тернистый писательский путь.

«Научное общество им. Шевченко» назначило отцу сто крон ежемесячной пенсии, а с Украины, как и раньше, посылают ему по сто рублей, и на эти небольшие доходы приходится нам жить. Отец совсем отстраняется от общественной жизни. Если не диктует своих произведений, то лежит на постели, отдыхая и обдумывая новые работы. Иногда выходил он в город в Венское кафе почитать по старой привычке газеты и повидаться со своими приятелями и знакомыми.

Светлой минутой в тяжелой жизни отца было празднование сорокалетия его литературной деятельности. В самом большом зале Львова сошлись тысячи людей — его старые товарищи и приятели, его ученики, которые шли по его стопам, его враги и противники. Я поехала с отцом. Уже издалека мы увидели тысячи людей, ожидающих приезда отца. Его встретили аплодисментами и приветствиями. Радостный и растроганный, слушал он сердечные выступления своих друзей, представителей молодежи, которые с почтением склоняли головы перед его гением. Взор отца на минуту утратил грустное выражение. Но я смотрела на его беспомощную хрупкую фигуру, и мое сердце сжималось от боли. Это уже не был тот могучий орел, что возносился духом своим все выше и выше, это уже не был тот предводитель камнеломов, который сильной рукой крушил скалу, — это был обессиленный, придавленный горем великан. Он вышел на сцену поблагодарить за торжество, устроенное в его честь. Как не были похожи эти тихие слова благодарности на ту полную силы речь, которая была произнесена отцом на первом его юбилее! Но он видел и знал, что не напрасной была его сорокалетняя работа, что он многое сделал для родного народа для его социального и национального освобождения.

В последние годы жизни отец часто ездил по городам и читал своего «Моисея». Каждый хотел увидеть

великого поэта вблизи, каждый хотел его послушать. Получил он приглашение приехать и в Черновцы. Он пожелал, чтобы я поехала с ним. Там нас уже ждала делегация, и нас сразу же отвезли в дом Кобылянской, где мы и остались на все время нашего пребывания в этом городе. Вечером, когда зал был битком набит, отец вышел и стал читать. Хоть и негромким, но выразительным голосом, с большим чувством. Нашему воображению предстала глубокая драма еврейского пророка. Но не этого пророка я видела перед собой. Я видела могучую, гордую фигуру украинского Моисея, который боролся и страдал за свою высокую идею: вывести свой народ из неволи. И, как Моисей, подавленный горем, обессиленный в борьбе с самим собою, измученный сомнениями, он знал,— не ему вступить в землю обетованную, но грядущим поколениям это суждено.

В 1914 году, перед самой войной, получила я приглашение от моей киевской тетки приехать к ней на несколько месяцев. Решила ехать в июне. Отец сказал мне: «Не следует тебе одной ехать, я поеду с тобой», — мы собрались вдвоем. Но в день отъезда отца вызвали в жандармскую канцелярию. Там он пробыл довольно долго, потом вышел чем-то озабоченный, подошел ко мне и сказал: «Советуют, чтобы я не ехал, время беспокойное, если хочешь, поезжай одна, я возвращаюсь домой». Еще несколько прощальных слов, последний поцелуй и улыбка его доброго, ласкового, изможденного лица.

Это был последний поцелуй, последний взгляд, последняя улыбка там, на русской границе...

Ольга Раздольская

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ ИВАНА ФРАНКО

В 1897 году я вышла замуж за О. Раздольского. Мой муж был знатоком классической филологии и одновременно занимался украинской этнографией и фольклором. Как фольклорист и этнограф, он уже до этого был связан дружбой с В. Гнатюком и И. Франко.

С И. Франко я познакомилась в 1898 году на литературном вечере. В то время литературные вечера проходили в доме, где теперь находится книжный магазин на площади Рынка, № 10. На первом этаже дома был зал и две или три маленькие комнаты.

Вечера проходили в зале. На этих литературных вечерах часто выступал Иван Франко.

Помню вечер, посвященный В. Стефанику, который тогда написал свою «Синюю книжечку». Она еще не была напечатана, и Франко читал ее по рукописи. В конце вечера мой муж подвел меня к Франко и сказал ему: «Знакомьтесь! Это моя жена». Мы поздоровались. К сожалению, содержания первого нашего разговора я не помню.

Франко был очень простой, ненапыщенный, добрый и ласковый, не очень разговорчивый. Только в печатных выступлениях против недругов он был едок. Попасться ему на перо боялись даже наиболее смелые из его противников.

Из этих первых встреч и бесед припоминаю, что Франко высоко ценил В. Стефаника и очень не любил Костя Левицкого. Сердечная дружба связывала его с

В. Гнатюком. Сначала Франко был в очень хороших отношениях с Трушем, но потом эта дружба почему-то несколько ослабела.

В то время когда я познакомилась с Франко, из его произведений более всего читали «На дне», повести и рассказы из крестьянской жизни и др., а позже страшно увлекались (особенно молодежь) его лирическим сборником «Увядшие листья». С большим успехом шла в театре его драма «Украденное счастье».

Мой муж перевел произведения Франко на немецкий язык и печатал их в лейпцигском журнале «Aus fremden Zungen» («С чужих языков»). Там был опубликован и рассказ «На дне» и произведения, написанные в тюрьме. Вспоминаю, что немецкие читатели произведениями Франко заинтересовались, и мой муж получил несколько писем с просьбой и дальше посылать переводы из Франко.

Львовская интеллигенция, группировавшаяся вокруг Франко, часто собиралась на квартире В. Гнатюка. Нередко приходил туда Гнат Хоткевич, с которым Франко не раз дискутировал по вопросам литературы. Помню, что в оценке Шевченко они резко разошлись. Хоткевич считал, что Шевченко недостаточно европейский, что ему недостает образования. Кажется, в этом его поддерживал Грушевский. Франко был иного мнения, высоко ценил талант и ум Шевченко и сравнивал его с каким-то английским поэтом. Много разговоров было о П. Кулише. Насколько я помню, Франко был о нем отрицательного мнения, особенно осуждал его отношения к М. Вовчок.

Я с интересом слушала их споры, но никогда не вмешивалась в них, — куда мне было!

Франко жил на улице Крыжовой на первом этаже. Я часто ходила к нему с поручениями от мужа — относила рукописи и записи песен. Тогда я познакомилась с женой Франко Ольгой, видела его детей, видела обстановку, в которой жил писатель.

Франко любил шутить. Когда я впервые пришла к нему, его жены не было дома. Я спросила: «Где ваша жена?» Улыбаясь, он ответил: «Я не знаю, возможно, с солдатами болтает у колодца». Тогда водопровода не было, а на углу улицы возле них был колодец, откуда Франко брали воду. Со временем Франко перебрался в

собственный дом. Там я тоже была несколько раз. Но чаще всего мы встречались у Гнатюков...

В литературе Франко не любил напыщенности и слащавости. Как-то после выхода книги польского писателя Каспровича «С крестьянской пашни» я с мужем, супруги Франко, учитель гимназии Бигеляйзен и автор этой книги сидели в кафе. Речь зашла о новой книге, и Франко лукаво спросил автора: «Однако скажи мне, на каком это мужицком поле ты эти цветы собрал?» Каспрович смутился, кисло усмехнулся и ничего не мог ответить.

В 1898 году я присутствовала на вечере, посвященном двадцатипятилетию литературной и научной деятельности И. Франко. Он тогда уже имел большие заслуги перед народом как писатель и как ученый; его уже боготворили, особенно молодежь.

В честь Франко был устроен большой концерт. Тогда же хор Людкевича исполнил гимн «Вечный революционер» на текст И. Франко. Было много речей, а студенты носили Франко на руках. Все это продолжалось почти до утра.

Несколько лет мы провели с Франко в Криворивни. Франко любил Гуцульщину. Он был страстным рыболовом, любил бывать среди гуцулов и беседовать с ними. Он очень интересовался их жизнью и очень горевал, что они пили водку...

Помню также, как в Криворивню приезжал М. Коцюбинский. Гнатюки тогда жили во Львове на улице, носящей теперь имя Коцюбинского. Здесь, в доме № 19, он останавливался у Гнатюков. Там я с ним и познакомилась. Было это перед каникулами. Он приехал с сыном, ровесником моего сына. Коцюбинский находился у Гнатюков, а его сын — у нас. Потом мы поехали в Карпаты. Лето я прожила в Ясиновой Верхней, а Коцюбинский с Гнатюком — в Криворивне.

Коцюбинский мне очень понравился. Он был галантен, мягкого характера, исключительно аккуратен. С ним приятно было разговаривать. У него была чистая, красивая, культурная речь. Тогда я уже читала наиболее популярные произведения Коцюбинского, знала, что он выдающийся украинский писатель.

Коцюбинский часто ездил в горы на маленьком гуцульском коньке и собирал материал для своего произведения «Тени забытых предков». Как и Франко, он

очень печалился, что гуцулы много пьют, и в беседах с ними уговаривал их пить меньше. Гуцулы охотно рассказывали ему сказки, легенды о старине, пели коломыйки. Больших песен на Гуцульщине мало, зато сказок и легенд тьма-тьмушая. Их и записывал Коцюбинский. Интересовался он и бытом, обычаями и одеждой, танцами, музыкой.

Из Криворивни Коцюбинский приезжал в Ясиновую Верхнюю.

Позже, когда Коцюбинский был у Горького на Капри, мы получали поздравления от обоих писателей.

О пребывании семьи Франко среди гуцулов очень весело рассказывал прекрасный юморист Лесь Мартович. Как-то сыновья Франко, играя, забрались в кукурузу к одному гуцулу. Подошел хозяин, схватил палку и хотел бить детей, но его остановили: «Ты что, хочешь бить детей Франко?» На это гуцул ответил: «Я Франко очень уважаю. Когда он за мужицкое дело стоит, когда он с паннами воюет, я его очень люблю. Когда он книги пишет, я его люблю, но когда он мою кукурузу портит, то он — преступник...»

Вместе с Франко я была на свадьбе Стефаника. Это было для нас неожиданностью. Я уже была в постели, когда к нам кто-то позвонил. Оказалось, пришел официант из отеля «Ванда» с письмом, в котором знакомые, собравшиеся там, просили немедленно прибыть в отель, который находился на теперешней Трибунальской улице. Мы собрались и пошли, хотя и не знали, в чем дело. Приходим.

— В чем дело? — спрашиваем кого-то из знакомых.

— Как в чем дело? — отвечают. — Свадьба Стефаника, и он хочет, чтобы вы присутствовали.

Заходим в большой зал. Народу много, но обращает внимание почти полное отсутствие женщин. За столом в центре внимания — В. Стефаник, рядом с ним его жена, справа Франко. Рядом с Франко сидел брат Стефаника и кто-то из родни, а с другой стороны сидел отец и родственники новобрачной. Здесь же — веселый Лесь Мартович, В. Шухевич, М. Черемшина и другие.

После поздравлений Стефаник, улыбаясь, говорил: «Я вас пригласил, чтобы спеть свадебную. Только вы сумеете организовать». Тогда Франко произнес прекрасный тост, в котором, между прочим, призывал Стефани-

ка посвятить себя литературе, ибо он, как никто, знает крестьянскую душу, быт села, запросы крестьян. Он говорил очень волнующе и сердечно. Брат Стефаника расплакался. Выступали с речами и другие гости. Потом пели песни, свадебные и всякие. Франко очень любил петь. Его любимой песней была: «Там за горою, там за каменною не по правде живет муж с женою». Франко ушел, а мы остались почти до утра. Когда расходились, Лесь Мартович, большой любитель шуток, засунул, кому смог, в карманы пирожные. Кое-кто сначала и не заметил, а кто заметил, вытаскивал их под общий смех, а Мартович приговаривал:

— Я же предупреждал, что красть нельзя!

Франко очень внимательно следил за революционными событиями в России и был очень опечален, когда революция была подавлена. У нас тогда было много беглецов из России. Я сама изготовила паспорта для нескольких женщин, которые через Галичину эмигрировали в Европу. Помню, что Франко охотно принимал эмигрантов и помогал им, бежавшим от преследований русского царя. Вообще все прогрессивные деятели из российской Украины были у нас радушно приняты.

Я довольно часто встречалась с Франко или в доме Гнатюков, или у него дома и удивляюсь, каким образом этот великий человек в таких неблагоприятных условиях, когда не раз, было, как говорится, «и голодно и холодно», мог столько сделать для своего народа. И сейчас еще помню, как однажды зимой, когда я по какому-то делу была у него дома, я застала поэта, который сидел в нетопленной комнате за столом, заваленным кипами бумаг, а около него на столе лежала кошка. Поэт, ласково усмехаясь, сказал мне:

— Взгляните, эта кошка — моя печь. Когда замерзнут руки и я уже никак не могу удержать перо, беру ее на колени и грею ее теплом руки.

Владимир Гнатюк написал в одном из писем к моему мужу, что у Франко болят глаза. Это нас очень встревожило. Позже, когда я тоже обратилась к доктору Балабану, он пожурил меня: «Слушайте, сделайте что-нибудь для Франко. Он ходит ко мне лечить глаза, и я вижу, что он бедствует. Во Львове много украинцев, и как вы можете допустить, чтобы он жил в такой нужде? У него больные глаза, и о нем следует позабо-

тяться». Однако сам Франко не всегда соглашался принять помощь.

Лет через десять Франко тяжело заболел. Переутомление, нервное истощение давали себя знать. Врачи порекомендовали ему поехать на лечение в Липик (Югославия). Кажется, он уехал весной, а мы летом на каникулы. И вот неожиданно Гнатюк сообщает нам, что с Франко плохо, что от него получены очень странные письма. К сожалению, эти письма пропали в годы первой мировой войны.

Позже в «Наукове товариство ім. Шевченка» пришла телеграмма, в которой сообщалось, что Франко тяжело заболел. Просили приехать и забрать его домой. В Липик поехал его старший сын Андрей и застал Франко в очень тяжелом состоянии...

Когда Франко привезли во Львов, руки его были парализованы. Поместили его на лечение в частную лечебницу на Институтской улице. Мы часто ходили его проводить. Тяжело было смотреть на великого человека, сломленного болезнью. Когда он чувствовал себя лучше, то заводил с нами долгие и интересные беседы.

Одного посещения я не забуду. Была у Франко знакомая Евгения Бохенская. Она учительствовала где-то недалеко от Львова, а когда узнала, что Франко заболел, приехала, чтобы повидаться с ним. Они были ровесниками и когда-то симпатизировали друг другу. Кажется, не ошибусь, если скажу, что она его все-таки искренне любила, о чем и он знал. Однажды она пришла к нам, и мы все — я, жена Гнатюка и Бохенская — пошли в лечебницу. Франко как раз было нехорошо, в беспомощности он говорил, что рыбы в пятках не дают ему покоя, говорил снова о руках, и, наконец, наступила минута успокоения, он пришел в себя, увидел Бохенскую, которая стояла и плакала, и у него из глаз покатились слезы... Все присутствующие тоже расплакались.

Когда Франко стало немного легче, он возвратился домой и снова начал выступать со статьями и художественными произведениями. Однако руки так и остались парализованными. Несколько раз я видела, как по дороге домой он заходил на рынок, подходил к продавщице хлеба, она вынимала из его кармана деньги, брала сколько надо, сдачу клала в карман, а хлеб засовывала ему под мышку. Так он и шел домой. При встречах

всегда жаловался, что не может писать, что это для него страшная мука, к тому же в доме постоянно шум, хоть снимай комнату для спокойной работы.

Франко почему-то заинтересовался греческой философией и несколько раз приходил к моему мужу. Он просил порекомендовать ему студента, хорошо владеющего греческим языком, чтобы студент этот мог исполнять у него обязанности секретаря. До этого ему помогал его сын Андрей, который читал, писал и присматривал за ним. Потом сын умер. По нашей рекомендации, с ним работал один студент.

Когда вспыхнула мировая война, Франко остался дома один. Жена болела, сыновья были в армии, а дочь в Киеве. Многие из друзей и знакомых Франко выехали из Львова. Я тоже выехала на село.

В сентябре 1915 года я возвратилась во Львов. Примерно около рождества, узнав, что больной писатель находится в больнице, я срочно отправилась навестить его. Франко сидел в маленькой комнате на госпитальной койке и выглядел очень плохо. Увидев меня, обрадовался, ибо чувствовал себя одиноким, и стал расспрашивать о моем муже и детях. На мой вопрос, как он себя чувствует, ответил: «Как видите, не слишком хорошо. Спасибо людям, что дали мне приют у себя, хотя, правду говоря, я все-таки тоскую по своему дому и хотел бы там жить, если бы только было кому присматривать за мной». Говорил, что написал брату, чтобы племянник приехал и присмотрел. Потом сразу же перешел к тому, что тогда всех более всего волновало, — к мировой войне. Потом спрашивал о Гнатюке, который тогда еще жил с семьей в Криворивне, не имея возможности добраться до Львова, и о других знакомых и приятелях. Наконец, он еще раз вспомнил, что непременно хотел бы быть весной уже у себя дома, где мог бы сидеть в своем садике; тогда бы ему, наверное, стало легче. Когда я начала собираться домой, он просил не забывать о нем...

Вторично я, вместе с детьми, навестила больного уже в 1916 году, на пасху, около полудня, принеся ему немного «свяченого» (сладкого кулича).

На дворе уже было достаточно тепло. Поэт был тогда уже у себя дома. Присматривала за ним и варила ему еду какая-то госпожа Левинская; из разговора с ним

я узнала, что у него находится еще и его племянник из Нагуевичей. Поэт сидел в плетеном кресле, в сером госпитальном халате, был слабый и весь трясся. Солнечные лучи ярко освещали его согнутую высокую фигуру. Он словно дремал и лишь с приходом гостей оживился. Стал говорить о своих детях; о сыновьях, что пошли на войну, и дочери, которая была в Киеве, — очевидно, у родственников матери. На столе у него лежала открытка от дочери. Она сообщала, что собирается замуж, и просила приданое. «А что я ей дам? Угол дома не оторвешь», — заметил Франко, показывая письмо.

Потом стал расспрашивать о моем муже, а услышав от меня, что он теперь в Симбирске, где находятся также М. Мочульский и М. Грушевский, насторожился и сказал: «Напишите мужу, чтобы остерегался Грушевского, ибо Грушевский деспот и уничтожит его, как и меня». Когда же из дальнейшей беседы он узнал о моей печали, что мой сын, как только сдаст экзамен на аттестат зрелости, наверное, должен будет идти на войну, так как его уже признали годным к военной службе, — начал утешать меня: не одна я в таком положении, вот и его сыновья оба на войне, а это в конце концов, может, и к лучшему, ибо эта война, может, и нам принесет долгожданную свободу. Потом он обратился к моему сыну. Советовал ему, когда он будет в армии, заботиться о своем здоровье, а когда благополучно возвратится с войны, не делать так, как теперь делает большая часть нашей молодежи и в гимназии и в университете, — даром не терять времени, а старательно трудиться дальше над своим образованием, любить свой народ, его песню, его язык. Это все он говорил как-то так сердечно, с таким подлинно отцовским теплом, что и я и мой сын были тронуты до глубины души. На мой вопрос, как ему теперь живется у себя дома, он ответил, что хорошо, потому что и госпожа Левинская заботливо смотрит за ним, знакомые и приятели время от времени наведуются к нему; жаловался только, что слабость не позволяет ему наслаждаться весной, да и работать не может столько, как раньше, не может долго читать, а писать ему никто не помогает.

Увидев, что он уже утомлен полуторачасовой беседой, мы попрощались и ушли; я не предполагала, что это последняя наша встреча.

Позже из разговора с покойным Гнатюком я узнала, что поэту становится с каждым днем хуже, что к нему ходят по очереди на ночь наши студенты, чтобы не оставлять его одного...

Известие о смерти Франко я получила от жены покойного Гнатюка, которая услышала эту скорбную весть в редакции «Діла». Был май, цвели деревья. С букетами сирени мы пошли к его дому и застали уже там двух гуцулов-солдат, которые стояли на коленях у ложа Франко и плакали. Один из них был хорошо нам всем известный знакомый Франко Шекерик-Доников. Это был любопытный парень. Учитель из его села немного занимался фольклором. С ним и познакомился Шекерик, который любил сказки и много знал их. Учитель познакомил его с Франко и Гнатюком, Шекерик подружился с Франко, посылал ему записи, сам много читал и очень полюбил Франко. Откуда он узнал о его смерти — не знаю.

Покойник лежал на кровати, прикрытой старенькой рваной простыней. Мы обложили его свежими цветами. Лицо Франко было желтое, как воск, но спокойное. Мы еще были в комнате, когда вошел учитель гимназии, Бигеляйзен, знакомый Франко. Он стал около кровати и долго-долго всматривался в лицо покойного. В этот день мой сын, вернувшись с уроков в гимназии, рассказывал, что на уроке польского языка Бигеляйзен, как только вошел в класс, обратился к ученикам с призывом пойти в дом покойного Франко и посмотреть на величайшего поэта Украины, который «...так беден, как весь наш народ. Идите, идите,— говорил он,— и запомните до конца дней своих лицо этого великого человека». А после занятий он, встретив моего сына на улице, сказал, что, видно, не достойны мы были иметь такого человека, как Франко, если не умели заботиться о нем при жизни.

Но возвращаюсь к предшествующему. Из комнаты, где лежал покойный, перешли мы с женой Гнатюка в другую комнату, где застали школьного товарища и друга Франко — Карла Бандривского — и одного из студентов, ночевавших у поэта. Вместе с ними мы советовались о похоронах и искали, во что бы обрядить покойника. Оказалось, что нет ни одной приличной сорочки. Тогда Бандривский послал нас к Гермине Шухевич, которая дала вышитую сорочку своего покойного мужа. В эту

сорочку и старенький костюм студенты одели покойного.

Рано утром на другой день я с Бандривским пошла на Лычаковское кладбище, где мы договорились о временном месте для покойного (с помесячной оплатой) в чужой, довольно просторной гробнице, в которой было мест на шесть гробов. Мы надеялись, что сможем со временем соорудить ему хорошую могилу.

Накануне дня похорон после совершения всех формальностей в магистрате и в похоронном бюро Бандривский пошел в собор св. Юра договориться со священниками, ибо мы хотели справить покойному «парадные» похороны с большим числом священников. Но скоро обнаружилось, что об этом и речи быть не может, так как покойный был «явным врагом духовенства». Духовные власти выделили на похороны лишь одного священника из волошской церкви.

Светлым, солнечным днем тронулась многочисленная похоронная процессия, в которой принимало участие много крестьян, интеллигенции, студентов, учащихся, рабочих с бесчисленными венками и цветами на Лычаковское кладбище, где бранные останки покойного поэта нашли приют в чужой, взятой взаймы могиле. Было грустно, что за гробом не шли ни жена, ни дети. Его искренний друг Гнатюк был тяжело болен. И все же он приехал на кладбище, чтобы проститься с Франко в последний раз.

Должна рассказать еще об одной детали. Когда Франко уложили в гроб, рот его был открыт. Я взяла платочек и подвязала им лицо покойного. Когда гроб ставили в склеп, я платок этот положила под подушку.

Прошло десять лет. В 1926 году останки Франко были торжественно перенесены в его нынешнюю могилу. Собралось много народу. В толпе была и я. Когда вскрыли склеп, в котором временно находился гроб Франко, то нашли там шесть одинаковых гробов. Который же из них с останками Франко? Художник И. Труш, бывший одним из распорядителей этой церемонии, увидел меня и подозвал к себе.

— Не вспомните ли каких-нибудь примет гроба Франко? — спросил он меня.

— Не припомню, это же было очень давно.

Начали вскрывать все гробы подряд. В первом, оказалось, лежал какой-то военный, даже сабля была при нем. В другом тоже был военный. В третьем — не нашли никаких признаков Франко. И тогда я вспомнила:

— Раскрывайте все. В котором будет платочек под подушкой и черные тапочки — там Франко.

Вскрыли еще один ... Тело уже истлело, лежали кости и на подушке рыжие усы, к стенкам гроба прилипли тапочки. Подняли истлевшую подушку — там был платок, которым я когда-то подвязывала ему лицо.

Останки Франко перенесли и схоронили там, где теперь поднял молот гранитный Каменяр.

Остан Лысенко

ИХ СБЛИЗИЛА ЛЮБОВЬ К НАРОДУ

Иван Франко и Николай Лысенко живут в моем представлении как два деятеля, связанные общими идеями, общими стремлениями, крепкой дружбой.

В нашей семье о Франко всегда вспоминали как о человеке, который изображает в своих произведениях наших друзей, близких нам по духу, языку, обычаям, братьев, отделенных от нас маленькой речкой Збручем.

Помню, что к нам во время летних каникул часто приезжали «галичане», как мы их называли издавна. В дружеских беседах мы всегда слышали фамилию Франко—шла ли речь о делах литературных, общественных или музыкальных. Имя это звучало и на нелегальных заседаниях литературного кружка, который собирался у отца или Михаила Старицкого. Присутствующие на заседаниях Леся Украинка, ее мать Олена Пчилка, Михаил Старицкий, обсуждая литературно-издательские дела, с теплотой и большим уважением произносили имя Франко.

Мне лично не пришлось видеть Ивана Яковлевича, но родители мои, Николай Витальевич и Ольга Антоновна, которые всю свою жизнь были в тесных приятельских отношениях с Франко и его женой Ольгой Федоровной, рассказывали мне о нем.

Мать рассказывала, что первое знакомство Лысенко с Иваном Франко состоялось в Киеве. Отец, услышав о приезде Франко, необычайно обрадовался возможности завязать непосредственные отношения с поэтом. Они много слышали друг о друге, но не были знакомы. Встреча произошла в доме моих родителей. Иван Франко по-

разил мою мать своим необычайно скромным внешним видом. Он старался не привлекать к себе внимания незнакомых, был человеком сдержанным в речи и поведении.

После теплых приветствий отец пригласил гостя к себе в кабинет, и там между ними началась оживленная беседа. Через некоторое время, рассказывала мне мать, из-за дверей кабинета раздалось пение — голос был глуховатый, но исполненный яркой выразительности и чувства. Мелодия песни поразила мать своей оригинальностью, чем-то отличной от нашей надднепрянской песни и вместе с тем чем-то близкой ей. Войдя в кабинет, мать увидела Николая Витальевича за фортепиано с карандашом в руке, а рядом с ним Ивана Яковлевича — возбужденного, воодушевленного, с радостными, полными огня глазами... Он пел песню о предводителе опришков, славном герое украинского народа Олексе Довбуше.

Франко увлекался все больше и с вдохновением пропел и другие галицкие песни, например, «Жалі мої, жалі»¹ — полную нежной, мягкой лирики. Иван Яковлевич передавал в своем пении тончайшие нюансы, его исполнение было живое, волнующее.

Отец мой здесь же решил поместить галицкие песни, услышанные от Франко, в очередной выпуск своего сборника украинских народных песен, ставя перед собой цель познакомить нашу общественность с песнями братьев-галичан.

Иван Франко не мог часто бывать в Киеве, во-первых, потому, что царское правительство не давало разрешения на это, и, во-вторых, из-за материальных трудностей. Каждую свою поездку в Киев Франко использовал для установления обширных связей с украинской общественностью и охотнее всего, с большим удовольствием, как он говорил, посещал наш дом. Мои родители радушно встречали его, чтя в нем не только выдающегося общественного деятеля, великого поэта, идейного союзника, но и близкого друга, перед которым можно излить все свои горести, надежды, который все поймет, даст добрый совет, поддержит.

В следующий свой приезд в Киев Иван Франко посетил отца со специальным намерением. Лысенко во

¹ «Жалобы мои, жалобы».

Львов был уже популярен, творчество его заняло значительное место в музыкальной жизни Галичины. Франко, который интересовался украинской музыкальной жизнью и всегда был в курсе событий, услышал, что Лысенко работает над созданием большой историко-героической оперы «Тарас Бульба» по повести Гоголя. Поэтому, придя к нам, Франко после приветствий сразу же спросил отца о его последних работах и попросил познакомиться с ними. Отца не пришлось долго упрашивать. Ведь Иван Яковлевич очень хорошо чувствовал и знал украинскую народную песню, которую использовал композитор, и мог судить о качестве музыки. Отец развернул свою нотную тетрадь и, постепенно увлекаясь, исполнил Франко все первое действие оперы «Тарас Бульба» — сцену возле Братского монастыря на Подоле, и второе действие — на хуторе, в доме Тараса.

Франко сосредоточенно, с большим вниманием слушал игру отца, а когда исполнялась дума кобзаря «То не чорна хмара над Україною стала», вскочил с места и возбужденно заговорил:

— Ведь это сам народ говорит, в этой думе воскресает славное прошлое нашей родины. Как все роскошно, выразительно передано в музыке!

Потом отец исполнил плач матери над сыновьями Остапом и Андреем, которых Тарас ведет в Запорожскую сечь. Франко, как рассказывал отец, долго молчал, а потом со слезами на глазах подошел к нему и обнял. Готовя оперу «Тарас Бульба» к постановке, отец вспоминал, что более высокой оценки своего творчества, чем от своего друга Франко, он ни от кого не слышал.

Приехав во Львов на юбилейные торжества по поводу тридцатипятилетия своей творческой деятельности, отец вновь встретил Франко в его родном городе. На торжественном заседании, устроенном в честь юбиляра, среди многочисленных представителей общественности во фраках и белых воротничках, среди роскошно одетых дам, рядом с ним сидел в скромной вышитой украинской сорочке его старый друг Франко. Как рассказывал отец, Франко все время беспокоился, удовлетворит ли композитора исполнение его произведений галицкими музыкантами, и неоднократно обращался к нему с вопросом, все ли в порядке.

Хочу привести здесь отрывок из сказанного самим Франко о праздновании юбилея Лысенко. Из него видно, как близко знал Франко Лысенко, с каким уважением и любовью относился к нему. Вот что писал Иван Франко:

«6 и 13 декабря Восточная Галичина и Буковина принимали необычайно дорогого гостя при необычных обстоятельствах. Принимали Н. В. Лысенко в связи с тридцатипятилетием его работы как украинского композитора и организатора народных хоров. Действительно, Галичина и Буковина встретили Лысенко торжественно, как не встречали никого до сих пор. С минуты вступления на галицко-русскую землю и до самого отъезда за русскую границу наш дорогой гость был предметом самых сердечных оваций, речей, угощений и всякого рода чествований. А собственно львовское торжество 7 и 8 декабря и вообще пребывание Лысенко во Львове было таким большим и чисто национальным празднеством, какого не видел еще старый Львов. В центре этого празднества, этих оваций, речей, похвал и чествований, разумеется, был юбиляр. Ему пришлось, так сказать, на все эти дни с головой окунуться в фимиам кадил и энтузиазма, каких он не знал никогда до сих пор. Наш прославленный композитор — человек необыкновенно простой и скромный, занимающий в Киеве скромный пост частного учителя музыки, если где-нибудь чувствует себя повелителем и владыкой необъятных просторов, то разве только в сфере музыкальных мелодий».

Иван Франко был на юбилее Лысенко не только как гость — он стал активным, хотя, как всегда, скромным, участником его. Когда правление «Общества им. Котляревского» во Львове, собиравшее средства на строительство украинского театра, обратилось к Франко с просьбой написать текст приветственного адреса юбиляру, он здесь же вырвал листок из своей записной книжки и написал такое обращение от имени общества к Николаю Лысенко:

«Глубокоуважаемый Николай Витальевич! Как имя Ивана Котляревского, патрона нашего общества, неразрывно связано с возрождением украинской поэзии, так точно и Ваше имя связано неразрывно с возрождением украинской песни, украинской музыки. Вы, как никто до Вас, никто кроме Вас, проникли глубоко в самую душу

нашего народного гения, открыли нашу народную песню своим талантом и разнесли ее славу широко по Славянщине. Но этого мало: Вы создали нашу национальную музыку, и имя Ваше, осиянное всем волшебством родных мелодий, будет сиять в веках высоко среди тех, кто произведениями своими возносит душу своих современников выше будничного, среди тех мастеров живых мелодий, которые умеют одинаково доступно говорить со всеми людьми, со всеми поколениями, а при этом более всего любимы и понятны для своих современников. Примите же в радостный день Вашего юбилея искренние поздравления от нас, благодарных Вам земляков, членов «Общества им. Котляревского» во Львове». Так мог написать лишь Франко, вдохновенный поэт, который более нас всех знал и осознавал место и значение музыкального искусства в развитии человеческой культуры.

Эти трогательные слова — символ неразрывной идейно-творческой дружбы двух выдающихся деятелей Украины.

Накануне 1905 года Николай Лысенко, как и большинство передовых людей Украины, находился под влиянием революционного подъема. Это сказалось в направленности творческой деятельности Н. Лысенко, в выборе тем социального характера. Внимание его в это время привлекло стихотворение Ивана Франко «Ой, что в поле дымом вьется?». Разум, по мнению поэта, должен победить царство тьмы, насилия и несправедливости, сплотить согласие и братство в великую силу, которая бы «разом дружно встала, — счастье, волю добывала». Композитор увлекся стихотворением и вдохновенно, с большой силой передал в созданном хоре движение массы, которая объединяется для восстания. В заключительной части этого хора маршевая возвышенная мелодия звучит утверждением победы восставшего народа.

Это глубоко идейное, социально-насыщенное произведение стало как бы вехой на пути к вершине творчества композитора — песне «Вечный революционер», где сконцентрировано торжество духа, победа света над тьмой, добра над злом, правды, «что была у бар в темнице», над неправдой.

«Вечный революционер» был создан Н. Лысенко в июле 1905 года на даче в Китаеве (под Киевом), где он проводил с семьей свой летний отдых. Николай Виталье-

вич, как всегда, с утра брал с собою листы нотной бумаги, книгу стихов Ивана Франко, которую поэт подарил ему во Львове во время юбилейных торжеств, или книгу стихов Леси Украинки и шел в лес. Там он садился на свой любимый пенек и писал. Однажды к нам на так называемый музыкальный вечер зашли Старицкие. Николай Витальевич, чем-то возбужденный, сел за фортепиано и начал что-то наигрывать в маршевом ритме, сначала неотчетливо, а потом все четче и, наконец, подпевая своим хриловатым голосом, проиграл несколько раз свое вдохновенное произведение «Вечный революционер». Через какой-нибудь час мы все уже знали мелодию наизусть.

Здесь же возник вопрос, как популяризировать «Вечного революционера». Напечатать, понятно, не было возможности, о концертном исполнении не могло быть и речи. Николай Витальевич покачал головой и решил:

— Если нельзя легально, то пустим его нелегально.

За короткое время небольшой кружок избранной молодежи уже разучивал «Вечного революционера» в помещении музыкально-драматической школы Н. Лысенко при закрытых окнах и дверях, а потом, известными лишь одному творцу его путями, он пошел в люди и широко распространился среди рабочих и студенческой молодежи, стал любимой песней на маевках и демонстрациях. Вскоре «Вечный революционер» был передан через границу в Западную Украину, во Львов, и там напечатан.

В этом гимне оба творца его — пламенный Каменяр и вдохновенный певец народный — словно слились в одном общем огненном порыве — приветствовать мощную поступь миллионов на борьбу за свободу, за будущее счастье, за победу.

Михаил Микша

ОН БЫЛ СЛУГОЙ НАРОДА

Самые лучшие и самые яркие мои воспоминания о великом украинском писателе-революционере Иване Франко неразрывно связаны с дорогим, незабываемым именем моего учителя и наставника Н. В. Лысенко и его чудесной семьей. Будучи учащимся киевской музыкально-драматической школы, созданной Н. Лысенко, я имел счастье продолжительное время жить и воспитываться в семье великого украинского композитора.

В памятные для меня 1904—1912 годы в квартире Лысенко по улице Марьянско-Благовещенской в то время собирались самые талантливые деятели украинской и русской культуры.

Мне особенно запомнились вечера рождественской кутьи. Обычно к этому вечеру приурочивался чей-нибудь творческий концерт, который устраивался на квартире композитора. На таких вечерах выступали выдающиеся писатели, поэты, композиторы, артисты, певцы. Эти встречи были насыщены атмосферой народного творчества и патриотизма, любви к простым людям и жгучей ненависти к царскому самодержавию. После одного из таких концертов, в ночь на 18 января 1907 года, в доме Лысенко был произведен обыск, а сам композитор был арестован. Подверглись репрессиям и другие участники вечера — Леся Украинка, Олена Пчилка, Я. П. Гулак-Артемовский, автор этих строк и многие другие.

В 1907 году в доме Лысенко на одном из таких творческих вечеров я познакомился с выдающимся украинским писателем Иваном Франко. В тот вечер он читал свою

поэму «Моисей», которая появилась в печати в период революции 1905 года. Особенно мне запомнились слова, вызвавшие у всех слушателей необычайное воодушевление. Автор поэмы обращался к своему народу:

Но час придет — и ты в венце багряном
К кругу народов вольных, чуждых боли,
За грань Бескид, курящихся туманом,
И к Черноморью двинешь рокот воли
И глянешь как хозяин домовитый
На хату светлую свою и поле.

(Перевод Д. Бродского)

На этом вечере присутствовал М. Коцюбинский, который читал отрывки из своей повести «Фата-моргана». Леся Украинка прочитала несколько своих стихотворений и стихотворений Гейне в своем переводе, а также исполнялись романсы Н. В. Лысенко на ее слова «Не гляди на месяц весною», «Восточная мелодия» и другие. Музыку Леся Украинка очень любила и сама хорошо играла на рояле. Я был поражен, когда в ходе дружеских бесед и споров Леся Украинка, защищая один из своих доводов, сослалась на учение К. Маркса и привела ряд цитат, что свидетельствовало о ее знании и понимании основных положений учения Маркса.

Выступил также Саксаганский. Он прочитал стихотворение И. Франко «Камнеломы». Особенно революционно прозвучали строки:

Ломайте все скалу! Пусть ни жара, ни холод
Не остановят вас! Пусть жажда, труд и голод
Обрушатся на вас, но пусть скала падет!

(Перевод А. Прокофьева)

В то время революционно настроенная молодежь понимала эти слова как призыв к революции, и потому они вызывали волнующий отклик и подъем революционной энергии. Под «скалой» понималось ненавистное царское самодержавие.

Под аккомпанемент Лысенко я с большим вдохновением пропел целый ряд его произведений на слова Франко. Я исполнил произведения: «Не забудь, не забудь», «Та ли это стежечка» и другие. Особенным успехом пользовался романс «Не забудь, не забудь», в словах которого чувствовалась лучезарная юность, цельность человеческого характера, прогрессивная направленность

мировоззрения автора. По просьбе Франко я исполнил некоторые произведения на слова Шевченко, музыка Лысенко: «Мені однаково», «Чого мені тяжко», украинские народные песни: «Ой ти, місяцю, зоре», «Ой у полі криниченька» и другие.

В те годы Франко выглядел еще довольно бодро. Он был задумчив, но в его взгляде наряду с грустью чувствовались огромная энергия и воля, человечность и ум мыслителя. Когда у него спросили, как его здоровье, он, помолчав, ответил: «Немного сердце почему-то утомилось». Его спрашивали, как там, в Галиции. Франко подробно рассказывал о сейме, о его структуре, о выборах в сейм, о терроре польской шляхты в период выборов, о дискуссиях среди украинских деятелей освободительного движения. Все мы затаив дыхание слушали спокойную, с паузами, речь нашего великого писателя-революционера. На вопрос, долго ли он пробудет в Киеве, Франко ответил:

— Нет, недолго. Очень захотелось, появилась потребность повидаться со своими дорогими киевскими земляками. Необходимо наладить здесь кое-какие общественные и литературные дела, есть также у меня дело к журналу «Киевская старина».

Больше всего меня поразили при встрече и знакомстве с Франко его необыкновенная скромность, простота, серьезное, внимательное отношение к человеку и в то же время — внутренняя сдержанность, почти суровость.

Франко очень любил Лысенко, он с гордостью и воодушевлением говорил:

— Какое счастье, что Украина имеет такого великого, гениального композитора!

Лысенко отвечал поэту такой же искренней любовью.

В беседах с друзьями Франко с безграничной радостью вспоминал приезд Лысенко в 1903 году во Львов и организованный ему народом Западной Украины триумфальный прием.

Навсегда свежими останутся в моей памяти впечатления от моей поездки летом 1913 года во Львов на юбилей сорокалетия литературной и общественной деятельности Ивана Франко. На этом важном событии хочется остановиться подробнее.

В 1912 году, в октябре месяце, умер Н. В. Лысенко. На Украине и далеко за ее пределами смерть великого украинского композитора была воспринята народом с

глубокой печалью и сердечной болью. В тяжелые траурные дни, во время гражданской панихиды, где я исполнял произведения Лысенко, меня познакомили со многими украинскими общественными деятелями Галиции, которые сообщили, что в 1913 году во Львове будет праздноваться сорокалетний юбилей деятельности Франко. Меня, как артиста, официально пригласили принять участие в праздновании этого юбилея.

Летом 1913 года, когда я уезжал во Львов, представители подпольной киевской социал-демократической организации поручили мне передать Франко юбилейное приветствие от прогрессивных общественных деятелей и организаций города Киева, что я и сделал.

Юбилейные торжества состоялись в самом большом концертном зале Львова. Театральный зал и сцена с огромным портретом И. Франко были очень красиво декорированы, украшены цветами и теплыми приветственными надписями. В центре бельэтажа находилась центральная ложа, предназначенная для юбиляра. Ложу украсили и оформили золотой лирой, от ложи, на ее уровне, шли ряды тополеобразной формы декоративных деревьев, постепенно все ниже и ниже спускаясь до самой сцены. Они были обвиты гирляндами роз, красиво спадающих до самого низа. Около самой сцены, по бокам, установили два огромных тополя почти натуральной величины. Зал выглядел очень празднично, торжественно.

С большим волнением я принял предоставленную мне честь первым выступить с юбилейным приветствием и открыть концерт. И теперь я с юношеской впечатлительностью вспоминаю каждую минуту этого счастливого момента в моей жизни. Выйдя для приветствия на сцену, я, разумеется, повернулся к ложе юбиляра, но там никого не было. Франко скромно сидел во втором ряду партера. На предложение перейти в отведенную ему парадную ложу он ответил: «Я был лишь пастухом своего народа, и такая ложа не для меня,— позвольте мне остаться здесь».

После торжественного, с триумфальными оvationами, чествования Франко состоялся концерт. В юбилейном концерте я принимал участие как артист, как человек, вложивший всю свою огромную любовь к Франко в свое искусство. Аккомпанировал мне Станислав Филиппович Людкевич, ныне народный артист УССР, профессор Львовской консерватории.

Концерт вылился в необычайную и незабываемую демонстрацию любви, восторга и благодарности юбиляру.

На этом на всю жизнь памятном, счастливом концерте я исполнил произведения Лысенко на слова И. Франко — «Не забудь, не забудь», «Чи це ж тая стежечка», «Як почуєш в ночі» и другие, а также любимые поэтом украинские народные песни.

После концерта Франко прошел за кулисы и сердечно поблагодарил всех его участников, пожелав дальнейших творческих успехов.

Западноукраинские газеты того времени писали, что «устроенный силами академической молодежи праздничный концерт в честь Ивана Франко можно причислить к наиболее удачным из всех состоявшихся за последнее время. Его программа была разносторонней... звучала революционными фанфарами «Гимна»... то свежим, душистым вейнем «Веснянок», то переходила в «классическую» музыку фортепьяно и скрипки. Но все это удачно соответствовало всесторонней деятельности нашего самого большого современного писателя... К этому необходимо добавить, что зал заполнила отборная, празднично настроенная публика. Она много раз приветствовала овациями юбиляра, прибывшего на концерт, на который молодежь принесла ему поклон и серебряный венец благодаря его за десятки лет деятельности и воспитательной работы».

На следующий день Франко фотографировался с нами. Эта фотография сохранилась у меня до настоящего времени. В этот же день в зале «Украинской народной гостиницы» продолжался вечер, посвященный И. Франко. Чествование продолжалось в более интимном кругу друзей и поклонников таланта И. Франко. На вечере присутствовало несколько хоровых капелл, которые приехали специально на юбилей и по очереди исполняли любимые песни юбиляра.

На лекции-концерты студенческая и учащаяся молодежь шла по городу с горящими факелами, что символизировало свободу. Во время этих походов слышались выкрики: «Пусть живет наш великий писатель Франко!», «Пусть живет Вечный революционер!» Националистическая, реакционно настроенная польская молодежь и шляхта враждебно отнеслись к этой демонстрации любви народа к Франко. Имели место даже стычки с полицией,

было запрещено ходить по городу с зажженными факелами, много демонстрантов было арестовано.

Вечера чествования Франко, выступления друзей и делегаций проходили с большой сердечностью, с проявлением бесконечной любви и уважения к юбиляру.

Франко был очень растроган. В своей ответной речи он со слезами на глазах говорил:

— Мои дорогие друзья и братья! Я не заслужил такого большого праздника, такого уважения, которые вы мне здесь оказали... Вы приписываете моей скромной литературной и общественной работе какое-то необычайное значение, а я всего-навсего был лишь слугой своего народа, вернее сказать, его пастухом и, как Моисей, сорок лет выводил свой народ из пустыни, из темноты и нищеты на широкую, сознательную, светлую, счастливую дорогу.

Слезы мешали ему продолжать речь.

Затем юбилейное чествование Франко прогрессивно, революционно настроенной молодежью и общественностью было перенесено в театральные и лекционные залы Львова. В течение недели проводились бесплатные вечера с чтением лекций и рефератов о Франко, с проведением в честь юбиляра больших концертов.

После окончания юбилейной недели во Львове, под руководством общества «Бандурист», были организованы юбилейные концерты в городах Западной Украины — Самборе, Стрые, Тернополе, Подволочиске, Тереховле, Бережанах, Ходорове, Коломые, а также в Черновцах и в других городах.

Принимая участие в этих концертах, я был свидетелем грандиозного наплыва людей на празднование юбилея Франко. Я убедился в том, как украинский народ знал, любил и уважал своего великого сына, писателя-революционера.

После окончания нашего юбилейного турне эта наша поездка получила в народе название «фейерическая прогулка в честь Ивана Франко». Большой, поистине феерический успех этой поездки объясняется тем, что чувства зрителей и артистов сливались в единое чувство всенародной любви к великому Камнелому.

Юбилей общественной деятельности Франко имел тогда огромное значение для украинского народа. Он как бы подытожил развитие украинской культуры, свидетельствовал о значительном росте свободолюбивых, прогрес-

сивных сил Западной Украины, идейным вождем которых был И. Франко.

Из личных встреч и бесед с И. Франко я имел возможность увидеть, насколько он был привлекателен и прост как человек и мудр как мыслитель. Точно так же меня поражала его работоспособность. Несмотря на тяжелую литературную работу, он всегда находил время для общественных дел. Он охотно давал консультации ученым. Среди посещавших Франко можно было встретить людей разных национальностей, профессий. Особенно много было их из среды студенческой молодежи.

Через некоторое время, уже в Киеве, я случайно встретил профессора Перетца, и он мне рассказал о том, что во Львове встречался с Франко и разговаривал с ним. Профессор Перетц взволнованно рассказал о том впечатлении, которое произвел на него Франко. В частности, Перетц сообщил, что, работая над диссертацией на тему «Счастье», он должен был разыскать соответствующий греческий философско-литературный материал, которого не было в киевских библиотеках. Из числа опрошенных им ученых никто не смог дать ему необходимой справки. Только Франко, по словам Перетца, сообщил, что необходимая ему литература находится в библиотеке Британского музея, в таком-то отделе. При проверке это подтвердилось.

— Он меня буквально пленил как человек, как необыкновенной эрудиции ученый с чудесным знанием иностранных языков, со своей тонкой, ясной памятью... Беседовать с ним было настоящее счастье,— говорил профессор Перетц.

Вот какое впечатление производил Франко на людей.

Я счастлив, что дожил до празднования столетия со дня рождения великого Камнелома. Прошло более четырех десятилетий со дня сорокалетнего юбилея литературной и общественной деятельности Франко. Но его образ сохраняется в моей памяти живым и светлым.

Радостно, что эту дату объединенная Украина празднует в свободной семье братских народов Советского Союза, что эту дату отмечают во всех странах мира.

Кирилл Студинский

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

Долгие годы дружбы сблизили меня с Иваном Яковлевичем Франко. Он обладал огромной эрудицией. Не было таких произведений французской, английской, русской, немецкой литературы, которых бы не знал в оригинале великий писатель.

Читал Франко быстро и всегда давал произведению меткую характеристику его положительных и отрицательных сторон.

Профессор Берлинского университета поляк Брюкнер, приезжавший ежегодно во Львов к своим родным, часто встречался с Франко в Венском кафе и там часами беседовал с ним. Круг тем был чрезвычайно разнообразен. Брюкнер восторженно относился к Ивану Франко, как необычайно интересному собеседнику, владевшему в совершенстве европейскими языками, прекрасно знавшему литературу многих народов и обладавшему тонким художественным вкусом.

Душа Франко была чутка, отзывчива, благородна, полна человеческой теплоты. К людям он был чрезвычайно внимателен. Когда молодой научный работник обращался к Франко за советом, какие книги читать, писатель тут же, не задумываясь, извлекал из своей библиотеки необходимую книгу.

Внимательно выслушивал Франко критические замечания по поводу его произведений и никогда не обижался на критиковавшего, а, наоборот, благодарил за высказанное мнение. Франко любил людей, говоривших правду

в глаза, и презирал людей с нечистой совестью, как он называл лицемеров.

С глубоким уважением Франко относился к русской литературе, музыке и искусству и всегда подчеркивал мировое значение русской культуры. С большой и нежной любовью Франко отзывался о Чернышевском, Добролюбове, Герцене. Особенно дорог был для Франко Чернышевский, которого он называл «страстотерпцем освобождения России, великим мучеником и страдальцем». Роман Чернышевского «Что делать?» был настольной книгой Ивана Яковлевича. Франко часто подчеркивал, что русский народ всегда был и остается искренним другом украинского народа.

До сих пор никто не писал об отношении Ивана Франко к Ленину, а между тем сколько волнующего было в этом!

Незадолго до начала первой империалистической войны Владимир Ильич Ленин приехал в Галицию. Иван Яковлевич отнесся к этому с большим волнением. Ленина он называл великим интернационалистом, человеком огромного ума и культуры.

Франко говорил, что Ленин — это исполинская фигура в международном революционном движении, глубоко уважал Владимира Ильича и высоко ценил отношение Ленина к украинскому народу.

Иван Яковлевич хотел лично повидать Ленина и даже готовился к этой встрече, но условия того времени не дали ему возможности встретиться с Владимиром Ильичем.

Золотые струны поэзии Франко были полны любви к своему народу.

Мало кому известно собрание «украинской громады» в 1885 году в Тернополе. На этом собрании с речью выступил Франко. Его слова прозвучали как набатный колокол. Он говорил о духовном единстве с Восточной Украиной, о том, что придет час, когда две сестры протянут друг другу руки и тогда наступит великий национальный праздник украинского народа.

Говоря о моральном облике этого чудесного человека, я не могу умолчать о таком факте. Если не ошибаюсь, это было весной 1912 года. Умер сын Ивана Франко, любимый им Андрей. Хоронили Андрея на Лычаковском кладбище во Львове. Когда мы, придавленные тяжелым

горем друга, возвращались вместе с Франко с кладбища, Иван Яковлевич обратился к одному из типографских рабочих:

— Завтра утром в восемь часов пришлите ко мне за корректурой.

Тот, к кому обращены были эти слова, стоял в недоумении: он не мог понять, как человек, переживающий такое горе, может в эту минуту думать и заботиться о корректуре.

Иван Яковлевич понял мысли товарища и сказал:

— Из-за меня нельзя прекращать печатание книжки.

Мы преклонялись перед его мужеством в эти минуты. Гражданский долг всегда у него был на первом месте.

Мысли и идеи великого Каменяра восторжествовали сейчас, и мы, сыны нашего, ныне воссоединенного украинского народа, счастливы сознанием, что украинская литература дала миру такого титана.

Осипа Заклинская

СЛУШАЯ «МОИСЕЯ»

Мои воспоминания относятся к 1909—1910 годам. Я была тогда ученицей Станиславской учительской семинарии. Интеллигенция города Станислава пригласила И. Франко прочитать поэму «Моисей». Франко приехал. Помню, как с железнодорожной станции извозчик привез его к помещению, в котором он должен был выступать. Там уже было много народа, нетерпеливо ожидавшего появления писателя.

У Франко тогда уже были больные руки. Его правая рука была перевязана, в левой он нес портфель. Голова его была немного наклонена, одет он был в черный костюм. Франко поклонился аудитории и сел за стол, покрытый зеленым сукном. Мы также сели. Без какого-либо вступления Франко начал читать поэму. Читал он ровным, сильным голосом, но без пафоса. Я даже удивилась тому, что поэт так спокойно читает. Чтение продолжалось почти два часа. Аудитория слушала затаив дыхание, с большим напряжением и наслаждением...

Франко и Коцюбинский часто бывали в доме доктора Невистюка в селе Жабье. Франко любил бывать в этой семье и иногда подолгу там засиживался. В этих случаях за ним приходила жена и уводила его домой.

Мой муж был близко знаком с Франко и относился к нему с большой симпатией, переписывался с ним. Переписка Франко с Богданом Заклинским, моим покойным мужем, сохранилась в нашем семейном архиве. Несколько раз они вместе ездили на Карпаты и записывали там этнографические материалы.

Яким Ярема

ВСТРЕЧИ В ТЕРНОПОЛЕ

Когда в 1903—1906 годы я проживал во Львове, я часто встречал И. Франко в университетской библиотеке, а также в библиотеке, которая теперь находится на улице Стефаника.

В 1913 году отмечалось сорокалетие литературного творчества Франко. Учителя Тернополя решили пригласить его к себе. Зная, что он находится в затруднительном материальном положении, мы решили помочь ему. Но как-то неудобно было посылать ему деньги по почте, и потому все мы ожидали, когда Франко в ответ на наше приглашение посетит Тернополь и мы сможем, использовав этот случай, вручить ему наш скромный дар.

Франко принял наше приглашение. Приветствовали его очень тепло. В зале, в котором он выступал, не было ни одного свободного места, ученики сгрудились на подоконниках, чтобы лучше видеть И. Франко.

Читал он «Моисея». Читал спокойно, выразительно.

После его выступления мы устроили обед в честь писателя. За столом разговор зашел о карпатской флоре, и я удивился тому, какие большие, подробные и глубокие знания были у Франко о растительности Карпат. Потом я предложил ему проехаться по городу — погода как раз была хорошая. Я вызвал извозчика, мы сели в санки и

часа полтора ездили по Тернополю и его окрестностям. Говорили на разные темы. Его интересовали наши люди, с которыми он встречался во время выборной кампании. Кое-кого из них я знал и мог отвечать на его расспросы о судьбах этих людей.

Мы проводили Франко до поезда, усадили его в вагон. Чувствовал он себя плохо — болезнь давала о себе знать. Я положил ему в карман триста крон, мы попрощались, и больше я с ним уже никогда не встречался.

Владимир Гадзинский

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Когда я прибыл во Львов в 1907 году учиться в высшей школе, Иван Франко находился на вершине своей славы.

Тогда уже окончился период его «батрачества у соседей», к которому он был принужден изгнанием из украинских национальных газет, обществ и других организаций, где засели национал-демократы типа Костя Левицкого, Владимира Бадинского, Боберских и других врагов Ивана Франко, столпов западноукраинского мещанства, австрофильского консерватизма и ограниченности.

Все понимали, что Иван Франко перерос масштабы галицийского Пьемонта и никакие выпады против него не могут уменьшить его колоссальных заслуг в истории украинской культуры. Атаки на Франко со стороны бывших «народовцев», ставших национал-демократами, затихли — он уже был гигантом всеукраинского масштаба.

Вместе с М. Грушевским он редактировал «Літературно-науковий вістник», который был тогда таким всеукраинским журналом, как теперь «Червоний шлях». Но значение его для украинской литературы было большее, нежели то, которое имеет «Червоний шлях». Конечно, потому, что «Літературно-науковий вістник» был единственным журналом, да, вероятно, еще потому, что в нем сотрудничал Иван Франко.

Уже тогда, в 1907 году, Ив. Франко производил впечатление больного человека. Но в глубоких серых глазах,

в этой широколобой голове, которая как будто давила его небольшое тело и клонилась несколько вперед, как бы отягощенная колоссальным количеством знаний, можно было угадать, что это человек не обычный, что это стойкий и упорный характер, как карпатские горы, породившие его, что это человек, ум которого заглянул очень глубоко в историю и жизнь не только украинского народа, но и всего человечества.

Это было первое впечатление, которое произвел на меня Иван Франко и которое сегодня, спустя двадцать лет, преломленное в зеркале исторической перспективы, осталось живым и свежим, как если бы все это случилось вчера.

Не однажды встречал я Ивана Франко в университетской библиотеке, в большой книжной лавке, по дороге из университета в библиотеку «Научного общества им. Шевченко», когда, он, маленький, согбенный, убого одетый, нес связки книг и старых журналов.

В 1908 году я выехал из Галиции в Вену и не видел Ивана Франко приблизительно до 1911 или 1912 года. Точно не помню. Тогда уже прошел юбилей его литературной деятельности, и одновременно всех поразило известие о его болезни.

Но Иван Франко чрезвычайно упорно боролся с нею. Уже тогда появилось первое издание его «Моисея», и гениальные строфы пролога:

Народ мой, исстрадавшийся, разбитый,
Как немощный калека на дороге,
Пренебреженья струпьями покрытый,
О будущих потомках я в тревоге... —

врезались в память всей страны.

И одновременно, как угрозу скорой смерти поэта, все читали:

Прими ж, мой стих, хоть и больной отравой,
Но полный веры, пусть он и не ярок,
Прими в залог своей грядущей славы
Его — как скромный праздничный подарок.

(Перевод Б. Пастернака)

В эту пору Иван Франко с уже парализованными руками объехал некоторые города Восточной Галиции, где читал своего «Моисея».

Иван Франко производил тогда очень тяжелое впечатление...

Его руки были согнуты параличом, пальцы не разгибались, читал он с большим напряжением, и тяжело было смотреть, с какими препятствиями и трудностями перелистывает он уже непослушными пальцами страницы «Моисея».

И мы все, кто был на этом чтении в Станиславе в доме «Української бесіди», слушали. Слушали и рабочие и молодежь-студенты...

А в 1916 году на альпийских вершинах итальянского фронта в случайно полученной украинской газете я прочел трагическое известие: великий Иван Франко умер.

Михаил Рудницкий

ИВАН ФРАНКО

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Впервые я увидел И. Франко в 1901 году, когда был учеником Первой украинской гимназии во Львове, которая помещалась тогда в здании Народного дома по Театральной улице. Моими школьными товарищами были два сына Франко: Андрей и Тарас. Мы знали, что они дети писателя, и относились к ним с каким-то особенным вниманием. Когда они называли профессию своего отца — «писатель», — это звучало в то время как-то непривычно. «Неужели, — удивленно спросил один из моих товарищей, — можно зарабатывать стихами?»

Однажды И. Франко зашел в здание гимназии по необычному делу. Перед уроком религии («закона божьего») его сыновья вышли из класса; учитель — греко-католический поп — сделал ужасное «открытие»: сыновья Франко были православными. Директор гимназии не знал, что делать с учениками, не желающими изучать католические догматы, и попросил их отца зайти к нему для беседы. Неизвестно, чем закончился этот разговор, но в гимназии всем стало известно, что Франко прочитал Громницкому в его кабинете лекцию об абсурдности религиозного воспитания.

Через несколько месяцев я имел случай близко видеть И. Франко в доме известного львовского издателя. Этот издатель-поляк, родственник моей матери, был хорошо знаком с И. Франко и издал на польском языке его сборник «Галицийские картинки».

Идея издать на польском языке сборник новелл из львовской жизни зародилась у Франко еще в то время,

когда он был сотрудником газеты «Kurjer Lwowski». Украинских издателей тогда не было, и печатать украинские книжки считалось почти патриотическим подвигом, потому что из-за недостатка книжных магазинов не было возможности их продавать. Проживавшие во Львове польские писатели уважали Франко за его талант и неоднократно обращались к нему с предложениями издать его произведения на польском языке.

Как раз на эту тему и разговаривал тогда с И. Франко польский издатель Полонецкий. Я мало что понял из этой беседы, но со временем, уже в зрелые годы, я спросил о ней.

Мое внимание прежде всего привлек внешний вид Франко. В нем не было ничего от того необычного представления, которое создала наша юношеская фантазия о «большом поэте». У него не было ни буйно растрепанной прически, ни широкого красочного шарфа, каким украшали свои взволнованные поэтическим настроением груди молодые, или, как их тогда называли, «модерные», поэты. Он не говорил с апломбом, доказывая какие-то «новые идеи», а разговаривал спокойно, немного приглушенно. Особенно удивительным показалось то, что он отказался выпить водки, когда издатель хотел его угостить.

— Не время, — ответил И. Франко.

— Франко не признает алкоголя, когда он работает, а работает он всегда. Вот и не пьет, кажется, никогда, — объяснил мне потом мой дядя.

Разговор шел тогда о печатании какой-то повести И. Франко на польском языке. Издатель настаивал на том, чтобы она не была переводом с украинского языка, а появилась бы на польском языке как оригинальное произведение. Он доказывал, что оригинальные произведения имеют большой успех даже тогда, когда имя автора широкому кругу читателей еще неизвестно.

Материальное положение И. Франко не было блестящим. Издатель хотел убедить его, что он сможет спокойнее работать, если будет получать ежемесячно определенную сумму в счет гонорара за произведение, которое сдаст потом, когда завершит работу над ним. Но Франко не соглашался получать авансы.

— Это хуже долгов. А биографию Бальзака вы знаете? — ответил он.

О личности Франко и его взглядах я знал не только

из бесед с моим дядей, для которого самой интересной темой были размышления о писателях. С ними он поддерживал близкие отношения как со своими клиентами. С И. Франко он встретился давно в каком-то социалистическом кружке. Именно И. Франко подал ему мысль о том, что при издании книг необходимо уделить особое внимание социальным вопросам. По этому совету им был издан на польском языке большой двухтомник «Русская революция» Л. Кульчицкого (от декабристов до «Народной воли»), хотя И. Франко, как жаловался издатель, и не имел возможности, вследствие затянувшейся болезни, отрецензировать его перед сдачей в печать.

Построив дом, И. Франко посоветовал Полонецкому последовать его примеру и также поселиться по соседству с ним в окрестностях Стрыйского парка. Издатель послушался этого совета и стал ближайшим соседом И. Франко. Издатель Полонецкий был также соседом И. Франко и по улице Чайковского; редакция «Kurjera Lwowskiego» находилась на этой улице, а магазин издательства Полонецкого — рядом.

Иван Франко работал некоторое время в редакции «Курьера» с польским поэтом Яном Каспровичем. Каспрович издавал все свои основные произведения, начиная с первых «поэзий», у этого же издателя. Издатель, не всегда полагаясь на собственный вкус, неоднократно обращался к И. Франко за консультацией — действительно ли произведение того или иного автора настолько ценное, что его стоит напечатать. Чтобы получить такую консультацию, приходилось прибегать и к некоторым хитростям. И. Франко не хотел получать гонорары за то, что просмотрел рукопись.

— Он так привык все делать в редакциях и издательствах по общественному долгу, что не понимает, что за такую работу необходимо платить отдельно, — посмеивался издатель.

Издатель дарил Франко различного рода новые книги, иногда втихомолку, так, чтобы Франко не знал об этом, посылал жене писателя фрукты из собственного сада. В годовщину своего рождения И. Франко получал в подарок бутылку дорогого вина.

Однажды Василий Щурат сказал мне, что такая бутылка стояла у Франко два года, пока Щурат не извлек и при случае не опорожнил ее вместе с хозяином.

Приблизительно с 1907 года, когда я получил постоянную должность в литературном отделе «Księgarnia Polska»¹, я мог лично прислушиваться к разговорам, в которых И. Франко принимал живое участие. Приятели И. Франко хорошо знали, что его не так легко было пригласить в свое общество. Когда он работал в библиотеке или в типографии, трудно было вытащить его оттуда; когда же к вечеру он возвращался домой, на столе его ожидали новые рукописи. Простейший способ вытащить его — послать ему записку о том, что пришли новые, редкие книги. Такую записку мог подписать, конечно, только книголюб, когда он действительно имел под рукой кое-что из новых изданий, которыми можно похвастать. Когда встречи назначались в городе, в кафе, Франко не реагировал на приглашения. Два или три раза, насколько я помню, за ним посылали извозчика с письмом, но напрасно. Однажды он ответил запиской: «Я недавно вернулся из города». Это означало: «Зачем же мне туда вновь возвращаться?»

Наиболее изобретательным в деле сочинения соблазнительных телеграмм был Лесь Мартович, но он редко приезжал во Львов, и о его знакомстве с И. Франко и о его шутках нужно рассказывать отдельно.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Когда мы были студентами, нас не раз интересовал вопрос, который и до сих пор ставят перед собой литературоведы: как смог Франко написать столько произведений? История литературы знает очень плодovitых писателей: Лопе де Вега, Дюма, Крашевского—автора пятисот романов. Но Франко писал не только в часы творческих порывов. Некоторые его книги требовали широкого и глубокого изучения материалов. Как исследователь литературы и истории культуры, он до самой смерти неустанно следил за новыми книгами на разных языках и углублялся в произведения прошлых лет.

Учась в школе, он, как взрослый человек, исполненный жаждой знаний, одновременно и писал, и при этом умел учиться. Он зарабатывал на жизнь литературным тру-

¹ Польское книжное издательство.

дом. Семья у него росла, а он не ограничивал себя в покупке книг, необходимых ему для работы и удовлетворения духовных потребностей. Его нищенский писательский заработок не был систематическим, зато в его творческой работе, на первый взгляд торопливой и нервной, можно было заметить стремление внести какую-то систему.

Это усилие с годами становилось все более целенаправленным. В молодые годы он ложился поздно и поздно вставал. В 1900 годы, особенно в последнее десятилетие жизни, он не раз поднимался рано, чтобы выйти посмотреть на небо. Когда он жил в центре города, он не имел возможности наслаждаться природой. Сторожа соседних домов, где ныне находится мемориальный музей его имени, не раз вспоминали разговоры Франко с ними. Писатель интересовался их работой, или делами, которые их волновали, или погодой, стараясь, как гуцул в горах, отгадать — принесет ли небо сегодня дождь.

На столе его ожидали различные рукописи. Его внимание привлекали прежде всего те, которые необходимо было сдать в журнал в назначенный срок. За работой он забывал о еде. Завтракал тогда, когда просыпалась вся семья.

В десять—одиннадцать часов утра Франко совершал путешествие от своей квартиры к домам №№ 24—26 по улице Чарнецкого (ныне «Радянської»). Там находились редакции «Літературно-наукового вісника», «Наукових записок товариства ім. Шевченка», «Українсько-руської видавничої спілки». Там он проводил обычно весь день, редактируя материалы и просматривая корректуры собственных и чужих статей и книг или принимая участие в заседаниях. Часто приходилось «по дороге» заходить в университетскую библиотеку, «Оссолинеум» или Народного дома. Однако, погружившись в книги, писатель не забывал своих ежедневных редакторских и общественных обязанностей.

Примерно в два часа дня Франко возвращался домой обедать. Послеобеденного отдыха он не признавал. Не одна страница рукописи, отложенная на половине фразы, ждала на его столе своего продвижения. По принятому обычаю, часа в четыре или в пять пополудни он повторял свой путь — на этот раз по Академической улице а не по улице Батория. Улица Батория была известна

своими букинистическими магазинами. Ранним утром на ней не раз, правда ненадолго, задерживался Франко. После обеда он посещал кафе — сперва Шнайдера, которое помещалось в начале нынешнего проспекта Шевченко, потом «Монополь». Там он прочитывал газеты и журналы на разных языках, выписывал из них интересные факты, иногда там же начинал писать какую-либо актуальную статью. Там чаще всего находилась возможность поговорить с Франко. Молодые авторы, которые не отваживались отвлекать его утром, подходили к нему с вопросами или рукописями в сопровождении своих старших знакомых.

Кафе в те времена заменяло клуб — тут шли ожесточенные и долгие споры по политическим и литературным вопросам. Тут проводили полдня, а иногда и больше, писатели, которые считали, что только в такой шумной, насыщенной дымом атмосфере рождаются гениальные идеи и сюжеты, а иногда даже и осуществляются.

Франко не имел времени принимать участие в горячих дебатах. Зато с величайшим вниманием и терпением умел он прислушиваться к дискуссиям, которые часто отклонялись от основной темы и переходили на личные споры. Но ничто не могло его удержать, если он видел, что ему пора уходить.

Бывали случаи — и нередко, — когда посетители кафе, засидевшись допоздна, решали перейти в ресторан, где можно было поужинать. Такие ужины подчас продолжались до рассвета. Франко не принимал участия в этих ночных банкетах, или, как их называли во Львове, симпозионах (от греческого названия «Пира» Платона — «Симпозион»). Однажды на настойчивое приглашение он ответил:

— Для того чтобы принимать участие в симпозионе, необходимо иметь голову греческого философа, а уже потом можно и проверить, сколько такая голова способна выдержать.

В обществе он не был врагом водки, но никогда не злоупотреблял ею. Отбрасывая наркотики как источник вдохновения, он сказал однажды об одном писателе: «Не понимаю, зачем он пьет водку; даже тогда, когда он пьет воду, то, что он пишет, все равно не держится на ногах». Это было сказано о польском писателе Пшибышевском, который сам верил и вселял в своих поклонников веру в

то, что без алкоголя его произведения не были бы такими «сильными».

Поздно вечером Франко возвращался домой. Ночная пора привлекала его своей тишиной. Никто точно не знал, как долго продолжался рабочий день Ивана Франко. Он и сам не знал этого. А чтобы неожиданный голод не прервал ночью его работы, он нес под мышкой буханку свежего хлеба.

КАКИМ МЫ ЕГО ВИДЕЛИ

Когда Франко приближался к своему пятидесятилетию, мое поколение двадцатилетних смотрело на него как на седоголового, преклонных лет человека. В то время Маковей был моложе его на одиннадцать лет — еще совсем бодрый, золотистый блондин; Стефаник и Мартович — одногодки (на два-три года старше Яцкива и Черемшины), были в расцвете творческих сил. Но все они уже чувствовали на себе тяжесть обстоятельств, заставлявших их тяжело работать ради куска хлеба. И все же никто из них не отважился последовать примеру И. Франко — все свое время посвятить единственной обязанности: писательской работе.

Встречаясь с писателями, завершившими тридцатый год своей жизни, мы делали неправильный вывод, что они вышли из иной литературной школы, чем И. Франко. Так же, как и он, крестьянские дети, они прошли приблизительно ту же самую школу жизни, которая научила их полагаться только на свои собственные силы. Все они с завистью смотрели на Франко, хотели идти по его пути и не могли. Мартович завидовал усидчивости И. Франко, Стефаник — легкости выражения мысли, Черемшина — его знаниям, Маковей — богатству сюжетов, Яцкив — свободе от канцелярской службы, а мы, студенты, — под угрозой экзаменов и семинарских работ — всему, вместе взятому.

Проводя параллели между тремя поколениями, мы постепенно, не всегда четко, но с каждым годом отчетливее, осознавали характер и неизмеримые творческие возможности Франко.

Однажды легкомысленный украинский поэт Василий Пачовский принес ему вдохновенную поэму, в которой слова поглощались словами, а мысли не могли их догнать.

— Подумайте сначала о том, что вы хотите сказать, — посоветовал Франко.

Он принадлежал к писателям, которые подчиняли свои представления острому интеллекту. Он не признавал вдохновения, которое, возникнув со стихийной силой, обходится без анализа. Вдохновение было для него таким состоянием творческого горения и напряжения, когда идея произведения и художественные образы возникают уже после продолжительной подготовительной работы мозга.

Осип Маковой однажды удивился, как может Франко немедленно после работы над корректурой продолжать начатый несколько дней тому назад рассказ.

— Я закончил чисто механическую работу, а теперь начинаю думать, — ответил ему Франко.

Франко не испытывал никаких искусственных препон, когда от теоретических вопросов переходил к сюжетам художественных произведений, которые пробуждали его творческое представление. Почувствовав переутомление, он мог без каких-либо усилий отложить в сторону научные книги и приступить к работе над рассказом или над главой романа. Бывало и наоборот: если нужно было отдохнуть после художественного произведения, он откладывал его и приступал к работе над статьей.

Редактор газеты «Kurjer Lwowski» Болеслав Вислоух, заметив на столе у Франко стихотворения, пошутил:

— Не вставьте ошибочно эти стихотворения в статью.

— Вы предлагаете мне носить воду кувшином и при этом предупреждаете, чтобы я не влил в нее вина... — ответил Франко.

Франко никогда не отдыхал в том понимании, как это случалось с разными учеными и писателями, которые, закончив одну работу, некоторое время не находят новой темы или стимула к работе. Всегда у него ожидали своей очереди десятки тем, замыслов, сюжетов, планов, и он не знал, чему отдать предпочтение.

Маковой рассказал, что при планировании нового номера «Літературно-наукового вістника» И. Франко обычно спрашивали: «Что бы вы могли нам дать для ближайшей книги?» А он часто отвечал: «А чего вам больше всего недостает? Стихотворений, критических очерков или рассказов?»

Необычайная легкость, с которой писал Франко, была обусловлена ясностью мысли, которую он так же легко мог выразить в живом разговоре. Стиль его произведений в основном не отличается от стиля его устной речи — естественной, целенаправленной. В последние годы жизни, когда больные руки не позволяли ему писать, он диктовал без труда, не подбирая мучительно нужного ему слова.

Умение на час, два и больше сосредоточить свое внимание на одном предмете давало ему возможность работать весьма интенсивно. Он умел «переключать» свое внимание, когда неожиданно переходил к другой работе или хотел отдохнуть.

Одним из секретов его работоспособности было умение изолировать свое сознание от всяких посторонних влияний, которые в данный момент могли рассеивать его внимание. По мере того как писатель становился старше, он все лучше мог сосредоточивать свое внимание на важных вопросах. Время у него было весьма уплотнено, ни одна минута не пропадала зря. Франко не ходил в гости и не принимал гостей, хотя всегда к нему можно было зайти и поговорить на интересующую тебя тему. Гости без дела он не признавал. И сам он не бродил по городу без цели, как это делают некоторые люди, находя какие угодно мотивы для того, чтобы оправдать свою праздность.

— Посидите немного с нами, — просили его Стефан и Мартович, собрав большое общество.

— Если бы я знал, что в вашем обществе смогу забыть то, что нужно забыть, и вспомнить то, что нужно вспомнить, я просидел бы и целую ночь, но вы сами за своим весельем не умеете даже забыть о собственных заботах.

Кто видел Франко все время за работой, тот мог сделать неправильный вывод, что это одинокий и нелюдимый человек. Писатель, даже весь день склоненный над бумагами, имел мягкий, нежный характер и любил общество. В обществе он никогда не старался выдвинуться на первый план и с удовольствием прислушивался к мыслям других. Эта черта характера помогала ему обогащать свой опыт писателя, понимать психологию человека.

И в то время когда многие из молодых талантов искали вдохновения в модных книгах, в громогласных про-

граммах «модных» упадочнических направлений, в межзвездных просторах и на дне рюмки, Франко напоминал всем, что под нашими ногами твердая земля и к этой земле необходимо прислушиваться, как к показаниям часов, которые напоминают о самом неумолимом судьбе нашей жизни — о времени.

И мало кто из современников Франко понимал истину, которой так беззаветно служил писатель: время работает на тех, кто связал судьбу с народом и услышал самые потаенные его стремления.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

Еще будучи учеником гимназии, Франко стал собирать книги. Не одна книга из его библиотеки, которая хранится сейчас в Академии наук в Киеве, может напомнить, сколько раз он отказывал себе в необходимом, в том числе и в пище и в одежде.

Франко не был библиоманом. Трудно также назвать его библиофилом, если под этим подразумевать любителя книг вообще или коллекционера редкостных изданий. Как тонкий знаток литературы, знания которого непрерывно расширялись, а вкус обострялся, он подбирал главным образом произведения любимых авторов и книги, необходимые для работы. Произведения классиков стояли у него на полке не для красоты, а потому, что он их перечитывал и не раз заглядывал в них, чтобы проверить тексты и мысли. К произведениям современных авторов он присматривался особенно внимательно, словно к образцам новых растений, немного удивительных, но таких, с которыми специалисту необходимо познакомиться.

Через руки И. Франко проходили сотни произведений современных ему украинских писателей, которые он читывал и рецензировал. Только небольшая их часть вошла в его домашнюю библиотеку, большинство же книг он оставлял в редакциях, в которых работал.

Примерно раз в неделю Франко заходил в книжные магазины, чтобы посмотреть, «нет ли чего нового». В книжном магазине, в котором я работал в 1907—1914 годы, он имел открытый личный счет, то есть мог свободно брать любую книгу без обязанности немедленно заплатить за нее; раз или два в месяц он вносил соот-

ветствующую сумму на покрытие своих долгов. Зайдя в книжный магазин, он охотно задерживался там иногда целый час, просматривая каталоги различных зарубежных изданий. Особенно его интересовали новые исследования в области истории культуры, в частности, истории религии и народного творчества.

По теперешней улице Ватутина раньше тянулся длинный ряд антикварных магазинов. Такие владельцы их, как Бодек или Игель, хорошо знали интересы Франко и с удовольствием хвалились перед ним редкостными изданиями.

Отыскивая с одним из своих товарищей у Бодека учебник, необходимый нам для подготовки к экзаменам, мы услышали такой разговор владельца магазина с Франко:

— Господин доктор, возьмите эту книгу, это редкое издание. Заплатите, когда будете иметь возможность.

— Нет, господин Бодек, книга — ценная, но я не люблю долгов. Наконец, у меня теперь даже нет времени прочитать ее. А так, лежа на полке, она меня только будет дразнить и не даст мне спать.

— Не даст спать? Я думаю, что из-за книг вы давно уже привыкли не спать и даже не кушать.

Часто, когда Франко спешил на работу и на минутку останавливался под окном магазина, хозяин выбегал к нему.

— Заходите, заходите. Я хочу вам что-то показать.

В таких случаях Франко редко проходил мимо.

Иногда Франко колебался, следует ли покупать книгу, цена которой вызвала у него сомнение. В таком случае повторялся стереотипный диалог:

— Вы можете взять ее домой и просмотреть. Если она вам не подойдет, вы возвратите ее мне.

— Нет, не хочу. Это лишнее искушение.

Франко не любил брать книги у своих друзей и знакомых. Читая, он иногда делал пометки на полях или подчеркивал некоторые места, а это можно было делать только на собственных экземплярах. И не очень охотно давал он свои книги другим.

— Вы не заметили этого? — шутя сказал он как-то моему дяде. — Нет, вы этого, наверное, не заметили. Как только я дам кому-нибудь книгу — на следующий же день она становится мне совершенно необходимой, как

только что записанный адрес. Существует предрассудок, что есть три или четыре вещи, которые никому не следует давать: расческу, зубную щетку, бритву и... книгу.

Один из давних приятелей И. Франко, известный писатель, был заядлым библиофилом и при случае не колебался включать чужие книги в свою библиотеку.

— Он, — шутил Франко, — никому не дает книг, ибо боится, что кто-нибудь случайно увидит у него свою собственную...

Франко не имел времени составлять каталог приобретенных им книг; он полагался на свою память, которая не изменяла ему никогда. Он, как ребенок, хвастался, что, если ему ночью не хочется зажигать лампу, он на ощупь находит нужную книгу и кладет ее на стол, чтобы утром не забыть, что надо найти в этой книге соответствующий текст.

Любовь к книгам не заглушала в нем неутомимого интереса к живым делам. Если из печати выходила его новая книга, он часто и не думал о том, что ее нужно поставить в шкаф рядом с другими своими произведениями. Иногда студенты приходили к нему с просьбой:

— Не могли бы вы подарить для нашей библиотеки вашу новую книгу?

— У меня у самого ее нет. Зайдите к директору магазина, пусть он даст вам один экземпляр.

Он нередко должен был разыскивать некоторые свои издания в библиотеке «Научного общества им. Шевченко». Не было у него также привычки на своих новых книгах писать посвящения друзьям; делал он это чаще всего из вежливости, тогда, когда благодарил писателей, приславших ему свои произведения из-за границы. Не удивительно, что осталось так мало произведений Франко с его дарственными надписями.

Домашняя библиотека Франко отражала его широкие интересы в различных областях знаний, но она ни в коей мере не может служить показателем его величайшей образованности.

Перелистывая различные книги в публичных библиотеках, он запоминал не только то, что ему было необходимо в данный момент его работы, — он часто удивлял своих знакомых ссылками на источники по тому или иному научному вопросу, который разрабатывался авторами различных исследований.

— Когда вы находите время читать книги? Вы же сами так много пишете... — спрашивали его.

— А я и не говорю, что у меня есть время. Мне его всегда не хватает. Хорошо, что некоторые книги обладают своим запахом. Как только поднесешь их к носу, сразу чувствуешь, что это за зелье. Я часто не читаю, а нюхаю.

ЧТО ВСПОМИНАЛ ВАСИЛЬ СТЕФАНИК

Все современники Франко, которые пишут о нем воспоминания, не раз с глубоким сожалением думали о том, почему в свое время они не записывали некоторых, хотя бы выдающихся, эпизодов из его жизни. Как-то мы спросили Василя Стефаника, когда он впервые познакомился с Иваном Франко. В ответ писатель только улыбнулся!

— Эх, если бы я имел привычку записывать!

Даже относительно года знакомства он сомневался. Впрочем, картина встречи стояла перед его глазами так выразительно, будто он намеревался ее изобразить.

— У меня не было к Франко какого-то специального дела. Мне, жителю деревни, просто хотелось услышать его голос, услышать что-то новое.

Василь Стефаник с присущим ему темпераментом стал рассказывать, как он нашел Ивана Франко в типографии. Ему сказали, что там он определенно может его застать. Франко, к удивлению Стефаника, сразу узнал его.

— Я уже вас видел; мне показали вас, но вы меня не заметили. Подождите, сейчас выйдем на свежий воздух.

— Вы, наверное, думаете, что мы сразу стали разговаривать о литературе? — говорил Стефаник, вспоминая об этой встрече. — У меня было такое впечатление, что он немного хотел отдохнуть от литературы.

Франко живо интересовался условиями жизни Стефаника.

— Вы что, решили остаться хлеборобом? Это неплохо. Вам будет легче стать хорошим писателем.

Франко тем самым отнюдь не хотел пожаловаться на то, что ему тяжело зарабатывать на жизнь пером. Но

Стефаник не сразу понял, что именно имел в виду Франко.

— Может быть, вы считаете, что в деревне спокойнее?

— Я вам объясню позже, — сказал Франко. — Вы давно были на Высоком замке?

Так они очутились на горе, с которой можно было охватить одним взглядом весь город.

— Я вам очень благодарен, — сказал Франко, — что вы, явившись совершенно неожиданно, напомнили мне, что во Львове существует природа. Ложась спать, я иногда ругаю себя за то, что весь день просидел за столом и забыл о зелени.

Трудно сегодня повторить рассказ Стефаника о его разговоре с Франко, плененным открывшимся ему пейзажем. Много лет позже Стефаник вспоминал, что Франко часто посещал различные уголки в окрестностях Львова, куда так редко заходили другие жители города.

Стефаника поразило то, что Франко знал не только природу — затененные лесом очаровательные места над различными потоками, — но прежде всего людей, имевших там свои дома и клочки земли.

— Я на миг позавидовал ему, — признался Стефаник. — Какие широкие у него интересы! А мне трудно выбраться за десять миль от своего села.

Стефаник уже тогда знал об увлечении Франко рыбной ловлей и грибами. Он спросил, удастся ли ему заниматься этим во Львове.

— Ясно, что в Полтве я не могу ловить рыбу. Когда подумаю, что там может плавать какая-то рыба, мне становится жаль ее. А грибы можно искать всюду — но когда?

Как только Франко подходил к разговору о своих многосторонних обязанностях, он или умолкал, или переводил беседу на другую тему.

Франко не любил напоминать знакомым о своей работе, чтобы кто-нибудь не спросил его: зачем он мучит себя непрерывным писанием? Я сам тогда плохо понимал таких писателей, как Франко или Крашевский, которые писали с утра до ночи.

Василь Стефаник, вспоминая Франко, никогда не забывал повторять, что Франко был для него недостижимым идеалом,

— Писатель для меня — это прежде всего человек, который умеет писать. И когда я смотрю на различные заголовки его произведений и его статей, я спрашиваю себя: какой же я писатель?

Франко очень подробно расспрашивал о бытовых условиях жизни крестьян в родном селе Стефаника: сколько у них земли, есть ли хлеб, много ли на селе детей, ходят ли они в школу...

— Все это я знал, но мне никогда не приходило в голову, что такие факты могут иметь значение для кого-то, кто живет во Львове и имеет столько дел, сколько имеет их Франко.

После довольно продолжительной прогулки по разным дорожкам Высокого замка Стефаник предложил ему «что-нибудь перекусить». Франко удивился.

— У меня было такое впечатление, — рассказывал Стефаник, — что для Франко вообще не существовало потребности в еде. После этого я уже боялся спросить его, знает ли он вкус водки. Об этом я узнал много позже при более близком знакомстве с И. Франко. Сначала я считал его аскетом... Он и был немного им, если принять во внимание, что ему не нужно было ничего, кроме ручки и чернил. Чернила, казалось, заменяли ему воду...

Невозможно забыть воспоминания Василя Стефаника о Франко, когда он противопоставлял его себе, жалуясь при этом на свои творческие муки.

— Когда Франко, вместо святой воды, окропил меня чернилами, признав публично, что у меня есть талант, я долго не мог найти себе места. Не помню теперь точно, выпил ли я тогда с радости, хотя это стоило бы запомнить, ибо пил я тогда с героями своих произведений чаще всего от горя. Но хорошо помню, что долго я без дела слонялся по комнате и никак не мог опомниться, а в груди у меня что-то щемило. Что же будет дальше? Необходимо писать, и хорошо писать, если сам Франко назвал меня талантливым писателем. И долго не выходило у меня из головы, что нужно бы с ним побеседовать еще...

Остроумно рассказывал Стефаник о том, как собирался выехать из родного села во Львов.

— Вы сами хорошо знаете, что наши крестьяне недолюбливают ни железной дороги, ни большого города — всего, что фырчит и гремит, словно чертова машина. И я

думал, что так же, как каждый порядочный хозяин не может ехать с пустыми руками, а должен везти или масло, или курицу, так и я должен был принести И. Франко какую-нибудь новеллу. А у меня написанного — кот наплакал...

На основании рассказа Стефаника о том, как он обдумывал, когда и где лучше всего встретиться с И. Франко, можно было бы сделать вывод, что к Франко страшно было подступиться. Мы хорошо знали, что это не так. Не было случая, чтобы Франко ответил кому-нибудь, что у него нет времени и что он занят. Стефаник был очень впечатлительным, когда разговор касался того, о чем он писал. Он этого не скрывал и сам признавался, что он «жалостливый». От желанного разговора с Франко о литературе его удерживало то, что для такого разговора не находилось соответствующего повода.

«Как это так, — думал я, — приду я к Франко и спрошу: скажите, как понимать высказанную вами похвалу в адрес моего таланта? А спросить нужно было, чтобы мне самому стало это немного яснее».

Вышло же все совершенно иначе. Когда однажды Стефаник зашел в кафе и никак не мог набраться смелости подойти к столику, за которым Франко читал газеты, Франко первый заговорил с ним:

— Хорошо, что вижу вас. Советую вам подумать об издании сборника ваших произведений. В него можно включить и то, что уже было напечатано в мало кому известном маленьком сборнике.

Василь Стефаник удивился, что Франко помнит всех молодых литераторов. Об этом он и сказал И. Франко.

— А вы не молодой литератор, — ответил Франко. — Вы уже нашли свой стиль, а кто нашел свой стиль, тот уже может называть себя писателем. Это у нас редкое явление.

— Но с этим «талантом» мне не все ясно... — сказал Стефаник.

И, повторяя мне отдельные отрывки из своей беседы с И. Франко, добавил:

— Не ясно это для меня и до сих пор, хотя то, что он мне тогда сказал, было так ясно, как светлый день в сравнении с ночью.

— Люди также не рождаются одинаковыми, — говорил Франко, — а литературные произведения можно

сравнивать не только с детьми. Некоторые из них напоминают бабочек, другие — слонов или жирафов... Я сам, хотя я пишу легко, не раз так намучаюсь с какой-нибудь темой, что уже хочется махнуть на нее рукой, а она сама возвращается ко мне, словно упырь. И представьте себе: иногда мне кажется, что родил я не нормального, здорового ребенка, а маленького жирафа со слишком длинной шеей. Укоротишь ему шею — он вообще не будет жить. Не следует вам упрекать себя, что вы свои новеллы, словно скульптор, вырезаете из камня. Неплохо было бы иметь в нашей литературе побольше таких скульпторов, как Марко Вовчок или Коцюбинский.

ЛЕГКО, ЯСНО, ПРОСТО

Интересно было прислушиваться к впечатлениям Василия Стефаника, когда он говорил о творческой лаборатории И. Франко.

— Среди крестьян нередко можно встретить такого, который все умеет делать; за что он ни возьмется, все горит у него в руках. Он и обувь починит, и балки новые в доме положит, и коня подкует, и, если жена заболит, тесто за нее замесит. И никто не знает, когда он всему этому научился. Ибо никто не может проследить, куда глядит чужой глаз. В те времена, когда мы, будучи студентами, просиживали в кафе и спорили, есть ли одна правда для всех или каждый может иметь свою, и болтали о том, что кому взбрело на ум, — Франко учился. Мне как-то даже хотелось спросить его, сколько миллионов лет будет крутиться наша земля, ибо я верил, что он, наверное, и это знает. А если и не знает, то определенно скажет: есть такое-то произведение такого-то геолога или астронома, и там в таком-то разделе... А то еще и страницу назовет.

Стефаник как-то спросил И. Франко, когда он успевает так много читать и писать. Франко улыбнулся.

— Вы можете точно так же спросить машиниста, как может он на паровозе проезжать ежедневно так много километров. Он мог бы вам на это ответить, что он ведь больше ничего не делает, только ездит. Оставьте на недельку все свои обязанности и все свои развлечения, садитесь за стол и пишите, садитесь в кресло и читайте... А потом сосчитайте, сколько это составит километров ис-

писанной бумаги. Если бы мой отец оставил меня в своей кузнице, сколько я железных полос или подков наковал бы за месяц!

Мысль Стефаника пошла уже по другому направлению.

— Есть ли среди нас, в Галиции, кто-нибудь, кто читает все то, что пишет Франко? Нет никого. Ибо нет людей, которых интересовали бы одновременно и старые апокрифы, и земельный вопрос, и Шекспир, и сотни книг и статей, печатающихся на разных языках. Я считаю его мучеником своей профессии, хотя и думаю, что наибольшим наказанием для Франко был бы запрет, как для Шевченко в ссылке, читать и писать.

Когда Стефаник передал в издательство «Видавничка спілка» свой сборник «Дорога», возник вопрос, кто будет держать корректуру книги. Франко спросил, знает ли Стефаник, как это делается, и сколько корректур ему нужно выслать. Стефаник советовал не полагаться на его знания в этом деле, а просил только дать ему возможность перепроверить, не исковеркано ли в типографии какое-либо из слов его индивидуального языка. При этом зашел разговор о том, не следует ли, по мнению Франко, исправлять правописание, которым пользуется Стефаник, и частично — его лексику.

— Лучше всего будет, — сказал Франко, — если мы сохраним в основном ваше правописание там, где вы передаете язык ваших героев. А там, где вы говорите от себя, следовало бы ввести какой-то единый принцип. Вы же не всегда его придерживаетесь. Я бы, например, советовал вам писать и в речи ваших крестьян «пьять», а не «пъеть», «увесь» вместо «увес», «виривати», а не «віривати», ибо это будет мешать многим читателям ваших новелл.

Передавая свой разговор с Франко перед изданием сборника «Дорога», Стефаник сказал:

— Язык и правописание я полностью оставил на усмотрение Франко, ибо считал его не только ученым, но и мудрым человеком. Я не мог надивиться тому, как он при каждом новом издании своих произведений, подчас коренным образом, исправлял их язык. Он для нас дорогой образец, на который необходимо ориентироваться. Если я мысленно забегаю вперед на неделю, то Франко — далеко за полвека.

Большой вопрос для Стефаника о «покутском диалекте» помог ему окончательно решить Иван Франко.

— Я боюсь, — сказал Франко, — что, если вы сядете за изучение литературного языка, вас совсем собьет с толку разный язык наших писателей. На первый взгляд казалось бы, что вам легче всего было бы обратиться к произведениям Марко Вовчка, Панаса Мирного, Стороженко, для того чтобы ваши мужики заговорили и по-своему и литературно правильно. Но в устах галицийских крестьян такой язык будет неживым, неестественным. Я сам стараюсь в своих рассказах из сельской жизни идти какой-то средней дорогой, но читатель чувствует, что в них на первый план выдвигается язык автора, а не его героев. Ваши трудности не такие большие, какими вы их себе представляете. Вам не нужно забивать себе голову разными филологическими вопросами, ибо вы можете писать так, как слышите. Дело тут не только в том, годится ли язык вашего родного села для литературы, — важнее то, что все те живые люди, которых вы изображаете, имеют свой стиль — они имеют свои поэтические образы, которых вам не нужно выдумывать. А будут ли ваши произведения жить сто или тысячу лет, вы об этом особенно не беспокойтесь, пусть над этим ломают головы профессора литературы. Если же и они не найдут ответа на эти вопросы, то я заверяю вас, что ваши рассказы станут, по крайней мере, материалом для филологов, которые будут исследовать галицийские диалекты. А история развития литературного языка — наука более прочная, нежели история литературы, которая зависит от различных систем и теорий...

— У меня всегда становилось легче на душе после подобных слов Франко, — говорил Стефаник. — Не потому, что я не мог спать, думая о том, будут ли мои книги печататься после моей смерти. Вы хорошо знаете, что я не верю в ту бессмертную душу, которая после смерти слоняется по земле и заглядывает на книжные полки — стоят ли там ее книги. А я часто не мог спать из-за сомнений — стоит ли описывать то, что делают, думают и говорят мои близкие соседи, честные, бедные и несчастные люди на нашей потрескавшейся, как их руки, земле. И не в одну из бессонных ночей я думал об И. Франко, способном писать обо всем, о чем только он хочет, — легко, ясно, просто, именно так, как говорит.

Дважды, а может быть, и больше рассказывал Стефаник о том, как он подглядел один из «секретов поэтического творчества» Франко.

— Это был, правду говоря, секрет не его творчества, — рассказывал Стефаник, — а творчества тех, кого он выводил в люди. Я принес ему корректуру, которую, приехав во Львов, взял домой для просмотра. По дороге на улицу Чарнецкого захожу к Франко и вижу его в какой-то удивительной позе. Так пристраивается у стола неопытная молодая мама, когда собирается сшить штанишки своему сыну. На столе клочки бумаги, ножницы, клей. Заметив меня, Франко сказал: «Я сейчас, подождите немного, а то могу все перепутать». Как выяснилось, он разрезал на куски произведение молодого автора и теперь собирается склеивать его.

— Выходит, это не редакционный, а операционный стол, — пошутил я, поняв, в чем дело.

— Вы сами хорошо знаете, — ответил Франко, — что наш народ чаще всего обращается к врачу только тогда, когда спасти его может только операция. Если бы пациент был здесь, может быть, я посоветовал бы ему лично все исправить. Но этот автор из провинции, и, если бы я написал ему, письмо получилось бы вдвое длиннее самого рассказа. И он, прочитав мои советы, махнул бы на свое произведение рукой и даже не ответил бы мне. А сюжет у него хороший, невыдуманный, просто жалко будет, если он пропадет.

— Какой же он хороший, если вы его искромсали, как Тарас Бульба своего заклятого врага?

— Вас это удивляет потому, что вы не занимались редакторской работой. Не я первым открыл секрет, что, для того чтобы рукопись была пригодна к печати, из нее необходимо вырезать то, что ей вредит. Скажу вам больше: иногда то, что написано на второй или на третьей странице, оказывается чудесным вступлением, а то, что сам автор считает в своем произведении большой удачей — всякие рассуждения, — хорошо вырвать, как гнилой зуб.

— А что же тогда останется от произведения самого автора? — спрашиваю Франко почти взволнованно, так, словно он «препарирует» мою новеллу.

— Из его произведения останется то наиболее ценное, что сможет заинтересовать читателя, — сюжет. Вот когда будет это напечатано, прочитайте, и тогда я скажу вам, в чем тут моя заслуга. Моя заслуга только в том, что я не отложил в сторону это произведение, как недопеченный хлеб, а снова сунул его в редакционную печь.

— А сможет ли этот автор оценить ваш труд?

— Не знаю. Я часто получаю письма после того, как такие произведения уже напечатаны. Одни искренне благодарят, другие выражают свое недовольство тем, что им «сократили» поэтические описания или самые лучшие, по их мнению, сцены. Но чаще автор, ободренный тем, что его первое произведение напечатали, немедленно берется за второе, третье...

— Это вам заслуженное наказание, — сказал Стефаник, — за то, что вы силой тащите в литературу всех, кого можете. Если кого-то напечатали однажды, вы морально обязаны печатать и последующие его произведения. А это, наверное, без ножниц и клея у вас никак не обходится.

— Я сидел рядом, — рассказывал Стефаник, — и присматривался к этой редакторской химии. Было ясно, что Франко не только склеивал отдельные кусочки бумаги, но кое-что и дописывал.

— Как вижу, — говорю И. Франко, — вы клеете чужое произведение не только своим клеем, но и своим словом.

— Хорошо, если есть из чего клеить, — сказал Франко. — В большинстве приходящих в редакцию произведений чувствуется только желание автора что-то написать. Но кто редактирует большой журнал, должен его чем-то заполнить. Мне часто неприятно, что я должен давать много собственного материала. Журнал всегда более интересен в том случае, если в нем сотрудничает больше людей.

— А когда вы сами пишете, — спросил Стефаник, — вы часто прибегаете к ножницам и клею?

— Очень редко. Лучше взять чистый лист бумаги и начать все, как говорят, с другого конца...

— А я, — сказал Стефаник уже нам, передавая этот разговор, — нуждаюсь не в одном чистом листе, а в целой кипе бумаги. И у меня всегда больше чистых страниц, чем исписанных.

— Приехав однажды во Львов, я решил на несколько минут зайти в редакцию «Літературно-наукового вістника», — рассказывал Стефаник, — чтобы спросить И. Франко, когда он сможет прочитать мой новый рассказ. В редакции я его не застал и не хотел ожидать. Я вышел на улицу и направился в город. Но через несколько минут встретил И. Франко — он шел в библиотеку. Только хотел ему сказать, что ищу его, как он опередил меня: «Пойдемте со мной на базар». «Наверное, хочет купить что-нибудь из еды», — подумал я. С И. Франко иногда случалось, что он не ел как следует дома. Мы пошли на базар. Была весна. Франко купил булку и яблоки, но не уходил. Зная, как он дорожит своим временем, я удивился, но смолчал. Мы ходили между прилавками с овощами и разными хлебными изделиями, словно чего-то искали. Франко догадался, что я молчу, пытаюсь понять, зачем он сюда пришел, и сказал:

— У меня здесь нет никакого дела. Булку и яблоки я купил без всякой цели, хотя, конечно, они тоже пригодятся. Сегодня утром я хотел писать один рассказ, но не мог решить, с чего начать. Причина, кажется, была в том, что я не видел перед собой достаточно выразительно тех людей, о которых нужно было писать. Я видел их давно, и они стерлись в моей памяти, а дорисовывать их, пользуясь собственной фантазией, — плохо. Знаю из опыта, что не раз, идя по улице, погляжу случайно на прохожего, и его лицо ассоциируется у меня с кем-то, кого я думал описать в рассказе или повести, но не смог, потому что забыл его.

Франко стал в стороне от группы беседующих продавцов и сказал мне: «Вот посмотрите на того мещанина в серой шапке. Он пришел сюда не продавать какую-то там крупу или курицу... Это мастер на все руки, он вынюхивает нужное ему из разговоров разных людей. Он мог бы так же хорошо провести полдня на еврейской бирже, но там бы его быстро раскусили. Это человек, который не нашел профессии и не хочет ее искать. Я не знаю его, но его глаза и движения такие живые, что принуждают меня воссоздать его биографию. Только на некоторых голландских картинах можно увидеть таких хитрецов. Не понимаю, почему наши художники не ходят сюда за натурщиками. А молодые поэты, вместо

того чтобы провести на таком базаре целый день, сидят в кафе и пишут о кипарисах или о меланхолическом камыше, которого никогда не видали. Я выбираю свои типы здесь. Сегодня присмотрюсь только к двум и попробую представить, как бы они повели себя в определенной ситуации и в соответствующих обстоятельствах...»

Стефаник спросил И. Франко, почему он не вступает в разговор с людьми, которых думает изобразить.

— Голоса их я слышу в своих ушах, — ответил Франко, — я слышал их уже раз именно в той ситуации, которой не могу забыть. А какой был их внешний вид при этом, не могу вспомнить.

При этом Франко стал пояснять Стефану, что в большом городе, где перед ним движутся сотни людей, глаза становятся равнодушными к внешнему виду людей. В селе, где все знают друг друга, легко воссоздать в своей памяти образ каждого человека с его характерными чертами и особенностями.

— Каждый день я вижу больше книг, чем людей, — сказал Франко, — и лучше помню просмотренные за день книги, чем людей, с которыми разговаривал. Плохое влияние оказывает на писателей литература, если они, творя, мысленно обращаются к прочитанным книгам, вместо того чтобы видеть живых людей своего времени...

— Эти слова Франко, — сказал Стефаник, — я всегда помнил. Но не умел так легко, как он, выбирать прототипов и воссоздавать их биографии.

БЕСЕДА С МОЛОДЫМИ

Молодые писатели хорошо знали строгость оценок И. Франко. Некоторые боялись подойти к нему со своими рукописями, чтобы не утратить последнего луча надежды на то, что их произведение удачно. Обойти же Франко как критика было невозможно. Простейшим способом было переслать свою рукопись почтой с просьбой прочитать ее, а уж спустя некоторое время зайти к нему.

Одним из излюбленных вопросов Франко было:

— Не могли бы вы передать простыми словами то, о чем вы хотели сказать в своем произведении?

Такой вопрос казался нам в 900-х годах вызывающим, ибо напоминал о ненавистных экзаменах. Он нарушал также наши общие понятия о литературном произведении. «Как это так, в нескольких словах, к тому же еще в простых, пересказать то, что запрято в глубине души среди различных настроений, стремлений, мечтаний?..»

Даже отдельные настоящие реалисты, которые умели отображать доступную им действительность просто и понятно, были убеждены, что их талант и их произведения не поддаются простому и ясному анализу. Такие туманные мысли возникали под впечатлением различных немецких журналов и газет, заполненных статьями теоретиков «модернизма», то есть всяких упадочнических направлений. Основным мотивом таких органов был модный тогда лозунг «Искусство для искусства».

...Двое молодых поэтов — П. Карманский и В. Пачовский — издали свои новые сборники стихотворений — «Блуждающие огни» и «На обрыве». Никакая похвала не могла их удовлетворить, пока читатель не сказал им совершенно определенно, что их стихотворения необычны. Франко сделал замечание, что авторы поступают хорошо, если видят перед собой читателей, к которым обращаются; ведь писатель своим произведением хочет кому-то что-то сказать...

Один из задиристых молодых поэтов, Сидор Твердохлиб, взял на себя роль адвоката:

— А если у меня нет намерения что-либо сказать? Литературное произведение не должно поучать. Нас достаточно учат в школе и дома, и это нагоняет тоску.

И тут посыпались доказательства, что многие из выдающихся писателей, создавая свои произведения, определенно не думают о читателях, современных и будущих, даже не знают, кто они. И все же случается такое чудо — произведения таких писателей получают высокую оценку, читаются с интересом и остаются в литературе.

Франко долго никак не реагировал на это. Но, подумав, он сказал:

— У меня нет оснований отказывать вам в таланте. У вас есть фантазия, желание и способность писать стихи. Вы хорошо знаете, что я печатал некоторые ваши стихотворения, исходя из этих общих соображений. Но

в ваших последних сборниках есть разные настроения, часто совсем противоречивые. Трудно поверить, что они находят себе место в душе одной и той же особы. Вы, наверное, придерживаетесь того взгляда, что всякое настроение годится, если из него можно «сделать» стихотворение. Никто не требует от вас, чтобы вы сначала разобрались, в каком настроении вы хотите писать все стихотворение, а потом уже сядились за стол, чтобы написать их — пять или десять... Я хочу только сказать, что, если бы вы хорошо знали, о чем, для кого и как вы хотите писать, многих стихотворений вы бы вообще не написали...

Нас волновал вопрос, имеет ли писатель право передавать и те свои переживания, в которых он сам не смог разобраться. Для нас — тех, кто хотел прежде всего увидеть себя напечатанным, а потом и оцененным критикой, — самым важным казался принцип «полной свободы» писателя — стремление писать, как он хочет и что он хочет.

Именно с этим Франко не мог согласиться и пытался долбить нам, что это недоразумение и неразумение.

— Вы ведь можете за собственные деньги напечатать какую угодно книгу. Но как же вы можете требовать, чтобы критик принимал на веру все ваши прихоти и безделушки со всеми их грамматическими и стилистическими ошибками? Критик — это человек, который своей оценкой заинтересовывает читателя в покупке книги, даже советует не жалеть времени на ее прочтение. Если бы какой-либо продавец торговал тухлым мясом или гнилыми тканями для одежды, а вы, зная об этом, создавали бы ему рекламу, — вы были бы честным человеком?

— Но ведь литературное произведение — не мясо и не одежда. Хорошее оно или плохое — это часто только субъективное суждение...

— Субъективным оно бывает только тогда, когда вы его держите при себе и не обосновываете. Литературное произведение, как и дом, складывается из фундамента, камня, дерева, извести, глины, оно имеет свое построение, композицию, стиль, внешний вид и внутреннее деление... Не думайте, что так уж тяжело показать, какие его части из плохого материала, не стойкие,

прогнившие, какие выпадают из общего целого, какие сделаны несолидно, везде ли есть чистые окна с широкой перспективой в мир. Это сравнение можно было бы провести очень далеко. Ошибаемся ли мы в своей оценке, об этом пусть скажут тысячи читателей, если не современных, то завтрашних...

— Когда же молодой автор может быть уверенным, что он на правильном пути, что у него настоящий талант, что он выбрал хороший сюжет, хорошо его разработал, написал полезное произведение?

— Каждый из нас мог бы задать подобный вопрос врачу: «Скажите, здоров ли я, правильно ли я живу?» Вы ошибаетесь, думая, что критик должен иметь ответы, словно рецепты от всех болезней. Первые шаги в литературе — тяжелые, сложные, они вызывают много сомнений, связаны с борьбой с самим собою и с теми, от кого зависит развитие таланта. Когда вы начинаете писать, вы должны бы знать многое из того, что написали до вас... Разумеется, не в мировой литературе, но, по крайней мере, в своей родной. Когда вы выбираете какую-либо тему, вы обязаны представить себе, какую форму лучше всего использовать для ее разработки. А еще раньше вам бы необходимо подумать о том, знаете ли вы литературный язык. Как видите, работы много. Стихи, рассказы, пьесы не рождаются от одного вдохновения...

— А как узнать, не будет ли такой труд напрасным?

— Если вы задаете этот вопрос потому, что не уверены, что вы хорошо подготовлены к литературному труду, тогда ответ будет один. Если же вас волнует ваше будущее — ваша популярность, или, как говорят, «слава», — это другое дело. Мне кажется, что современное поколение больше всего боится критики. Я иногда слушал упреки в том, что своей острой критикой я убил тот или иной молодой талант. Талант, который можно убить рецензией, — не талант. Когда я начинал писать, я даже не имел рецензентов. А сегодня у меня их еще меньше. Меня часто одолевают сомнения: является ли то или иное из написанных мною произведений таким, каким оно должно быть. Но уже сами эти сомнения навевают мне новые мысли... Сомнения и размышления — самые важные вещи для писателя.

Беседа могла продолжаться бесконечно. Но Франко заметил перед собой листок бумаги с набросанными на нем первыми фразами, и он (таково было наше впечатление) хотел припомнить, какую его мысль мы прервали. Он даже не заметил, когда те, с кем он беседовал, исчезли.

ПОЛЕМИКА С ПОЭТАМИ

Два моих старших товарища, поэты П. Карманский и В. Пачовский, чувствуют себя оскорбленными ироническим юмором Ивана Франко. Более того, они считают делом своей чести защищать «новую» литературу, которая, как им кажется, обязательно родится, если они будут писать обо всем том, что им приносит вдохновение. Они проявляют смелость и направляются в кафе «Монополь», где Франко обычно читает новые газеты и журналы. Мне выпадает роль Санчо Пансы — быть свидетелем сокрушающей силы их аргументов.

Первый вопрос напоминает начало военного наступления.

— Как вы можете объяснить тот факт, что, когда вы печатали наши стихотворения в вашем журнале (они имели в виду «Літературно-науковий вістник»), тогда они были хороши, а когда мы печатаем их сами, тогда они, на ваш взгляд, становятся плохими?

Франко спокойно посмотрел на поэтов.

— Это, очевидно, потому, что я предъявляю к вашим стихотворениям более строгие требования, нежели вы сами.

— Но ведь ваши слова были не критикой, а глумлением.

— Вы сами умеете смеяться. Почему же мои слова вы принимаете так близко к сердцу? Я ведь только процитировал некоторые строфы, считая, что читатели сами разберутся в их ценности.

— Однако такой метод...

— ...дает читателю возможность, — продолжил Франко, — убедиться, в какой мере критик не прав. Ведь вы имеете своих сторонников, которые считают, что настоящая поэзия выглядит именно так, как ваша...

Молодые запальчивые поэты не так представляли себе спор. Они были убеждены, что Франко станет ругать

их, метать громы и молнии против их идеала «чистого искусства»

— Существенный недостаток вашей лирики, — говорил Франко, — а никто из вас и в прозе не может обойтись без лирики — в том, что вы считаете поэзию царницей «чистых», как вы любите выражаться, чувств, которые не требуют никаких мыслей. Такие чувства, возможно, и существуют, пока они не высказаны на бумаге. Лейтмотив ваших произведений — чувство одиночества. Это чувство было широко использовано романтиками. Одинокими чувствовали себя Байрон, Лермонтов, Мицкевич, Шевченко, но когда они говорили о своей боли, то высказывали совсем иные претензии к конкретным условиям своего времени. В их поэзии глубокие мысли не отделены от чувств. У одинокого человека, даже в пустыне, сознание того, что он совсем оторван от мира, может пробуждать новые интересные мысли. А поэзия без новых мыслей — не поэзия, во всяком случае, не новая...

Сбитые с толку лозунгами «модернизма», мы были убеждены, что «самым сильным» произведение бывает тогда, когда писатель как можно больше высказывает в нем личных чувств, даже и в том случае, если эти чувства — результат бессилия.

Оба лирические поэта с большим пафосом стали защищать этот взгляд.

Франко ответил им:

— Вы не умеете смотреть на созданное вами как на произведение, которое имеет свой целью пробуждать мысли и чувства других людей. Вы слишком много думаете только о том, что вы сами думаете; слишком узко чувствуете только то, что пережили сами.

Лирики, которые прежде всего передавали личные впечатления, ссылались в этом споре на примеры, доказывали, что существуют поэмы известных поэтов, в которых мало чувствуется, что они что-либо пережили. Они и не думали о том, чтобы взволновать читателей.

Франко дополнил свою мысль таким пояснением:

— Плохо будет и тогда, когда вы будете заботиться только о впечатлении, которое должно оказать на читателя ваше произведение. В этом случае вы также замыкаетесь в себе, думаете только о себе. Вы должны думать

о явлениях, которые хотите изобразить, и о связанных с этими явлениями людях. Тогда ваши взгляды и ваши чувства будут расширяться и вытаскают вас из сферы личных впечатлений на свежий простор.

И, если не ошибаюсь, именно здесь он указал на пример, своих «Увядших листьев», в которых только частично передал свои тяжелые личные переживания, стремясь дополнить их представлением о положении юноши, разочаровавшегося в жизни и в собственных силах.

Франко часто вспоминал свои литературные начинания, чтобы нагляднее иллюстрировать трудности, встающие перед галицким писателем, когда он хочет самостоятельно разобраться в разных вопросах художественного мастерства. Вспоминая собственные начинания, он всегда проявлял теплые чувства к молодым, неопытным юношам, которые были слишком уверены в своем таланте.

— Большая задача критика, — сказал он однажды в обществе молодых писателей — не только в том, чтобы помочь молодому автору. Она не менее благородна и тогда, когда критику удастся убедить автора в том, что у него нет таланта, и заинтересовать его каким-либо другим полезным делом.

На часто задаваемый ему вопрос: «Есть ли у меня талант?» — Франко доброжелательно улыбался. Он приводил примеры из истории литературы, рассказывал о выдающихся писателях, которые создавали первые свои полноценные произведения только в зрелом возрасте. Слишком самоуверенных он предостерегал, чтобы они не очень полагались на то, что смогут зарабатывать на жизнь только своим творчеством. Казалось, он вот-вот скажет: «Посмотрите на меня... У меня есть талант, и я пишу много, а между тем...»

Но намекать на самого себя он не отваживался, хотя пример был бы действительно очень яркий. Он всегда больше думал о том, что нужно писать, нежели о том, что нужно кушать.

В отличие от большинства писателей своего времени, Франко не признавал бесконечно длинных разговоров в кафе или в ресторанах. Более молодые, чем он, Лесь Мартович и Василь Стефаник, приехав во Львов, часто, используя различные хитрости, пытались привлечь И. Франко в свое общество. Однажды вечером, сидя в

кафе «Централь», они послали ему записку такого содержания: «Мы настоятельно нуждаемся в вашем совете. У нас есть чудесные сюжеты. Приходите в «Централку»...»

Через полчаса Франко ответил: «Мой единственный совет проверить сюжеты на бумаге. А с рассказами заходите ко мне. Нам нужны гениальные произведения».

В другом случае зашел спор о названиях произведений. Кто-то из присутствующих заметил, что эффектное название иногда определяет успех книги, а Франко не придает этому соответствующего значения.

— Эффектные названия действительно помогают многим писателям, — ответил он. — Название — единственное, что остается в памяти читателей от их произведений.

Однажды Франко написал резкую рецензию на стихи поэта, а один из друзей этого поэта обратился к нему с упреком:

— Вы даже не знаете, как он глубоко переживал вашу критику.

Улыбнувшись, Франко ответил:

— Писатель должен переживать раньше, чем напишет книгу, а не после того.

ЛЕКЦИИ С ЧАЕМ

Группа студентов филологического, или, как его тогда называли, философского, факультета попросила Франко прочитать им лекцию о новых направлениях в современной украинской литературе.

Это обращение к Франко было своеобразной демонстрацией против преподавателей украинской литературы Львовского университета К. Студинского и А. Колессы, которые придерживались того взгляда, что современную украинскую литературу вообще преподавать не следует. Университет, дескать, научное учреждение и занимается только историей литературы, а история не наступает, по крайней мере, до тех пор, пока не умрут все современники.

Студинский, в прошлом богослов, занимался только «полемической» литературой, блуждая среди споров между католиками и православными, а Колесса чаще всего вел курс по Шевченко, пересказывая лишь собственную кандидатскую диссертацию. К тому же Колесса

часто вывешивал на двери лекционного зала объявление о том, что его лекция не состоится. Да никто и не проверял, что именно читают профессора на лекциях и вообще читаются ли ими лекции.

Франко охотно принял приглашение. Выбрали зал одного из клубов по улице Костюшко. Присутствовало около сотни людей, в большинстве — студентов. Главной теме отвечал материал, вошедший в книгу Франко «Молодая Украина». Впрочем, писатель считал целесообразным сначала остановиться на вопросе: как понимать «новые течения», откуда они берутся и как их оценивать?

Он старался разъяснить молодым слушателям, что со сменой общественно-политических обстоятельств, с появлением новых экономических сил и новых исследований в науке и философии, когда делаются попытки объяснить новые жизненные явления, рождается потребность по-новому подойти к жизни, по-новому отобразить ее. Это не мода, не своевольная прихоть писателей, а закономерный результат прогресса. Литературные формы (определенные способы передачи идей и переживаний в искусстве) не существуют вечно, а изменяются и обновляются — приходят в соответствие с новыми требованиями времени. Кроме того, национальные литературы испытывают каждый раз сильное влияние других литератур, близких и далеких; и не удивительно, что и в украинской современной литературе ощущается это влияние.

Франко остановился также на вопросе о литературных влияниях, на значении литературного языка, который все более совершенствуется и при помощи которого писатели передают свои замыслы. Очень выразительно была подчеркнута им мысль, что не каждое произведение, из числа написанных на родном языке, можно считать «родным» и даже вообще произведением. Писатели, следующие готовым чужеземным образцам, не могущие найти на родной почве свежих тем и не умеющие эти темы разрабатывать, в действительности являются только невольниками моды, бесталанными подражателями.

— Сторонники модных лозунгов (Франко выразительно намекал на сторонников упадочнических направлений) даже не умеют выразить своих идей и за всяческими ухищрениями внешней формы стремятся скрыть тот факт, что у них нет никаких новых идей.

Те общие положения, которые сегодня не требуют комментариев, в то время необходимо было доказывать. Франко иллюстрировал свои мысли примерами из литературы; то, насколько он был прав в своих оценках многих литературных явлений, подтвердила история — не одно название и не одно произведение сегодня забыты.

Лекция состоялась главным образом благодаря стараниям студентки Аси Шухевич, к которой Франко относился с особенной симпатией. Он даже посвятил ей одну из своих книг. После лекции Ася позвала извозчика, предупредив писателя, что она хочет отвезти его домой. На самом деле уважаемого гостя отвезли к родителям Аси. Ася спокойно объяснила Франко, что хочет отблагодарить его за лекцию и приглашает на чай. На чай были приглашены и студенты, ее товарищи.

Франко охотно согласился немного посидеть в обществе молодежи, которая имела к нему еще тысячи вопросов.

— Если есть еще проблемы, которые вас волнуют, — сказал Франко, — я с радостью постараюсь помочь вам. Думали ли вы когда-нибудь о том, что полезными бывают разговоры лишь о тех вопросах, над которыми вы раньше сами задумывались? Мысли, словно зерна, прорастают и созревают только в соответствующей почве.

Молодая хозяйка остроумно возражала против того, что все разговоры должны быть умными.

— Из биографий выдающихся людей, — сказала она, — мы знаем, что писатели и философы не всегда выбирают равных себе для духовного общения. Ум они развивают благодаря книгам, а сердце...

— Вы хотите сказать: благодаря женщинам, — закончил ее мысль Франко.

— Вы ведь не будете возражать, что без женщин не было бы литературы...

— Писатели, — улыбнулся Франко, — удивительная порода людей: они требуют от женщин или слишком многого, то есть невозможного, или ничего не требуют. И в первом и во втором случае они идеализируют свою избранницу...

— А это плохо?

— Жизнь не спрашивает, плохо или хорошо. Тем более нельзя задавать такие вопросы своему сердцу.

А самое удивительное у писателей то, что они не могут молчать о своих переживаниях и самые интимные свои тайны должны делать достоянием всего общества...

— Но писатель может, — рассуждала Ася, — своей фантазией изменить подлинные факты из собственной жизни таким образом, что посторонние никогда не отгадают правды.

— То, что фантазия писателя дополняет действительность, никогда не может изменить самого существенного, а именно того, что писатель, как и любой человек, верил, надеялся, страдал — искал в другом существе воплощения своих лучших стремлений. А борьбы за осуществление своего идеала, точно обозначенных обстоятельств и затруднений, раскрытия всех причин, приведших человека к ошибкам, разочарованию или к источнику своего порыва, — выдумать всего этого невозможно.

— Писатель описывает не только то, что он лично пережил, — заметил один из присутствовавших. — Не может, например, писатель влюбляться столько раз, сколько влюбляются герои многих его произведений...

— Да, но он должен понимать психологию других людей. Ведь наша собственная любовь не что иное, как понимание другого сердца.

Сказав это, Франко посмотрел на часы.

— Я должен идти. Я и так засиделся.

— Ну что ж, — пошутила Ася, — ваше литературное наследие будет на одно произведение меньше. Но вы все же должны будете подождать, пока мы вызовем извозчика.

— Вы уже раз обманули меня, — улыбнулся Франко, — говоря, что отвезете меня домой. На улице тепло, я пойду пешком... Это мой единственный спорт...

Мы пошли провожать его. По дороге пытались выведать, над чем он работает сейчас, и услышали ответ:

— Писатели иногда бывают суеверны, как кухарки. Тесто может выйти неудачным, если им преждевременно похвалиться.

Зато Франко со своей стороны живо интересовался и тем, какие книги мы читаем, и тем, как мы их читаем.

— Не надейтесь, — говорил он, — только на университетские лекции. Только то, до чего вы дойдете сами, без посторонней помощи, только то, над чем вы сами

будете долго, даже мучительно думать, может помочь вам лучше понимать литературные явления.

Мы поблагодарили его за беседу. Казалось, будто Франко не очень спешил домой. Он остановился на некоторое время перед калиткою и всматривался в рассеянные по синему небу тучки. Вероятно, в такие минуты от раздумий литературоведа он возвращался к поэтическим замыслам.

СРЕДИ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В кружке львовских польских писателей мало знали Франко по его произведениям. Польская интеллигенция в своем большинстве не только не знала украинского языка, но даже нисколько не интересовалась ни украинской литературой, ни украинской прессой. Исключение составляли деятели рабочего движения. О таланте и знаниях Франко знали только по его статьям в газете «Kurier Lwowski» и из частных разговоров.

Сама личность Франко часто была темой бесед тех литераторов, которые были убеждены, что главной силой творчества является вдохновение. Теория стихийного порыва, принуждающего писателя взять перо в руки в непредвиденный ранее момент, оправдывала образ жизни тех писателей, которые считали, что они принадлежат к высшей категории людей потому, что не хотят и не могут работать повседневно и систематически. И. Франко не принадлежал к числу этих «избранников».

Но даже тех, кто гордился, что они работают по прихоти, брала зависть — как это Франко может трудиться весь день, до поздней ночи, в то время как они, переутомленные, сидят в ресторане или в кафе.

Взгляд на личность И. Франко, выработавшийся даже среди людей, имеющих отношение к литературе, мало отвечал действительности. Приходилось слышать утверждения, что он — кабинетный ученый, — видимо, потому, что его мало кто видел в обществе. И. Франко заходил в кафе, чтобы просмотреть ежедневную прессу на разных языках. Его интересовали различного рода бытовые явления, которые находили свое отражение в корреспонденциях из разных уголков края, в информациях о судебных процессах, литературные и научные новинки.

Просматривая газеты, И. Франко отдыхал. Иногда с разными делами к нему подходили знакомые. Никогда не было сомнения в том, что Франко хочет остаться один со своими мыслями. Но он обычно ни малейшим движением, ни выражением лица не намекнул, что ему мешают. Он всегда сохранял какое-то необыкновенное внутреннее равновесие.

Невольно возникал вопрос: «Неужели у него нет многочисленных ежедневных забот, неужели он не пережил тяжелых минут, узнав и бедность и тюрьму?»

Франко всегда был искренним и непосредственным. То, что удручало и волновало его, естественно выливалось в его произведениях. Франко не отделял в себе писателя от человека. Его личную жизнь наполняла литературная, научная и общественная работа.

Помню одну дискуссию Франко в обществе польских писателей. Франко высказал мысль о том, что его друг Ян Каспрович, начав свое литературное творчество стихами, в которых ощущалась его тесная связь с родной землей и с теми, кто на ней трудится, в поэме «Моя вечерняя песня» полетел куда-то на небо, и его душа, испуганная тем, что много нагрешила, заигрывает с ангелами.

— Что же, по-вашему, — сказал кто-то, обращаясь к И. Франко, — лучше было бы, если бы Каспрович все время писал только о крестьянах?.. Вы отказываете поэту в праве писать о том, что он чувствует и как он чувствует?

— Я считаю, — сказал Франко, — что у нас есть право не верить в мистические гимны поэта, если мы знаем, что он перепевает уже известные из литературы мотивы, а сам даже не знает — верующий он или атеист.

Франко спокойно разъяснил, что в так называемой модернистской, то есть декадентской, литературе господствует ложный принцип, будто поэзия не поддается контролю разума; когда чего-то не понимаешь, то лучше об этом и не говорить, ибо никакого умного разговора не получится.

Дискуссия перешла еще на одну тему. Присутствующие захотели покритиковать И. Франко. Но оказалось, что из львовских польских писателей никто не читал произведений Франко и только немногие неуверенно вспоминали некоторые его статьи, написанные на польском языке.

— Я и другие украинские писатели Галиции, — говорил Франко, — имеем перед вами, господа, то преимущество, что знаем все, о чем вы пишете, в то время как вы о нас не знаете ничего. Вы убеждены в том, что вся украинская литература начинается и кончается Шевченко, но его вы также не читали. Может, и переводы Совинского вам неизвестны. Польская литература имеет большое и интересное наследство, но то, что в массе своей она сегодня тянется к модным французским или немецким образцам, и образцам не лучшим, не свидетельствует о понимании того, что в прошлом в польской литературе было своим, родным и прогрессивным.

После этого Франко указал на тот факт, что, кроме таких передовых современных писателей, как Прус, Ожешко или Конопницкая, польские писатели молодого поколения совсем не знают реальной действительности. Они совсем не хотят знать о том, что рядом с поляками живут украинцы и что село в Галиции украинское. Не желая ничего знать об этих фактах, поворачиваясь спиной к жизни, они не имеют ни свежих тем, ни сюжетов. Вот одна из причин возникновения всяческих модных «измов».

— То, что вы, господа, так часто говорите об индивидуальности писателя, о его «я», — не случайно. Ваше «я» закрывает перед вами внешний реальный мир, миллионы живых людей с их потребностями и стремлениями. Множество молодых поэтов, из которых каждый может сам напечатать свои стихи, думают, что они превзойдут Мицкевича и Словацкого потому, что у них научились они мастерству стихосложения. И самое горькое то, что они не понимают тех реальных проблем, из которых когда-то родилась романтическая поэзия.

Интересными были взгляды Франко на художественное мастерство. По его мнению, та легкость, с какой польские поэты писали о чем угодно, была естественным следствием систематического и основательного изучения в школе литературного языка.

— Мы же, украинцы, не имея своей школы, должны еще изучать литературный язык, если хотим стать писателями. И когда я пишу, испытывая трудности при выборе слов и оборотов в родном языке, я все время ищу этих слов и оборотов, чтобы как можно точнее передать явления действительности, которые вижу перед собой. Для

меня литературный язык — это способ выразить как можно точнее и яснее свои мысли и чувства. А в разных манерах польских поэтов я вижу усилия выдумывать как можно более редкие слова и нарочито объединять их в странные образы так, чтобы нельзя было понять, что автор на самом деле думает и чувствует. Эти эстеты так хорошо овладели стихотворной формой, что ясно писать и передавать свои мысли им представляется полным отрицанием поэзии.

— А на каком языке вам легче писать? — спросили И. Франко.

— Возможно, на польском, потому что на современном этапе грамматически и стилистически он наиболее упорядочен. Но, прибегая к помощи польского языка, я только наследую, повторяю то, чему меня научили школа и книги, тогда как в родном языке я должен творить, хотя и хотел бы наследовать. Наш литературный язык, выработанный на живой народной основе, находится на такой стадии развития, что ежедневно принуждает его обогащать...

Сильное впечатление произвело на меня то, что польские писатели не обиделись на Франко, хотя говорил он им горькие слова. В его тоне не было ничего, что могло бы оскорбить собеседника даже тогда, когда с ним и не соглашались.

ВОСПОМИНАНИЯ КАСПРОВИЧА

Работая в польской газете «Kurjer Lwowski», Иван Франко подружился с польским поэтом Яном Каспровичем, который там же зарабатывал себе на жизнь. В дальнейшем жизненные обстоятельства разлучили писателей. Франко не скрывал своего разочарования в том, что Каспрович, сын крестьянина, начавший свою литературную деятельность яркими социальными поэмами, со временем подпал под влияние символизма и мистицизма. Как далеко это было от атеистической поэмы молодого Каспровича «Христос», конфискованной цензурой!

В 1913 году Каспрович стал преподавателем зарубежной литературы во Львовском университете. Готовясь к сдаче кандидатского минимума, я избрал зарубежную литературу как один из обязательных предме-

тов. Так как к тому времени никто еще не сдавал Каспровичу экзаменов по зарубежной литературе, я решил спросить его, в каком объеме необходимо готовить материал. Каспрович узнал меня — раньше мы не раз встречались в издательстве, в котором печатались его произведения. Он поинтересовался моей диссертацией и приятно удивился, услышав ее тему: «Иван Франко как писатель и критик».

— О! О Франко! Это интересно. Вы, очевидно, знаете, что это мой давний приятель. Очень жалею, что я уже давно ничего не читал из его произведений. В конце концов это было бы мне и не легко, поскольку украинский язык должен был сильно развиться за последние десять лет, даже больше... Вы должны будете мне помочь перевести некоторые части вашей работы, например, о поэзии... и те разделы, где вы проводите аналогии с иностранными писателями.

Поэт, в новой роли преподавателя, советовал подготовить к экзаменам обзор поэзии XIX века, в частности романтической, и взять за исходную точку, для проведения различных параллелей, поэзию Франко.

— Будьте добры, принесите мне экземпляр «Моисея». Я как-то держал эту поэму в руках, но, говоря правду, не прочитал ее внимательно. Говорят, это лучшая поэма Франко....

Прошла неделя, и Каспрович в обществе своего младшего друга — поэта Стаффа — вечером зашел в гости к моему дяде. У этих усердных и плодовитых поэтов всегда было бесконечное количество литературных замыслов, и они никогда не возражали против авансов под запланированные ими новые книги.

Мой дядя открыл дверь в другую комнату, в которой сидел я вместе с членами его семьи, и спросил:

— Не помнишь ли, сколько поэтических томов мы запланировали до конца этого года? Есть ли у нас на складе хорошая бумага или ее надо заказывать в Кракове?

Увидев меня, Каспрович тут же завел разговор о Франко.

— Это позор, — сказал он. — Живу совсем недалеко от бывшего приятеля и до сих пор не навестил его. Правда, он тяжело болен и, наверное, не очень охотно принимает гостей. Когда-то мы вместе с ним печатались

у тебя, — обратился он к моему дяде, — в твоей скромной библиотеке «Мрувки» («Муравьи»).

— А еще больший позор, — сказал Стафф, — что я совсем не знаю его книг, хотя и родился во Львове.

— Во времена нашей совместной работы в газете «Kurjer Lwowski», — рассказал Каспрович, — все члены редакции не могли надивиться, откуда Франко все знает. Каждый из нас много читал. Это, так сказать, нормальное явление у литераторов, которые глотают новые книги, словно родниковую воду. Но мы читали главным образом романы, стихотворения, интересовались театром, а о сельском хозяйстве, о кооперации, о грибах и рыбе, о том, как строятся крестьянские избы и как вышиваются рубашки, об индийской или египетской религии почти ничего не знали... Кроме родного языка, мы могли бы с грехом пополам написать статью еще на каком-нибудь иностранном языке с большими ошибками, а у Франко на каждом языке слова текли свободно, как только он брал перо в руки. А как хорошо он знал польский язык!

— Вы, наверное, не знаете, — отозвался дядя, — что несколько своих первых романов он написал именно на польском языке... Это были не переводы, а оригиналы. Один или два из них до сих пор лежат в моем шкафу. Я боялся их издавать... Он не любил идти на уступки, когда резко нападал на власти, церковь или полицию...

— Я считаю большой ошибкой тех, от кого зависело назначение преподавателей, — сказал Каспрович, — что Ивана Франко не допустили к преподавательской работе. Это настоящий ученый и по своим знаниям, и по своему призванию... не то, что я, извините за искренность. Когда он нам что-либо объяснял, то это всегда было ясно, как на ладошке.

Через несколько минут, выпив рюмку вина, Каспрович продолжал излагать свои впечатления:

— Хорошо помню один день. Наступило лето, в редакции было душно, и очень хотелось выехать за город. Франко говорит: «Поедем со мной в Янов на рыбалку». А работы было много, номер мы не сделали. «Это легко сделать, — подбадривает меня Франко. — Среди рукописей есть большая статья, я ее немного сокращу, отшлифую стиль, и через какой-нибудь час мы сможем закрыть

нашу будку». Что касается написания статей, то он напоминал мясорубку: покрутил несколько раз ручкою — и готово. Поехали мы в Янов. У него было свое излюбленное местечко над озером, на небольшой круче. Сел он неподвижно, как бонза, — и ни гугу. Я за это время купался, полежал на солнце и страшно проголодался. Говорю ему: «Зайдем в трактир, перекусим». — «А я буду есть, когда поймаю рыбу и зажарю ее дома...» На это я согласиться не мог и насильно потащил его в ресторан, где, как вы знаете, колбасу или гуляш можно подправить крепкою шабасовкою¹ и стаканом медовухи. Уже стало вечереть, когда в наш «симпозион» ворвались трое крепких, как медведи, дедуганов, сильно уже подвыпивших. Не прошло и четверти часа, как они учинили страшный скандал. Один из них, лесничий, чем-то оскорбленный, вытащил револьвер и стал им размахивать, другой — лесоруб — схватился за топор. Перепуганный трактирщик с криками убежал из комнаты. Конфликт, как выяснилось, возник из-за присутствовавшей там женщины; она стала бросать стаканы и бутылки. Франко спокойно поднялся с места, налил им всем по рюмке и с улыбкой сказал: «Выпьем за наше знакомство... Я вижу, что вы меня не узнаете... А это плохо. Отгадайте, где мы уже однажды встречались?» Все трое остолбенело смотрели на него, а лесничий, еще разгневанный, крикнул: «Не припоминаю!» — «Это ничего, — ответил Франко, — если бы я жил в лесу, как вы, я также не обращал бы внимания на людей... Зайцы и лисцы имеют большую ценность, чем люди». И тут он, словно хозяин, сел на скамью и стал продолжать дружественную беседу с ними. «Будьте добры, повторите мне еще раз, как вы ругались. Я хочу записать некоторые ваши выражения: они очень сочные, совсем народные. Я — писатель и хочу использовать их в одном рассказе о жителях лесов». Ссорящиеся переглянулись и стали прислушиваться к нему, как к чудаку.

Франко начал подробно объяснять им, что такое фольклор, словно револьвер, топор и ссора здесь были ни при чем. Мы, друзья Франко, не раз завидовали его спокойствию и умению разговаривать с простыми людьми.

¹ Сорт водки.

В тот же вечер Каспрович поделился еще одним воспоминанием.

— К редактору «Kurjega» Вислоуху кто-то прибежал с сообщением, что И. Франко угрожает арест за хранение нелегальной литературы. Вислоух позвонил инспектору полиции, узнать — так ли это. Условились, что представитель полиции зайдет в редакцию и там допросит Франко. Полицейский очень вежливо начинает объяснять Ивану Франко, что «им» известно, каким путем добывает Франко из России нелегальные книги. Франко молчит, не возражает, словно подтверждает все данные.

— Вы поймите, — говорит полицейский, — наше неприятное положение: наша обязанность защищать общество от всяких опасных идей.

— А вы поймите нас: наша обязанность защищать общество от злоупотреблений со стороны различных органов власти, которые не хотят допустить, чтобы оно познакомилось с различными прогрессивными идеями.

— Значит, вы хотите заставить нас сделать у вас обыск?

— Что ж, делайте. Может, при этом вы также познакомитесь с содержанием опасных книг и увидите, что вы ошибаетесь.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

В 1912 году я намеревался написать кандидатскую диссертацию и решил избрать темой ее творчество И. Франко. Мои профессора по кафедре украинской литературы не возражали. Они мало интересовались тем, каким будет название моей диссертации и о чем именно в ней будет написано. Мой дядя посоветовал мне обратиться к И. Франко. Он пригласил И. Франко в свой сад на чай и после часовой беседы дипломатично, будто бы совсем нечаянно, намекнул ему на то, что племянник волнуется — сумеет ли справиться с такой широкой темой.

— Больше всего меня удивляет в этой теме, — улыбнулся Франко, — то, что Колесса и Студинский согласились на нее. А что будет, если придется в диссертации говорить о социализме писателя, намекать на некоторые неприятные факты его биографии? Этого, конечно, они вам не скажут. Вы сами, как студент, хорошо знаете, что

Колесса сидит больше в Вене, чем во Львове, а Студинский — во всяких Житиях святых, чем в современной литературе. Сначала вы все должны написать, а потом уже они вам скажут — годится это на степень доктора или не годится.

Я осмелился признаться, что хотел бы разделы своей диссертации построить по жанровому принципу: сначала дать общую характеристику поэзии Франко, потом повестей, рассказов, пьес и его критической деятельности. Больше всего меня пугало то, что диссертация может получиться очень объемистой.

— Я понимаю ваши заботы, — продолжал Франко в том же тоне, почти весело. — Первая забота та, что я написал довольно много и обо всем сказать невозможно. Вторая забота — ваши преподаватели не простят вам, если вы о Франко напишете слишком много.

— Эти заботы не самые большие, — осмелился сказать я, увидев, что Франко охотно со мной разговаривает, — самая большая третья: что поставить на первое место? Мне было бы интересно услышать, что вы сами считаете самой ценной частью вашего творчества?

— Вам, наверное, известно, что отцы не могут объективно оценивать своих детей. Если бы я вам, например, признался, что больше всего люблю своего «Лиса Микиту», потому что я писал его для своих детей, то вам это мало бы помогло в вашей работе. О детских моих произведениях вы в ней, наверное, не будете и вспоминать. Вы прежде всего старайтесь в своей диссертации обосновать свой личный вкус: вам что-то больше всего нравится, вот и попробуйте объяснить — почему именно оно вам нравится. Тогда вы сможете избежать субъективизма и рассматривать произведение, не вырывая его из всего литературного процесса. И тут не обойдется без социальной и политической обстановки в данный момент, читайте и критикуйте. Не важно то, будете ли вы все произведения оценивать по их достоинствам или нет, а важно, чтобы они вызвали у вас новые мысли. А о методе исследования произведений вы найдете много замечаний и у меня. Читайте обязательно Белинского, но параллельно с его критикой читайте и произведения, о которых он пишет.

Не все я запомнил из этого разговора, но и до сих пор у меня сохраняется аккуратная тетрадь с выписками из многотомного издания произведений Белинского под

редакцией Венгерова. Русско-украинский словарь Уманца, который помогал мне читать по-русски, дважды пришлось вкладывать в новые обложки.

Перед окончанием беседы Франко спросил:

— А не будет ли более правильным, если я спрошу вас, какие мои произведения больше всего нравятся вам? Если ваш ответ будет искренним, он будет для меня ценен — ибо я буду знать вкусы молодого поколения моих читателей.

Я признался, что новеллы и рассказы Франко мне нравятся больше, чем его повести. И попытался объяснить это тем, что повесть требует сложной композиции, много свободного времени, а у Франко его, наверно, нет и он пишет повести слишком быстро.

Франко покачал головой.

— Может быть, в этом и есть какая-то часть правды, но не забывайте, что писатель часто пробует писать не то, что выходит у него легче всего и к чему он имеет больше всего интереса. Есть такие темы, которые нельзя исчерпать в рассказе или новелле. Широкие социально-политические проблемы требуют широкого полотна, большого количества героев, создания конфликтов в различных плоскостях... Кроме того, наше время — время повести; она должна бы немного отодвинуть в тень новеллу, которую люди читают очень быстро и еще быстрее забывают. Новелла отражает обычно только один эпизод из жизни человека, а из одних эпизодов трудно представить себе картину жизни, которую каждый из нас должен иметь перед глазами. У нас мало кто читает украинские повести, ибо они далеки от жизни нашей интеллигенции. Когда-то большие поэты писали эпопеи, сегодня никто не отважится писать их стихами. Их заменяют романы...

Я помог И. Франко отнести книги, и он, вероятно из вежливости, намекнул, что с радостью даст мне любую консультацию, когда я того захочу.

Весна 1914 года. От дома моего дяди до дома И. Франко — рукой подать. А дядя благословил меня, будто в далекую дорогу. Сунул в руку букет свежих оранжерейных цветов и поучал меня: «Зайдешь к нему на минутку, передашь от меня привет, но не смей и намекать, зачем пришел...»

Ни перед одним экзаменом не стучало так сильно мое сердце. «Ах, если бы Франко не было дома...» У меня не хватило смелости сказать дяде, что его протекция делает меня беспомощным Дон-Кихотом. «Как можно отнимать у Франко время для какой-то моей диссертации?! Он не успевает прочитывать всех рукописей, которые ждут на его столе своей очереди, нахально наступая на его собственные рукописи...»

От этих мыслей в передней опять заныло сердце. «Поставит диагноз — и все пропало...»

Писатель оторвался от бумаг и поднял голову. Не успел я передать ему букет, как он спросил:

— Пушкина читали?

— Не всего.

— Всего или третью часть — это ладно, но как? Нужно читать так, чтобы впечатление осталось на всю жизнь.

Стало страшно от мысли, что я не помню ни одной строфы из Пушкина. Проще всего было бы оправдаться, сказав, что в австрийской школе — ни в средней, ни в высшей — Пушкина не изучают... Нужно хорошо знать русский язык, чтобы читать его в оригинале! Но откуда этот неожиданный вопрос о Пушкине? О нем в моей диссертации не было ни слова.

— Садитесь.

Достаточно было приблизиться к столу, чтобы все стало ясным. Перед Франко лежал том Пушкина.

— Переводите? — спросил я удивленно. «Неужели у него есть время заниматься переводами?!»

Писатель, наверное, переутомился, с заметным удовольствием он оперся о спинку кресла. Так он поступал, когда, просмотрев в кафе кипу газет, начинал разговор с тем, кто подходил к нему.

— В вашей диссертации, кажется, нет даже упоминания о «Сне князя Святослава». Без Пушкина я бы не написал этой пьесы. Не понимаете? В пьесах Шекспира простой народ не выступает так выразительно, как в «Борисе Годунове».

Я поверил тогда, как верю и до сих пор, что можно читать чужие мысли.

— Вы удивляетесь, почему я перевожу? — спросил Франко. — Прежде всего чтобы отдохнуть от собственных произведений. Пушкин освежает. Есть к этому и другие

причины. Тридцать восемь лет назад, покоренный гением Пушкина, я пробовал его переводить. А вот сегодня вижу простоту его выражения, сжатость, его метафоры свежее цветов... Положите их сюда. Я сейчас вам это проиллюстрирую.

Писатель искал перевод. Своими больными руками, которые напоминали прихваченные морозом ветки, он не мог привести в порядок рассыпанные листики.

— Возможно, какой-либо лист упал на пол?

Я наклонился и стал его разыскивать.

— Не нужно,— сказал Франко,— я не ищу, если не могу найти немедленно. Лучше за это время перевести заново.

Напрасным было бы стремление передать дословно то, что говорил наш великий писатель о русском поэте, которого он считал непревзойденным мастером. Но он не смог удержаться от полемического замечания в конце беседы:

— Пушкин — это вам не эквилибристика современных поэтов, которые недостаток мыслей и переживаний хотели бы прикрыть всяческими выкрутасами. О нем я могу сказать то, что он сказал о море:

Как я любил твои приливы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

На следующий день я искал том Пушкина, ибо, к сожалению, в моей библиотеке его не было.

К ИСТОРИИ ОДНОГО СЮЖЕТА

В конце прошлого и в начале XX века недалеко от проспекта Шевченко находилось кафе (известное по имени его хозяина) «Шнайдер». Франко часто заходил туда, как говорили в то время, «на газеты». В числе посетителей «Шнайдера» больше всего было польских писателей, художников, артистов и журналистов. Хотя среди них у Франко было много знакомых, обычно он сидел в стороне, не проявляя желаний участвовать в беседах, не имевших, как правило, ни начала, ни конца.

Каспрович и редактор газеты «Kurjer Lwowski» Вислоух хорошо запомнили один спор, возникший здесь после продолжительной красноречивой импровизации Пши-

бышевского. Слышал об этом споре от Пшибышевского и В. Стефаник. Кстати, интересно напомнить, что дружба Стефаника с Пшибышевским еще в краковский период их жизни была очень оригинальной. Из произведений Стефаника Пшибышевский знал только те небольшие очерки, которые в польском переводе были напечатаны в редактируемом им журнале «Жице» («Жизнь»). Этого для него было достаточно, чтобы называть Стефаника «молодым мастером» и полюбить его. Со своей стороны, Стефаник, с присущей ему искренностью, заявил, что Пшибышевского читать он не может потому, что ничего не понимает в его произведениях, а «когда он говорит в нетрезвом состоянии, то это все же более ясно».

Однажды в компании Каспровича и Пшибышевского начался горячий спор. Пшибышевский знал мнение И. Франко о его произведениях и не мог простить беспощадному критику еще более беспощадной его правды. В состоянии похмелья, которое было для него почти постоянным, он стал во весь голос доказывать, что писатели, которые не понимают «космического» значения полового влечения, — реакционны. Втянутый в беседу, Франко заметил, что в жизни человека различные физиологические функции играют важную роль, но из этого не следует делать вывод, что именно на них необходимо строить теорию искусства.

Пшибышевского поддержали его друзья. Они доказывали, что любовь не отделима от физиологических явлений и что большинство произведений мировой литературы посвящено теме любви. Франко ответил, что каждый талант изображает такую любовь, которую знает из своего опыта, и так, как он ее понимает; декаденты и символисты, утверждал он, вообще склонны преувеличивать роль ненормальных возбудителей в духовной жизни человека, и понятно, что их интересуют главным образом патологические явления; они — представители болезненных и «модных» явлений неврастении.

На Каспровича произвела довольно сильное впечатление та часть спора, в которой Франко заявил, что он готов написать небольшой рассказ, раскрывающий благотворное и отрицательное влияние женщины на одном и том же примере. Эта женщина (таким был замысел рассказа) может стать одновременно и источником самых чистых человеческих порывов, и возбудителем самых

низменных инстинктов. Главное ударение необходимо сделать на том, как данный герой воспринимает свои переживания.

Тема, затронутая И. Франко, была тогда очень близка тем писателям, которые считали Пшибышевского и шведского писателя Стриндберга чуть ли не апостолами нового литературного направления. Величайшим успехом пользовались в то время среди читателей первые рассказы Леонида Андреева и Куприна, которых они также причисляли к «своим».

В своих больших поэмах (книга «Любовь») Каспрович значительное место отводил любви, как греховному явлению, и он был сильно задет рассуждениями Франко, прямо противоположными теории Пшибышевского.

«Женщина, которая сыграла в жизни мужчины большую роль, — так приблизительно он передавал мысль Франко, — все время возвращается к нему в воспоминаниях; ее жизнь, после того как она легкомысленно и без всяких объяснений бросила его, ужасна и должна вызывать у него только отрицательные чувства и даже ненависть. Но Франко хотел бы показать, что такие воспоминания могут быть источником чистых порывов человека, умеющего наблюдать в чужой душе то, что в ней наиболее благородно. Физиологическая сторона, привлекающая мужчину к женщине, совсем не заслуживает того, чтобы ее поэтизировали; то, что является общим для всех людей как физических существ, — только факт, но не поэзия. Женщина, как физиологический тип, — проклятие художника, который никогда не жертвует своей свободой и работой ради успокоения ее и собственных инстинктов, ибо у него более высокое и широкое задание, как у члена общества, как у творца идей и образов живых людей с их высокими порывами...»

В этот памятный вечер, затянувшийся до полуночи, Франко энергично защищался от друзей, которые уговаривали его поддержать их неугасимую жажду к новым и новым рюмкам. Франко процитировал по-гречески мысль врача Эриксамаха из «Пира» Платона: «Я думаю и пришел к ясному выводу на основании своей врачебной практики, что пьянство для человека — вредно». Каспрович, удивленный знанием И. Франко греческого языка, хорошо запомнил эту цитату, — в то время он сам готовился к переводу трагедий Эсхила.

Читателю не трудно будет найти в рассказе И. Франко «Сойкино крыло» осуществленный им замысел. Есть в этом рассказе и намеки на популярные в то время имена писателей, которых Франко никак не считал представителями реализма,— на д'Аннунцио и его пьесу, на Эмерсона, Рескина, Уайльда и известных артисток Дузе и Клео де Мерод. Не исключено, что даже форма рассказа — взволнованная исповедь — сделана по образцу рассказа д'Аннунцио «Епископ и его компаньоны», который он тогда прочитал в переводе. Наконец, форма дневника тогда была очень распространенной в «модной» литературе, воспевавшей все виды субъективных настроений. Тема падшей женщины приобрела тогда небывалую популярность благодаря книге немецкой писательницы Маргариты Бёме «Дневник падшей женщины».

БОЛЕЗНЬ И РАБОТА

В 1910 годах друзья И. Франко с болью в сердце следили за его болезнью, которая все более и более обострялась. Почти никто не осмеливался обратить его внимание на то, что он должен принять энергичные меры, чтобы излечить ее. Франко своевременно не обратился к врачу, пренебрегши проявлением болезни, которая, как ему казалось, не представляла большой опасности. Как человек, обладавший необычайно здоровым организмом, он доверял его естественной силе. Привыкая выдерживать боль, он мирился с нею, как с неизбежным несчастьем. Ежедневная напряженная работа делала его невосприимчивым к страданиям.

Мой дядя, пользуясь правами долголетней дружбы и ближайшего соседства, как-то подстерег И. Франко и пригласил его к себе. Он сделал вид, что хочет просить его совета по одной рукописи, и, не теряя времени, быстро перешел к разговору о его болезни.

— Я понимаю вас, — сказал он. — На первое место вы ставите свою творческую работу, но именно для того, чтобы работать, вы должны беречь свое здоровье...

— Я знаю, — ответил Франко.

— Знаете, но не имеете времени, да?

— Нас учили с малых лет не обращаться к докторам до тех пор, пока мы держимся на ногах. Понятие болезни

у нас почему-то ассоциируется с кроватью — кто не лежить, тот не болен.

— Я убежден в том, что ваша болезнь в большей или меньшей мере мешает вам спокойно работать... Она же подрывает всю вашу нервную систему.

— В то время когда я начал писать, в литературе слишком много говорили о нервах. Быть нервным, изображать нервных героев, объяснять все человеческие глупости и свинства нервами стало модой. И слово «нервы» так мне опротивело, что я перестал верить в их существование. Не забывайте, что я крестьянский сын и что у меня нет доверия к врачам. Теоретически я уважаю их знания в области медицины, но практически боюсь, что они схватят меня в свои клещи — одно посоветуют, другое запретят, и мне тяжело будет спокойно работать.

— Неужели та работа, которая вас сейчас вдвойне утомляет, спокойней?

Франко горько улыбнулся:

— Я не думаю об этом и не сравниваю. Мне никогда не приходит в голову, что было бы, если бы моя жизнь сложилась не так, как она сложилась. Вы знаете, я не фаталист и не пессимист, но и не фантазер. Мне кажется, что я сделал то, что необходимо для исправления моих условий... не знаю, касается ли это и здоровья, и признаю, что многим пренебрег. За ошибки приходится расплачиваться.

— Ошибки нужно исправлять, а здоровье поправлять. Сказал ли кто так, или это я сам придумал, — возразил мой дядя, — но так оно и есть, и поэтому я вам советую: бросьте на шесть месяцев работу и поезжайте куда нужно...

— Кто знает, может быть, это было бы и неплохо, но сумею ли я одним духом изменить весь образ жизни? Я боюсь, что, если с утра до вечера вокруг меня будут врачи, сестры милосердия, различные лечебные приборы и препараты, я буду думать о своей болезни целыми днями и ночами — и тогда уже определенно буду чувствовать себя больным.

— Это вам только так кажется...

— Может быть, но то, что человеку кажется, и то, что он не может отогнать от себя плохое впечатление и настроение, — это тоже болезнь. Я ездил отдыхать в горы, не раз ездил на рыбалку и по грибы и никогда не при-

нуждал себя — это как-то возникало само собой, из естественной потребности. В таких случаях я знал, что каждую минуту могу вернуться к своей работе, ибо это зависит исключительно от моей воли. А поехать лечиться в санаторий или в какую-либо клинику — это словно поступить на военную службу или в монастырь. Я никогда не был ни солдатом, ни монахом, хотя у меня и есть к этому кое-какие данные, если принять во внимание, что эти две профессии требуют суровой дисциплины. Солдаты и монахи тоже работают. Но их работа представляется мне одним из самых больших обманов, она требует автоматизации, превращает человека в машину, запрещает думать. И я в положении пациента должен был бы подчиняться такой солдатской и монашеской дисциплине: слушать и слепо выполнять то, что мне приказывают...

— А может, все-таки лучше быть здоровым солдатом, чем больным писателем?

— Вы говорите так, словно я могу свободно выбирать, но не хочу... Я только объясняю вам, почему работа помогает мне забывать мое положение. Если уж я вспомнил о солдатской дисциплине, то, может быть, лучше всего было бы сравнить себя со смертельно раненым солдатом, который, начав выполнять какое-то задание, не имеет уже ни времени, ни возможности думать о своем положении и, идя вперед, не чувствует боли. Это звучит как поэтическая фраза, но это сравнение можно применить в разных случаях нашей жизни. Вот возьмите вы самого себя... Вы — богатый человек, вам можно больше не работать, не горевать, не ломать голову над различными комбинациями. Вы сами рассказывали мне, что двое ваших детей, которым вы дали самое лучшее образование, не хотят продолжать ваше прекрасное дело, не хотят быть ни издателями книг, ни садовниками. Для кого же вы продолжаете работать с утра до ночи? Почему вы не хотите оставить вашей работы? А потому, что вы привыкли к ней, ибо вы понимаете лучшие ее стороны, знаете все ее трудности и перебарываете их. А болезнь? Я убежден, что и тогда, когда вы будете лежать больным, вы ни на день не оставите своего любимого дела.

— Но вы не отказываетесь поехать лечиться?

— С вами хоть завтра...

И трудно было понять, сказал ли Франко это серьезно или шутя.

Людвик Куба

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ИВАНОМ ФРАНКО

Победоносные сражения славян на Балканах в семидесятых годах прошлого столетия и одновременно рост агрессивности немцев после покорения Франции Пруссией вызвали в Чехии соответствующий отклик. Из страха перед немецкой экспансией и в надежде на силы славянства окрепло у нас сознание славянского единства, и в чешской культурной жизни появился ряд выдающихся деятелей, которые без какого бы то ни было официального поручения посвятили свои усилия изучению отдельных славянских народов или их групп. Эдуард Елинек посвятил свои силы полякам, Иозеф Голечек — сербам, Ян В. Лего — словинцам, Йозеф Якуб-Тоужимский — болгарам. Проблемами галицких украинцев заинтересовался Франтишек Ржегож.

Я в то время задумал издать сборник песен всех славянских народов и — в случае надобности — поехать собирать и изучать необходимый материал на месте. Когда же после своей первой поездки к русинам, состоявшейся в 1886 году, я счел необходимым поехать туда еще на год с той же целью, написал я об этом Ржегожу, который как раз в то время находился в Волкове, возле Львова, и вскоре получил от него сердечное приглашение.

Волков находится в двух часах конной езды от Львова. Деревенские лошаденки старательно бежали в юго-восточном направлении. На юго-западе синели темные полосы обширных лесов графа Потоцкого.

В намеченное время мы достигли цели. Мимо нас пронесли соломенные крыши, плетни крестьянских дворов, дощатые ворота — тоже под соломенными крышами. На-

конец наша телега загремела в воротах двора, который занимал шурин Ржегожа у львовских доминиканцев.

Ржегож уже шел мне навстречу. Его приветствие было кратким, объятия — долгими. Сразу же повел он меня к пруду во дворе.

На берегу стояли двое. Женщина в пестром украинском наряде с вышивками на широких белых рукавах, в длинной темной оксамитовой безрукавке, голова повязана платком. Возле нее стоял мужчина невысокого роста, широкая соломенная шляпа сбита на затылок. Был он без жилета, и яркая вышивка на украинской рубашке казалась еще ярче под пылающими лучами солнца. В руке он держал гибкое удилище и обернулся к нам нехотя. Поплавок на воде занимал его в ту минуту больше, чем мы оба.

То был Иван Франко с женой, который гостил у моего друга.

Франко, которому тогда было немного больше тридцати лет, еще не создал своих основных трудов, но уже принадлежал к выдающимся политическим деятелям своего народа. Собственно художественные произведения у него еще только рождались, но многосторонняя журнально-политическая деятельность и частые аресты уже принесли ему ту известность, которой он никогда не изменил.

Лицом он не походил на украинца: блондин, скорее рыжий, глаза светло-голубые, несколько покрасневшие от переутомления; округлое, но худощавое лицо казалось не созданным для улыбки, тонкие усы не закрывали плотно сжатых губ. Нахмуренное лицо говорило о его трудном революционном прошлом. Два отмороженных пальца на ноге всегда напоминали ему о тюремных заключениях.

Тяжко угнетали его порабощение и неволя родного народа, который издавна вынужден был воевать против двух врагов: против царской России и против панской Польши.

Таким узнал я 14 июня 1887 года Ивана Франко, будущего классика украинской литературы и друга чешского народа.

Когда Франко несколько лет назад ехал поступать во Львовский университет, он вез с собой перевод нашей Краледворской рукописи, а позже переводил на украин-

ский язык Гавличка Боровского и Неруду. Вскоре и его собственные произведения были переведены на чешский язык. В 1892 некоторые его очерки были опубликованы в журнале «Hlas z Chrudimska», а еще через год появилась в органе чешского студенчества «Vzdělavací bibliotece» его повесть «На дне». «Slovansky přehled» поместил в 1907 году образцы из книги стихов «Semper tūo», после того как в 1904 году чешский читатель уже познакомился с политической деятельностью Франко по статье Р. Брожа «Пробуждение украинского народа». Произведения Франко уже тогда воспринимались в Чехии с одобрением и сочувствием.

Я ездил по славянскому миру, конечно, не для того, чтобы изучать его беды. Я горел желанием познать многообразие великого славянского племени, спешил познакомиться с неизвестными мне соплеменниками, которых всех я заранее любил. Я и до сего времени в принципе не изменил свое отношение к ним. В различии я не вижу беды, наоборот — привлекательность, которой восхищаюсь и которая славянству в целом может принести только пользу. И таким образом, с сочувствием прислушиваясь к жалобам одной стороны, я никогда не мог желать плохого другой. Франко и не требовал от меня этого.

К сожалению, мне надо было спешить в Киев.

На прощание Франко подарил мне недавно вышедший сборник своих стихотворений «З вершин і низин».

Франтишек Главачек

МОЙ УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Я познакомился с Иваном Франко летом 1895 года, когда он приехал в Прагу на чехословацкую этнографическую выставку. Я встретился с ним, когда мне еще не было полных девятнадцати лет. Он приехал с опозданием (и тут же поспешил в Софию на похороны М. Драгоманова), а вернулся сюда в конце лета во время каникул, когда в Праге почти никого не было из известных чешских деятелей, с которыми Франко хотел встретиться. Возможно, что эти обстоятельства, а также мой молодой возраст, были причиной того, что наша первая встреча не была особенно сердечной, хотя я и сказал ему, что в скором времени выйдет мой перевод его новеллы «К свету» и что я готовлю другие переводы. И все же это была основа для последующих очень сердечных отношений. Уже осенью 1895 года началась моя переписка с Франко. Результатом этой переписки была моя поездка к Франко во Львов в 1896 году — встреча, имевшая для меня большое значение.

В этой переписке интересен совет И. Франко перевести роман Бориса Гринченко «На распутье», так как в этом произведении изображены национальные, а в известной мере, и социальные условия жизни украинцев в тогдашней царской России. В этом отношении мой перевод этого романа (и ряд рецензий на него) выполнили свою задачу — с помощью художественной литературы ознакомить наш народ с тогдашним тяжелым положением трудящихся украинцев в России. Об этой тяжелой доле говорилось также в политической брошюре, которую издал журнал

Ивана Франко «Житє і слово» сначала на русском языке («Порабощаемый народ»), а потом на украинском («Нарід в неволі») и польском языке. Франко послал мне эту брошюру, и я написал о ней большую рецензию, которая была напечатана в пражском журнале «Čas», где появилось еще несколько моих коротких заметок о Франко. Между прочим, я писал и о рецензии Франко на произведение чешского поэта Махара «Магдалена», и его переводе отрывков из этого произведения. Об этом переводе поместил я заметку также в журнале «Rozhledy».

Изучение художественного творчества Франко и знакомство с его прогрессивной деятельностью имело большое и глубокое влияние на формирование моего мировоззрения и вызвало у меня желание ближе узнать его лично. Это и было причиной моего решения поехать к нему во Львов. Тогда я уже знал, что Франко и его единомышленники пропагандируют программное требование территориального воссоединения галицийских украинцев с закарпатскими. В то время это была революционная программа. Она не была только теоретической формулой. Франко и его друзья начали интенсивную культурную и политическую работу на ниве национального возрождения и социального самосознания закарпатских украинцев, которые в тогдашней Венгрии подвергались тяжело-му социальному и национальному угнетению. Указанные стремления единомышленников Франко вызвали во мне интерес к тогдашней «Венгерской Руси» — нынешней Закарпатской Украине, и украинской части Восточной Словакии. Я решил посетить этот край во время своего путешествия во Львов. Когда я сообщил об этом решении Франко и его ближайшему соратнику Михаилу Павлыку, они оба одобрили его и обратились к своему единомышленнику, молодому этнографу Владимиру Гнатюку (который уже довольно длительное время по их инициативе вел на Закарпатье просветительскую деятельность) чтобы он послал мне сведения об условиях жизни и людях Закарпатья и чтобы дал указания, как мне там себя вести, не вызывая подозрения со стороны мадьярской полиции.

Так началась моя долголетняя переписка с В. Гнатюком. В его письмах было много ценного и до сих пор неопубликованного материала о положении в Закарпатье в те времена. Кроме того, эта моя переписка с В. Гнатюком

(так же, как и с М. Павлыком) во многих случаях была посредником в моих связях с Франко, который, будучи чрезвычайно занятым огромной и разнообразной работой, только изредка писал письма. Не буду много рассказывать о своем путешествии в Закарпатье, замечу только, что Франко, Павлык и Гнатюк мне лично в письмах писали, что она была полезной для украинского народа.

В сентябре 1896 года я приехал во Львов, пробыл там приблизительно полтора месяца и встречался с Франко три-четыре раза в неделю.

Я подробно познакомился с его огромным литературным творчеством, с его научной и политической деятельностью. Узнал я также и о его материальных трудностях, о постоянных преследованиях и арестах. Узнал я и о его других волнениях, — например, о том, что он не мог стать доцентом во Львовском университете из-за того, что был «трижды арестован за социализм». Другими неприятными для Франко событиями были: борьба против него консервативной части галицких украинцев и тяжелые материальные условия украинской культуры в Галиции, вследствие чего Франко на протяжении целого десятилетия должен был зарабатывать на жизнь в редакции польской газеты «Kujet Lwowski».

Франко познакомил меня с рядом своих передовых украинских и польских друзей. Он подарил мне несколько малодоступных книг (например, Драгоманова). Эти львовские встречи с Франко оказали впоследствии огромное влияние на развитие моих взглядов и на мои позднейшие работы по украинистике. В наших беседах я, со своей стороны, информировал Франко о чешских делах, которыми он интересовался.

В Иване Франко меня привлекала его чуткость к социальным проблемам. Наши связи развились в настоящую дружбу, хотя Франко был на двадцать лет старше меня. В дальнейшем Франко аккуратно посылал мне свои новые художественные и другие издания.

Кое-что из печатаемого Франко, а также журналы, редактируемые им, я заказывал через Гнатюка в большом количестве экземпляров (в письмах Гнатюка можно встретить не один счет на это) и раздавал их в Праге. Я послал некоторые свои статьи для издания Франко, раздобыл для него статьи Ф.-К. Шалды о новой чешской литературе. Я отчасти был причиной того, что в журнале

«Čas» И.-С. Махар выступил в защиту Франко от нападок на него за статью о Мицкевиче, как о «поэте измены».

После небольших статей о Франко (в чешских журналах «Čas», «Rozhledy», «Radikalni listy», «Studentsky sbornik») я поместил в журнал «Čas» в 1898 году первую большую работу на чешском языке о литературной, научной и политической деятельности Франко по случаю двадцатипятилетия его литературной и общественной деятельности.

Своими статьями в журнале «Hrvatska Misao», выходящем под моей редакцией, я знакомил с Франко также и хорватский народ. Этот журнал издавали прогрессивные хорватские студенты, которые переехали в Прагу после того, как были исключены из Загребского университета. В этих статьях я указывал на общие черты расщепления хорватского и украинско-галицкого общества. Хорватских студентов я тогда призывал к тому, чтобы они свою будущую политическую деятельность вели в духе радикальной партии Ивана Франко. Кроме того, я раздобыл для них популярные брошюры этой партии, а некоторым хорватским товарищам помог связаться с Франко.

Мне хочется вспомнить еще один интересный факт. По моему чешскому переводу повести «Voas constrictog» мой студенческий товарищ доктор медицины К. Гельбих сделал немецкий перевод. Этот перевод был напечатан в 1900 году в отделе фельетонов венской социалистической газеты «Arbeiter Zeitung».

Когда в 1899 году начал выходить «Slovansky přehled», редактор этого журнала Адольф Черны пригласил меня сотрудничать в нем, главным образом по украинским проблемам. Между прочим, для этого издания я перевел по рукописи Франко его статью о русско-украинской литературе. Статья была напечатана в трех номерах этого журнала.

В 1900 году я был назначен на работу в Вену. Из-за работы я не имел возможности переводить Франко или писать о его литературной деятельности. Но я все время следил за нею и рассказывал о ней Махару, который тогда тоже жил в Вене. Махар, очень высоко ценивший Франко, заявил мне о своем намерении перевести некоторые его статьи. Связь с Франко я поддерживал через

Яросевича и Окуневского — депутатов украинской радикальной партии в венском парламенте. Результатом этого был ряд моих сообщений в чешских газетах о политических делах галицких украинцев.

В самом начале первой мировой войны меня взяли в армию. В 1916 году я бежал из австрийской армии в Италию и оттуда принимал участие в чехословацком освободительном движении. В Италии я не получал никаких сведений об И. Франко и не знал, что в 1916 году он, после тяжких страданий, умер. Я узнал об этом только после войны. Я был глубоко огорчен этой тяжелой утратой для украинского народа, национального и социального прогресса, которому Франко посвятил всю свою жизнь. Я лично горевал об утрате великого друга чешского народа и чешской культуры, человека, который в мои молодые годы был моим учителем, инициатором многих моих работ и всего их направления, человека, с которым меня связывала долговременная искренняя дружба и восхищение его гигантской прогрессивной деятельностью.

Марьян Колодий

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ИВАНА ФРАНКО

Весна, ты мучаешь меня.

И. Франко

Настал чудесный хороший май. Больной И. Франко, оставивший по собственной воле «Приют» и перебравшийся на свою виллу, с каждым днем все больше надеялся на выздоровление.

— Мы уже, видите ли, далеко от марта, а в марте я боялся; однажды я был очень близок к смерти; теперь солнышко светит, дни теплые, и кто знает, может, я еще выберусь в Криворивню.

Но настала вторая половина мая — более влажная и более холодная, нежели первая. Солнца стало меньше.

— Вот видите, солнце за тучами. Что делать, нужно ждать, но правда, что смерть не имеет терпения ждать,— проговорил он, и легкая улыбка расцвела на его устах.

— А зачем господин доктор думает о смерти? Господин Овчарский (врач) говорил, что организм господина доктора необычайно сильный и может выдержать эту болезнь.

— Э, не говорите, видите, опухоль развивается и — поглядите — делается с каждым днем больше. Однако я все же надеюсь, что пройдет, только бы дожждаться июня, июля...

— Ясно, что пройдет, но...

— И я знаю это «но»... а если не пройдет?

— Что же будет тогда?

— Конечно, смерть!

Потом мы, разумеется, говорили о войне.

С 20 мая каждый день И. Франко ждал смерти. С каждым днем ему становилось хуже, но больной не терял сознания. Временами, правда, его мысль не работала, но после небольшого отдыха или после того, как повторить ему одно и то же дважды, ориентировался он хорошо.

Порой высказывал странные пожелания — но это уже дело болезни.

Настало 28 мая.

Не забуду этого дня. Ночью мне снилось, что я надевал женский черный отложной воротничок. Сейчас еще рано, подумал я об И. Франко. Но утром не имел возможности его навестить. Собрался к нему только в полдень.

Показалось солнце, но так, будто через минуту опять хотело скрыться за тучи.

Прихожу. Стучу.

— Прошу.

— Кланяюсь господину доктору!

Больной, прикрытый, лежал на диване, посмотрел внимательно и через некоторое время медленно проговорил:

— А, это вы?

— Как господин доктор себя чувствует?

— Ой, плохо...

— А чем можно помочь?

— Э, я уже не верю врачам...

— Так ли уж господин доктор ослаб?

— Знаете, стащите меня на землю, но осторожно, может быть, будет легче.

— Но зачем же мучиться?

— Не спрашивайте, стащите!

Осторожно я выполнил его волю. Он легко стонал. В горле во время беседы были слышны хрипы. Через минуту велел посадить себя в кресло. Сидел некоторое время, потом проговорил:

— Знаете, как сказано, «без рук» — ни пошевелиться, ни изменить положения. Ой, какой я несчастный... Если бы меня моя мама увидела в таком положении...

— Может, господин доктор ляжет на диван, — наверное, легче лежать, чем сидеть.

— Еще могу посидеть. Скажите мне, хорошо ли нынче я выгляжу?

А был он весь желто-зеленый, белки глаз желтые. Приношу зеркало. Он посмотрел. Через минуту сказал:

— Вы еще, наверное, никогда так не ввали, как сейчас. — Слегка засмеялся, а через некоторое время сказал: — Видно, кончаюсь, зовите кого можете — всех, всех, зовите всех, кто есть!

Я позвал няню, которая ухаживала за ним. Пришла.

— Я умираю.

Еще минуту посидел. Потом сказал:

— Пойду полежу.

Мы его положили. Минуту полежал. Потом сказал:

— Я хочу встать. Посадите меня в кресло.

Няня его посадила.

— Может быть, я и не умру, но [ко мне] приходите нынче ночевать — хорошо?

— Хорошо, господин доктор, но я освобожусь только около восьми часов.

— Приходите раньше, ибо я могу умереть.

В эту минуту он стал синеть, глаза его закатились, потом открыл их, и закрыл, и еще раз открыл... Мгновение еще смотрел и потом закрыл... навсегда.

Был четвертый час пополудни.

Михаил Лозинский

ПОХОРОНЫ

Организацией похорон занялось «Научное общество им. Шевченко», распорядившееся так, чтобы похороны вышли как можно более пышными.

Похороны назначили на 31 мая 1916 года на пять часов пополудни. День выдался ясный, солнечный. Сразу после полудня начали стекаться к гробу писателя огромные массы народа. Украинская молодежь всех львовских школ во главе с учителями, украинские организации и общества Львова — словом, весь украинский Львов пришел отдать последний поклон великому покойнику. Была также представлена и провинция — правда, только отдельными делегациями, так как высылать массовые делегации не позволило военное время и военное положение в стране. По этой же причине не было и крестьянства.

И все-таки количество участников похоронного шествия достигало десяти тысяч. Пришли и старые польские друзья покойного по работе — редактор Вислоух, посол Стапинский, поэт Ян Каспрович и др. Перед лицом смерти они отбросили то, что их когда-то разъединяло с покойным, и они пришли отдать поклон его труду и заслугам, а польская пресса поместила по случаю его смерти полные уважения и признания слова. Да, величественными были эти похороны, достойными величия Ивана Франко.

Только в одном живые показали себя малыми в отношении к великому покойнику. Мы имеем в виду участие духовенства в похоронах. В решении этого вопроса было два пути, одинаково достойных имени Ивана Франко. Или духовенство, приняв во внимание значение личности покойного для народа, поступится формальными требованиями и, хотя покойник и не был «верным сыном церкви», похоронит его со всей торжественностью церковных обрядов, оставив суд высшему судье, особенно потому, что последние годы перед смертью покойник был болен не только телом, но и духом. Или, если духовные власти будут настаивать на соблюдении церковных прописей, похоронить покойника без участия духовенства, демонстрируя независимость общества от церковного формализма в оценке и чествовании заслуг великих сынов народа. Однако ни духовные власти не смогли подняться выше церковного формализма, ни общество не смогло решиться на независимость от него. И вышел компромисс, недостойный памяти Ивана Франко: духовные власти послали одного священника, как бы делая одолжение грешнику, а общество это одолжение приняло.

После похоронного обряда в доме, где, как в роскошном цветнике, лежал покойник — такая масса венков была вокруг него, — гроб вынесли на своих плечах украинские сечевые стрельцы и поставили на катафалк. Шествие двигалось с улицы Понинского в Стрыйском парке вниз улицами св. Софии, Зыбликевича, Николая, Академической и улицей Пекарской на Лычаковское кладбище. Пел хор украинских обществ под управлением композитора Василия Барвинского. Около восьми часов вечера похоронное шествие остановилось у ворот кладбища. Тут гроб снова взяли украинские сечевые стрельцы и понесли на назначенное место. Положили его временно в одну из готовых гробниц, пока не будет построена гробница для Ивана Франко. Гробницу укрыли венками.

По окончании похоронного обряда произнесли речи: профессор Львовского университета доктор Александр Колесса от «Научного общества им. Шевченко» и других украинских культурных обществ, доктор Михаил Лозинский от украинской прессы, доктор Кирилл Трилевский от радикальной партии, сотник Носковский от украин-

ских сечевых стрельцов, делегат Володин от украинского населения занятых австро-венгерской армией областей Российской Украины, Василий Ротальский от Дрогобычской области, Федь Федорцев от украинской академической молодежи, Ория Величковская от украинских женщин, Николай Ганкевич от украинской социал-демократической партии, Сидор Твердохлиб от молодых писателей. Около десяти часов вечера, когда звезды усыпали чистое вечернее небо, участники похоронного торжества начали расходиться, оставив покойного в новом жилище, в лоне матери-земли.

Агафангел Крымский

ОН С НАМИ!

Есть люди, одно существование которых делает жизнь радостной и счастливой. К числу таких людей я не могу не отнести Ивана Яковлевича Франко.

Когда сейчас пытаешься мысленно нарисовать себе духовный облик гениального писателя, то перед тобою во всей красе встает человек редкого благородства, подлинно по-рыцарски относившийся к людям.

Мне приходилось встречаться с Франко в самые тяжелые моменты жизни украинского народа. Как жаждал он видеть Западную Украину свободной! Ведь вся его красивая и большая жизнь, начиная от романтических дней молодости, была целиком посвящена своему свободолюбивому и мужественному народу.

Как-то, в одной из бесед со мной, он сказал: «Народ находится в тяжких цепях рабства. Но, несомненно, рано или поздно на историческую авансцену выступит огромная сила, которая освободит народ». И тут же он с волнением произнес свои слова о России, революционной России, которая должна будет сыграть выдающуюся роль. Он сказал: «Россия — это богатырь Святогор. Он дремлет в пещере. Но придет, придет час, он воспрянет и даст свободу не только своему народу, но и другим народам. Я верю в великую миссию русского народа, который всегда был другом всех угнетенных народов».

Франко был свидетелем тяжелого положения своих земляков в Галиции. Великий народолюбец в лучшем смысле слова, он не мог быть безучастным к социальной действительности того времени.

О нем можно сказать словами великого Гете, сказанными о Беранже: «Душа его в гармонии с душою народа».

Свои произведения он писал кровью сердца. Все, что написал Иван Франко за всю свою жизнь, было создано для трудового народа.

Иван Яковлевич тяжело переживал первую империалистическую войну. В начале войны он сказал: «Началась страшная кровавая война. Для чего и во имя чего? Ведь подумать только, десятки тысяч человеческих жизней погибнут в этой страшной, дикой бойне. Какая потрясающая трагедия! Но суд истории скажет свое слово. После войны должен выступить и выступит грозный мститель — сам народ».

Франко прекрасно был знаком с произведениями многих русских писателей. Вспоминаю, как отзывался Франко о творчестве Некрасова. Он выражал свое восхищение его произведениями, посвященными русским женщинам и описанию страданий русского крестьянина.

«Мне трудно было, — сказал Иван Яковлевич, — без большого волнения читать стихи Некрасова. В них я увидел много созвучного мне, узнал сходство судьбы русских крестьян с обездоленной жизнью наших страдальцев — крестьян Галиции. Его стихи проникнуты самыми гуманными, самыми передовыми идеями лучших умов человечества».

Не могу здесь не вспомнить о том, с какой любовью относился Иван Франко к детям. Это была любовь, сотканная из самых нежных человеческих чувств. Где бы он ни встречал детей, он находил время с ними побеседовать, послушать их рассказы. Особенно внимательно относился Франко к крестьянской детворе, и подчас, совершая путешествия по чудесным Карпатским горам, он находил душевный покой в беседе с детьми, и дети видели в нем большого друга.

— Жизнь, — говорил Франко, — мне мало улыбалась, а дети были теми весенними солнечными лучами, которые согревали мое сердце.

Произведения Ивана Франко являются отражением прогрессивной мысли той эпохи, в которой жил и творил Франко.

Красивая и живописная Галиция крепко любила великого сына великого народа. Эту любовь я наблюдал в

самых различных и волнующих формах. Такую любовь мог снискать себе только писатель, который был тесно связан с жизнью народа, прислушивался к биению его сердца, жил его думами и мыслями.

Подобно легендарному Данко, разорвав свою грудь, он достал огненное сердце и осветил им путь для освобождения своего народа.

Уже в последние годы своей жизни, ведя неравную борьбу со смертью, переживая тяжелые, нечеловеческие муки, он ни на минуту не оставлял мысли о наступлении светлой, свободной жизни на землях Галиции.

Приближается двадцатипятилетие со дня его смерти. Бесконечно жаль, что смерть так рано оборвала жизнь этого чудесного человека. И вот сейчас я отгоняю от себя мысль, что Франко мертв. Нет, он жив! Он сегодня идет вместе с нами в одной шеренге, с гуцулами Карпатских гор, с сынами зеленой Буковины, со всем сорокамиллионным украинским народом, ныне воссоединенным в едином украинском Советском государстве.

И в том прекрасном здании свободы, которое создано сейчас на галицийской земле руками Коммунистической партии, есть и труд нашего писателя, великого гражданина. Его имя будет вечно жить в сердце народа.

КОММЕНТАРИИ

КАРЛО БАНДРИВСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРАНКО-ШКОЛЬНИКЕ

Стр. 27—35

Впервые опубликовано в сборнике «Іван Франко у спогадах сучасників» («Иван Франко в воспоминаниях современников»), составители А. И. Дей и Н. П. Корниенко, Львов, 1956. Печатается по этому изданию.

Бандривский Карло (1850—1902) — соученик Ивана Франко по Дрогобычской гимназии, дружил с ним и в студенческие годы. Позже, как юрист, занимался финансовыми делами Франко, участвовал в составлении завещания, а после смерти писателя — организацией его похорон. Франко посвятил ему свой рассказ «История моей соломорезки».

Терлецкий Остап (1850—1902) — друг Ивана Франко, западноукраинский журналист (печатался в прогрессивных журналах «Світ» и «Житє і слово»), в 1877 году за участие в социалистическом движении был арестован вместе с Иваном Франко и другими. На его смерть Франко откликнулся статьей «Остап Терлецкий, воспоминания и материалы» («Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. L, Львов, 1902, стр. 164).

Отцы василиане — монахи католического ордена Василия Великого (епископа Василия Кессарийского, одного из так называемых «отцов церкви», содействовавшего росту монашества). Возникший в Польше в XVII веке, во времена Франко этот орден сохранился только в Западной Украине.

О двух последних (Телесницком и Мелько) Франко вспоминает в своих рассказах. — Имеются в виду рассказы «Schönschreiben», «Отец-юморист» и другие.

... присутствовала комиссия в составе деканов... — Деканы — здесь руководители деканатов, церковных округов.

Школа для нас была наказанием, горем — в связи с этим небезинтересны воспоминания самого Франко, которые дают несколько иное представление о школе. Они были напечатаны в журнале «Житє» (Львов, 1912, вып. 4, стр. 156—162) под заглавием «Воспоминания из моих гимназических лет». В переводе на русский язык публикуются впервые.

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ МОИХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ ЛЕТ

Гимназическое обучение, пройденное мною в Дрогобыче, при всей бедности, в которой мне довелось жить как ученику из-под крестьянской соломенной крыши, не было для меня таким тяжелым временем, как думал кое-кто из тех, кто пробовал на основании моих литературных работ компоновать мою биографию. Школьная наука никогда не пугала меня, а, наоборот, всегда доставляла мне новые радости, по мере того как расширяла сѣмь моих знаний. Жизнь среди школьных товарищей доставляла мне много невинных удовольствий. Отношение учителей к гимназистам было также чрезвычайно либеральным, хотя никогда не доходило до тесных приятельских отношений, как это бывает иногда в учебных заведениях. Почти все учителя смотрели на учеников свысока и не снисходили до полной доверительности, лишь некоторые из них, например, о. Алексей Торонский, украинец, преподаватель закона божьего, относился к ученикам вообще неприязненно, а мне лично до самого аттестата зрелости на всех переходных экзаменах снижал оценку по своему предмету на один балл по сравнению с тем, как мне полагалось (я имел у него обычно только «похвально», хотя по другим предметам получал «отлично», а на мое поведение в школе и за стенами школы никто из учителей не мог пожаловаться).

Ученики Дрогобычской гимназии во второй половине 60-х и в первой половине 70-х годов за стенами школы обычно объединялись в кружки, кроме местных учеников, живших в своих семьях и большей частью не участвовавших в жизни кружков. Приезжие помещались на квартирах («станциях»), главным образом в предместьях у мещан и мещанок, соответственно этому и создавались кружки. Там, где помещалось несколько учеников в одной квартире, обычно собирались товарищи из других квартир, жившие одиночками. В таких кружках велись оживленные разговоры; в меньших кружках, собравшись по двое-трое, ученики читали книги, причем один из них читал громко, а другие слушали. Таким образом, я с товарищем Иосифом Райхтером, сыном немецкого колониста, в старших классах гимназии читал драмы Шекспира, Шиллера и Гете. С его старшим братом Филиппом Райхтером, который перешел к нам из Самборской гимназии, я один год жил на общей квартире в доме бондаря Корпака.

Формальных кружковых организаций у гимназистов моего класса не было. Когда мы из младших классов гимназии перешли в старшие, то есть в пятый класс, тогдашний первый ученик Антон Шиллер без ведома учителей и директора гимназии попытался организовать кружок за стенами школы. Договорившись, мы — человек более двадцати — собрались в одной квартире, Шиллер открыл собрание красивой речью на польском языке, объясняя задачи кружка, — заниматься в часы, свободные от школьных занятий, чтением и писанием литературных или научных работ, которые должны будут зачитываться на собраниях кружка. Товарищи дали слово участвовать в таком кружке и обещали держать свою работу в тайне, но кружок просуществовал очень недолго, состоялось, кажется, не больше двух или трех заседаний, а потом кружок не собирался больше и не оставил после себя ни статута, ни протоколов, ни даже каких-либо записей. На одном заседании этого кружка я прочел начало своего рассказа, который потом не продолжал. В кружок входили поляки и русины. Споры между этими двумя национальностями ни в гимназии, ни в кружке не было. Такими же равными между нами были и товарищи-евреи, из которых особенно Исаак Тигерман, третий или четвертый ученик в классе, выделялся как необычайно способный математик.

Уже из самого характера гимназической жизни выходило, что ученики, будучи посторонними на своих квартирах, не могли глубоко вникать в семейную или общественную жизнь той среды, в которой они жили. Мне посчастливилось в самые ранние годы, когда я еще ходил в так называемую нормальную школу, помещавшуюся в монастыре отцов василиан при церкви св. Троицы в Дрогобыче, жить на квартире у мещанки Кошицкой, которая вышла замуж во второй раз за столяра Гучинского. Тут, живя в продолжение трех лет, я имел возможность ближе присмотреться к семейной жизни и ремеслу городских жителей Дрогобыча; кое-что из своих впечатлений я изложил в очерке «В столярной»...

Верхратский Иван (1845—1919) — преподаватель в Дрогобычской гимназии, западноукраинский поэт, писатель, диалектолог.

Залесский Юзеф Богдан (1802—1886) — польский поэт, представитель так называемой «украинской школы» в польской поэзии, участник восстания 1831 года. О нем Ив. Франко написал статью «Иосиф Богдан Залесский» (журнал «Зоря», Львов, 1886, №№ 7—8).

...споры по вопросам этимологии и фонетики и «язычиш»... — смесь церковнославянского, русского, польского и украинского языков, которой пользовалась часть галицкой печати и интеллигенции (преимущественно клерикальной). Иван Франко был противником «язычиш», позже он называл его «варварско-украинским» языком.

«Друг» — литературно-общественный журнал студенческого общества «Академический кружок». Выходил с 1874 по 1877 год во Львове, в первые годы — на «язычии». «Друг» был одним из печатных органов «москвофильства» — реакционного политического течения в Галиции, верную характеристику которого дал Михаил Коцюбинский в реферате об Иване Франко, прочитанном в Чернигове в 1908 году: «Еще с конца шестидесятых годов среди галицкой интеллигенции начались споры, являемся ли мы самостоятельным народом или только частью русского. И наш язык — особый «язык» или «наречие» великорусского. Эти споры делили людей на два враждебных лагеря и затем раскололи галицкую интеллигенцию на москвофилов и народовцев... Москвофилы хотели писать языком Пушкина, которого, конечно, не знали, а получалось у них так называемое «язычие» — мешанина украинского, русского и церковнославянского. Кроме споров о языке, галицкая интеллигенция занималась «высокой политикой», а эта политика сводилась к тому, чтобы как-нибудь добиться милости правительства и что-нибудь, хоть мелочь, выпросить у него. Это была политика рабов. Идея абсолютизма, бюрократическое «чинопочитание», затхлость, равнодушие к живым народным интересам, полное бессилие в духовной сфере, схоластичность, теологический и догматический способ мышления — вот чем характеризуется тогдашняя, даже лучшая, часть галицкой интеллигенции»¹.

Резкую, но справедливую характеристику «москвофильство» получило и в статье Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность».

Иван Франко — единомышленник русских революционных демократов, начиная со студенческих лет и до конца своей жизни, был решительным противником «москвофильства», разоблачал его клерикально-монархические позиции.

МИХАИЛ КОРИНЕВИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО — УЧЕНИКЕ ГИМНАЗИИ

Стр. 36—41

Впервые опубликовано в сборнике «Иван Франко у спогадах сучасників» (Львов, 1956). Печатается по этому изданию.

Кориневиц Михаил — соученик Ивана Франко по гимназии, позже — сельский учитель.

«Слово» — клерикальная газета, орган так называемых «москвофилов», выходила с 1861 по 1887 год, пользовалась секретными субсидиями русского царизма.

¹ М. Коцюбинский, Сбор. соч. в четырех томах, т. 4, изд-во «Художественная литература», М. 1965, стр. 35—36.

Крашевский Иосиф-Игнатий (1812—1886) — польский романист и публицист. Представитель так называемого «позитивизма» в польской литературе. Крашевский широко вводил в свои романы героев из мещан, ремесленников и крестьян.

Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — украинский публицист, историк, фольклорист, общественный деятель. Находясь в эмиграции, издавал в Женеве с 1878 года сборники «Громада», а в 1880 — журнал с тем же названием, в котором пропагандировались идеи утопического социализма и федерального государственного устройства. Прогрессивной стороной мировоззрения, в особенности как сторонник реализма в литературе, оказал значительное влияние на развитие украинской литературы в 70—80-х годах. Политические взгляды Драгоманова критиковал В. И. Ленин. Иван Франко писал о них: «Не революция, а эволюция — вот что было девизом Драгоманова».

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819—1897) — украинский писатель, критик, публицист, историк буржуазно-националистического направления. Иван Франко резко критиковал его взгляды в статье «Хуторская поэзия П. А. Кулиша».

... *учил писать «кулишовкою»*. — «Кулишівка» — система украинского правописания по фонетическому принципу, названа по имени ее автора — П. Кулиша.

... *добыв книжечку «Reineke Fuchs»*. — Имеется в виду сатирическая поэма Гете «Рейнеке-лис».

... *начал писать своего «Лиса Микиту»*. — Это утверждение не соответствует действительности. Франко начал писать «Лиса Микиту» в 80-х годах.

ВАСИЛИЙ ЛУКИЧ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Стр. 42—47

Впервые опубликовано в сборнике «Спомини про Івана Франка», Львов, 1926, стр. 3—11. Печатается по этому изданию.

Лукич Василий — псевдоним Левицкого Владимира (1856—1932); в конце 70-х годов студент Львовского университета, член редакции журнала «Друг», в 80-х годах — редактор журнала «Зоря», в котором тогда сотрудничал и Иван Франко. Многие годы был в дружбе с Иваном Франко.

Павлык Михаил (1853—1915) — западноукраинский общественный деятель, писатель, публицист революционно-демократического

направления, друг и соратник Ивана Франко. Вместе с Павлыком Иван Франко был арестован по обвинению в принадлежности к тайному социалистическому обществу.

«Твердые» — так иронически называли «москвофилов» их противники в Галиции.

... так называемого «бойковского» дома ... — Бойки — украинские горцы в Карпатах.

... будучи связанными с Михаилом Драгомановым, мы занимались пропагандой «новейшей идеи», распространением женеvских изданий... — Иван Франко в это время действительно находился в переписке с Михаилом Драгомановым, получал его нелегальные издания из Женевы, стал сторонником «новейшей идеи» — то есть социализма (а вскоре и участником рабочего социалистического движения, которому Драгоманов был чужд), а В. Лукич, после ареста Михаила Павлыка и других в 1877 году, намеревался, по свидетельству Ив. Франко, выступить в журнале «Друг» с полным отречением от «новейших идей». Собственно, с этих позиций В. Лукич далее в своих воспоминаниях старается «обелить» Франко, бездоказательно отрицая его связь с социалистическим движением.

Среди прочих арестовали Франко ... — О годах учебы в университете и арестах того времени имеются воспоминания самого Франко, написанные для того, чтобы объяснить мотивы, легшие в основу повести «На дне». Воспоминания эти были напечатаны в венской газете «Die Zeit» в 1903 году под заглавием «Как это случилось?». Приводим эти воспоминания. На русском языке они печатаются впервые.

«Как случилось, что я написал «На дне». Мое воображение могло мне в этом очень мало, а еще меньше какая-либо доктрина реализма или натурализма. Я был, так сказать, редактором, который должен только перекраивать с помощью ножниц и сшивать материал действительности, предоставленный мне богатейшим опытом изучения глубин этого дна. Но как я пришел к тому, чтобы набраться такого опыта, об этом я хотел бы коротко рассказать.

Было это в 1875 году, когда я, еще зеленый абитуриент из провинциального города Дрогобыча, не выделявшегося ни своим духовным уровнем, ни характером человеческих взаимоотношений, ни вообще чем-либо, явился во Львов, в университет. Львовский университет не был тогда святильником в царстве духа, наоборот — его можно было бы сравнить с учреждением для культивирования бесплодности *in spiritualibus*¹. Еще и сегодня я содрогаюсь при воспо-

¹ В духовном, интеллектуальном отношении (лат.).

минании о педантичных, бессмысленных лекциях Венцлевского, Черкавского, Огоновского, о мучительном пережевывании мертвой книжной учености, об этом рабском стремлении подражать печатным образцам и словесным формулировкам. Один из наиболее способных учителей того времени — Ф. Зрудловский имел привычку, уже после того как ушел на пенсию, каждый раз при новом знакомстве рекомендовать себя так: «Я тот Зрудловский, который в продолжение тридцати лет забивал головы молодежи римским правом, и когда наконец прояснилось в моей собственной голове, тогда сочли меня не за преступника, а только за сумасшедшего». Иные господа не теряли разума, а пережевывали спокойно, со священным уважением к себе свою жвачку до самого своего блаженного конца.

Нужно добавить, что тогда во Львовском университете не преподавали ни философии, ни психологии, ни славистики, ни романистики. А психология, философия и педагогика были в руках одного профессора Евсевия Черкавского, украинца по происхождению, но польского шовиниста по убеждениям и политика по профессии. Так как он был депутатом, то для университета у него оставалось мало времени, а бывая там, он, по своей привычке, читал страшным гробовым голосом из старых тетрадей какую-нибудь пустую болтовню, не имевшую ни начала, ни конца, — вероятно, это был курс, который он растягивал не на семестр, а на целое пятилетие.

Я страстно жаждал знания, но получил только мертвую материю, которую нужно было проглотить при желании получить место на цесарско-королевской службе. Обучение ради хлеба, а не науки, было лозунгом тогдашнего Львовского университета, кроме, может быть, единого исключения — историка профессора Лиске, но на его лекции я не ходил.

Я разочаровался, почувствовал отвращение и начал поиски знаний за стенами университета. Я читал Диккенса, Толстого и Золя, достал книгу Брандеса о Лассале, потом кое-что из брошюр Лассала и стал социалистом ... Я, крестьянский сын, всегда близкий к жизни своих братьев и свояков в деревенском кафтане, почувствовал себя захваченным такими словами, хотя для меня не было ясно, каким образом я, приговоренный к изучению классической философии пролетарий, мог бы отдать все свои силы на службу крестьянским интересам.

Господь бог знал это лучше. В один прекрасный день — это было чудесное лето 1877 года — меня арестовали и заключили в тюрьму. Следователь допрашивал меня о социализме и нигилизме и о моих личных знакомствах, а также о Драгоманове, который тогда жил в Женеве и которого я видел лично только один раз, но совсем не говорил с ним. После шести месяцев напряженного следствия про-

курор, на основании нескольких отрывочных высказываний, вырванных из писем Драгоманова и других обвиняемых, — а нас было много, — сотворил тайное общество столь же простым, как и гениальным способом. «Известно, — так дословно начиналась мотивировка его обвинения, — что существует социалистическая пропаганда, а так как правительства не разрешают ее, то она действует через тайные общества».

Таким образом, достаточно, думал обвинитель, доказать, что кто-то является социалистом, чтобы привлечь его *in ipso*¹ к судебной ответственности за участие в тайном обществе.

Мы, обвиняемые, могли до хрипоты доказывать, что социализм — это доктрина, а не какой-то тайный союз, что социалистическая пропаганда действует в Германии и даже в Австрии совершенно легально и что весь собранный в продолжение многих месяцев следствия против нас материал не дает ни малейшего доказательства существования тайного общества.

Все было напрасно. Наши судьи знали о социализме еще меньше, чем прокуроры, — ведь все они учились в университете только ради хлеба, не интересовались никакими социальными вопросами и после получения места, конечно, не прочитали ничего, кроме романов! А помимо того, мы, обвиняемые, были украинцы, за исключением одного поляка из России, который, собственно, и дал повод для процесса, а именно господствующая польская каста стремилась тогда скрыть настоящий польский тайный союз, основанный для вербовки польского легиона, чтобы помочь туркам против русских, а при удобном случае оккупировать Галицию, чтобы создать польское национальное правительство, если русские согласятся на это. Нас засудили, наверное, не очень сурово — от шести недель до трех месяцев ареста, но этого было достаточно, чтобы таких студентов философии, как я, раз и навсегда сбить с жизненного пути. Пропала для меня надежда достать место гимназического учителя, пропала напрасно цель моих студенческих занятий. К тому же у меня не было никакой возможности избрать себе другое место для учебы, ибо перепуганная процессом украинская общественность отвернулась от всех осужденных, как от зачумленных.

В тюрьме — не знаю почему — относились ко мне с особой суровостью. Заткнули меня в самую плохую камеру, к уголовникам, убийцам и другим преступникам. Мошенники и великосветские пройдохи, которые время от времени попадали в тюрьму и тратили много денег, имели лучшие камеры, свет, услуги, разные привилегии, — это были настоящие аристократы. В течение девяти месяцев, проведен-

¹ Тем самым (лат.).

ных мною в тюрьме, я сидел главным образом в большой камере, где находилось от восемнадцати до двадцати восьми преступников, где зимой окно никогда не закрывалось и где я, с больной грудью, едва добился возможности спать у окна. Таким образом я избежал опасности вдыхать ночью всегда густой затхлый воздух, но зато просыпался почти всегда с покрытыми снегом волосами. Этому всему соответствовало и отношение стражи. Однажды я почувствовал себя больным и десять дней просился к врачу, но меня так и не пустили к нему. В продолжение трех месяцев своего заключения я не получил ни одного печатного слова. Только позже мне было дано разрешение получать книги.

Это была первая школа, которую я прошел на дне галицийского общества. Вскоре должна была прийти другая, в исправленном издании. Зимой 1880 года, не имея никаких средств, чтобы жить во Львове, подался я на село, в Коломыйский уезд, где должен был получить частные уроки. По дороге к месту моего назначения меня задержали жандармы в городке Яблунове, арестовали и отправили в Коломыю. Почему? Недалеко, в Косове, было совершено преступление: крестьянин стрелял в старосту, правда, не убил его, но все-таки ранил. Крестьянин и его сообщники были арестованы, а так как он вдобавок объявил себя атеистом, то тут же была посажена в тюрьму сестра осужденного вместе со мною в 1878 году Павлыка Анна, которая тоже жила в Косове и была осуждена тогда «за вербовку членов тайного социалистического союза», хотя она сама не состояла в нем. Социализм и атеизм, так думали себе господа из коломыйского суда, — это дети одного духа. А так как я теперь сам случайно попал в уезд, хотя и в местность довольно-таки отдаленную от Косова, для этих господ было вполне естественно впутать меня в коломыйскую историю, хотя я не имел ни малейшего понятия о ней. Ведь я был также социалистом и, таким образом, должен был снова подвергнуться трехмесячному аресту для следствия. Однако на этот раз те господа увидели, что я все-таки непричастен к делу. Председатель коломыйского суда явился лично ко мне в камеру сказать, что меня признали совсем невиновным, и потом велел доставить меня на место моего рождения, как не проживающего в этом уезде.

Так попал я в высшую школу dna общества, познал страшные ямы, одну из которых и постарался верно нарисовать в своей новелле, хотя и бледно и не хитро. Коломыя, Станислав, Стрый и Дрогобыч были станциями на моем пути, и, хотя это путешествие по этапу продолжалось всего несколько дней, меня схватила сильная лихорадка. А так как на месте моего рождения делать мне было нечего, то вскоре выехал я обратно в Коломыю, чтобы занять свое место. Однако староста не позволил мне идти в село, пока я не получу из Дро-

гобыча настоящий паспорт от политических властей. Я написал в Дрогобыч и ждал в Коломые. Большой лихорадкой, без денег и без знакомых, сидел я в темной комнатке гостиницы и пробовал воссоздать на бумаге картины, которые видел в последние дни; так и появилась эта новелла. Написана она была за три дня. Когда я закончил ее, то почувствовал себя таким ослабевшим, таким истощенным голодом и болезнью, что за последние крейцеры купил конверт и марку, послал свою рукопись одному знакомому во Львов, потом вернулся в отель и лег, чтобы умереть. Я лежал так три дня, дрожа от лихорадки, без мыслей и без желания жить. Только бедный огельный слуга приносил мне изредка несколько ложек супу. Лишь через три дня явился знакомый, у которого я должен был давать уроки, и я поднялся, поехал в Дрогобыч и там получил паспорт. Потом вернулся в Коломыю и выехал в село. Так закончился этот страшный эпизод моей жизни.

Очевидно, это не был конец моих хождений. Из таких и подобных эпизодов, где я бывал примерно так же виноват, возникло через пятнадцать лет великое преступление — мое «политическое прошлое», из-за которого граф Бадени, как галицийский наместник, не мог позволить себе утвердить меня приват-доцентом Львовского университета. Такое прошлое было бы для университетского преподавателя слишком колоритным».

... посвятил себя публицистике, сначала — своего народа, а затем и соседской ... — Имеется в виду участие Франко в польской печати в 1887—1897 годах. В 1914 году Франко издал сборник статей, написанных на польском и немецком языках, в переводе, с пояснениями и добавлениями автора, под заглавием «В наймах у сусідів».

«Просвіта» — культурно-просветительное общество, основано в Галиции в 1868 году.

«Бесіда» — «Руська бесіда» — клуб «народовцев» во Львове.

... венские «сичевики» ... — члены украинского буржуазно-националистического общества «Січ».

«Ватра» («Костер»), Стрый, 1887. — В этом сборнике был напечатан рассказ Ив. Франко «Миссия» и рецензия на украинские рассказы («Оповідання») Д. Мордовцева.

«Зоря» — украинский журнал либерально-буржуазного направления, выходил во Львове в 1880—1897 годах. В редакции этого журнала Франко сотрудничал в 1883 и 1884 годах, а в 1886 году редактировал его.

Впервые опубликовано в сборнике «Иван Франко у спогадах сучасників» (Львов, 1956). Печатается по этому изданию.

Данилович Северин (1861—1942) — адвокат, вместе с Иваном Франко был одним из организаторов радикальной партии в Галиции. Воспоминания Северина Даниловича интересны как попытка воссоздать атмосферу увлечения западноукраинской молодежи социалистическими идеями в конце 70—начале 80-х годов. Однако надо иметь в виду, что во взглядах самого Даниловича (его можно считать эпигоном Драгоманова) на социалистические учения, в особенности на марксизм, содержится изрядная путаница. Со всей очевидностью выступает она, например, в противопоставлении идей «Манифеста Коммунистической партии» «Капиталу» Карла Маркса.

«Друг» «Дзвін» и «Молот» — журналы, издававшиеся Иваном Франко вместе с М. Павлыком. После запрещения «Громадського друга» (который не следует смешивать с «Другом», как это делает С. Данилович) вышел «Дзвін», а на смену ему (тоже после запрещения) — «Молот», который тоже был закрыт полицией за пропаганду социалистических идей.

... он был за свободные коммунистические союзы Бакунина. — Франко никогда не высказывал симпатий к анархическим идеям М. Бакунина.

Франко, «Вечный революционер», никогда не был сторонником внезапного переворота ... — Наоборот, идея революционного переворота неоднократно утверждалась Иваном Франко не только в поэзии, но и в публицистике.

... был в приятельских отношениях с пионерами польского социализма Лимановским и Дашинским. — Роль Лимановского и Дашинского в польском социалистическом движении представлена здесь односторонне и явно преувеличенно.

Вислоух Болеслав (1855—1937) — польский публицист. Франко активно сотрудничал с 1887 по 1897 год в газете «Kurier Lwowski», которую редактировал Б. Вислоух.

Франко тоже был учеником и большим поклонником Драгоманова — Франко никогда не был безоговорочным сторонником политических идей Драгоманова и всегда относился к ним критически.

«Народ» — журнал западноукраинской радикальной партии, выходил во Львове (с 1890 по 1892 год) под редакцией М. Павлыка и И. Франко и в Коломые (с 1893 по 1895 год) под редакцией М. Павлыка.

Печатается по рукописи, хранящейся во Львовском отделении библиотеки АН УССР. Воспоминания написаны в июле 1926 года по просьбе М. С. Возняка — известного биографа и исследователя творчества Ивана Франко. Автограф воспоминаний заканчивался припиской, адресованной М. С. Возняку: «Закончила. Прошу не удивляться, что вышло не так, как господин профессор мог ожидать, надеясь, конечно, узнать несколько больше. Прошу иметь в виду, что это написано женщиной старой и больной». Последним объясняются недостатки языка и стиля воспоминаний М. Рошкевич.

Рошкевич Михайлина (1860—?), в замужестве Иванец,— сестра Ольги Рошкевич, возлюбленной, а затем невесты Ивана Франко. Под его влиянием Михайлина Рошкевич собирала фольклорно-этнографический материал и пробовала свои силы в литературе, печаталась и в журнале «Молот», редактируемом Иваном Франко.

«Гамалия» — поэма Т. Г. Шевченко.

Чернышевского читали с большим увлечением. — Речь идет о чтении романа «Что делать?». Франко писал об этом в одном из своих «Тюремных сонетов» (цикл в книге стихов «Из вершин и низин»):

В том русском доме, милом нам, где прежде,
В дни юности, дни счастья молодого,
Читали мы «Что делать?», споря снова
О будущем, о радостной надежде...

(Перевод Б. Турганова)

Олесков Иосиф (1860—1903) — директор учительской семинарии в городе Сокаль.

Доктор Озаркевич Евгений — брат Владимира Озаркевича, женившегося на Ольге Рошкевич.

Кобринская ... начала заниматься общественными делами. — Кобринская Наталья (1851—1920), западноукраинская писательница, организатор женского движения в Галиции, сестра Владимира Озаркевича. Находилась в переписке с Иваном Франко, который оказал на нее, как писатель, большое влияние.

«Приходил один, а иногда с Терлецким, Андреем Косом» ... — Терлецкий Остап и Кос Андрей (1864—1918) — в то время друзья и единомышленники Франко.

Деген Сергей — был арестован в 1889 году за пропаганду идеи отделения Галиции от Австрии и присоединения ее к России. Всего обвиняемых было шестнадцать человек. Их список см. в воспоминаниях Осипа Маковая.

«Галаган» — стихотворение Ивана Франко, написано в 1881 году. В отличие от эпизода, рассказанного Михайлиной Рошкевич, герой стихотворения, простудившись, умирает.

МАРИЯ БЕЛЕЦКАЯ

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ФРАНКО

Стр. 73—78

Печатается по первой публикации в журнале «Назустріч», Львов, 1937, № 10 (1 мая).

Белецкая Мария (1864—1942) — учительница, активная участница женского движения в Галиции.

Коцовский Владимир (1860—1921) — в студенческие годы член львовского «Академического кружка», был близок по взглядам к Ивану Франко; позже — редактор «Діла»; *Корженко* и *Голка* — псевдонимы В. Коцовского-публициста.

«Діло» — украинская газета во Львове, орган буржуазно-националистической партии народовцев, выходила в 1880—1939 годах.

«Зеркало» — украинский юмористический журнал, выходил во Львове с 1882 по 1886 годы.

«*Kurjer Lwowski*» — польская ежедневная газета во Львове; с июля 1887 года Франко стал сотрудником этой газеты и ведал в ней отделом текущей украинской политики до 1897 года, часто печатался здесь также как беллетрист, литературный и театральный критик.

... *стихотворение Ивана Франко «Думка»*.—Позже это стихотворение вошло в состав сборника «Из вершин и низин» под заглавием «Оле».

Автограф Франко на книге ... — Упомянутая книга была передана мужем Марии Белецкой в библиотеку «Наукового товариства ім. Шевченка» (ныне — филиал библиотеки Академии наук Украинской ССР во Львове). Точнее говоря, это были две книги в одном переплете. На титульной странице первой из них — известном исследовании Ивана Франко «Женская неволя в украинских песнях народных» (Львов, 1881) — автор написал собственноручно:

«Тобі, що власною рукою
Собі здобути вміла долю,
Робітнице на світла ниві,
Я шлю «Жіночку, сю неволю».
Най світле, сіяне Тобою,
Пораннов заблісне зорою,

Що нам віщує дні щасливі!
Най плоди принесе Твій труд!
І по життя твого дорозі
Най злоте жито, чудні рожі
Неувядаючі цвітуть!¹

Львів, 23 січня 1884.

Іван Франко».

На второй книге — повести «Захар Беркут» — еще один автограф: «Ольге Билинской — искренний Иван Франко».

УЛЬЯНА КРАВЧЕНКО

ИСКРЕННИЙ ДРУГ И УЧИТЕЛЬ

Стр. 79—88

Печатается по тексту первой публикации в журнале «Література і мистецтво», Львов, 1941, № 5.

Кравченко Ульяна — псевдоним Юлии Шнайдер (1862—1946), западноукраинской поэтессы демократического направления. Кроме публикуемых в нашем издании, Ульяна Кравченко написала воспоминания для львовского двухнедельника «Жінка» («Женщина»), 1936, июнь, № 11—12.

Устиянович Николай (1811—1885) — западноукраинский поэт.

Федькович Осип-Юрий (1834—1888) — выдающийся украинский поэт и прозаик, уроженец Буковины. Прозу Федьковича высоко оценил И. С. Тургенев.

Читала также сборник «Баллады и рассказы»... — Так назывался первый сборник стихов Ивана Франко, вышедший в 1876 году. В воспоминаниях, напечатанных в двухнедельнике «Жінка» (Львів, 1936, июнь, № 11—12), Ульяна Кравченко писала: «Изданные в 1876 году отдельной книжкой произведения Франко «Баллады и рассказы» и такие стихотворения, как «Батрак», читала я уже как ученица Львовской учительской семинарии... И я обратила внимание моих подруг Струминской, Витковицкой и других на новые призывы Ивана Франко. Мы читали, переписывали его пламенные стихи и пожелали познакомиться с ним и товарищами-редакторами «Друга». Но в то время их арестовали. Общество отвернулось от них; они были «скомпрометированы». Мой дядя, когда я спросила его о Франко,

¹ Тебе, сумевшей собственной рукой добыть себе долю, работнице на ниве света, я посылаю эту «Женскую неволю». Пусть все светлое, посеянное тобой, заблестит утренней зарей, предвещающей счастливые дни. Да принесет плоды твой труд, а на твоём жизненном пути золотая рожь, прекрасные, увядающие розы пусть цветут.

ответил: «Он на скамье подсудимых, принадлежит к очень опасной секте социалистов».

Мой дядя, у которого я жила, Емельян Лопушанский — представитель австрийских властей, доктор и профессор права, советник высочайшего цесарско-королевского суда во Львове, — был поражен смелостью моего интереса к такому опасному человеку, как Франко, и запретил мне искать знакомства с социалистами. . .

Об этом социалисте запрещено было говорить в моем окружении. Но мне все же нравились и журнал «Громадський друг», и стихи из цикла «Excelsior» («Батрак», «Беркут»).

За что меня цепью сковали?.. и далее — строфа из стихотворения «Думы в тюрьме», написанного в 1877 году, позже вошло в сборник «Из вершин и низин».

К битвам новым лежит нам дорога. . . и далее — строфы из стихотворения Франко «Товаришам из тюрьмы», написанного в 1878 году. Позже было включено поэтом в сборник «Из вершин и низин».

Из большого эпистолярного наследия сохранилась едва ли половина. — Письма Ивана Франко к Ульяне Кравченко опубликованы в ежегоднике Львовского университета: «Иван Франко. Статті та матеріали, збірник п'ятий», Львов, 1956.

... о ней есть в грамматике Осадци... — Грамматика Осадцы — школьный учебник грамматики Михаила Осадцы (1836—1865).

.... обе Ваши коломыйки... — Коломыйки — украинские народные песни, распространены преимущественно на Западной Украине. Название происходит, вероятно, от имени города Коломыя. Короткие — в строке обычно четырнадцать слогов, в строфе — две строки, — разнообразные по содержанию, они родственны русским частушкам.

Олесницький Евгений (1860—1917) — в конце 70-х годов был близок к кружку единомышленников Ивана Франко, в 80-х годах печатал рассказы и стихи Ивана Франко, будучи редактором журнала «Зеркало» и брошюр «Дрібної бібліотеки».

К Л Е М Е Н Т И Н А П О П О В И Ч

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Стр. 89—98

Печатается по автографу, находящемуся в рукописном отделе библиотеки АН УССР во Львове. Написаны воспоминания в 1926 году. Впервые опубликовано в сборнике «Иван Франко у спогадах сучасників» (Львов, 1956).

Попович Клементина (1863—1945) — украинская поэтесса, учительница. В первом письме, о котором вспоминает Клементина Попович, Франко писал ей, что он «очень приятно разочаровался», прочтя ее стихи, присланные в редакцию журнала «Зоря». В 1884 году два стихотворения К. Попович («Чего я желаю» и «Вечная любовь») были напечатаны. Академик Возняк, опубликовавший двадцать восемь писем Ивана Франко к Клементине Попович (см. сборник Львовского университета «Иван Франко. Статті і матеріали, збірник третій», 1952), утверждает, что Франко, готовя стихи молодой поэтессы к печати, «дорабатывал и перерабатывал их», а в письмах к поэтессе дал ряд советов о том, как ей совершенствовать свой талант. При этом он высказывал надежду, что К. Попович «постарается быть внимательной и понятливой ученицей — без этого я за Ваше поэтическое будущее не ручаюсь». В воспоминаниях К. Попович несколько преувеличивает чувства Франко к ней: в 1898 году в письме к Агафангелу Крымскому он засвидетельствовал, что ни Юлия Шнайдер, ни Клементина Попович — «ни одна из них не имела на меня серьезного влияния».

Партицкий Емельян (1840—1895) — редактор и издатель журнала «Зоря», общественный деятель либерально-буржуазного направления.

... *патентованных М—ка и Гр—овича*. — Речь идет о второстепенных западноукраинских поэтах — Масляке Владимире (1852—1924) и Грабовиче Илларионе (1856—1903).

... *план большой эпопеи, наподобие «Мужиков» Реймонта*. . . — Видимо, речь идет о замысле произведения, которое Франко сначала представлял себе как поэму «Новая жизнь» (пролог к ней он переписал в одном из писем К. Попович и сообщал ей, что в поэме должно быть двенадцать частей), а затем несколько раз пытался написать в форме повести. Как из поэмы, так и из повести сохранились только разрозненные фрагменты. Роман известного польского писателя Владислава Реймонта (1868—1925) «Мужики» был написан в 1904—1909 годах, то есть более чем на двадцать лет позже замысла Ивана Франко. Клементина Попович явно ошибается, приписывая Ивану Франко попытку следовать «Мужикам» Реймонта.

Ржегож Франтишек (1857—1899) — чешский ученый-этнограф и публицист, друг Ивана Франко, автор работ по украинской этнографии.

Маковей Осип (1867—1925) — западноукраинский писатель — прозаик и публицист, в 1895—1897 годах редактор газеты «Буковина (выходила в Черновцах)». В 1898—1899 году соредактор Ивана Франко в «Літературно-науковому вістнику». Выступал в защиту Франко

против нападков на него со стороны украинских и польских националистов. Франко высоко ценил достоинства реалистической прозы О. Маковея.

АНТОНИНА ТРЕГУБОВА

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ОЛЬГИ ФРАНКО

Стр. 99—108

Впервые опубликовано в сборнике «За сто літ». Збірник. Книга п'ята. Державне видавництво України, Харків — Київ, 1930. В нашем издании опущены места, посвященные родителям и родственникам жены Ивана Франко.

Трегубова Антонина (урожденная Хорунжинская) — старшая сестра жены Франко, Ольги Хорунжинской.

Елисей Киприянович — Трегубов Е. К. (1849—1920), общественный деятель либерального направления, член киевской «Громады»; муж Антонины Трегубовой.

Киевская «Громада» — культурно-просветительная организация либерально-буржуазного направления, возникла в 60-х годах, имела свои филиалы во многих городах. Занималась организацией школ, изданием произведений украинских писателей, фольклора и этнографических материалов. Левые элементы «Громады» в 70-х годах были связаны с русским революционным народничеством.

Науменко Владимир Павлович (1852—1919) — украинский ученый-филолог и публицист буржуазно-националистического направления, редактор журнала «Киевская старина» в 1893—1907 годах.

Шухевич Владимир (1850—1915) — западноукраинский общественный деятель буржуазно-националистического направления, известный украинский этнограф.

Житецкий Игнат Павлович (1866—1929) — украинский историк и литературовед.

Игнатович В. В. — муж Александры Хорунжинской, свояк Ивана Франко, в то время директор банка в Киеве.

Житецкий Павел Игнатьевич (1836—1911) — украинский ученый-филолог, с 1898 года — член-корреспондент Российской Академии наук.

Беренштам В. Л. (1839—1904) — литературовед и публицист, сотрудник «Киевской старины», член Киевской «Громады».

Косач Петр Антонович (умер в 1909 г.) — юрист, украинский об-

шественный деятель, отец великой украинской писательницы Леси Украинки (Ларисы Петровны Косач).

Кистяковский Богдан Александрович (1868—1920) — украинский историк и экономист, профессор Киевского университета.

Чикаленко Е. Х. (1861—1929) — украинский помещик, меценат, после Октября — эмигрант.

ОСИП МАКОВЕИ

ИЗ ДНЕВНИКА

Стр. 109—115

Впервые опубликовано в сборнике «Иван Франко у спогадах сучасників» (Львов, 1956). Печатается по этому изданию.

Маковей Осип. — См. примечания к воспоминаниям К. Попович.

«Переяславская ночь» Костомарова — романтическая драма известного украинского писателя и историка Николая Ивановича Костомарова (1817—1885), выступавшего в художественной литературе обычно под псевдонимом «Иеремия Галка».

Из того, что тогда написал, многое сжег, и теперь у него что-то около двух томов его произведений. — Сохранившаяся часть раннего творчества Франко издана Институтом украинской литературы им. Т. Г. Шевченко (Киев) в сборниках «Літературна спадщина» («Литературное наследство»). До сих пор вышло четыре выпуска.

Окончив гимназию, имел около шестисот книг... — Впоследствии личная библиотека Ивана Франко выросла до шести тысяч томов. Перед смертью он завещал ее львовскому «Науковому товариству ім. Шевченка». В настоящее время библиотека Ивана Франко находится в Киеве, в Институте украинской литературы Академии наук Украинской ССР.

... бросаю вести «Зорю»... — Направление этого «народовского» журнала не соответствовало взглядам Франко, он всегда тяготился работой в редакции «Зори», но, не имея других средств к существованию, вынужден был исполнять обязанности и редактора и корректора журнала.

«Остриженные усы» Ильницького... — Речь идет о рассказе западноукраинского клерикального деятеля и писателя Ильницького Василя (1823—1895). Франко всегда отрицательно относился к его писаниям, а в 1879 году задумал высмеять его наряду с другими галицкими литературными «авторитетами» в сатирической комедии «Жабы» (рукопись утеряна).

Альманах стрыйский. — Речь идет об альманахе «Ватра».

Калитовский Емельян (1855—1924) — в то время редактор журнала «Зоря», педагог, директор гимназии, общественный деятель «народовского» направления.

Wrogonie za biedą («В погоне за бедой») — сатирическая «сказка» Ивана Франко, на польском языке была напечатана в журнале «Ruch» в 1887 году, позже, в переводе самого Франко, на украинский язык — в журнале «Громадський голос» (Львов), в 1896 году — под заглавием («Як пан біди шукав»).

Kraj — польский журнал, орган реакционной партии так называемых «Станчиков»; выходил в Петербурге в 1882—1908 годах.

Prawda — польская еженедельная газета либерального направления, выходила в Варшаве в 1881—1915 годах. Франко напечатал в ней несколько рассказов и статей об экономической и культурной жизни Галиции.

He спросив броду. — Повесть осталась неоконченной, отрывки из нее были впервые опубликованы в журнале «Червоний шлях» в 1927 (№ 1) и 1929 (№№ 1, 2) годах.

Братство — ежемесячный литературно-научный журнал, который Иван Франко задумал издавать еще в 1885 году. Была опубликована программа журнала, но издание его не осуществилось.

Рожанский Игнат (1844—1883) — учился вместе с Иваном Франко во Львовском университете. Переписка Франко с Рожанским не опубликована.

Поступ («Прогресс») — журнал, который задумал издавать Иван Франко. В 1886 году была опубликована программа этого журнала, но издание его не осуществилось по цензурным и политическим условиям.

Новая жизнь — поэма, над которой Франко работал в 1883—1885 годах; осталась неоконченной, отрывки из нее печатались в журналах в 1886 и 1890 годах и во втором издании сборника «Из вершин и низин», 1893.

Борковский Александр (1841—1921) — педагог, западноукраинский общественный деятель, одно время редактировал «Зорю».

В ночном — поэма Ивана Франко, вошла в сборник его стихов «Мой измарагд».

Панталаха — рассказ Ивана Франко, опубликован в 1888 году в польской газете «Kurjer Lwowski», на украинском — в 1902 году (в сборнике «Панталаха і інші оповідання», Львов).

Огоновский Емельян (1833—1894) — историк литературы, профессор Львовского университета, один из идеологов украинского буржуазного национализма.

Я был среди них в парке Грунда... — парк Грунда во Львове, более известен под названием Погулянка.

Ганкевич Клементий (1842—1924) — западноукраинский филолог и философ-идеалист.

Будзиновский Вячеслав (1868—1934) — в то время студент Львовского университета, публицист, позже (в 90-х гг.) — редактор журнала «Громадський голос» и газеты «Праця» («Труд») — органов радикальной партии в Галиции.

Товариши («Товарищ») — литературно-научный журнал, вышел только один номер (Львов, 1888). Франко дал, как пишет он сам в письме М. Драгоманову от 6 сентября 1888 года, «более половины денег», необходимых для начала издания.

Трилевский Кирилл (1864—1942) — западноукраинский публицист, общественный деятель, член радикальной партии, позже — воинствующий буржуазный националист.

«Супруги» — одно из ранних произведений Осипа Маковея.

Дыгасинский Адольф (1839—1902) — польский писатель, автор рассказов и повестей из жизни животных.

Обвиняемых было шестнадцать... — Франко и все перечисленные — русские, украинцы и польский писатель Ян Каспрович — были арестованы по обвинению в пропаганде отделения Галиции от Австрии и присоединения ее к России. Иван Франко просидел тогда в тюрьме больше месяца.

Каспрович Ян (1860—1926) — польский поэт, друг Ивана Франко.

ФЕДОР ЩЕРБАТСКОЙ

ВСТРЕЧИ

Стр. 116—117

Печатается по тексту первой публикации в газете «Пролетарская правда», Киев, 6 июня 1941 года.

Щербатской Федор Ипполитович (1866—1942) — выдающийся русский ученый-востоковед, с 1918 года — академик.

«В поте лица» — сборник рассказов Ив. Франко, вышел в 1890 году во Львове.

МОИ ВСТРЕЧИ С ИВАНОМ ФРАНКО

Стр. 118—138

Печатается по рукописи, подготовленной автором для настоящего издания.

Лукьянович Денис (1872—1965) — западноукраинский писатель; с 1939 года — член Союза советских писателей. С воспоминаниями о Франко выступал неоднократно, освещая важнейшие эпизоды жизни писателя, свидетелем которых являлся. В предлагаемой редакции все эти воспоминания объединены в хронологической последовательности. Перевод авторизован.

... *клеямили на собраниях Цеглинского за его нелепую оценку этого сборника...* — Цеглинский Григорий (1853—1912) — незначительный западноукраинский буржуазно-националистический писатель-драматург и критик. В упомянутой рецензии («Зоря», 1887, № 13—14) он издевательски «комментировал» революционные идеи сборника «Из вершин и низин».

«*Народні читальні*» — публицистическая брошюра М. Павлыка — «Про русько-українські народні читальні», Львов, 1887.

«*Академическое братство*» — украинское студенческое общество, основано во Львове в 1882 году.

... *в поддержку так называемой «новой эры».* — «Новая эра» — политическое соглашение (состоялось в начале 90-х гг.) наиболее реакционной группы галицких народовцев с польской буржуазно-шляхетской верхушкой в Галиции. Соглашение предусматривало поддержку австрийского правительства и было направлено против освободительных стремлений украинских и польских трудящихся.

Барвинский Александр (1847—1927) — один из идеологов буржуазного национализма в Галиции.

Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — украинский ученый-историк буржуазно-националистического направления, археолог и этнограф.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866—1933) — видный украинский ученый-историк, фольклорист и историк литературы, идеолог украинского буржуазного национализма, один из вождей украинской контрреволюции в первые годы после Октября.

Ягич Ватрослав (1838—1923) — выдающийся ученый-славист, профессор Венского университета. Под его руководством Франко завер-

шил работу над докторской диссертацией и защитил ее в 1893 году.

Собор св. Юра (Георгия Победоносца) — резиденция митрополита униатской церкви, оплот клерикальной реакции в Галиции.

От Павлыка мы узнали о визите И. Франко к наместнику.— Сам Франко рассказал об этом визите к графу Казимиру Бадени в статье «История моей габлитации», написанной на немецком языке и помещенной в журнале «Ruthenische Revue» (1905). В 1912 году он перевел эту статью на украинский язык и опубликовал во львовской газете «Діло». Приводим отдельные фрагменты из этой статьи (в русском переводе печатается впервые):

«Как первый шаг, который я должен был сделать, — посоветовали мне просить аудиенцию у наместника гр. Казимира Бадени и изложить ему мою просьбу. Господин наместник, правда, принял меня, и, когда я изложил ему свою просьбу о присвоении мне *Veniam legendi* (права читать лекции), завязался между нами долгий разговор, главные пункты которого передаю по памяти.

Господин наместник. Итак, господин Франко, ваш докторат и ваша габлитация — все это очень хорошо, но как же я могу допустить, чтобы сотрудник «Kurjer Lwowski» сразу превратился в университетского профессора?

Чтобы пояснить этот столь странный вопрос, нужно напомнить, что я тогда, с 1887 года, был сотрудником демократической польской газеты «Kurjer Lwowski», много раз резко выступавшей против коррупционной и незаконной системы, которой покровительствовал граф Бадени, и потому ему лично крайне неприятной.

Я ответил: «Экселенц, я добиваюсь *Veniam legendi* не как сотрудник «Kurjera Lwowskiego», а на основе моей научной работы. Я разделяю политические принципы «Kurjera Lwowskiego» и потому принимаю участие в издании этой газеты, но с этого времени хочу уйти от политической борьбы и отдать все свои силы научной работе и потому хочу добиться приват-доцентуры в университете».

Господин наместник. Вы женились на русской?

Я. Да.

Господин наместник. Вы получили в приданое деньги?

Я. Да, экселенц, около трех тысяч рублей, — как раз столько, сколько нужно, чтобы сразу не умереть с голоду.

Господин наместник. У вас четверо детей, и они до сих пор не крещеные

Я. Да, экселенц.

Господин наместник. Как видите, я хорошо информирован. Посмотрю, что смогу сделать для вас. Только знаете, свою

агитационную деятельность вы должны сразу же оставить. Итак, do widzenia, panie Franko! ¹

Я ушел. Теперь я знал достаточно уверенно, что мое дело проиграно. Еще перед этим с разных сторон мне давали понять, как напрасны мои надежды. А. Барвинский, тогда самый влиятельный украинский депутат и главный деятель так называемого польско-украинского соглашения, сказал: «Скорее на моей ладони вырастут волосы, чем Франко будет доцентом».

В то время подоспел тридцатилетний юбилей М. Драгоманова, который украинская радикальная партия решила отметить праздничным собранием и концертом. На собрании я сделал доклад о научных заслугах Драгоманова. Через несколько дней я был принят тогдашним вице-президентом галицкого краевого школьного совета профессором Бобжинским по другому делу; после урегулирования этого дела зашла речь также и о моей габилитации.

— Видите ли, господин доктор, — сказал мне этот высокий муж, — беда с вами. Господин наместник сказал вам ясно, чтобы вы воздерживались от всякой политической агитации, а вы вот снова публично выступили на собрании в честь Драгоманова.

Я ответил, что говорил только о научной деятельности человека, которому многим обязан.

— Вы могли бы даже написать о нем целое сочинение, но собрание имело выразительный политический характер, и вы должны были понять, что ваше участие в нем не может быть полезным для вашей кандидатуры. Наконец, нам известно, что после концерта вы произнесли явно политическую речь.

Я усмехнулся, немного смущенный, и объяснил г. Бобжинскому, что это было в неофициальном собрании кружка друзей, а речь, которую я произнес «о Драгоманове как об антихристе», была юмористически окрашенным обзором духовного развития галицких русинов под влиянием идей и сочинений Драгоманова. Господин вице-президент хотел этим замечанием, очевидно, дать мне понять, что наместничество очень хорошо информировано и о моих частных выступлениях и что сам он, бывший профессор университета, не считает ниже своего достоинства учитывать полицейские донесения при решении вопроса о моей доцентуре.

— Видите ли, — сказал г. Бобжинский несколько более резко, заканчивая разговор, — этим выступлением вы себе очень повредили. Вы несправимы. Политического агитатора на кафедре нельзя терпеть. Впрочем, это мое частное мнение. Я не решаю этих дел. Решение зависит от министерства просвещения.

¹ До свидания, господин Франко! (польск.)

Это последнее заявление вице-президента выглядело издевкой. Мы в Галиции знали очень хорошо, что частное мнение г. Бобжинского в школьных делах почти всегда было решающим. После этой беседы я окончательно распрощался с надеждой на получение приват-доцентуры, однако же я не хотел оставить без внимания ни одного из легальных способов, которыми в нормальных условиях пользуются для достижения этого не столь уже большого положения.

Дождавшись времени, когда официальный отчет о моей габилизации в университете был отправлен в министерство просвещения, я поехал в Вену и представился там министру просвещения. Министром просвещения был тогда доктор Риттнер — также бывший профессор Львовского университета. С обычной для него немного робкой вежливостью он сказал мне, что министерство только что получило от Львовского университета уведомление о моей габилизации, уведомление очень лестное для меня, и министерство со своей стороны не имеет ничего против присвоения мне *Veniam legendi*.

— Все будет зависеть от львовского наместничества, — добавил господин министр. — Мы перешлем решение о вашей габилизации наместничеству, а потом подождем его мнения. Будьте терпеливы до этого времени.

Проходили недели за неделями, а на мое прошение от министерства не было никакого ответа. Я снова поехал в Вену, но не мог застать министра просвещения. Время было беспокойное, а заседания парламента бурные. В министерстве мне сказали, что господина министра легче всего можно застать в парламенте...

Министра просвещения я так и не нашел, а на другой день узнал от посла Романчука, что министерство отказало в моей просьбе и что я «*Wegen politischen Vorlebens*»¹ не могу получить *Veniam legendi* во Львовском университете.

«Научное общество имени Шевченко» — «Наукове товариство ім Шевченко» — возникло во Львове в 1893 году, издавало «*Наукові записки*», журнал «*Літературно-науковий вістник*», «*Етнографічний збірник*» и ряд других серийных изданий. Существовало до 1939 года.

«Литературно-науковий вістник» — журнал, выходил во Львове с 1898 года. До 1906 года включительно Иван Франко был одним из трех редакторов журнала (два других — М. Грушевский и О. Маковей).

Вовк Федор (1847—1918) — украинский антрополог, археолог и этнограф буржуазно-националистического направления.

Кобылиця Лукьян (1812—1851) — руководитель антифеодально-крестьянского движения на Буковине в 40-х годах XIX столетия.

¹ Из-за политического прошлого (нем.).

Печатается с сокращением по первой публикации во львовской украинской газете «Літературні вісти» (1927, № 10—15).

Бигеляйзен Генрик (1855—1932) — друг Ивана Франко, польский литературовед, автор пятитомной «Истории литературы польской». Франко дал высокую оценку его изданию собрания сочинений Шекспира в польских переводах с обширными комментариями.

...находился под неотразимым влиянием Прудона. — Это заявление мемуариста не подтверждается ни одним из произведений или высказываний Франко.

...пробовал переводить «Капитал». — Франко в 1879 году перевел на украинский язык двадцать четвертую главу первого тома «Капитала» К. Маркса.

«Высокий замок» — гора во Львове.

...разговор о Конраде Валленроде. — Конрад Валленрод — главный герой одноименной поэмы А. Мицкевича.

...который в *Bieniowskom* ... — «Беневский» — поэма великого польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого (1809—1849).

Ошибаются доктор М. Лозинский и Василий Верниволя... — Речь идет о книге М. Лозинского «Иван Франко» (Вена, 1917) и предисловии В. Верниволя (В. Симовича) к сборнику стихов Франко «Из вершин и низин». Г. Бигеляйзен крайне неточно излагает мнение упомянутых авторов.

«*Niesco o sobie samym*» — «Нечто о себе самом», предисловие Ивана Франко к сборнику своих произведений «*Obrazki galicyjskie*» («Галицийские картинки»), вышедшему во Львове в 1897 году. Выступая против пышных псевдопатриотических декламаций о любви к родине — Украине — и заявляя, что он не любит Украину («*Nie Kocham Rusi*»), Франко так пояснял это заявление: «Будучи сыном украинского мужика, вскормленный черным мужицким хлебом, трудом мозолистых мужицких рук, я чувствую себя обязанным всею своей жизнью отработать те гроши, которые истратила мужицкая рука, чтобы мне можно было взойти к тем вершинам, с которых виден свет, где ощущается дыхание свободы, где зреют общечеловеческие идеалы. Мой украинский патриотизм — это не сантимент, не национальная гордость, а тяжелое ярмо, которое возложила на мои плечи судьба. Я могу содрогаться, вдвойне проклинать долю, которая возложила на мои плечи это ярмо, но сбросить его не могу, не могу искать другую родину, потому что сделался бы подлецом

перед судом своей собственной совести. И если что облегчает мне это ярмо, так это образ того украинского народа, который, хотя и угнетенный, темный и деморализуемый многие века, хотя и теперь еще убогий, инертный и беспомощный, все же постепенно просыпается и обнаруживает во все более широких массах жажду света, правды, справедливости и ищет путей к ним. Значит, стоит трудиться на благо этого народа, и никакой честный труд не будет напрасным».

«Ты, братец, любишь Русь» — первая строчка из стихотворения Франко «Седоглавному» (сборник «Мой измарagd»). Стихотворение это надо понимать как поэтическое выражение уже цитированного места из статьи «Nіесо о sobie samym».

Брюкнер Александр (1856—1939) — польский ученый-филолог, историк литературы, в то время — профессор Берлинского университета.

МАРКО ЧЕРЕМШИНА

ФРАГМЕНТ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Стр. 147—150

Печатается по изданию «Літературно-науковий вістник», Львов, 1926, № 7—8 (июль — август), где воспоминания М. Черемшины были опубликованы впервые.

Черемшина Марко (псевдоним Семенюка Ивана Юрьевича; 1874—1927) — украинский писатель-демократ. С Иваном Франко, познакомился в 1897 году в Вене. Об этой встрече он и рассказал в своих воспоминаниях.

...Вена свергла Бадени... — Речь идет о графе Казимире Бадени (1846—1909). В 1888—1895 годах он был наместником австрийского цесаря в Галиции, а в 1895—1897 годах — министр-президент Австрии. 28 ноября 1897 года К. Бадени, скомпрометированный проведением выборов в парламент, должен был под давлением бурных демонстраций на улицах Вены и оппозиции в парламенте подать в отставку.

Сембратович Роман (1876—1906) — галицкий публицист, в то время редактор журнала «Ruthenische Revue» в Вене.

...к докладу в обществе фабианцев... — Общество фабианцев — реформистская организация, возникшая в Англии в 1884 году. В. И. Ленин охарактеризовал ее деятельность как «самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики»¹.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 267.

С докладом, о котором идет речь в воспоминаниях, Франко выступил в венском отделении общества фабианцев.

Ломброзо Чезаре (1865—1909) — итальянский психиатр и криминалист, основатель так называемого антропологического направления в криминальном праве.

Франко советовал мне бросить писать стихотворения в прозе и вернуться... к крестьянскому быту. — Этот совет, как свидетельствует сам М. Черемшина, оказал большое влияние на все его дальнейшее творчество. «Когда был основан «Літературно-науковий вістник» (то есть в 1898 г. — М. П.), — пишет М. Черемшина в своей автобиографии, — я, по совету Ивана Франко, выступил в нем со своими новеллами из крестьянской жизни и, также по совету Франко, оставил писать стихотворения в прозе».

В А С И Л ь С Т Е Ф А Н И К

ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Стр. 151—152

Печатается по изданию «Василь Стефаник. Повне зібрання творів в трьох томах», т. II, изд. АН Украинской ССР, Киев, 1953.

Стефаник Василь (1871—1936) — выдающийся украинский писатель-демократ. «Автобиография» написана 9 февраля 1926 года. «Камнеломы» — воспоминания, написанные незадолго до смерти В. Стефаника, впервые опубликованы в январе 1937 года (Журнал «Каменярі», № 1, Львов, 1937).

...прогулку в Стрыйский парк... — самый большой парк во Львове.

...я буду идти чуть позади вас, как охрана... — В связи с высказанными здесь опасениями небезынтересен следующий отрывок из письма В. Стефаника к О. Гаморак в том же 1897 году: «Кампания против него со стороны поляков бешеная. Газеты, такие, как «Dziennik Polski» и «Smigus», призывают польскую патриотическую молодежь «заняться Иваном Франко». Будут ли бить или не будут — это в руках господних. Вскоре он выезжает в Завадов, под Стрый, и там, может, отсидится. Галицкая интеллигенция симпатизирует Франко, но боится стать на его защиту...

Нынче утром я приехал в Краков. Вся Польша ополчается на Франко. В пятницу вечером здесь будет дискуссия на тему «Ein Dichter des Verrates». Я, бедный, должен защищать Франко. Ра-

зобьют ли мне голову или не разобьют? Пошлю Вам те польские газеты, которые будут писать об этом».

...написанную поэму «Камнеломы»... — знаменитое революционное стихотворение Ивана Франко; написано в 1878 году, вошло в сборник «Из вершин и низин».

ВЛАДИМИР ГНАТЮК

О ЮБИЛЕЕ И. ФРАНКО в 1898 году

Стр. 153—156

Отрывок из статьи В. Гнатюка «Наукове товариство ім. Шевченка у Львові», напечатанной впервые в журнале «Літературно-науковий вістник», Львов, 1925, кн. 1—6, 7—8, 10—11. Печатается по упомянутому изданию (1925, февраль, кн. 2-я, стр. 177—179).

Гнатюк Владимир (1871—1926) — друг и соредатор Ивана Франко в упомянутом журнале, украинский ученый (фольклорист, этнограф), публицист и общественный деятель, действительный член АН УССР. В научной работе В. Гнатюк был последователем и соратником Ивана Франко.

...накануне юбилея И. Котляревского. — В 1898 году на Украине и в Галиции широко отмечалось столетие со дня опубликования «Энеиды» И. Котляревского.

ВЛАДИМИР ГНАТЮК

О ЮБИЛЕЕ И. ФРАНКО в 1898 году

Стр. 153—156

Печатается по тексту первой публикации в журнале «Радянський Львів», 1946, №№ 8—9.

Яцкив Михайло (1873—1961) — украинский писатель, с 1939-го да — член Союза советских писателей.

...доклад о «Тополе» — реферат Ивана Франко о ранней поэме Тараса Шевченко «Тополь», написан в 1890 году.

...но мозгом и душой этого журнала с 1898 до 1910 года включительно был Иван Франко. — На самом деле такую роль в журнале «Літературно-науковий вістник» Франко играл до 1906 года включительно, то есть до переезда редакции журнала в Киев.

«*Туфли Абу-Касима*» и «*Кузнец Бассим*» — поэмы Ивана Франко, написанные по мотивам арабских сказок, первая напечатана в 1895, вторая — в 1900 году.

Пишибышевский Станислав (1868—1927) — польский писатель.

Франко опубликовал в «*Літературно-науковому вістнику*»... — Цитируемая далее рецензия была опубликована в названном журнале в 1900 году (кн. I, стр. 68—69).

«*Кроме той части, что я перевел...*» — Иван Франко перевел из Апулея на украинский язык новеллу-сказку «Амур и Психея» (из романа «Золотой осел»).

В А С И Л ь Ш У Р А Т
КАК ТВОРИЛ ФРАНКО
(Из моих воспоминаний)
Стр. 166—168

Печатается по первой публикации в газете «Українська Рада». Львов, 21 июня 1925 года.

Щурат Василий (1871—1948) — западноукраинский ученый-филолог, литературовед и критик, с 1929 года — действительный член АН УССР, много писал о творчестве Ивана Франко и неоднократно выступал с воспоминаниями о нем.

...создавал свое «*Путешествие русина с Бедюю*» — сатирическая поэма Ивана Франко, впервые напечатана в 1893 году во втором издании сборника «Из вершин и низин».

В. Д. Б О Н Ч - Б Р У Е В И Ч

МОЯ ПЕРЕПИСКА С ИВАНОМ ФРАНКО
(Главы из моих воспоминаний)
Стр. 169—191

Печатается по машинописной копии рукописи, хранящейся в архиве Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН Украинской ССР. «Эта статья, — пишет в примечании ее автор, — в значительно сокращенном виде была переведена на украинский язык и помещена в журнале «Вітчизна», № 12, 1952, стр. 153—160.

В нашем издании она печатается тоже с сокращениями.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — общественный деятель и ученый, доктор исторических наук, с 1892 года — участник марксистских кружков, в 1917—1920 годах — управляющий делами Совнаркома.

...издал «Эрфуртскую программу» на русском языке... — Это издание было осуществлено М. Павлыком в 1894 году в городе Коломые.

... их журнал «Громада» — сборники, выходившие в Женеве на украинском языке под редакцией М. Драгоманова, М. Павлыка и С. Подолинского (с 1878 по 1888 гг.; всего вышло пять сборников).

«Работник» — неперIODический сборник, издавался в Женеве в 1896—1899 годах «Союзом русских социал-демократов за границей». Издание было начато по инициативе В. И. Ленина. Всего вышло шесть номеров «Работника» и десять номеров «Листка работника». В первой книге «Работника» (№№ 1—2) была помещена статья В. И. Ленина «Фридрих Энгельс».

«Відривок з листа Ів. Франка до М. Драгоманова». — Имеется в виду отрывок из письма, написанного 26 апреля 1890 года и содержавшего автобиографию Ивана Франко.

Горбунов-Посадов Иван Иванович (1864—1940) — писатель, организатор и руководитель издательства «Посредник».

«Мир божий» — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерально-буржуазного направления. Издавался с 1892 года в Петербурге. В 1906 году был закрыт.

«Жизнь» — литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1897—1901 годах. С конца 1898 года стал одним из органов «легального марксизма». Литературный отдел журнала фактически возглавлял Горький. 8 июня 1901 года журнал был запрещен. С 1902 года выходил за границей. Всего вышло шесть номеров и двенадцать номеров «Листков жизни».

«Новое слово». — ежемесячный научно-литературный и политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1894—1897 годах в начале либеральными народниками, а затем (с весны 1897 г.) легальными марксистами. В этот (последний) период здесь печатали отдельные свои работы В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

Я думаю, что это была первая публикация Ив. Франко на русском языке. — Это предположение не соответствует действительности. Первые публикации произведений Франко на русском языке появились в конце 80-х годов.

Поссе Владимир Александрович (1864—1940) — журналист, издатель, редактор журнала «Жизнь», в котором печатался и Иван Франко.

Печатается по изданию «Михайло Мочульский. Студії та спогади», Львов, 1938. Помещенные в настоящем издании отрывки воспоминаний М. Мочульского взяты из первого раздела названной книги.

Мочульский Михаил (1886—1940) — западноукраинский критик, исследователь творчества Франко, Шевченко и других украинских писателей.

Ну и выборы же тогда были у нас! — Сам Франко об этих «Кровавых выборах» писал: «Не будучи русином и не живя тогда среди русинского общества, никто не может представить себе впечатления, которое произвели тогдашние события. Вся извращенность и скрытое где-то глубоко в крови презрение к простому народу, презрение к закону и законности у галицко-польских верховодов всплыли тогда на поверхность, как масло на воде. Напомню лишь один факт, не очень известный, но характерный. Министр внутренних дел граф Казимир Бадени, возвращаясь в Вену после инспекционной поездки во Львовское наместничество, где давал подробные указания о проведении выборов, остановился на пару дней в Кракове и там на каком-то высоком собрании произнес речь, в которой заявил с цинизмом и с каким-то особым ударением: выборы в Галиции проходят вполне законно! И это в ту самую пору, когда мимо моих окон во Львове изо дня в день водили десятки закованных и избитых давидовских крестьян (русинов и поляков), которых тащили в тюрьму за убийство выборного комиссара, когда ко мне, больному, немощному, разбитому, ежедневно и еженощно прибегали перепуганные «законностью» выборов горожане и крестьяне то из Комарно, то из Цеброво, то из Мостиского, то из Перемышльского, то бог знает из каких других уездов, умоляя о совете, защите, ночлеге, пристанище и еде на несколько дней, пока минуют ужасы законных выборов. Слова министра гр. Бадени растелеграфировали по всему миру, и заграничные газеты не желали принимать корреспонденции о галицких выборах, ссылаясь на то, что, мол, его сиятельство граф Бадени заверил торжественно, что выборы проходят законно! А львовская прокуратура конфисковала статьи о выборах и информации из провинции об убийствах, избиваниях и массовых арестах опять же на том основании, что его сиятельство граф Бадени заявил,

что выборы проходят законно, — значит, все информации о незаконных должны быть враньем»¹.

... *Франко защищал соответствующий проект*... — На самом деле Франко был против печатания в типографии товарищества политических газет (и в особенности газеты «Діло») чуждого ему направления. На чрезвычайном общем собрании членов товарищества, где обсуждался этот вопрос, Франко, как он сам свидетельствует, говорил об «абсурдности идеи помощи со стороны «Товарищества им. Шевченко» чужим для него частным изданиям» (см. брошюру «Как я стал казенным радикалом», Львов, 1897).

... *так называемыми «инкамерованными русинами»*... — Речь идет о русинах — депутатах венского парламента, служивших интересам правительства, а не народа.

«... *автор назвал Франко «казенным радикалом»*... — «Итак, — иронизирует по поводу этих обвинений Иван Франко, — с божьей помощью в конце 1896 года я стал «казенным радикалом». Недавно еще я был только деструктивным элементом, радикальным агитатором, самым большим врагом не только «*porządku społecznego*» (общественного порядка. — *М. П.*), но также нынешнего правительства, а тут на тебе! «Казенный радикал!» — вопит «Галичанин», а за ним и «Діло» стыдливо, как старая проститутка, и сладко, как конфетчица, шепчет: «Может быть, потому Франко так поступает, что ему обещали мандат»².

Только в Липике вспомнил больной поэт... — то есть в 1908 году, когда Франко лечился в названном санатории в Хорватии.

Юлиан Романчук и Александр Барвинский — украинские буржуазные националисты, инициаторы так называемой «Новой эры», постоянные и злобные враги и гонители Франко.

Выступившим отвечал юбиляр. — Приводим текст этого ответа полностью (на русском языке печатается впервые): «Первым моим словом пусть будет сердечное спасибо всем тем, кто устроил сегодняшний праздник. Прежде всего спасибо молодежи, которая не жалела трудов и стараний; спасибо всем тем, кто явился сюда сегодня, спасибо товарищам по труду и убеждениям; сердечное спасибо тем, кто выступал с этого места. Спасибо, наконец, и моим противникам. За двадцать пять лет моей работы судьба моя никогда не скупилась на них, они толкали меня вперед, не давали мне застояться на одном месте. Я очень хорошо понимаю значение борьбы в процессе развития и благодарен своим противникам и искренне уважаю тех, кто борется со мною честным оружием.

¹ «Літературно-науковий вістник», кн. 1, Львів, 1906, стр. 157—158.

² «Як я став казенним радикалом», Львів, 1897, стр. 3.

Когда я окидываю взором сегодняшнее собрание, то спрашиваю себя: для чего собралось здесь такое большое и просвещенное общество? Думаю, что не ради моей особы. Я не считаю себя ни таким великим талантом, ни каким-либо героем, ни таким образцовым характером, чтобы моя персона могла привлечь всех к себе. Двадцать и пять лет я был тем пекарем, что печет хлеб для каждодневного потребления. Я всегда стоял на том, что развитие нашего народа должно стать крепкой стеною. Возводя стену, каменщик кладет в нее не только гранитные камни, но если попадетя, то и песок и щебень и добавляет к ним цемент. Так и в том, что я сделал за эти годы, может быть, и найдется какой-нибудь твердый камень, но, конечно, больше всего будет этого песка и цемента, которым я заполнял пустоты и щели. Я всегда заботился о том, чтобы ответить на запросы времени и злобу дня. Я никогда не хотел ни стоять на котурнах, ни шадить себя; я никогда не считал своего противника меньше себя, я выходил на любую арену, если борьба была необходима для выяснения дела. Я знаю, что очень мало из моих произведений останется в памяти будущих поколений, но мне это безразлично. Я заботился прежде всего о нынешних, современных мне людях.

Как сын крестьянина, вскормленный черствым мужицким хлебом, я чувствовал себя обязанным отдать весь труд моей жизни простому народу. Воспитанный в суровой школе, я сызмальства усвоил две заповеди. Первой было чувство этой обязанности, а второй — потребность в непрестанном труде. Я видел с малых лет, что нашему крестьянину ничто не дается без тяжелого труда; позднее я понял, что и нам всем, как нации, ничто не достанется даром, что нам ни от кого не надо ждать добра. Только то, что добудем мы своим трудом, будет действительно нашим приобретением; и только то, что присвоим себе из чужого культурного богатства своим собственным трудом, станет нашим добром. Вот потому-то я старался передать нашему народу культурные достижения других народов и познакомить другие народы с его жизнью.

Главное значение придавал я всегда завоеванию общечеловеческих прав, ибо знал, что народ, добываясь для себя общечеловеческих прав, тем самым добывает себе и национальные права. И сам я в этой своей деятельности хотел быть не поэтом, не ученым, не публицистом, а прежде всего *человеком*. Меня упрекали, что я разбрасываюсь в своей деятельности, перескакиваю с одного занятия на другое. А это было следствием моего желания — быть человеком, просвещенным человеком, не остаться в стороне ни от одного из тех вопросов, из которых складывается содержание человеческой жизни. А познав что-либо, я хотел и все силы прикладывал, чтобы и другие заинтересовались этим и поняли это. Кто-то оправдывал

меня тем, что тяжкие условия жизни, необходимость заработка принуждали меня бросаться на разные поприща деятельности. Но мне кажется, что это зависело больше от моего характера, от горячего желания обнять весь круг человеческих интересов. Может быть, этот недостаток концентрации помешал мне как писателю, но у нас долго еще будут необходимы такие, как я, чтобы пробуждать интерес к духовной жизни и собирать материал, пусть пока лишь грубо обтесанный. Все фундаменты всегда так строятся, и только на таких фундаментах, на таких стенах со временем могут возникнуть иные, смело воздвигнутые своды.

Так вот почему не ради меня этот нынешний праздник. Я чувствую, что я не заслужил его. Но он наполняет меня радостью как симптом, как знак того, что в широких кругах нашего общества загорается или уже пылает то желание просвещения, свободы и широкого индивидуального и общественного развития, желание, выражением которого являются мои произведения. Вышедши из самых низов нашего народа, я старался с одинаковой любовью охватить все его слои, а нынешний праздник является для меня знаком, что у нас пробуждается, а кое-где уже и ярко горит желание солидарности с нашим наименьшим братом. Только неустанный, живой контакт с людьми может уберечь нашу литературу от окольных путей; только солидарность с тем нашим бедным, серым, но конкретным братом сохранит нас от абстракции и доктринерства, поведет наше национальное развитие по прямой, верной дороге.

Еще раз благодарю всех собравшихся на нынешний вечер. Кажется, от меня не требуется обещаний, что и впредь я не сойду с той дороги, которой шел до сих пор. Такая уж у меня натура, что работы своей не оставлю никогда; это никакое не геройство, а просто элементарная сила ведет меня этой дорогой, сила моей крестьянской крови.

Конечно, в моей деятельности было немало ошибок, но кто же, делая какое-либо дело, не ошибался? Ныне я хочу смотреть на те ошибки спокойно, ибо знаю, что или мне самому, или другим они стали предостережением и наукой. А что касается меня самого, я всегда держался одной мысли: пусть исчезнет мое имя, но пусть растет и развивается украинский народ!»¹

Когда-то народовцы изгнали Франко из «Діла»... — Это было после политического процесса 1877 года.

Федорович Владислав (1845—1917) — помещик в селе Вижню на Тернопольщине. *М. Мочульский* ошибается — Иван Франко изу-

¹ Иван Франко, Твори в двадцяти томах, Державне видавництво художньої літератури, т. 1, Київ, 1955, стр. 30—32.

чал переписку не В. Федоровича, а его отца — Ивана Федоровича, депутата австрийского парламента в 40 -- начале 50-х годов XIX века.

«Буковина» — украинская газета, выходила в Черновцах с 1895 по 1918 год.

«Руслан» — газета, орган христианско-социальной партии в Галиции, выходила в 1897—1914 годах.

Недаром посвятил он свою лучшую повесть «Раздорожье» «Мариш и Михаилу Грушевским в знак искреннего расположения». — М. Мочульский ничего не говорит об идейных разногласиях, которые вскоре после этого (посвящение относится к 1900 г.) обнаружались между Иваном Франко и М. Грушевским. Ими объясняется и разлад в их личных отношениях.

«Моисей» — поэма Ивана Франко, написана в 1905 году.

БОГДАН ЯРОШЕВСКИЙ

НЕИСПОЛЬЗОВАННОЕ СОКРОВИЩЕ

(Воспоминания о каникулярных чтениях по украинской литературе доктора Ив. Франко в 1904 г.)

Стр. 209—213

Впервые опубликовано в юбилейном сборнике «Привіт Іванові Франкові в сороколіття його письменської праці. 1874—1914. Літературно-науковий збірник», Львів, 1916. Печатается по этому изданию.

Ярошевский Богдан (1869—1914) — украинский общественный деятель и писатель (псевдоним — «Степан Загородний»). Один из основателей так называемой украинской социалистической партии, ориентировавшейся на II Интернационал.

Ганкевич Николай (1869—1931) — один из основателей социал-демократической партии в Галиции.

... «новым рыцарем выходит... интеллигент «Каменяр». — Здесь Б. Ярошевский явно игнорирует пролетария-борца, образ которого тоже входит в поэзию и в прозу Франко 70—80-х годов (когда поэт был и организационно связан с рабочим движением в Галиции).

...*сознание страшной обиды, нанесенной нам врагами...* — Имеется в виду недопущение Ивана Франко к преподаванию во Львовском университете.

У ИВАНА ФРАНКО
(Письмо из Берлина)

Стр. 214—224

Впервые опубликовано в издании «Новости дня», воскресное приложение к газете того же названия от 3 ноября 1902 года. Газета выходила в Москве.

Сукенников П. — берлинский корреспондент газеты «Новости дня».

«Гакатизм» — от «Гаката» («Союз содействия германству в восточногерманских окраинах») — реакционная антипольская организация германских шовинистов в конце XIX — начале XX века.

...с ожесточением и нескрываемым презрением отзывается о русофилах и их политической программе... — П. Сукенников не разобрался в политической борьбе в Галиции и смешал русофилов, ориентировавшихся на передовую Россию, русскую революционную демократию (к таким русофилам причислял себя и Иван Франко), с «москвофилами» — реакционной политической партией в Галиции, ориентированной на российское самодержавие

Франко разоблачал реакционность «москвофилов» (отрицательную оценку «москвофилов» см. также: В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 21, стр. 239—240). Отношение Франко к русофильству выражено в одной из его статей 1905 года, где он защищает от «москвофильской» клеветы: «Не верьте... что мы, галицийские украинцы, тем только и дышим и живем, что «ненавистью ко всему русскому». Не верьте им, ибо это сознательная ложь. Мы все русофилы: слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык и читаем на этом языке, вероятно, не меньше, а может быть, и больше вас. Есть между нами, галицкими украинцами, и такие, которые и говорить и писать на этом языке могут не хуже, если не лучше вашего. И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим... Мы любим в русской духовной сокровищнице драгоценные золотые зерна, но отличаем их от попоны, от шлака, от плодов темноты, застоя и ненависти, порожденных тяжкой многовековой историей... И в этом мы чувствуем себя солидарными с лучшими сынами русского народа. И это прочная и устойчивая основа нашего русофильства»¹.

¹ «Літературно-науковий вістник», т. 30, Львів, 1905, стр. 111.

... книги рассказов «В поте лица». — Имеется в виду книга рассказов Ивана Франко, вышедшая в русском переводе под этим заглавием в 1902 году (изд. М. Д. Орехова, СПб).

Стихов... он больше не пишет... — Последнее стихотворение И. Франко датировано 3 февраля 1916 года (умер он 28 мая 1916 г.).

«Горестные дни». — Сборник назван неточно. Надо — «В дни печали». После этого сборника, вышедшего в 1900 году, появились сборники «Semper tigo» в 1906 году и «Давне й нове» (расширенное издание сборника «Мой измарагд») в 1911 году.

ПЕТР КАРМАНСКИЙ

УКРАИНСКИЙ МОИСЕЙ

Стр. 225—228

Печатается по газете «Новий час» («Новое время»), Львов, от 7, 8 и 10 ноября 1935 года, №№ 248, 249, 250, где эти воспоминания были опубликованы впервые.

Карманский Петр (1878—1956) — западноукраинский поэт, после 1939 года — член Союза советских писателей Украины.

«Молодомузовцы» — члены декадентской группы поэтов «Молодая муза». П. Карманский был одним из них. Франко резко раскритиковал позиции этой группы в статье «Манифест «Молодой музыки» (1907).

«Бесіда» — клуб партии народовцев во Львове.

И пришли его настоящие «дні журби»... (дни печали) — Здесь «обыгрывается» название сборника стихов Ивана Франко — «В дни печали».

СТАНИСЛАВ ЛЮДКЕВИЧ

ИВАН ФРАНКО И МУЗЫКА

Стр. 229—233

Впервые опубликовано в журнале «Жовтень» («Октябрь»), № 9, Львов, 1956. Печатается (с сокращениями) по этому изданию.

Людкевич Станислав (род. в 1879 г.) — видный западноукраинский композитор, заслуженный деятель искусств Украинской ССР, профессор Львовской консерватории.

«Молода Україна» — журнал украинской прогрессивной студенческой демократической молодежи, выходил во Львове в 1900—1902 годах. В нем печатались Л. Украинка, Л. Мартович.

«*Артистичний вістник*» («Артистический вестник») — журнал, выходивший во Львове в 1905 году.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — русский композитор, украинец по происхождению. Основная область творчества — культовая (церковная) хоровая музыка. Писал также оперы, сонаты, кантаты и др. Статья И. Франко о Бортнянском названа в воспоминаниях С. Людкевича ошибочно. Подлинное ее заглавие — «Мысли профана на музыкальные темы».

«*Песня и труд*» — стихотворение Ивана Франко, написано 14 июля 1883 года, вошло в сборник «Из вершин и низин».

И В А Н Т Р У Ш

ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРАНКО

Стр. 234—237

Печатается по изданию «Иван Франко у спогадах сучасників», Львов, 1956.

Труш Иван (1869—1941) — известный западноукраинский художник (пейзажист и портретист), друг Ивана Франко.

...по случаю открытия музея... — В 1940 году был открыт мемориальный музей Ивана Франко во Львове, в связи с этим предполагалось выпустить сборник статей и воспоминаний о нем. Для этого сборника были написаны и данные воспоминания.

Дашинский Игнаций (1866—1936) — в 90-х годах один из лидеров польской социал-демократической партии.

...одна из его статей в этом журнале, направленная против поляков ... — Имеется в виду статья «Ein Dichter des Verrates».

О Л Ь Г А К О Б Ы Л Я Н С К А Я

ПРОРОЧЕСТВО

Стр. 238—239

Печатается по первой публикации в газете «Советская Украина», Киев, 25 апреля 1941 года.

Кобылянская Ольга (1863—1942) — выдающаяся украинская писательница, классик украинской реалистической прозы. С воспоминаниями о Франко О. Кобылянская выступала трижды. В той же

газете «Советская Украина» они печатались 12 сентября 1940 года («Мечты писателя сбылись»), а «Літературна газета» (Киев) опубликовала их 27 мая 1941 года. Во всех трех вариантах повторяются те же эпизоды — юбилей Франко в 1898 году и авторское чтение «Моисея» в 1913 году.

ТАРАС ФРАНКО

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Стр. 240—253

Печатается по тексту, подготовленному автором специально для нашего издания.

Франко Тарас Иванович (род. в 1889 г.) — сын писателя, ученый-филолог, автор книг и статей по истории античной литературы и др. работ, кандидат филологических наук, преподавал во Львовском университете им. Ив. Франко, а затем был научным сотрудником Института литературы Академии наук Украинской ССР (в Киеве). Воспоминания Тараса Франко об отце печатались в журналах «Жовтень», 1956, № 2 («Несколько слов об отце»), «Советская Украина», 1956, № 5 («О моем отце»), и «Юность», 1956, № 8 («Рассказы об отце»), а также в ряде газет. В 1956 году вышла на украинском языке книга Т. Франко «Об отце. Статьи, воспоминания, рассказы и очерки», в которую вошли материалы, печатавшиеся ранее в упомянутых журналах и газетах. Для нашего издания автор подготовил сводный текст своих разрозненных воспоминаний и авторизовал перевод.

Гармитий Лука (1866—1924) — сельский учитель, приятель Ивана Франко.

Думка Павло (1854—1918) — западноукраинский поэт из крестьян. Иван Франко в 1890 году напечатал его стихи в журнале «Народ» (орган радикальной партии, выходил во Львове с 1890 по 1892 год под редакцией М. Павлыка и И. Франко и в Коломые с 1893 по 1895 год под редакцией М. Павлыка), сопроводив их статьей о назначении поэзии и особенностях поэтического, образного мышления.

Новаковский Степан — приятель Ивана Франко, крестьянин, член радикальной партии, в 1895—1898 годах — депутат Галицкого сейма.

«Хлопська бібліотека» («Крестьянская библиотека») — серия дешевых книжечек для крестьян, которую издавала редакция «Громадського голоса» с 1896 года.

...был у нас молодой Трегубов... — сын Елисея Киприяновича Трегубова.

...Митрофан Шевченко из Кирилловки — один из внучатных племянников Тараса Шевченко.

Дергало Михаил — крестьянин, приятель Ивана Франко.

Крушельницкая Саломея (1873—1952) — выдающаяся украинская оперная певица, профессор Львовской консерватории.

...«Когда еще звери говорили»... — цикл, а позже (в 1903 г.) — книга, как Франко сам ее характеризовал в предисловии, «самых лучших сказок всех времен и народов» о зверях. «Каждую сказку, — писал он, — я перерабатывал коренным образом, приспособлявая ее ко вкусу, пониманию и условиям жизни наших детей и нашего народа».

Огорчился, когда узнал, что перевод «Моисея» сделали неудачно. — Речь идет о переводе Петра Дятлова, сделанном в 1913 году. Франко, прочтя рукопись, присланную переводчиком, писал последнему, что перевод требует исправлений. В ответ на это П. Дятлов обещал выполнить все указания автора. М. Горький, к которому переводчик обратился с просьбой об издании поэмы в России, сообщил П. Дятлову 20 июня 1914 года: «Книгоиздательство «Прибой» отказалось издать Ваш перевод, найди его несовершенным. Мне тоже кажется, что перевод не удался Вам».

«Похороны» — поэма Ивана Франко, была окончена и напечатана в 1899 году.

«Триумф» — рассказ и вся трилогия не были напечатаны.

«Рипник» («Нефтяник») — первый вариант рассказа был напечатан в 1877 году, второй вариант (в корне переработанный и в два раза больший) — в 1899.

«*Voas constrictor*» — повесть, первый вариант был напечатан в 1878 году, второй, являющийся фактически новым произведением, — в 1907 году.

«Столпы общества» — повесть, написана в 1894—1895 годах; осталась незавершенной.

«Жабы» — сатирическая комедия, рукопись не сохранилась.

«Страхопуд» («Трус») — иллюстрированный сатирико-юмористический журнал «москвофилов» во Львове; выходил с 1863 по 1905 год.

... или в библиотеке Оссолинеум... — библиотека во Львове, основанная в 1817 году Юзефом Максимилианом Оссолинским. Польские фонды этой библиотеки переданы в 1955—1956 годах Польской Народной Республике. На их базе основана библиотека им. Оссолинских во Вроцлаве. Все остальные фонды перешли в ведение библиотеки Академии наук Украинской ССР во Львове.

ИВАН ФРАНКО ВБЛИЗИ

(Воспоминания)

Стр. 254—264

Впервые опубликовано отдельной брошюрой «П. Франко. Иван Франко зблизька», Львов, 1937. Печатается в сокращенном виде по этому изданию.

Франко Петр Иванович (1890—1941) — сын писателя. Воспоминания написаны в 1937 году.

«*Думы мои*», «*Порченая*» — лирическое стихотворение и баллада Тараса Шевченко.

«*Галаган*» — стихотворение Ивана Франко, впервые напечатано в 1881 году.

Приходили Коцовские — то есть супруги Коцовские. Коцовский Владимир — тогда учитель гимназии, автор школьной грамматики украинского языка.

Гриневичева Катря (Екатерина Васильевна) (1875—1947) — западноукраинская писательница.

Нементовские — Ульяна Кравченко с мужем.

Кобринские — поэтесса Наталия Кобринская с мужем.

Дергало, Коренец, Тишивецкий, Волянский, Якибюк, Митчук — крестьяне, у которых летом жил Франко с семьей.

Довбуш Олекса (1700—1745) — герой народных преданий и песен, в 30—40-х годах XVIII века — вождь западноукраинских повстанцев, боровшихся против панов-крепостников. В 1745 году был убит наемным убийцей.

«*Что такое прогресс?*» — статья, написанная в 1903 году; свидетельствует о материалистических чертах в воззрениях Франко на исторический процесс и о заметном влиянии марксизма на его социологические взгляды.

Тобилевич Юрий — сын выдающегося украинского драматурга Ивана Карповича Тобилевича, известного под псевдонимом «Карпенко-Карый».

Шевченко. — Имеется в виду Трофим Шевченко из Кирилловки.

Молодой революционер Т. — Имеется в виду Трегубов.

«*Борислав смеется*» — повесть, сюжетно продолжающая первый вариант повести «*Воа constrictor*», написана в 1880—1882 годах, осталась незаконченной. Концовка, написанная Петром Франко, в нынешних изданиях во внимание не принимается.

Печатается по наиболее полному тексту, опубликованному в журнале «Дніпро», № 6, Киев, 1956.

Франко Анна Ивановна (в замужестве — Ключко, родилась в 1892 году) — дочь писателя, живет в Канаде. Воспоминания написаны в 1955 году и печатались под заглавием «Последний поцелуй».

... *состоится забастовка рабочих*... — Речь идет о забастовке во Львове в 1902 году.

Гринченко Борис Дмитриевич (1864—1910) — украинский писатель, прозаик, поэт и публицист либерально-народнического направления.

Отец занялся в первую очередь редактированием и подготовкой к печати пословиц. — Речь идет о трехтомном издании «Галицько-українських приповідок», выходявших в 1905 (т. I), 1908 (т. II) и 1909 (т. III) годах.

ОЛЬГА РАЗДОЛЬСКАЯ

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЖИЗНИ ИВАНА ФРАНКО

Стр. 283—293

Печатается по первой публикации в журнале «Жовтень», № 5, Львов, 1956.

Раздольская Ольга (1878— ?) — жена известного западноукраинского этнографа и фольклориста Осипа Раздольского (1872—1945), приятеля Ивана Франко.

Левецкий Кость (1859—1943) — сначала «народовец», позже — один из лидеров буржуазно-националистической партии так называемых национал-демократов.

«*Aus fremden Zungen*» («С чужих языков») — немецкий журнал, выходивший в Лейпциге.

Хоткевич Гнат (1877—1938) — украинский писатель, прозаик, драматург и литературный критик.

... *Франко был о нем отрицательного мнения, особенно осуждал его отношение к М. Вовчок*. — Кулиш выдумал (а другие украинские буржуазные националисты подхватили) лживую версию, согласно которой главная заслуга в создании прозаических произведений Марко Вовчок принадлежит мужу писательницы Афанасию Марковичу. Иван Франко в статье «Мария Маркович (Марко Вов-

чок)», напечатанной в 1907 году, решительно отверг эту версию, назвав Марию Маркович «ясной звездой украинской литературы».

Иван Франко высоко ценил поэзию Яна Каспровича, но сборник «Z chłopskiego zagonu» («С крестьянской пашни»), о котором упоминает Ольга Раздольская, Ивану Франко не понравился. Об этом свидетельствует и Василь Щурат: «Стихотворения «Z chłopskiego zagonu» не понравились ему, «Z jakiego to chłopskiego zagonu wuzbierał pan te delikatesy? (на каком крестьянском поле собрали Вы эти деликатесы?)» — спрашивал автора при мне и указывал ему на строфы или полные аффектации, или вялые вследствие повторения одних и тех же фраз...»¹

... где теперь поднял молот гранитный Каменяр. — На могиле Франко установлен памятник, созданный по мотивам его стихотворения «Камнеомы».

ОСТАП ЛЫСЕНКО

ИХ СБЛИЗИЛА ЛЮБОВЬ К НАРОДУ

Стр. 294—299

Печатается по первой публикации в журнале «Україна», № 16, Киев, 1956, стр. 10—11.

Лысенко Остап — сын известного украинского композитора Николая Лысенко.

Старицкий Михаил Петрович (1840—1904) — выдающийся украинский писатель (поэт, драматург, прозаик, переводчик) и театраль- ный деятель.

Пчилка Олена (*Косач* Ольга Петровна; 1849—1930) — украин- ская писательница, мать Леси Украинки, сестра М. П. Драгоманова.

... о предводителе опришков... — Опришки — участники пов- станческих отрядов, боровшихся против крепостников.

«Ой, что в поле дымом вьется» — стихотворение И. Франко; на- писано 23 июня 1880 года, вошло в сборник «Из вершин и низин».

...песне «Вечный революционер»... — Имеется в виду «Гимн», на- чинающийся этими словами. Написан в 1880 году, вошел в сборник «Из вершин и низин».

¹ «Діло», Львів, 6 августа 1926 года.

МИХАИЛ МИКИША

ОН БЫЛ СЛУГОЙ НАРОДА

Стр. 300—306

Печатается по первой публикации в журнале «Жовтень», № 9 1956.

Микиша Михаил Венедиктович (род. в 1885 г.) — украинский артист (певец, с 1923 по 1930 — солист Государственного Академического Большого театра СССР).

Саксаганский (Тобилевич Афанасий Карпович, 1859—1940) — выдающийся украинский артист и театральный деятель, с 1936 года — народный артист СССР.

Перетц Владимир Николаевич (1870—1935) — ученый-филолог, историк русской и украинской литературы, русского и украинского театра

КИРИЛЛ СТУДИНСКИЙ

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

Стр. 307—309

Печатается по первой публикации в газете «Советская Украина», Киев, 25 апреля 1941 года.

Студинский Кирилл Иосифович (1868—1942) — ученый-филолог, литературовед и историк литературы, профессор Львовского университета, с 1929 года — действительный член Академии наук Украинской ССР. В 1939 году — председатель Народного собрания Западной Украины, с 1940 года — депутат Верховного Совета УССР.

ОСИПА ЗАКЛИНСКАЯ

СЛУШАЯ «МОИСЕЯ»

Стр. 310

Печатается по первой публикации в журнале «Жовтень», № 6, Львов, 1956

Заклинская Осипа — жена Богдана Заклинского (1886—1941), фольклориста, приятеля Ивана Франко

Я К И М Я Р Е М А

ВСТРЕЧА В ТЕРНОПОЛЕ

Стр. 311—312

Печатается по первой публикации в журнале «Жовтень», № 6, Львов, 1956

Ярема Яким Якимович (1884—1964) — учитель, после 1939 года — литературовед, научный сотрудник АН УССР, автор ряда работ о поэтическом творчестве Ивана Франко.

В Л А Д И М И Р Г А Д З И Н С К И Й

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНЕ ФРАНКО

Стр. 313—315

Печатается по первой публикации в журнале «Плужанин», №№ 4—5, Харьков, 1926.

Гадзинский Владимир Антонович (1888—1932) — украинский советский писатель. До 1918 года жил во Львове.

М И Х А И Л Р У Д Н И Ц К И Й

ИВАН ФРАНКО

Стр. 316—365

Печатается по рукописи, подготовленной автором для нашего издания. Перевод авторизован.

Рудницкий Михаил Иванович (род. в 1889 г.) — ученый-филолог, литературовед и историк украинской литературы, в настоящее время — профессор, заведующий кафедрой украинской литературы во Львовском университете. Воспоминания М. Рудницкого об Иване Франко печатались во многих газетах и журналах, а также в книге: М. Рудницкий, Письменники зблизька, Львов, 1958 (кн. 1-я).

Кульчицкий Людвик (1866—1941) — польский социолог и публицист, один из основателей так называемого «Первого пролетариата» (1882—1886) — первой революционной социалистической партии в Польше, основатель «Второго Пролетариата» (1887—1892) — партии, тяготевшей преимущественно к террористическим методам борьбы.

«Дорога». — Имеется в виду сборник новелл Василя Стефаника «Дорога. Новелі», Українсько-руська видавничка спілка, Львов, 1901.

... мы сохраним в основном ваше правописание... — Герои в новеллах Василя Стефаника говорят на так называемом «покутском» диалекте.

Панас Мирный — псевдоним Афанасия Ивановича Рудченко (1849—1920), выдающегося украинского писателя революционно-демократического направления, классика украинской художественной прозы.

Стороженко Олекса Петрович (1805—1874) — украинский писатель.

Пачовский Василий Николаевич (1878—1942) — украинский поэт, входил в литературное объединение «Молода муза».

Твердохлеб Сидор Антонович (1886—1922) — украинский поэт, входил в литературное объединение «Молода муза».

Совинский Леонард (1831—1887) — польский поэт и драматург, известный переводчик произведений Т. Шевченко на польский язык (перевел поэмы «Гайдамаки», «Наймичка», «Княжна» и много лирических стихотворений).

Прус Болеслав (1847—1912) — псевдоним Александра Гловацко-го. Известный польский писатель и публицист. Иван Франко посвятил анализу его произведений большую статью «Польский крестьянин в освещении польской литературы» (1887).

Ожешко Элиза (1842—1910) — польская писательница, участница освободительного восстания 1863—1864 годов. Иван Франко находился с ней в переписке и высоко ценил ее творчество.

Конопницкая Мария (1842—1910) — польская поэтесса. Анализ и оценку ее творчества Иван Франко дал в статье «Мария Конопницкая» (1902).

ЛЮДВИК КУБА

КАК Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С ИВАНОМ ФРАНКО

Стр. 366—368

Печатается в переводе с чешского языка по изданию «Z dejin ceskoslovensko-ukrajinskych vzťahov», Братислава, 1957.

Куба Людвик (1863—1957) — чешский художник, этнограф, музыковед и писатель, доктор философии, действительный член Чешской Академии наук и искусств, автор книги «Славянство в своих песнях». Воспоминания написаны 1 января 1956 года.

Краледворская рукопись — чешская рукопись якобы XIII века, «найденная» в 1817 году Вацлавом Ганкой (1791—1864). В действительности — талантливая литературная подделка, вероятно, самого Ганки. Опубликование ее сыграло большую роль в подъеме национального самосознания чехов.

Боровский Карел Гавличек (1821—1856) — выдающийся чешский поэт-сатирик и публицист, деятель чешского национально-освободи-

тельного движения. Избранные стихотворения Гавличка Ђоровского вышли в переводе Франко в 1901 году. Стихам был предпослан критико-биографический очерк об их авторе, написанный Иваном Франко.

Неруда Ян (1834—1891) — выдающийся чешский писатель и публицист. И. Франко перевел несколько стихотворений Я. Неруды.

Брож Рудольф — чешский писатель.

ФРАНТИШЕК ГЛАВАЧЕК

МОЙ УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Стр. 369—373

Печатается с сокращениями по первой украинской публикации в журнале «Жовтень», № 9, Львов, 1956.

Главачек Франтишек — чешский общественный деятель и ученый-этнограф, переводчик произведений Ивана Франко на чешский язык.

МИХАИЛ ЛОЗИНСКИЙ

ПОХОРОНЫ

Стр. 377—379

Печатается по изданию: М. Лозинський, Иван Франко, Вена, 1917. Для публикации в нашем сборнике взят только один, заключительный, раздел этой брошюры.

Лозинский Михаил (1880— ?). — О своих отношениях с Иваном Франко автор пишет (в той же брошюре): «В последние годы перед болезнью Франко мы были настолько близки, что часто говорили о личных делах» (стр. 49).

«Украинские сечевые стрельцы» — украинские воинские соединения в австро-венгерской армии в период первой империалистической войны.

АГАФАНГЕЛ КРЫМСКИЙ

ОН С НАМИ!

Стр. 380—382

Печатается по первой публикации в газете «Советская Украина», Киев, 25 апреля 1941 года.

Крымский Агафангел Ефимович (1871—1941) — выдающийся украинский ученый-востоковед и славист, после 1917 года — действительный член АН УССР.

И М Е Н Н О Й У К А З А Т Е Л Ь

- Адлер** Виктор (1852—1918), австрийский общественный деятель — 147, 149.
- Аликаевский В.**, заведующий делом производством Главного управления по делам печати — 183.
- Алчевская** Христя (1882—1931), украинская поэтесса — 206.
- Альбрант**, подруга Ольги Федоровны Франко — 105, 106.
- Альтенберг** Петер (1859—1919), австрийский писатель — 148.
- Андреев** Леонид Николаевич (1871—1919), русский писатель — 362.
- д'Аннунцио** Габриэль (1863—1938), итальянский писатель — 363.
- Антонович**, попечитель — 99.
- Антонович** Владимир (см. комментарии) — 124, 405.
- Антонович** Ник., депутат австрийского парламента — 34, 39.
- Аполлон** (миф.) — 91.
- Апулей** Люций (ок. 135 — ок. 180) — 165, 413.
- Атенаида** (ок. 400—460), греческая поэтесса — 165.
- Бадени** Казимир (см. комментарии) — 8, 126, 131, 147, 150, 194, 195, 198, 270, 394, 406, 410, 415.
- Бадинский** Владимир — 313.
- Байрон** Джордж Ноэль Гордон (1788—1824) — 81, 149, 343.
- Бакунин** Михаил Александрович (1814—1876) — 49, 174, 395.
- Балабан**, врач, лечивший Ивана Франко — 262, 287.
- Балабан**, священник — 200.
- Бальзак** Оноре де (1799—1850) — 317.
- Бандрицкий** Карло (см. комментарии) — 27, 264, 291, 292, 385.
- Барвинский** Александр (см. комментарии) — 124, 125, 131, 195, 200, 405, 407, 416.
- Барвинский** Василий (1888—1963), композитор — 378.
- Баревич**, учитель греческого языка — 35.
- Батуев**, издатель газеты «Вятский край» — 180.
- Бачинский** — 35.
- Бачинский** Владимир, учитель украинского языка — 35.
- Бачинский** Левко (1872—1930), адвокат — 54.
- Бачинский** Юлиан (род. в 1870 г.), общественный деятель — 212.
- Бебель** Август (1840—1913) — 187.
- Беднарский** Кирилл, директор типографии — 159, 178, 207.
- Белей** Иван (1856—1921), журналист, издатель журнала «Світ» — 43, 45, 47, 49, 51, 86, 241.
- Белецкая** Мария (см. комментарии) — 14, 73, 397.
- Белинский** Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 50, 357.
- 28 И Франко в воспомин. современ.

- Белоус* Михаил (род. в 1838 г.), издатель — 41.
- Бельтов* Н. (см. Плеханов Георгий Валентинович).
- Беме* Маргарита, немецкая писательница — 363.
- Беранже* Пьер-Жан (1780—1857) — 381.
- Беренштам* В. Л. (см. комментарии) — 104, 401.
- Беренштейн* Эдуард (1850—1932) — 187.
- Бетховен* Людвиг ван (1770—1827) — 230.
- Бигелайзен* Генрик (см. комментарии) — 10, 11, 20, 139, 285, 291, 409.
- Билинская* Ольга, сестра Марии Белецкой — 74, 78, 398.
- Бирчак*, священник — 260.
- Бирчак* Владимир (род. в 1881 г.), западноукраинский писатель и педагог — 227.
- Бисмарк* Отто (1815—1898) — 202.
- Бобжинский*, профессор — 407, 408.
- Бодек*, владелец антикварного магазина — 326.
- Бонч-Бруевич* В. Д. (см. комментарии) — 20, 23, 169, 178, 183, 184, 413.
- Борковский* Александр (см. комментарии) — 112, 156, 403.
- Бороевский* Карел Гавличек (см. комментарии) — 368, 430, 431.
- Бортнянский* Дмитрий (см. комментарии) — 230, 231, 422.
- Бохенская* Евгения, учительница — 288.
- Брандес* Георг (1842—1927), датский литературный критик — 391.
- Брож* Рудольф (см. комментарии) — 368, 431.
- Брюкнер* Александр (см. комментарии) — 146, 307, 410.
- Будзиновский* Вячеслав (см. комментарии) — 113, 161, 404.
- Бурачинская* — 246.
- Бюхнер* Фридрих Карл Христиан (1824—1899), немецкий физиолог — 48.
- Вагилевич* Михаил, член «Академического кружка» — 42.
- Вагнер* Рихард (1813—1883) — 229, 230.
- Вандмаер* — 243.
- Ванновский* Петр (1822—1904), военный министр, затем министр просвещения царского правительства.
- Василевский* Зигмунт (род. в 1862 г.), польский публицист — 168, 173, 208.
- Василевский* Леон (1871—1936), польский публицист — 208.
- Вахнянин* Иван — 46.
- Величина* В. М. — 170, 171.
- Величко* Григорий (1863—1932), географ — 115, 241.
- Величко* Еронима (урожд. Озаркевич), сестра Наталии Кобринской — 46, 65, 66, 68, 69, 71, 72.
- Величковская* Оряся — 379.
- Венгеров* Семен Афанасьевич (1855—1920), историк литературы, библиограф — 358.
- Венцлевский* — 391.
- Верниволя* Василий (В. Симович) — 143, 409.
- Верхратский* Иван (см. комментарии) — 31, 32, 39, 40, 120, 256, 387.
- Винновский*, учитель латыни — 35.
- Винчи* Леонардо да (1452—1519) — 229, 275.
- Вислицкий* Адам (1836—1913), польский публицист — 111.
- Вислоух* Болеслав (см. комментарии) — 51, 140, 142, 323, 356, 377, 395.
- Витковицкая* — 398.
- Витык* Семен (род. в 1870 г.), общественный деятель — 243.
- Вишенский* Иван (конец XVI — начало XVII вв.), украинский писатель — 8, 222.
- Вишневский* Дмитрий (род. в 1871 г.), украинский историк — 242.
- Вовк* Федор (Волков Федор Кондратьевич, см. комментарии) — 135, 207, 209, 408.
- Вовчок* Марко (Мария Александровна Вилинская, 1834—1907; по мужу — *Маркович*) — 31, 60, 284, 332, 334, 426, 427.
- Возняк* Михаил (1881—1954), литературовед — 396, 400.
- Володин* — 379.
- Волянский* Олекса (1862—1941), священник — 200, 256, 279, 425.
- Вольф* — 147.

- Высянский* Станислав (1869 — 1907), польский поэт — 211.
- Глвч*, министр просвещения — 126.
- Гадзинский* Владимир (см. комментарий) — 22, 313, 429.
- Галина* (Эйнерлиг Глафира Адольфовна, род. в 1873 г.), русская поэтесса — 186.
- Галущинский*, священник — 21.
- Гаморак* О. — 411.
- Гапка* Ваулав, чешский писатель — 430.
- Ганкевич* Климентий (см. комментарий) — 113, 404.
- Ганкевич* Николай (см. комментарий) — 209, 379, 419.
- Гарматий* Лука (см. комментарий) — 241, 423.
- Гармитий* Гриц, председатель «Академической громады» — 200, 423.
- Гебенде*, учитель польского языка — 35.
- Гейне* Генрих (1797—1856) — 50, 60, 301.
- Геккель* Эрнст (1834—1919) — 48.
- Гельбих* К., доктор медицины — 372.
- Гермерлинг*, учитель немецкого языка — 33.
- Георгий* Валентинович (см. Плеханов Георгий Валентинович).
- Гераклит* (ок. 530—470 до н. э.) — 157.
- Герасимович* Гиляр — 54, 55.
- Герцен* Александр Иванович (1812—1870) — 174, 308.
- Гете* Иоганн Вольфганг (1749—1832)—10, 41, 150, 164, 381, 383, 389.
- Главачек* Франтишек (см. комментарий) — 20, 22, 369, 431.
- Глинка* Михаил Иванович (1804—1857) — 231.
- Гнатюк* Владимир (см. комментарий) — 6, 9, 20, 132—134, 136, 137, 159—161, 196, 200, 203, 205, 238, 256, 276, 283—285, 287—289, 291, 292, 370, 371, 412.
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852) — 296.
- Голечек* Йозеф (1853—1929), чешский писатель — 366.
- Голубев*, публицист-народник — 180.
- Гомер* — 109.
- Гонкуры* Эдмон (1822—1896) и Жюль (1830—1870) — 13.
- Горбаль* Кость — 46.
- Горбачевский* Антон (род. в 1856 г.), общественный деятель — 43.
- Горбунов-Посадов* Иван Иванович (см. комментарий) — 181, 414.
- Гордиевич* Е., учитель гимназии — 82.
- Горниский*, учитель гимназии — 34.
- Городецкий* Сергей Митрофанович (род. в 1884 г.) — 80.
- Горький* Максим (Пешков Алексей Максимович, 1868—1936) — 16, 17, 186, 187, 220, 247, 286, 414, 424.
- Грабович* Илларион (см. комментарий) — 400.
- Грабовский* Павел Арсеньевич (1864—1902), украинский поэт-революционер — 9.
- Гриневичева* Катря (см. комментарий) — 255, 425.
- Гринченко* Борис Дмитриевич (см. комментарий) — 279, 369, 426.
- Громницкий*, директор гимназии — 316.
- Грушевский* Михаил Сергеевич (см. комментарий) — 16, 21, 123, 124, 130, 156, 161, 194, 198—201, 205, 209, 236, 250, 261, 262, 273—275, 279, 280, 284, 290, 313, 405, 408, 419.
- Грушкевич*, учитель польского языка — 33, 39, 109.
- Гузар* Лев, нотариальный кандидат — 46.
- Гулак-Артемовский* Я. П. — 300.
- Гусев-Оренбургский* (псевдоним Гусева С. И., род. в 1867 г.) — 186.
- Гучинский*, столяр — 387.
- Данилович* Северин (см. комментарий) — 48, 395.
- Данте* Алигьери (1265—1321) — 81.
- Дашинский* Игнатий (см. комментарий), польский общественный деятель — 51, 235, 236, 395, 422.
- Дашкевич* Николай (1852—1908), профессор Киевского университета — 124, 173, 179, 212.
- Деген* Мария Викторовна, сестра С. В. Дегена — 114, 115.
- Деген* Наталья Викторовна, сестра С. В. Дегена — 114, 115.

- Деген* Сергей Викторович (см. комментарий) — 68, 114, 115, 396.
- Дементьев* — 183.
- Дергало* Михаил (см. комментарий) — 243, 256, 258, 261, 424, 425.
- Державин* Гавриил Романович (1743—1816) — 113.
- Дзвонковская* Юзефина, учительница — 13.
- Дидошак* Василий — член «Академического кружка» — 43.
- Диккенс* Чарльз (1812—1870) — 391.
- Добролюбов* Николай Александрович (1836—1861) — 308.
- Довбуш* Олекса (см. комментарий) — 256, 257, 278, 295, 425.
- Доде* Альфонс (1840—1897) — 126, 130.
- Дольницкий* Антон (род. в 1853 г.), член «Академического кружка» — 42—44, 47.
- Доманицкий* Василий (1877—1910), редактор первого критически подготовленного издания «Кобзаря» Шевченко — 138.
- Дорошенко* В. (род. в 1879 г.) — 21.
- Драгоманов* Михаил Петрович (см. комментарий) — 13, 20, 40, 44, 51—55, 61, 68, 99, 101, 140, 172, 174, 180, 198, 199, 255, 369, 371, 389—392, 395, 404, 407, 414, 427.
- Дубовик* Андрей, новостундист — 176.
- Дузе* Элеонора (1859—1924), итальянская актриса — 363.
- Думка* Павло. (см. комментарий) — 241, 254, 423.
- Дыгасинский* Адольф (см. комментарий) — 114, 404.
- Дюма* Александр (Дюма-отец, 1802—1870) — 319.
- Дюринг* Евгений (1833—1921) — 183.
- Дятлов* Петр, переводчик поэмы И. Франко «Моисей» — 424.
- Екатерина II* (1729—1796) — 113.
- Глиннек* Эдуард — 366.
- Елисей* Киприянович Трегубов (см. комментарий) — 99, 101, 102, 107, 401.
- Железнов* Владимир (1869—1933), профессор Московского университета — 212.
- Желеховский* Евгений (1844—1885), учитель гимназии — 120.
- Житецкий* Игнат Павлович (см. комментарий) — 102, 103, 107, 401.
- Житецкий* Павел Игнатьевич (см. комментарий) — 102, 107, 401.
- Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852) — 113.
- Завадович*, учитель, секретарь Ивана Франко — 136—137.
- Загайкевич* Владимир (род. в 1876 г.), адвокат — 147.
- Заклинская* Екатерина — 121.
- Заклинская* Осипа (см. комментарий) — 22, 310, 428.
- Заклинский* Богдан (род. в 1886 г.), педагог, муж Осипы Заклинской — 310, 428.
- Заклинский* Леонид (1850—1902), член «Академического кружка» — 43.
- Залесский*, издатель — 227.
- Залесский*, студент — 51.
- Залесский* Юзеф Богдан (см. комментарий) — 32, 387.
- Засулич* Вера Ивановна (1849—1919) — 186.
- Зволянский*, директор департамента полиции — 186.
- Зибер* Николай (1841—1888), экономист — 183.
- Зингер* (1844—1911), профессор Венского университета — 147, 149.
- Зих*, бургомистр Львова — 29.
- Золя* Эмиль (1840—1902) — 13, 50, 60, 224, 391.
- Зрудловский* Ф., профессор Львовского университета — 391.
- Зулейка* (псевдоним Климентины Попович) — 89.
- Игель*, владелец антикварного магазина — 326.
- Игнатович* В. В. (см. комментарий) — 102, 401.
- Икар* (миф.) — 144.
- Ильин* (псевдоним В. И. Ленина).
- Ильницкий* Василь (см. комментарий) — 110, 402.
- Ильницкий* Лука, владелец книжного магазина — 104.

- Калина* Антон (1846—1908), профессор — 129, 130.
- Калитовский* Емельян (см. комментарии) — 42, 110, 403.
- Каменский* (псевдоним Георгия Валентиновича Плеханова).
- Кант* Иммануил (1724—1804) — 48.
- Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826) — 113.
- Карачевская* Ю. — 73.
- Карманский* Пстр (см. комментарии) — 17, 225, 339, 342, 421.
- Карпенко-Карый* (псевдоним Ивана Карповича Тобилевича, 1845—1904) — 263.
- Каспрович* Ян (см. комментарии) — 20, 23, 115, 152, 285, 318, 350, 352—354, 356, 361, 362, 377, 404, 427.
- Квасница*, служащий — 160.
- Кессарийский* Василий, епископ — 385.
- Киричинский* Емельян, врач — 99.
- Киричинский* С. — 102.
- Кирчив* Богдан (1856—1903), священник — 241.
- Кистяковский* Богдан Александрович (см. комментарии) — 106, 115, 402.
- Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1804), немецкий писатель — 33.
- Ключко-Франко* Анна Ивановна (см. комментарии) — 265, 426.
- Кобрин*, адвокат — 259.
- Кобринская* Наталья (см. комментарии) — 13, 46, 66—71, 95, 97, 115, 200, 238, 396.
- Кобринский* — 255.
- Кобылиця* Лукьян (см. комментарии) — 136, 137, 408.
- Кобылянская* Ольга (см. комментарии) — 20, 68, 69, 134, 223, 238, 282, 422.
- Козловский* (род. в 1878 г.), общественный деятель, редактор — 243.
- Колеса* Александр (1867—1945), профессор украинского языка и литературы Львовского университета — 115, 125, 129—131, 345, 356, 357, 378.
- Колеса* Филарет (1871—1947), ученый-фольклорист — 233.
- Колодий* Марьян — 21, 374.
- Колумб* Христофор (1446—1506) — 144.
- Коль* Иоганн (1808—1879), немецкий географ — 183.
- Конисский* Александр Яковлевич (1836—1900), писатель, публицист — 66, 99.
- Конопницкая* Мария (см. комментарии) — 86, 351, 430.
- Конт* Огюст (1798—1857), французский философ — 48.
- Коренец*, крестьянин — 256, 258, 425.
- Кориневич* Михаил (см. комментарии) — 36, 388.
- Короленко* Владимир Галактионович (1853—1921) — 17.
- Корпак*, бондарь — 386.
- Кос* Андрей (см. комментарии) — 49, 66, 396.
- Косач* Петр Антонович (см. комментарии) — 104, 106, 401.
- Костомаров* Николай Иванович (см. комментарии) — 109, 402.
- Котляревский* Иван Петрович (1769—1838) — 131, 133, 155, 198, 212, 297, 298, 412.
- Коцюковский* Владимир (см. комментарии) — 73, 76, 241, 255, 397, 425.
- Коцюбинский* Михаил Михайлович (1864—1913) — 9, 19, 134, 136—138, 246, 269, 279, 285, 286, 310, 332, 388.
- Кошицкая* — 387.
- Кравченко* Ульяна (см. комментарии) — 13—15, 20, 79, 84, 87, 90, 398—400.
- Красицкий* Фотий, художник, племянник Тараса Шевченко — 134.
- Кракковский* Игнат (1883—1951), ученый-востоковед — 102.
- Крашевский* Иосиф Игнатий (см. комментарии) — 39, 319, 329, 389.
- Кривош*, служащий министерства внутренних дел — 179.
- Крушельницкая* Саломея (см. комментарии) — 204, 243, 424.
- Крушельницкий*, преподаватель закона божьего — 28.
- Крылов* Иван Андреевич (1769—1844) — 244, 253.
- Крымский* Агафангел Ефимович (см. комментарии) — 13, 20, 155, 197, 380, 400, 431.
- Куба* Людвик (см. комментарии) — 22, 366, 430.
- Кузив*, священник — 114, 115.
- Кузьма* Ляхоцкий (псевдоним

- А. М. Ляхощкого, 1853—1918) — 172, 173, 179.
- Куллиш* Пателеймон Александрович (см. комментарии) — 40, 284, 389, 426.
- Кульчицкая* Мария (1832—1872), мать Ивана Франко — 27.
- Кульчицкий* — 96.
- Кульчицкий* Людвик (см. комментарии) — 318, 429.
- Купловский*, доктор — 46.
- Курин* Александр Иванович (1870—1938) — 362.
- Курилович*, учитель украинского языка — 31, 39.
- Куровский*, директор гимназии — 32.
- Лакуста* Святослав (род. в 1884 г.), педагог, публицист — 256.
- Ланская* (псевдоним русской писательницы Н. В. Яковлевой) — 13.
- Лассаль* Фердинанд (1825—1864) — 49, 391.
- Левинская* — 289, 290.
- Левицкая* Стефания, технический секретарь «Літературно-наукового вістника» — 159.
- Левицкий* В., поэт — 227.
- Левицкий* Владимир (см. Лукич Василий).
- Левицкий* Евгений (1870—1925), публицист, общественный деятель — 55, 57.
- Левицкий* Кость (см. комментарии) — 283, 313, 426.
- Лего* Ян (1833—1906), чешский писатель — 366.
- Ленау* Николаус (1802—1850) — 87.
- Ленин* Владимир Ильич (1870—1924) — 185, 186, 189—191, 308, 389, 410, 414, 420.
- Лепкий* Богдан (1872—1941), поэт — 227.
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841) — 60, 253, 343.
- Либельт* Кароль (1807—1875), польский общественный деятель, эстетик — 168.
- Лилиен* Едвард — 141.
- Лимановский* Болеслав (род. в 1835 г.), польский социалист — 51, 395.
- Лиске*, профессор истории Львовского университета — 391.
- Лозинский* Михаил (см. комментарии) — 22, 143, 377, 378, 409, 431.
- Ломброзо* Чезаре (см. комментарии) — 150, 411.
- Лопатинский* Лев (1868—1914), западноукраинский актер и писатель — 115.
- Лопе* де Вега Карпыо (1562—1635) — 319.
- Лопушанский* Емельян — 399.
- Лукич* Василий (см. комментарии) — 42, 43, 97, 167, 241, 389, 390.
- Лукьянович* Денис (см. комментарии) — 8, 20, 22, 118, 405.
- Луцкий* Остап (1883—1940), поэт — 227.
- Луцаковский* Кость (1846—1912), педагог — 126.
- Луцицкий* (1845—1918), профессор-историк — 212.
- Лысенко* Николай Витальевич (1842—1912) — 100, 230, 231, 253, 294 — 304, 427.
- Лысенко* Ольга Антоновна, жена Николая Витальевича Лысенко — 294.
- Лысенко* Остап (см. комментарии) — 22, 294, 427.
- Людкевич* Станислав (см. комментарии) — 20, 201, 229, 285, 303, 421, 422.
- Люегер* Карл (1844—1910), австрийский общественный деятель — 147.
- Ляйхнер* Игнат, студент — 147.
- Маевский* — 115.
- Маковой* Осип (см. комментарии) — 9, 15, 20, 95, 109, 132, 133, 156, 202, 322, 323, 396, 400—402, 404, 408.
- Малиновский* Аникий Алексеевич (род. в 1868 г.), ученый-историк — 102.
- Марисюк* — 243.
- Мария* Сильвестровна, жена М. С. Грушевского — 205.
- Маркович* Афанасий, муж Марко Вовчок — 426.
- Маркс* Карл (1818—1883) — 7, 49, 50, 52, 183, 301, 395, 409.
- Мартов* Ю. (псевдоним Цедербаума Юлия, 1873—1923) — 189, 190.
- Мартович* Лесь (1871—1916), писатель — 54, 135, 286, 287, 319, 322, 324, 421.
- Маршинский* Аполлинарий (1865—1929), педагог, общественный деятель — 115.

- Масляк Владимир (см. комментарии) — 110, 250, 400.
- Махар Иосиф Сватоплук (1864—1942), чешский поэт — 370, 372.
- Мелько, учитель чистописания — 27, 28, 385.
- Менгер Карл (1840—1921), профессор Венского университета — 147.
- Метерлинк Морис (1862—1949) — 98.
- Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — 275.
- Микиша Михаил (см. комментарии) — 20, 22, 300, 428.
- Милль Джон Стюарт (1806—1873), английский философ-экономист — 49.
- Мирный Панас (см. комментарии) — 110, 334, 430.
- Мирон (псевдоним Ивана Франко) — 92, 93.
- Митчук-Вилюк Проць, крестьянин — 133, 134, 136, 138, 256, 257, 425.
- Мицкевич Адам (1798—1855) — 10, 125, 141—143, 146, 150, 152, 153, 229, 268, 343, 351, 372, 409.
- Михонский, учитель математики — 32, 33.
- Могильницкий Андроник — 147—150.
- Мольер Жан-Батист (1622—1673) — 167.
- Монюшко Станислав (1819—1872), польский композитор — 230, 231.
- Мордовцев Д. — 394.
- Мочульский Михаил (см. комментарии) — 23, 192, 195, 290, 415, 418, 419.
- Мриц, учитель гимназии — 162, 163.
- Муравьев, министр — 186.
- Муринов В. Я. (род. в 1863 г.), сотрудник журнала «Жизнь» — 186.
- Навроцкий Владимир (1847—1882), публицист — 49.
- Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — 253.
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 113.
- Науменко Владимир Павлович (см. комментарии) — 100, 104, 401.
- Наумович Иван (1826—1891), общественный деятель, писатель — 38.
- Невистюк, врач — 310.
- Недельский Софрон (1857—1917), педагог, филолог — 120.
- Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — 178, 381.
- Нементовский — 255.
- Неруда Ян (см. комментарии) — 368, 431.
- Нечуй-Левицкий Иван Семенович (1838—1918), писатель — 60.
- Николай I Романов (1796—1855) — 170.
- Николай II Романов (1868—1918) — 169, 170.
- Николай — он (псевдоним Даниельсона Н. Ф., 1844—1918) — 183.
- Нимирович, учитель гимназии — 29.
- Новаковский Степан (род. в 1863 г.), крестьянин — 200, 241, 423.
- Новицкий, начальник охранки — 103.
- Новицкий Измаил Орестович — 104, 106.
- Новосельский — 30.
- Носковский, сотник — 378.
- Овидий Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.) — 165.
- Овчарский, врач — 374.
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 174.
- Огоновский Емельян (см. комментарии) — 112, 122, 124, 125, 391, 403.
- Огоновский Николая — 120.
- Ожешко Элиза (см. комментарии) — 351, 430.
- Озаркевич Владимир, брат Н. Кобринской, муж О. Рошкевич — 13, 15, 64, 396.
- Озаркевич Евгений (1861—1916), врач, общественный деятель — 46, 65, 396.
- Озаркевич Иван (1826—1903), священник — 46.
- Озаркевич Лонгин, доктор — 46, 69, 71.
- Озеров Владислав Александрович (1768—1816), русский писатель, драматург — 113.
- Окуневский Теофил (род. в 1858 г.), депутат украинской радикальной партии в венском парламенте — 55, 66, 69, 70, 373.
- Олесницкий Евгений (см. комментарии) — 49, 50, 87, 399.

- Олеськов* Иосиф (см. комментарии)—49, 60, 62, 63, 65, 192, 241, 396.
- Ольховский* Владимир (см. В. Д. Бонч-Бруевич).
- Орехов* М. Д. — 421.
- Осадцы* Михаил (см. комментарии) — 83, 399.
- Оссолинский* Юзеф Максимилиан — 424.
- Остапчук* Яков (род. в 1873 г.) — 201, 241.
- Охорович* Юлиан (1850—1917), доцент философии Львовского университета — 48.
- Охримович*, священник — 40.
- Охримович* Владимир (1870—1931), адвокат, доктор философии — 44, 193, 205.
- Охримович* Клима, член «Академического кружка» — 42.
- Охримович* Ксенофонт, учитель гимназии — 39, 109.
- Охримович* Юлиан — 44.
- Павлин* Андрей — 43.
- Павлык* Анна Ивановна (1855—1928), общественный деятель, сестра Павлыка М. И. — 54, 135, 393.
- Павлык* Михаил Иванович (см. комментарии) — 9, 42—45, 47, 51, 53—57, 61, 68, 89, 115, 118, 120, 123—126, 131, 132, 135, 155, 161, 173—175, 179, 190, 193, 197—200, 241, 242, 256, 370, 371, 389, 390, 395, 405, 406, 414, 423.
- Панькевич* Юлиан (род. в 1863 г.), художник — 204, 243, 251, 261.
- Париляк* Р., учитель польского языка — 33.
- Партицкий* Емельян (см. комментарии) — 82, 89, 202, 400.
- Пасечник* М. — 147.
- Пачовский* Василий Николаевич (см. комментарии) — 322, 339, 342, 430.
- Перец* Владимир Михайлович (см. комментарии) — 306, 428.
- Пернерсторфер* Энгельберт (1850—1918), австрийский общественный деятель — 147.
- Петрушевич* Антон (1821—1913), филолог, этнограф — 160.
- Печезак* — 256.
- Пидлусский*, доктор медицины — 46.
- Ріх* (псевдоним Ивана Франко) — 223.
- Пилат* Роман (1846—1906), профессор Львовского университета — 130.
- Пильтц* Эразм (1851—1929), польский журналист — 141.
- Пининский* Лев, граф, наместник Галиции — 198.
- Пифагор* (ок. 580—500 до н. э.), математик, философ — 82.
- Платон* (ок. 428 — ок. 340 до н. э.) — 362.
- Плеханов* Георгий Валентинович (1856—1918) — 170—174, 178, 186, 189, 414.
- Плутарх* (46—126) — 165.
- Победоносцев* К. П. (1829—1907), министр — 186.
- Подолинский* С. — 414.
- Полонецкий* Б. (1866—1944), издатель — 144, 208, 317, 318.
- Полянский* Василий — 60, 62, 63.
- Попель*, священник — 259, 261.
- Поплавский* Ян (1854—1908), польский публицист — 141.
- Попова* О. Н. (ум. в 1907 г.), издательница — 181—184.
- Попович* Клементина (см. комментарии) — 13—15, 89, 90, 92, 113, 399, 400.
- Поссе* Владимир Александрович (см. комментарии) — 187—188, 414.
- Потоцкий*, граф — 366.
- Прудон* Пьер Жозеф (1809—1865) — 49, 140, 409.
- Прус* Болеслав (см. комментарии) — 351, 430.
- Пузына*, профессор Львовского университета — 128.
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799—1837) — 17, 112, 244, 253, 359, 360, 388.
- Пчилка* Елена (см. комментарии) — 294, 300, 427.
- Пишибышевский* Станислав (см. комментарии) — 163, 321, 360—362, 413.
- Раздольская* Ольга (см. комментарии) — 283, 426, 427.
- Раздольский* Осип (см. комментарии) — 283, 426.

- Райхтер* Иосиф, гимназист — 386.
- Райхтер* Филипп, старший брат Иосифа Райхтера — 386.
- Рафаэль* Санти (1483—1520) — 275.
- Реймонт* Владислав (см. комментарий) — 94, 400.
- Рескин* Джон (1819—1900), английский критик, публицист — 363.
- Ржегож* Франтишек (см. комментарий) — 95, 366, 367, 400.
- Ржепецкий* Антон, профессор — 124.
- Рикардо* Давид (1772—1823), английский экономист — 49.
- Ритгнер*, министр просвещения — 408.
- Рожанский* Игнат (см. комментарий) — 110, 130, 403.
- Розвадовский*, польский дворянин — 69.
- Романчук* Юлиан (1842—1932), общественный деятель — 11, 154, 200, 408, 416.
- Ротальский* Василий — 379.
- Рошкевич* Богдан, брат Михайлины Рошкевич — 58.
- Рошкевич* Михайлина (см. комментарий) — 14, 58, 396, 397.
- Рошкевич* Ольга, сестра Михайлины Рошкевич — 13—15, 64, 66, 71, 396.
- Рошкевич* Ярослав, брат Михайлины Рошкевич — 44, 58.
- Руоакин* Николай Александрович (1862—1946), библиограф — 183.
- Руданский* Степан Васильевич (1834—1873), поэт — 47.
- Рудницкий* Михаил (см. комментарий) — 20, 22, 23, 316, 429.
- Руссо* Жан-Жак (1712—1778) — 117.
- Рябко* Павел (1848—1926), общественный деятель — 243.
- Садовский* Николай, священник — 21.
- Саксаганский* (см. комментарий) — 301, 428.
- Салтыков* (Щедрин) Михаил Евграфович, 1826—1889) — 50.
- Саноцкий* Иван — 147.
- Салега* Адам, князь — 125, 131.
- Свентоховский* Александр (В. Оконский, 1849—1938) — 141.
- Сельский* Юлиан (Семигиневский), судебный адъюнкт — 46.
- Сембратович* Роман (см. комментарий) — 147, 148, 410.
- Сембратович* Сильвестр (1836—1896), профессор догматики Львовского университета, львовский митрополит — 44, 45.
- Семенов* Михаил Николаевич, сельский учитель — 183.
- Сергей* Александрович Романов (1857—1905), великий князь, московский генерал-губернатор — 170.
- Сикора*, учитель рисования и гимнастики — 31.
- Сипягин* Д. С. (1853—1902), министр — 186.
- Сичинский* Денис (1865—1909), композитор — 233.
- Скородинский* Андрей (1850—1912), общественный деятель — 115.
- Скоропыс-Елтуховский* Александр (род. в 1880 г.) — 263.
- Словацкий* Юлиуш (см. комментарий) — 143, 351, 409.
- Смаль-Стоцкий* (1859—1938), профессор Черновицкого университета — 131.
- Смегана* Бедржих (1824—1884), чешский композитор — 231.
- Смиг* Адам (1723—1790), английский экономист — 150.
- Совинский* Леснард (см. комментарий) — 351, 430.
- Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — 245.
- Соловьев* М., начальник Главного управления по делам печати — 183.
- Софокл* (496—406 до н. э.) — 109, 222.
- Спасович* Владимир, адвокат — 141.
- Спенсер* Герберт (1820—1903) — 48.
- Стапинский* Ян (род. в 1867 г.), польский общественный деятель — 377.
- Старицкий* Михаил Петрович (см. комментарий) — 294, 299, 427.
- Старосольский* Кось, начальник суда — 46.
- Стафф* Леопольд (1878—1957), польский поэт — 353, 354.
- Степняк-Кравчинский* Сергей Михайлович (С. М. Кравчинский, 1851—1895) — 176.
- Стефаник* Василь (см. комментарий) — 10, 20, 23, 54, 151, 161,

238; 244, 283, 286, 322, 324, 328—338, 344, 361, 411, 429.
Стороженко Олекса Петрович (1805—1874), украинский писатель — 334, 430.
Стриндберге Август (1849—1912), шведский писатель — 362.
Струмнская — 398.
Студинский Кирилл Иосифович (см. комментарий) — 20, 307, 345, 356, 357, 428.
Сукенников П. (см. комментарий) — 22, 214, 420.
Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934), издатель — 182.

Тан-Богораз Владимир Германович (1865—1936), этнограф, лингвист, писатель — 186.

Тарчанин — 30.

Твердохлиб Сидор Антонович (см. комментарий) — 339, 379, 430.

Телесницкий, учитель — 28, 29, 385.

Терлацкий Остап (см. комментарий) — 9, 27, 66, 68, 121, 152, 198, 241, 385, 396.

Тигерман Исаак, гимназист — 387.

Тигерманова — 151.

Тишивницкий, крестьянин — 425.

Тобилевич Юрий, сын драматурга И. Тобилевича (Карпенко-Карого) — 242, 425.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — 181, 391.

Торонский Алексей, преподаватель катехизиса — 31, 39, 386.

Тоужимский Иоеф Якуб (1848—1903), чешский журналист — 366.

Трегубов (см. комментарий) — 242, 424, 425.

Трегубов С. И., священник — 102, 103.

Трегубова Антонина (см. комментарий) — 14, 99, 401.

Третьяк (1841—1923), профессор украинской и польской литературы Краковского университета — 130.

Трилевский Кирилл (см. комментарий) — 113, 378, 404.

Труш Иван (см. комментарий) — 20, 155, 158, 197, 204, 227, 234, 243, 255, 261, 284, 292, 422.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 60, 398.

Турчинский Юлиан (1839—1913), учитель польского языка — 32.

Уайльд Оскар (1854—1900) — 363.

Украинка Леся (псевдоним Косач Ларисы Петровны, 1871—1913) — 9, 134, 229, 261, 269, 294, 299, 301, 402, 421, 427

Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — 115.

Устианович Корнило, художник, поэт-драматург — 158.

Устианович Леонтий, бургомистр — 79.

Устианович Николай (см. комментарий) — 79, 398.

Федорович Владислав (см. комментарий) — 202, 418, 419.

Федорович Иван Федорович — 419

Федорцев Федь (1889—1930), публицист — 379.

Федюшка Николай (Николай Евшан, 1859—1919), критик — 243.

Федькович Осип Юрий (см. комментарий) — 79, 257, 398.

Фоле Шарль — 222.

Франко Андрей Иванович, см. Ивана Франко — 67, 105, 119, 240, 250, 256, 259, 272, 280, 288, 289, 308, 316.

Франко Анна Ивановна (см. комментарий) — 259, 426.

Франко Гринь, директор музея — 243.

Франко Захарий, брат Ивана Франко — 260, 268.

Франко Ольга (урожд. Хорунжинская), жена Ивана Франко — 99—108, 111, 119, 120, 124, 129, 178, 204, 238, 242, 245, 252, 284, 294, 401.

Франко Онуфрий, брат Ивана Франко — 260, 268, 279.

Франко Петр Иванович (см. комментарий) — 152, 254, 263, 265, 425.

Франко Тарас Иванович (см. комментарий) — 22, 67, 106, 240, 250, 262, 280, 316, 423.

Фрейтаг Густав (1816—1895), немецкий писатель — 168.

Хоткевич Гнат (см. комментарий) — 20, 284, 426.

- Цегельский* Лонгин (род. в 1875 г.) — 198.
- Цеглинский* Григорий (см. комментари) — 118, 405.
- Челпанов* Георгий (род. в 1862 г.) профессор — 212.
- Черемшина* Марко (см. комментарий) — 20, 23, 147, 286, 322, 410, 411.
- Черкавский* Евсей (1822—1896), профессор философии Львовского университета — 48, 391.
- Черны* Адольф — 372.
- Чернышевский* Николай Гаврилович (1828—1889) — 14, 49, 60, 308, 388, 396.
- Черняк*, староста — 35.
- Чертков* А. К. — 175.
- Чертков* В. Г. (1854—1936) — 175.
- Чиглярж*, профессор — 148, 149
- Чикаленко* Евгений Харлампович (см. комментарий) — 107, 263, 402.
- Шалда* Ф. К. — 371.
- Шараневич* Исидор (1829—1901), профессор Львовского университета — 127, 130.
- Шевченко* Митрофан (см. комментарий) — 243, 424.
- Шевченко* Тарас Григорьевич (1814—1861) — 18, 32, 40, 47, 59, 86, 100, 104, 112, 118, 120, 122—125, 129, 132—138, 155—157, 161, 172—174, 178, 190, 194, 197, 199, 200, 202—204, 206, 208, 210, 211, 222, 223, 225—227, 229, 231, 236, 248, 264, 273, 274, 276, 281, 284, 288, 302, 314, 320, 321, 327, 333, 343, 345, 351, 360, 377, 378, 385, 396, 397, 402, 408, 412, 413, 415, 416, 425, 430.
- Шевченко* Трофим — 425.
- Шекерик-Доников* Петр (род. в 1889) — 291.
- Шекспир* Вильям (1564—1616) — 109, 149, 150, 333, 359, 386, 409.
- Шенерер* — 147.
- Шиллер* Антон, гимназист — 387.
- Шиллер* Фридрих (1759—1805) — 41, 109, 386.
- Шишков* Александр Семенович (1754—1841) — 113.
- Шкарван*, военный врач — 179.
- Шмигельский* Андрей (1866—1921), крестьянин — 241.
- Шнайдер*, владелец кафе — 203, 321, 360.
- Шнайдер* Юлия (см. Кравченко Ульяна).
- Шницлер* Артур (1862—1931) — 148
- Штерганин*, учитель гимназии — 28.
- Шугмаер* — 147, 148.
- Шухевич* Ася, студентка — 347, 348
- Шухевич* Владимир (см. комментарий) — 101, 286, 401.
- Шухевич* Германа (род. в 1852 г.), жена Владимира Шухевича — 291.
- Щепановский* Станислав (1847—1900), польский критик — 55, 235, 236.
- Щербатской* Федор Ипполитович (см. комментарий) — 20, 116, 404
- Щурат* Василий (см. комментарий) — 12, 21, 166, 206, 208, 318, 413, 427.
- Эзон* (VI—V вв. до н. э.) — 160.
- Эмерсон* Ральф (1803—1882) — 363.
- Энгельс* Фридрих (1820—1895) — 7, 52, 183, 414.
- Эсхил* (525—456 до н. э.) — 362.
- Юркевич* — 39.
- Юрчикевич*, актер — 31.
- Ягич* Ватрослав (см. комментарий) — 125, 131, 405.
- Якибюк-Ивандюк* Анна, жена Василия Якибюка-Ивандюка — 136.
- Якибюк-Ивандюк* Василий, крестьянин — 134, 136, 138, 256, 257, 425.
- Якибюк-Ивандюк* Николай, сын Василия Якибюка-Ивандюка — 135.
- Ярема* Яким (см. комментарий) — 22, 311, 429.
- Яросевич* Роман (1862—1938), общественный деятель — 57, 373.
- Ярошевский* Богдан (см. комментарий) — 209, 419.
- Яцкив* Михаил (см. комментарий) — 157, 322, 412.
- Яцковский* — 29.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- И. Франко. Портрет художника З. Павлюка. 1893 г.
- И. Франко — ученик третьего класса Дрогобычской гимназии.
Фото 1870 г.
- И. Франко с товарищами по гимназии: И. Погорецким (слева)
и Я. Рошкевичем.
- И. Франко с женой О. Хорунжинской. Фото 1886 г.
- И. Франко и О. Кобылянская. Фото 1898 г.
- И. Франко с семьей. Фото 1904 г.
- И. Франко, М. Коцюбинский (слева) и В. Гнатюк. Фото 1905 г.
- И. Франко с учителем Загайкевичем в Криворивне. 1913 г.
- И. Франко. Фото 1913 г.
- Памятник на могиле И. Франко во Львове.
- Памятник И. Франко во Львове.
- Литературно-мемориальный музей И. Франко во Львове.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>М. Пархоменко. Иван Франко</i>	5
<i>Карло Бандрицкий. Воспоминания о Франко-школьнике¹. Перевод А. Марусича</i>	27
<i>Михаил Кориневич. Воспоминания об Иване Франко — ученике гимназии. Перевод М. Пархоменко</i>	36
<i>Василь Лукич. Воспоминания об Иване Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	42
<i>Северин Данилович. Франко — духовный отец радикальной партии в Галиции. Перевод М. Пархоменко</i>	48
<i>Михайлина Рошкевич (Иванец). Воспоминания об Иване Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	58
<i>Мария Белецкая. Эпизод из жизни Ивана Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	73
<i>Ульяна Кравченко. Искренний друг и учитель. Перевод М. Пархоменко</i>	79
<i>Клементина Попович. Воспоминания об Иване Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	89
<i>Антонина Трегубова. Кое-что из жизни Ольги Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	99
<i>Осип Маковой. Из дневника. Перевод А. Марусича</i>	109
<i>Федор Щербатской. Встречи *</i>	116
<i>Денис Лукьянович. Мои встречи с И. Франко. Перевод А. Марусича</i>	118

¹ Воспоминания, отмеченные звездочкой написаны по-русски.

Генрик Бигеляйзен. Мои воспоминания об Иване Франко. Перевод А. Марусича	130
Марко Черемшина. Фрагмент моих воспоминаний об Иване Франко. Перевод А. Марусича	147
Василь Стефаник. Из «Автобиографии». Перевод А. Марусича	151
Владимир Гнатюк. О юбилее И. Франко в 1898 году. Перевод А. Марусича	153
Михайл Яцков. Мои встречи с Каменяром. Перевод М. Пархоменко	157
Василий Щурат. Как творил Франко. Перевод М. Пархоменко	166
В. Д. Бонч-Бруевич. Моя переписка с Иваном Франко * . . .	169
Михаил Мочульский. Из последних десятилетий жизни Ивана Франко. Перевод М. Пархоменко	192
Богдан Ярошевский. Неиспользованное сокровище. Перевод М. Пархоменко	209
Петр Сукенников. У Ивана Франко *	214
Петро Карманский. Украинский Моисей. Перевод М. Пархоменко	225
Станислав Людкевич. Иван Франко и музыка. Перевод А. Марусича	229
Иван Труш. Одна из черт Ивана Франко. Перевод А. Марусича	234
Ольга Кобылянская. Пророчество *	238
Тарас Франко. Мои воспоминания об отце. Перевод М. Пархоменко	240
Петр Франко. Иван Франко вблизи. Перевод А. Марусича	254
Анна Ключко-Франко. Воспоминания об отце. Перевод М. Пархоменко	265
Ольга Раздольская. Из последних лет жизни Ивана Франко. Перевод М. Пархоменко	283
Остап Лысенко. Их сблизила любовь к народу. Перевод М. Пархоменко	294
Михаил Микиша. Он был слугой народа. Перевод А. Марусича	300
Кирилл Студинский. Поэт-гражданин *	307
Осипа Заклинская. Слушая «Моисея». Перевод А. Марусича	310
Яким Ярема. Встречи в Тернополе. Перевод А. Марусича . .	311
Владимир Гадзинский. Мои воспоминания об Иване Франко. Перевод М. Пархоменко	313

<i>Михаил Рудницкий. Иван Франко. Перевод А. Марусича . . .</i>	<i>316</i>
<i>Людвик Куба. Как я познакомился с Иваном Франко. Перевод М. Пархоменко</i>	<i>366</i>
<i>Франтишек Главачек. Мой учитель и друг. Перевод М. Пархо- менко</i>	<i>369</i>
<i>Марьян Колодий. Последние минуты Ивана Франко. Перевод А. Марусича</i>	<i>374</i>
<i>Михаил Лозинский. Похороны. Перевод М. Пархоменко . . .</i>	<i>377</i>
<i>Агафангел Крымский. Он с нами*</i>	<i>380</i>
<i>Комментарии</i>	<i>385</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>433</i>
<i>Список иллюстраций</i>	<i>444</i>

ИВАН ФРАНКО
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ

Редактор *Ю. Розенблом*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *М. Позднякова*
Корректор *Т. Лукьянова*

Сдано в набор 2/III 1966 г.
Подписано к печати 4/VII 1966 г.
Бумага типографская № 1 84 × 108¹/₃₂
14 печ. л. = 23,5 усл. печ. л. 22,7
уч. изд. л. + 12 вклеек = 23,3 л.
Тираж 30 000. Заказ 145. Цена 1 р. 01 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Экспериментальная типография
ВНИИПП Комитета
по печати при Совете
Министров СССР
Москва, И-51, Цветной бульвар, 30

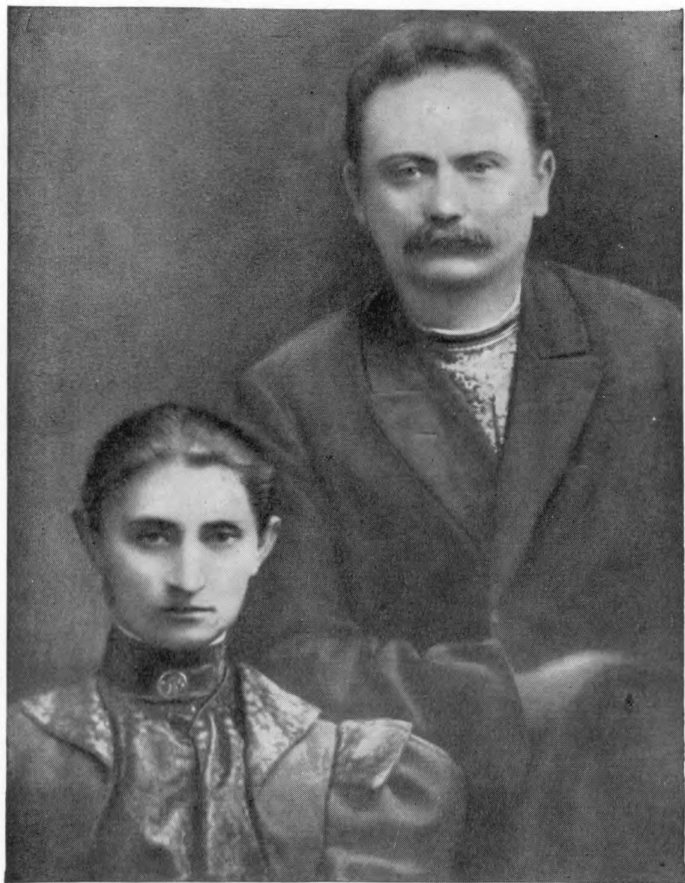
И. Франко — ученик третьего класса Дрогобычской гимназии
Фото 1870 г.

И. Франко с товарищами по гимназии: И. Погорецким (слева)
и Я. Рошкевичем.

И. Франко с женой О. Хорунжинской. Фото 1886 г.

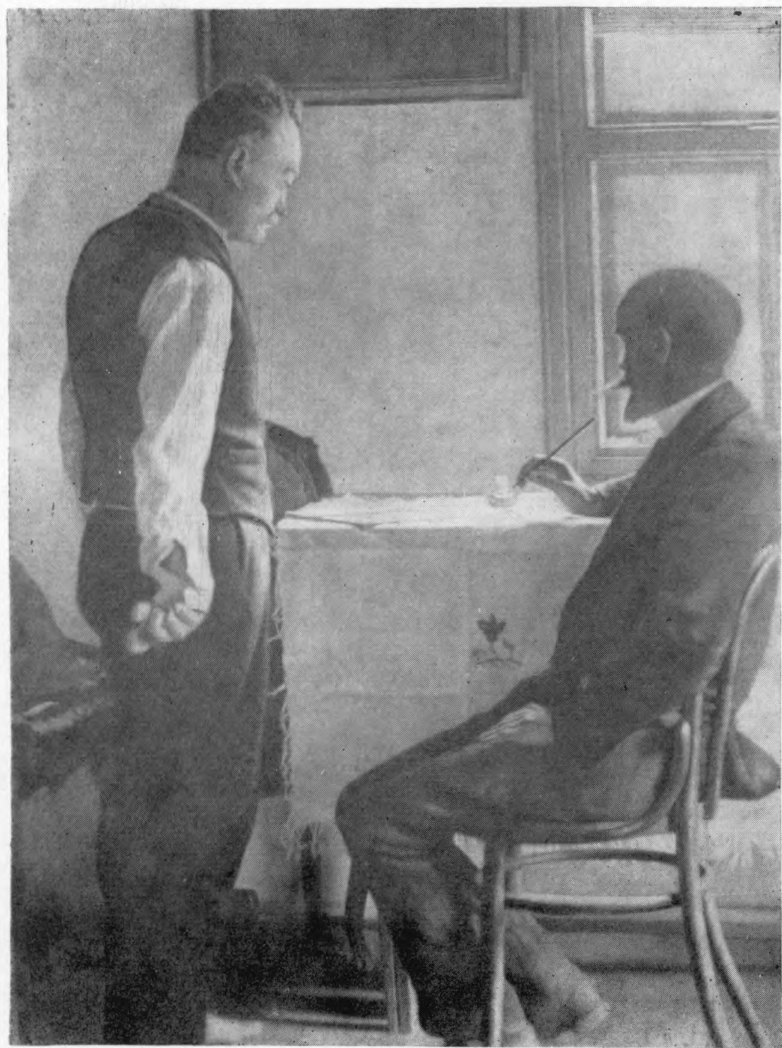
И. Франко и О. Кобылянская. Фото 1898 г.

И. Франко с семьей. Фото 1904 г.

И. Франко,
М. Коцюбинский (слева) и В. Гнатюк.
Фото 1905 г.

И. Франко с учителем Загайкевичем в Криворивне. 1913 г.

И. Франко. Фото 1913 г.

Памятник на могиле И. Франко во Львове.

Памятник И. Франко во Львове.

Литературно-мемориальный музей И. Франко во Львове.